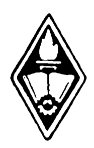
РЕДАКТИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКТИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКТИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Под редакцией профессора
Н. М. Сикорского

Допущено
Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика»

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1973

002
Р33

Р 33 **Редактирование** отдельных видов литературы. Под ред. Н. М. Сикорского. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика». М., «Высш. школа», 1973.
336 с.

В учебнике излагаются научные основы редакторского анализа и методики редактирования различных видов литературы.

Учебник состоит из трех частей. В первой дается характеристика основных видов и типов литературы, а также видов изданий. Типологические задачи решаются здесь с применением к конкретным условиям редакционно-издательской практики и основаны на достижениях книговедения. Вторая часть раскрывает особенности редактирования массово-политической, научно-популярной, справочно-энциклопедической, учебной литературы. Третья часть посвящена работе редактора над художественной литературой как современной, так и классической. Завершается учебник главой, освещающей вопросы рецензирования в издательстве.

Р $\frac{0610-400}{001(01)-73}$ БЗ 14—29—73 002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теория и практика редактирования — область книговедения и самостоятельная научная дисциплина — в настоящее время преподается в высших учебных заведениях, готовящих кадры по специальности «журналистика», на факультетах повышения квалификации редакционно-издательских работников и работников служб научно-технической информации. В 1971 г. издательством «Высшая школа» выпущена книга «Теория и практика редактирования» (автор Н. М. Сикорский), в которой освещены методологические вопросы редактирования, задачи и содержание редакторского анализа и общие положения методики редактирования.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой развитие и конкретизацию положений общего редактирования в применении к отдельным видам литературы.

В книге можно выделить три основных направления.

В первой главе дается характеристика видов и типов литературы, а также видов изданий. Типологические вопросы решаются здесь в применении к конкретным задачам редакционно-издательской практики и основываются на достижениях самых различных книговедческих дисциплин. Во второй — шестой главах раскрываются особенности редакторского анализа и методики редактирования наиболее распространенных видов нехудожественной литературы — массово-политической, производственной, научно-популярной, справочно-энциклопедической и литературы учебной. Главы эти не отличаются единством построения и круга рассматриваемых вопросов, что объясняется своеобразием предмета каждого вида литературы. Седьмая и восьмая главы посвящены редактированию художественной литературы как современной, так и классической. И наконец, завершается книга главой, посвященной рецензированию в издательстве. Глубокое осмысление рецензирования возможно только на базе основательного изучения принципов редакторского анализа в применении к отдельным видам литературы, и именно это определило место данного раздела как заключительного.

Работа подготовлена кафедрой книговедения и редактирования Московского полиграфического института и отвечает программе, принятой в соответствующих учебных заведениях. Авторами

отдельных глав и разделов являются: доцент В. И. Безъязычный (глава восьмая); старший преподаватель Л. Н. Кастрюлина (главы первая и вторая); доцент Э. А. Лазаревич и доцент Е. С. Лихтенштейн (глава четвертая); доцент Б. Г. Тяпкин (глава шестая); профессор М. В. Урнов (раздел третий главы седьмой и глава девятая); доцент Е. В. Шлюпер (разделы первый, второй и четвертый главы седьмой); кандидат филологических наук Ю. Е. Шмушкис (глава пятая); доцент Н. Е. Юдин (глава третья). В работе использован материал, подготовленный профессором С. М. Брейтбургом (глава седьмая, раздел четвертый).

Книга предназначена в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по специальности «журналистика». Она может быть полезна также редакционно-издательским работникам и сотрудникам редакционно-издательских отделов служб научно-технической информации, занимающимся повышением своей квалификации.

Глава первая

ВИДЫ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ТИПОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РЕДАКТИРОВАНИЯ

Среди разнообразных знаний, лежащих в основе редакционно-издательской практики, одно из центральных мест принадлежит типологии литературы — разделу науки, изучающему принципы систематизации литературных произведений, исследующему признаки, которые можно положить в основу группировки или классификации литературы, ее разделения на виды и жанры.

Типология литературы для теории и практики редактирования имеет методологическое значение. Современная литература чрезвычайно многообразна. Перед теорией редактирования отдельных ее видов стоят две основные задачи, тесно между собой связанные. Первая заключается в разработке научно обоснованной методики редакторского анализа произведений различного характера. Вторая — в отборе, упорядочении и уточнении тех критериев, которые должен использовать редактор при оценке рукописи. Ни одна из этих задач не может быть решена без использования выводов типологии литературы.

Точная характеристика тех материалов, которые представил автор, является одной из главных целей редакторского анализа как метода изучения произведений. Но что считать наиболее существенным в массово-политической или научно-популярной, учебной или справочной, производственно-технической или художественной литературе? На чем сосредоточить внимание при чтении рукописи? Иными словами, каковы основные направления редакторского анализа произведений, относящихся к различным видам литературы, какова его методика?

Ответы на эти вопросы и призвана в первую очередь дать типология литературы, которая выявляет устойчивые, необходимые, «типологические» признаки, присущие произведениям того или иного рода творчества, исследует их своеобразные сочетания.

Такие системы типологических признаков, в которых проявляется специфика целой большой группы произведений, объединенных понятием «вид литературы», могли бы служить редактору надежным ориентиром в его практической деятельности.

Каждое литературное произведение представляет собой диалектическое единство общего, повторяющегося, и особенного, своеобразного, оно не поддается «механическому равнению, нивелированию»[1]. Уникальные, неповторимые черты авторской индивидуальности становятся отчетливо заметными только на фоне общих для всего данного вида литературы характеристик.

Одним из самых ответственных моментов в редакторской деятельности является оценка рукописи. Мерой, которой следует измерять реальную ценность произведения, должны быть строгие научные знания. Большое значение имеют также интуиция, вкус, практический опыт редактора, так называемый здравый смысл. Однако только интуиция не может служить основой для поиска правильных решений. Надо ли, например, использовать критерий художественности при оценке агитационной или научно-популярной литературы, поскольку в произведениях такого рода довольно часто встречаются художественно-образные элементы? Одинаковым ли по своему содержанию и объему является критерий научности, когда им пользуются для оценки научно-информационной, учебной, научно-популярной, пропагандистской литературы? Если существуют различия, то чем они обусловлены? Целесообразно ли применять критерий точности к теоретическому содержанию научно-популярного произведения, а если не целесообразно, то почему? Ни на один из этих вопросов не может дать ответ здравый смысл. Только знание специфики различных видов литературы, выявленной средствами теоретического анализа, помогает понять, почему произведения, сходные в каком-то отношении, тем не менее по-разному оцениваются опытными редакторами.

Научная оценка рукописи предполагает не только обоснованный отбор критериев, но и их систематизацию. Теоретические критерии должны обладать всеми особенностями научных знаний: они должны быть глубокими, максимально точными, обоснованными и упорядоченными. Редактор всегда определяет ценность рукописи, исходя из целого ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных требований. Невозможно, например, установить содержание критерия научности научно-популярной литературы, если рассматривать его в отрыве от критерия доступности или воспитательной ценности этой литературы. Систематизация критериев также производится на основе типологии литературы.

Анализ опыта выдающихся мыслителей, писателей и общественных деятелей, жизнь которых так или иначе была связана с издательским делом, убеждает нас в том, что «типологический» подход к восприятию и оценке рукописи или книги был характерным методом их редакторской и рецензентской практики. Особенно это заметно, когда знакомишься с отзывами, написанными одним и тем же рецензентом на произведения, принадлежащие к различным видам литературы.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 12, с. 101.

Например, рецензируя книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки», В. И. Ленин учитывает специфические особенности учебной литературы. Если внимательно изучить данную В. И. Лениным характеристику сочинения А. Богданова, становится ясно, что все замечания тесно связаны с представлением об учебнике как о кратком руководстве, призванном «дать основные понятия по излагаемому предмету и указать, в каком направлении следует изучать его подробнее и почему важно такое изучение»[1].

В учебнике наука излагается как некое целостное образование (а не как набор разрозненных сведений о том или ином объекте) и должна иметь четко определенный предмет, который, во-первых, ограничивает область применимости понятий, законов и теорий данной науки, а во-вторых, в значительной степени диктует и последовательность изложения теоретического материала, помогающего упорядочить и объяснить огромную массу фактов.

Именно на этих моментах (на определении предмета в книге А. Богданова, на принципах систематизации теоретических выводов и способах их связи с конкретными фактами) и сосредоточено внимание рецензента. Метод изложения, избранный автором (научная строгость, подчеркивание самых существенных черт освещаемых явлений, обоснованные повторения, конспективность) оценивается в связи с назначением и возможностями учебника: дать человеку, начинающему изучать науку, самые основные ее понятия, указать пути для самостоятельной работы, возбудить у него интерес к знаниям, объясняющим важнейшие вопросы общественной жизни.

И в оценке языка этого произведения В. И. Ленин исходит из особенностей учебника, который не может быть не чем иным, как только конспектом. Высказывая пожелания внести в текст некоторые исправления, В. И. Ленин обосновывает их тем, что «в конспекте отдельные фразы и даже отдельные слова имеют несравненно более важное значение, чем в обстоятельном и подробном изложении»[2].

Совсем на другом акцентировал внимание В. И. Ленин при оценке журнала «Свобода», который издавался в 1901—1902 гг. группой революционеров-социалистов и предназначался широким массам трудового народа. Материалы этого издания рассматривались В. И. Лениным в краткой заметке «О журнале «Свобода» с позиций самых прогрессивных представлений о критериях подлинной ценности популярной литературы.

Резкой критике подвергся не только язык статей, пестрящий псевдонародными словечками вроде *ихний*, но и сам подход авторов к разработке темы в популярной литературе. Подлинная

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 4, с. 40.
[2] Там же.

популяризация с ее отчетливо выраженной социально-педагогической направленностью должна не загружать память читателя готовыми и к тому же упрощенными выводами, а руководить развитием личности. Выполнение этой задачи требует от автора не только высокой речевой культуры, но и особого подхода к разработке научной темы [1].

В 1913 г. молодой литератор В. М. Каспаров написал для теоретического большевистского журнала «Просвещение» статью по национальному вопросу. В письме автору В. И. Ленин отметил, что тема «взята хорошо и разработана верно,— но недостаточно литературно отделана» [2]. Примечательно, что В. И. Ленин критиковал автора именно за несоответствие литературного оформления (формы изложения) статьи ее содержанию («Есть много чересчур — как бы это сказать? —«агитации», не подходящей к статье по *теоретическому* вопросу» [3]).

Думается, что приведенные примеры с достаточной убедительностью показывают обусловленность оценочных характеристик произведения спецификой того вида литературы, к которому оно принадлежит.

Все это свидетельствует также о том, что единых, общих требований, предъявляемых к литературе в целом, бывает далеко не достаточно для определения подлинной общественной ценности данной книги. Однако нельзя и противопоставлять методику редакторского анализа и критерии оценки рукописей, выработанные общей теорией редактирования, тем рекомендациям, которые вытекают из теории редактирования отдельных видов литературы. Последние конкретизируют, уточняют и дополняют выводы общей теории редактирования, приближают ее к литературной практике, взятой во всей ее сложности.

Что же может служить основанием для разделения литературы на отдельные виды? По каким признакам можно производить ее группировку?

Вопросы эти чрезвычайно сложны. Их систематическое изучение началось сравнительно недавно. Причем изучение это ведется под разными углами зрения с учетом потребностей различных областей книговедения и книжного дела и иногда на довольно ограниченном материале (отдельные виды литературы в большинстве случаев исследуются изолированно; для сопоставительного же анализа берутся, как правило, художественная и научная, за последнее время к ним прибавилась публицистическая, литература).

Именно поэтому ответы на вопрос, что же в литературных произведениях является наиболее существенным и повторяющимся, позволяющим объединить их в одну группу,— даются далеко не однозначные.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 5, с. 358—359.
[2] Там же, т. 48, с. 197.
[3] Там же.

2. ПРИНЦИПЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Вначале типология литературы привлекала прежде всего внимание литературоведов. Однако исторически литературоведение сложилось как наука, изучающая закономерности словесно-художественного творчества. Учение же о различных видах нехудожественной литературы стало развиваться именно в связи с практическими потребностями издательского дела, журналистики и книгораспространения. К разработке проблем типологии литературы подключились библиографы, историки книги, теоретики публицистики, художники-оформители печатной продукции. Это привело, с одной стороны, к существенному расширению и углублению знаний о литературе, обогатило методы ее изучения, а с другой — породило обилие терминов-синонимов и смешение далеко не одинаковых понятий.

Так, подчас совершенно неоправданно, отождествляются такие понятия, как вид литературы, тип книги, вид и тип издания. В действительности эти понятия либо относятся к разным объектам, либо отражают один и тот же объект, но в разных аспектах. И употребление их в одинаковом смысле допустимо лишь в обиходе, когда не требуется точных характеристик, или в тех случаях, когда различия, скажем, между литературным произведением и книгой (как одной из возможных его форм) не играют существенной роли.

Остановимся на содержании каждого из этих терминов.

Литературное произведение может воплотиться в разные виды печатной продукции (книгу, газету, журнал, брошюру и т. д.) или вовсе не быть напечатанным (сейчас, как известно, значительная часть узкоспециальных произведений научной литературы не публикуется полностью, а лишь аннотируется или реферируется; полный же текст передается на хранение — депонирование — в информационный центр, откуда заинтересованное лицо может затребовать копию [1]).

Термином «издание» могут обозначаться лишь опубликованные литературные произведения, причем не обязательно в форме книг (хотя в современном книговедении он закрепился преимущественно за книгами).

Издания могут быть различных видов: однотомники, сборники, многотомники и т. д. Однако в зависимости от целевого назначения издания, определяющего методы и задачи редакционной подготовки текста (например, научно-текстологическая обработка или простая перепечатка) и характер издательского оформления (содержание и структура справочного аппарата), различается несколько типов издания: научные, научно-популярные, массовые и т. д. Таким образом, несколько художественных произведений (вид литературы), объединенных в сборник (вид

---

[1] Подробнее об этом см.: Лихтенштейн Е. С. Как повысить эффективность научных публикаций. — «Наука и жизнь», 1971, № 11.

издания), снабженные вступительной статьей, комментариями и примечаниями, помогающими читателю понять особенности творчества авторов и научную трактовку этого творчества, превращаются, к примеру, в научно-популярное издание (тип издания).

Между видом литературы, видом печатной продукции, видом и типом издания существует взаимная связь, причем связь сложная и в большинстве случаев не прямая. Характер произведения в какой-то степени может предопределять тип его издания, а вид печатной продукции или издания, для которого заказывается литературное произведение, значительно влияет на творчество автора: об одном и том же он по-разному напишет для газеты или журнала, для серии брошюр или настольного календаря. Приступая к выпуску газеты «Искра» и журнала «Заря», В. И. Ленин в проекте редакционного заявления писал: «Что касается до распределения намеченных нами тем и вопросов между журналом и газетой, то это распределение будет определяться исключительно различиями в объеме этих изданий, а также различиями в их характере: журнал должен служить преимущественно пропаганде, газета преимущественно агитации» [1].

Термином «литература» обозначают совокупность словесных произведений, имеющих не узколичное, а общественное значение.

Литература неоднородна. Существует несколько подходов к ее классификации.

Одним из самых распространенных и устойчивых принципов классификации литературы в течение длительного времени был отраслевой. Классификация литературы жестко связывалась с классификацией наук. Литература при этом рассматривалась прежде всего как средство закрепления, фиксации знаний. Эта точка зрения нашла отчетливое выражение в «Словаре книговедческих терминов» (1958), где понятие нехудожественной литературы определяется как «совокупность произведений письменности эпохи, народа или разных стран *по всем или отдельным отраслям знания*; например, в выражении «Химическая литература XVIII в.» (выделено мною. — *Л. К.*).

В этом и других, близких к нему, определениях проявляется односторонне информационный подход к литературному творчеству. Здесь литературное произведение воспринимается по существу лишь как документ — материальный носитель информации, знаний о явлениях и закономерностях объективного мира, закрепленных в определенной знаковой системе. Классифицируя литературу по отраслям науки, мы полностью отвлекаемся от других факторов, очень существенно влияющих на структуру содержания, стиль, язык произведения, от многих конкретных особенностей текста.

Отраслевой подход к разделению литературы на виды и сейчас широко используется в информационной деятельности и в некоторых сферах книговедения и книжного дела (например, в ста-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 4, с. 328.

тистике печати, в библиографии; он положен в основу типизации советских издательств). Десятичная классификация — одна из ведущих схем упорядочения литературы в наше время — исходит именно из принадлежности произведений к определенной отрасли знания, хотя художественная и детская литература явно не «вписываются» в эту схему.

Однако отраслевой принцип нельзя абсолютизировать, как это делалось в 20-е годы, когда некоторые книговеды считали, что единственным непреходящим признаком распределения литературных произведений по группам является «содержание», под которым подразумевалась отрасль знания, освещаемая в книге; другие подходы к ее характеристике (например, по целевому назначению или читательской установке) считались менее существенными.

Например, на Втором Всероссийском библиографическом съезде в 1926 г. утверждалось, что автор «никогда не пишет для определенной группы читателей, он хочет, чтобы его книгу читало как можно больше народу»[1]. Согласно этой точке зрения, читательский адрес литературы нельзя рассматривать как нечто существенное для самого произведения, для автора. Его должен устанавливать библиотекарь. Именно он должен решать, где и как та или иная книга может быть использована.

Наряду с отраслевым издавна наметился еще один подход к разделению литературы на виды. В качестве отправного момента при характеристике литературы принимается ее гносеологическая, познавательная сущность. Литература рассматривается как отражение объективной действительности, что является выражением материалистического мировоззрения.

В качестве основного типологического признака вида литературы представители этого направления выделяют форму, в которой она отражает жизнь. Согласно этой точке зрения существуют два вида словесного творчества — художественное и научное. Научная литература — это отражение действительности в строгих логических формах: понятиях, суждениях и умозаключениях. Художественная литература — это отражение той же действительности, но в образах.

Эта концепция нашла наиболее глубокое и детальное развитие в работах по теории художественной литературы, служа исходной предпосылкой для изучения ее специфики.

Однако подход к систематизации литературных произведений, основанный на различении двух основных форм отражения действительности — образной и понятийной,— явно недостаточен, если рассматривать литературную практику во всем ее разнообразии. В частности, развитие журналистики потребовало осмысления публицистического творчества, которое выступает как особая сфера социального познания и общения. Классификация

---

[1] Боровский А. А. Классификация печатных произведений по социальному назначению. — В кн.: Труды Второго Всероссийского библиографического съезда. М., 1929, с. 97.

литературы оказалась дополненной публицистикой — специфическим видом литературы, который занимает свое место между литературой научной и художественной как «третий род произведений словесного творчества»[1]. Согласно этой концепции публицистика имеет свой предмет отражения, выполняет строго определенную функцию в жизни общества, пользуется особыми методами познания, не совпадающими полностью ни с научными, ни с художественными.

В своей конкретной части эта теория весьма плодотворна, она глубоко и точно объясняет многие стороны публицистического творчества. Но она не позволяет описать все действительное многообразие литературы. Научно-популярная литература рассматривается как разновидность научной, а произведения научно-художественные, научно-публицистические и «даже научно-художественно-публицистические» представляются лишь как комбинированное использование возможностей всех трех родов литературы»[2].

Эта теория не учитывает, что с развитием и усложнением производства и всей общественной жизни не только существенно расширяется круг жизненных явлений, непосредственно отражаемых литературой, и происходит дифференциация форм этого отражения, но и возникает дифференциация форм и целей человеческого общения, также оказывающая влияние на литературу. На литературу, как на одно из важнейших средств социальной коммуникации, сейчас «возлагается обязанность» не только прямого познания объективной действительности, но и переработки того мыслительного материала, который уже накоплен обществом, для того чтобы включить его в новом, иногда сильно модифицированном виде, в другие сферы общения.

Например, обучение давно уже осознается как колоссальной важности самостоятельная область социального общения. Основная цель обучения — передать новому поколению в довольно ограниченные сроки обобщенный опыт, накопленный человечеством. Обучение понимается как руководство усвоением большой группой людей строго определенных знаний, навыков и умений. Усвоить — значит не только понять учебный материал, но и запомнить его, а также уметь использовать при решении мыслительных и практических задач. К тому же в любом обществе обучение носит воспитывающий характер: оно преследует цель — сформировать личность определенного типа, с такими взглядами на жизнь и такими ценностными ориентациями, которые соответствуют идеалам этого общества. Причем передача знаний и формирование личности слиты в обучении в единое, органическое, практически нерасчленимое целое.

Литература, которая создается для целей воспитывающего обучения, не только тщательно отбирает и систематизирует знания, но и излагает их особыми методами. Содержание, структура,

---

[1] Черепахов М. С. Проблемы теории публицистики. М., 1971, с. 13.
[2] Там же.

форма учебного текста настолько специфичны, что едва ли его можно назвать «комбинацией возможностей научного, художественного и публицистического творчества».

Под влиянием внутренних закономерностей развития науки и практических потребностей общества совсем недавно выделилась в самостоятельную сферу социального общения научно-информационная деятельность, которая вызвала к жизни и особый вид литературы — научно-информационный (совокупность вторичных документов, в которых содержатся сведения о содержании и месте хранения той или иной информации).

Неправомерно рассматривать и научно-популярную литературу только как доступно изложенные результаты научных открытий и изобретений. Более правы теоретики популяризации, которые ратуют за то, чтобы изложение научного материала в научно-популярной книге было подчинено не столько информационным, сколько воспитательным целям. Причем, следует добавить, таким целям, которых средствами других видов литературы добиться трудно.

И сто лет назад научно-популярная книга рассматривалась передовыми деятелями культуры как средство развития личности. Но эпоха научно-технического прогресса, постоянное и все более быстрое обновление техники, изменение характера труда в сочетании с гуманистическими идеалами нашего, социалистического, общества заставляют ставить как практическую задачу дня социально-педагогические проблемы формирования творческой, гармонической личности в неизмеримо более широких масштабах.

XXIV съезд КПСС еще раз подчеркнул, что формирование нового человека — одна из главных задач партии в деле построения коммунизма.

Уметь самостоятельно мыслить, испытывать потребность в постоянном обновлении своих знаний и обладать способностями для реализации этой потребности, правильно осознавать свое отношение к природе и людям — вот далеко не полный перечень качеств, которые должна формировать у каждого человека современная научно-популярная литература.

Не вписывается в жесткую схему, предложенную теорией публицистики, и производственно-техническая литература для массового читателя. В производственной инструкции или памятке, например, в большинстве случаев нет ни научных знаний в той форме, в которой они выступают в современной науке, ни художественных образов, ни политического аспекта. Массовая производственно-техническая литература вызвана к жизни потребностями в особой форме социальной коммуникации — совершенствовании производства, передаче трудового опыта; она и освещает преимущественно «вопросы труда в их непосредственно практической постановке» [1].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 36, с. 147.

Среди ряда ученых существует мнение, что специфика видов литературы проявляется в методе познания (о методе научной, художественной, публицистической литературы сейчас пишут главным образом именно как о методе познания).

Однако нельзя механически распространять философское, гносеологическое понятие метода познания на литературу. Точнее было бы сказать, что метод познания лишь находит отражение в литературе. Даже в научной литературе, главная цель которой заключается в том, чтобы превращать знания в информацию, читатель довольно часто видит совсем не тот метод, который использовал автор-ученый в процессе исследования того или иного вопроса.

Исторически сложившиеся потребности познания и социального общения вырабатывали соответствующие задачи и формы научного изложения. Несмотря на то, что начиная с XVI—XVII вв. наука стала все ближе подходить к производству, постепенно превращаясь в непосредственную производительную силу, собственно материальное производство и производство знаний (особенно неприкладных) и теперь еще отделены друг от друга. «В производстве участвует знание не как процесс, а как готовый результат, полученный в другой области. Поскольку этот результат должен быть передан из сферы познания в сферу его практического приложения, он должен быть выражен в информативной и всеобщей форме» [1], в системе абстрактных понятий и формул.

В научном тексте никогда не воспроизводится полностью весь процесс исследования. Во-первых, потому, что он не всегда осознается. А во-вторых, потому, что основная функция, которую вот уже несколько столетий выполняет наука в жизни общества, и не требует отображения процесса познания во всей его полноте, сложности и неповторимости.

Даже логика изложения часто существенно отличается от логических принципов исследования.

«Исследование,— писал К. Маркс,— должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция» [2].

Следовательно, индуктивный подход к изучению тех или иных явлений совсем не обязательно ведет и к индуктивному методу изложения. Ученый может подходить к исследованию предмета исторически, прослеживая во всех деталях его развитие, но в своей книге исторический материал использовать лишь как иллюстрации или доказательства основных тезисов, систематизированных в произведении так, что они выглядят «априорными конструкциями».

---

[1] Наука и нравственность. М., 1971, с. 132.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 23, с. 21.

Например, последовательность изложения материала в «Капитале» К. Маркса не совпадает с этапами исследовательской деятельности автора. В одном из своих писем он писал: «В действительности, для себя, я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части)»[1].

Таким образом, метод познания едва ли может прямо и непосредственно выражать специфику литературы.

История книговедения знает и такой подход к систематизации литературных произведений, который основывается на особенностях психологии читателя и задачах пропаганды книги. Активным сторонником этого метода был известный книговед и популяризатор Н. А. Рубакин. Много сделав для просвещения народа, для изучения восприятия текста читателем, для разработки принципов библиотечно-библиографической классификации, он вместе с тем упрощенно подходил к выявлению специфики литературы, преувеличивая значение психологического фактора.

В последние годы все большее распространение получает функциональный подход к изучению специфики различных видов литературы. Он используется сейчас для исследования художественного, научного и публицистического творчества. Предпосылки для такого подхода возникли в книговедении давно. О социальной функции книги, о группировке литературных произведений по целевому назначению много писали еще в 20—30-е годы. Но сейчас функциональная теория выступает обогащенной современными достижениями таких наук, как марксистская философия, социология, семиотика, педагогика и др.

Основой своеобразия литературного произведения, согласно этой концепции, является социальное назначение, цель того или иного рода творчества. Чтобы понять сущность научной, художественной, публицистической литературы[2], надо ответить на вопрос: «почему возник этот род творчества, какую роль играет в жизни общества, в чем его социальное предназначение?»[3].

Ради определенного социального действия «художник или публицист задумывает свое произведение, исследует предмет отображения, воплощает содержание в соответствующей форме. Иначе говоря, определение социального назначения, функции того или иного рода творчества является исходной задачей при его исследовании. Выясненная же функция, как в зародыше, содержит в себе возможность строгого и осознанного решения вопроса о предмете и методе творчества, его содержании и форме... Знание функции рода творчества не менее важно для самого автора произведения, поскольку позволяет ему идти к своей цели не вслепую, не интуитивно, а сознательно, предвидя определенное воздействие произведения на людей и стремясь к этому воздействию»[4].

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 34, с. 238.
[2] Другие виды литературы этой теорией, к сожалению, не рассматриваются.
[3] Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества. М., 1968, с. 20.
[4] Там же, с. 21—22.

Функциональный подход к классификации литературы практически использовался в библиографии, статистике печати, при разработке теории оформления и методики технического редактирования книги еще в 20—30-е годы. Вопросы классификации литературы по целевому назначению широко обсуждались на Втором Всероссийском библиографическом съезде в 1926 г.

В 1930 г. специальная номенклатурная комиссия предложила «для целей стандартизации, учета, статистики, планирования и рационализации производства издательской продукции» следующую схему распределения книг по социальному назначению:

научно-теоретическая
производственная
научно-популярная
агитпропмассовая
учебная
официально-деловая
справочная
художественная
детская [1]

Эта схема не потеряла своего значения и до сих пор, хотя сейчас ясно видно, что цели различных видов литературы раскрывались ее авторами недостаточно глубоко, точно и конкретно, отражая достигнутый к тому времени уровень изучения структуры общественной деятельности, общественного сознания и социального общения, с одной стороны, и теории литературы и книговедения — с другой.

Однако схема номенклатурной комиссии более полно, чем некоторые современные работы по книговедению, фиксирует действительное функциональное разнообразие литературы.

Особенно важной, ценной и, по нашему мнению, перспективной идеей, развиваемой современной функциональной теорией печати, является идея системного характера творческой деятельности. Литературное произведение она анализирует как целостную систему, все компоненты которой связаны и обусловлены единым функциональным принципом. Следовательно, понять специфику литературы, ее сущность, ее природу можно только в том случае, если уяснишь, что́ в ней излагается, как, для чего и для кого.

Такой подход наиболее продуктивен и для разработки теории редактирования отдельных видов литературы. Сейчас в некоторых областях книговедения, а также в практике отраслевое содержание и целевое назначение, а иногда и читательский адрес произведений рассматриваются изолированно, вне прямой связи друг с другом. В статистике печати, например, используются схемы классификации литературы по отраслевому и целевому признаку как две совершенно самостоятельные схемы. Для целей учета это удобно и, следовательно, практически целесообразно.

Но редактору как участнику самого литературного процесса важно еще при работе над рукописью добиться того, чтобы будущая книга с максимальной полнотой выполнила свое социальное

[1] Эта схема с подробными комментариями к ней изложена в кн.: Реформатский А. А. (при участии Каушанского М. М.). Техническая редакция книги. М., 1933.

предназначение. Поэтому методы изучения литературы, используемые в библиографии, статистике печати, практическом книговедении — дисциплинах, имеющих дело с готовой книгой, нецелесообразно автоматически переносить в теорию редактирования отдельных видов литературы, которая призвана вооружить редактора конкретными знаниями о том, что и как должно освещать произведение для того, чтобы произвести определенное действие на определенную аудиторию.

Для теории редактирования характерен системный подход не только к литературе в целом, но и к каждому отдельному произведению как элементу того или иного вида литературы.

Например, когда научно-популярная литература рассматривается только как совокупность произведений, в которых о науке рассказывается в форме, доступной для неспециалиста, отпадают такие важные вопросы, как все ли достижения науки целесообразно популяризовать, в какой форме наука должна предстать перед читателем: как сумма готовых знаний, как деятельность, направленная на производство знаний, или как система учреждений, осуществляющих эту деятельность.

3. ПОНЯТИЕ О ВИДЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Видом литературы мы будем называть совокупность словесных произведений, имеющих общественное значение и связанных единством предмета изложения, социальной функции и читательского адреса[1].

Причем важно подчеркнуть, что предмет, социальное назначение и читательский адрес рассматриваются здесь как целостная система признаков, лежащих в основе научной группировки произведений, пригодной для разработки теории редактирования отдельных видов литературы. И если даже в книговедческих терминах, которыми обозначаются некоторые виды литературы, прямо отражается иногда лишь один признак (читательский — в названии «детская литература» или целевой — в наименовании «справочная» и «учебная»), это не значит, что в этих случаях другие признаки не имеют существенного значения.

Современный уровень развития книговедения не позволяет на основе системного метода построить отвечающую всем требованиям формальной логики схему классификации, под которую можно было бы подвести все многообразие произведений литературы. Да в этом практика редактирования и не испытывает особой необходимости.

Виды литературы — это явление гибкое, подвижное, развивающееся. Они складывались постепенно, под влиянием общественных потребностей, в связи с развитием общественной практики, привед-

---

[1] Виды литературы имеют сложную структуру, отличаются жанровым многообразием. Однако жанры нехудожественной литературы почти совсем не исследованы. Не совсем ясны еще и сами принципы разделения видов литературы на жанры.

шей к дифференциации общественного сознания и расширению сфер и целей человеческого общения. Каждая историческая эпоха накладывает свой отпечаток не только на структуру литературы в целом, но и на характер отдельных ее видов.

Литература древнего мира и раннего средневековья, например, была единой и синкретичной. Бессмысленно ставить вопрос: к какому из ныне существующих видов литературы относятся «Диалоги» Платона или «Поучение» Владимира Мономаха. Исследователи древнерусской литературы отмечают, что в «Повести временных лет», в «Слове» Илариона и во многих других произведениях XI—XII вв. художественное обобщение составляло единое целое с документальным описанием исторических событий и поступков конкретных исторических деятелей, страстным обличением политического противника и точной характеристикой географических пространств, занимаемых Русью. И лишь в «Слове о полку Игореве» впервые специфика художественного творчества проявилась достаточно отчетливо в широком использовании поэтической системы, «созданной его несохранившимися предшественниками»[1].

Процесс дифференциации литературы и образование отдельных ее видов особенно активно протекает в Европе начиная с XVI—XVII вв., с эпохи становления и утверждения капитализма. Эта эпоха характеризуется глубокими изменениями не только в способах материального производства, но и в стиле мышления, в формах и средствах социального общения. Дальнейшее разделение труда, научно-промышленная революция, развитие книгопечатания, с одной стороны, бурные общественные движения, которыми сопровождался приход к власти буржуазии, с другой,— все это привело к существенным сдвигам в формах социальной коммуникации.

Выход в свет книг великих ученых Коперника, Бруно, Галилея, Везалия положил начало формированию научной литературы. В России возникновение научной литературы восходит к первой трети XVIII в. Огромную роль в становлении ее сыграл М. В. Ломоносов.

Несмотря на то что в это время часто исследовательские, учебные и популяризаторские задачи совмещались в одной книге,— различия этих задач уже отчетливо осознавались, о чем свидетельствуют, в частности, предисловия к этим книгам»[2].

В XVII в. выдающийся чешский педагог Я. А. Коменский создает свои книги «Чувственный мир в картинках» и «Открытая дверь к языкам», изложение материала в которых основывалось на сознательном использовании дидактических принципов систематичности, последовательности и наглядности. Эти произведения положили начало учебной литературе в собственном смысле этого слова. Дидактический подход к изложению заметен и в некото-

---

[1] Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М., 1952, с. 199.

[2] Интересные данные об этом содержатся в кн.: Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки. М. — Л., 1964, с. 3—12.

рых русских книгах XVII в., в частности в «Букваре словено-российских письмен» Кариона Истомина.

Корни массово-политической литературы (публицистики) в Европе уходят в эпоху Реформации (XVI в.), когда «впервые в столь широких масштабах литературное печатное слово выступает одним из активных организаторов политического движения, инструментом массовой политической деятельности»[1]. Начало публицистического творчества связывается с именами Эразма Роттердамского, Иоганна Рейхлина, Ульриха фон Гуттена.

В течение XVIII в. происходит становление таких видов литературы, как производственно-техническая, справочная, научно-популярная. Процесс их формирования, по данным историков книги, продолжался в течение всего XIX в.[2].

Обо всех перечисленных здесь видах литературы сейчас можно говорить как о традиционных. Они были порождены устойчивыми, длительными общественными потребностями и, очевидно, отомрут или существенным образом изменятся, когда эти потребности отпадут.

Традиционные виды литературы, которые изучаются сейчас в учебном курсе «Теория и практика редактирования отдельных видов литературы», конечно, далеко не исчерпывают всего богатства современной литературной практики.

На основе той же системы признаков (предмета, целевого назначения и читательского адреса) можно выделить и другие виды литературы, для которых может быть разработана своя методика редакторского анализа и уточнены критерии оценки (например, уже сейчас существуют понятия о краеведческой, атеистической, рекламной литературе).

Как же понимать предмет литературы?

Этот термин книговедение заимствует из логики и методологии науки, но не вкладывает в него узкогносеологического смысла. Известно, что на определенном уровне развития познания возникла потребность в различении объекта и предмета исследования. Предметом исследования принято называть не просто ту или иную сферу реальной действительности в том виде, как она воспринимается каждым человеком (это — объект), а лишь часть, сторону реального объекта, границы которой устанавливает достигнутый уровень знаний о нем, задачи той науки, которая его изучает, а также методы и средства такого изучения.

Предмет литературы — это то, о чем в ней говорится, что в ней излагается. Но так же определяется и традиционное литературоведческое понятие — тема. Разница между ними заключается в том, что понятие «тема» характеризует то, что говорится в отдельном произведении, а понятие «предмет» — то, что говорится во всех произведениях, входящих в состав того или иного вида литературы.

---

[1] Ученова В. В. Гносеологические основы публицистики. М., 1971, с. 25.
[2] См.: Черняк А. Я. История технической книги, ч. 1. М., 1969, с. 8—10.

Понятие «предмет литературы» имеет важное методологическое значение и тогда, когда редактор работает над конкретной рукописью: оно позволяет понять и охарактеризовать тематическое содержание литературного произведения глубже, полнее и точнее.

Для того чтобы выявить предмет литературы, необходимо исследовать, на каком материале строятся все ее произведения и в каком аспекте этот материал освещается. Решение такой задачи становится возможным, если ясно целевое назначение литературы и точно определен ее читательский адрес.

Например, в учебной литературе, как будет показано далее, излагается не та или иная отрасль знания сама по себе (физика, химия, математика), а учебный предмет, который специально конструируется: знания, навыки и умения, которые надо усвоить по учебнику, целенаправленно отбираются в строгом соответствии с социальными потребностями обучения и воспитания в данное время и в данной системе образования, а также с учетом психологически-возрастных возможностей читателей-учащихся.

Имеет свой предмет и научно-популярная литература. Она излагает науку как систематизированные знания о сущности тех или иных явлений объективной жизни, отбирая из науки преимущественно то, что имеет мировоззренческое, социально-политическое или широкое народнохозяйственное значение, то, что позволяет формировать у читателей способности к творческому мышлению и познавательный интерес как мотив деятельности. Научно-популярная книга не предназначена для того, чтобы по ней овладевать научной специальностью или повышать квалификацию; она не может заменить ни учебника, ни производственной инструкции. В научно-популярной литературе излагаются законы науки, а они не могут служить непосредственным правилом производственного действия. Знания «в том рафинированном виде, как они представлены в теории, никогда не используются в практической деятельности» [1].

Чтобы сделать их пригодными для этой цели, автор должен преобразовать их в «правила действия», извлечь из науки только то, что необходимо для данного случая и подчинить свое изложение уже не внутренней логике науки, а производственной схеме. И тогда читатель получит уже не столько теоретическую картину мира, сколько знания о том, как делать конкретную вещь. Но такая задача чужда природе научно-популярной книги, которая дает массам читателей широкий взгляд на природу, общество и человека и формирует у них на этой основе диалектико-материалистическое мировоззрение. Поэтому узкоспециальные, утилитарные знания, находящие применение в строго определенной области практики, не включаются в предмет научно-популярной книги.

Целевым назначением литературы мы будем называть то социальное действие, которое она должна оказать на читателя.

---

[1] Голованов В. Н. Законы в системе научного знания. М., 1970, с. 215.

Для обозначения функции тех или иных видов литературы в книговедении используются специальные термины: пропаганда, агитация, популяризация, обучение, информация и т. д.

Изучение социальной функции литературы книговедением базируется на выводах многих наук: марксистской философии, научного коммунизма, конкретной социологии, психологии, эстетики, информатики и др. Например, без использования научных данных о видах и уровнях общественного сознания, об идеологии как специфической части духовной культуры, о месте и роли политических отношений в обществе, об особенностях индивидуального сознания совершенно невозможно понять функции печатной пропаганды и агитации, а значит — и требования, которые предъявляются к содержанию и форме двух разновидностей массово-политической литературы.

Читательский адрес литературы уточняет ее целевое назначение и предмет, оказывая большое влияние на методы и формы изложения материала. Рост культуры всех членов советского общества сделал ненужной такую классификацию читателей, которая существовала в нашей стране в первые годы Советской власти. Тогда книги издавались отдельно для малограмотных, среднеграмотных, высокограмотных и квалифицированных читателей. Социальная структура общества в переходный период от капитализма к социализму, кроме того, предопределяла разделение читателей по классовым и даже по внутриклассовым признакам.

В наше время существенное значение имеют только такие данные о читателе, как его общая и специальная подготовка, возраст, род занятий и район или город, где он проживает (это учитывается прежде всего при издании массовой производственной литературы, особенно сельскохозяйственной, и массово-политической).

4. МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И МАССОВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Массовой литературой в советском книговедении принято называть произведения, специально написанные для широкого круга читателей и в основном не предназначенные для утилитарного использования. Ее нельзя отождествлять с массовыми изданиями, к которым обычно относят любые произведения, выпущенные большим тиражом или соответствующим образом прокомментированные[1].

Под массовым читателем в теории редактирования подразумевается взрослый человек, образованный, но не имеющий специальной подготовки в той области знаний, которая освещается в книге.

За годы Советской власти в нашей стране вырос новый, подлинно массовый читатель. По данным Всесоюзной переписи населения (1970), в СССР сейчас насчитывается около 37 млн. человек с за-

---

[1] См.: Шамурин Е. Н. Словарь книговедческих терминов. М., 1958.

конченным средним образованием и более 8 млн. специалистов, прошедших высшую школу[1]. Это и есть ядро той читательской аудитории, которую мы называем массовой.

Особую группу составляет читатель массовой производственно-технической литературы, не имеющий специальной подготовки в объеме вуза или техникума. Она нужна ему для утилитарных целей, для повышения производственной квалификации, для овладения передовым опытом работы в промышленности или сельском хозяйстве.

Природа, сущность массовой литературы в социалистическом обществе принципиально иная, чем в капиталистическом мире. Буржуазная «массовая культура», «массовая литература» — это, как правило, предельно упрощенный, стандартизированный суррогат культуры, не дающий человеку ни настоящих знаний, ни подлинных эстетических ценностей, порождающий у людей лишь иллюзию информированности. Массовой она является лишь по объему аудитории, но не по содержанию и идейной направленности.

Литература функционирует в определенной системе социально-классовых интересов, вкусов, ценностных представлений. Буржуазная массовая литература рассчитана на пассивное, некритическое восприятие, на формирование у масс нужных правящему классу стандартов мышления и оценки фактов и явлений жизни.

Создатели такой литературы опираются на теории реакционных социологов, утверждающих, что человечество извечно делится на две неравные части: интеллектуальную элиту, управляющую миром, и массы, не способные ни к какой творческой деятельности. На этой концепции основывается целая программа социального воспитания, реализуемая западной массовой литературой.

Буржуазная массовая литература углубляет пропасть между сферой производственной деятельности и сферой досуга, «расщепляя» личность.

Социалистическая массовая литература отражает и выражает интересы трудящихся. Советская массовая литература — это орудие социалистической культурной революции, одна из задач которой состоит в том, чтобы все подлинные завоевания мировой цивилизации сделать общенародным достоянием. «Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы»[2], — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии. Это и есть программа советского социального воспитания, которому служит наша массовая литература.

---

[1] См.: Страна Советов: биография роста. — «Известия», 1971, 16 апреля.

[2] Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, с. 102.

Глава вторая

РЕДАКТИРОВАНИЕ МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ОСОБЕННОСТИ МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Определение специфики массово-политической литературы связано с рядом методологических трудностей.

Внешне ее своеобразие проявляется в необычайной широте тематики, разнообразии материала. Она популяризирует научные знания и освещает практическую деятельность как больших масс людей — классов, партий, государств,— так и отдельного человека — общественно-политического деятеля, ученого, рабочего, затрагивая сферу его мыслей, чувств, настроений и отношений к окружающему миру.

Среди массово-политических изданий можно встретить не только книги по философии, политэкономии, научному коммунизму и истории партии, но и произведения, рассказывающие о радиоэлектронике, химии, информатике, о производстве минеральных удобрений и освоении природных богатств Сибири, о проблемах семейного воспитания и принципах градостроительства.

Несмотря на такое тематическое разнообразие массово-политические произведения имеют внутреннее единство, позволяющее объединить их в один вид литературы, со своим специфическим предметом, целевым назначением и читательским адресом.

Предмет массово-политической литературы

Предметом массово-политической литературы является идеология и политика, взятые в неразрывной, органической связи.

Особенности идеологии и политики, их структура и функции, их взаимоотношения с различными компонентами общественного сознания, сферами социальных отношений и видами общественной деятельности помогают понять и специфику массово-политической литературы.

Политика — это деятельность общественных классов, партий, группировок, определяемая их интересами и целями, а также

деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны.

С помощью политики находящийся у власти класс через государственный аппарат стремится оказать влияние на все области жизни общества: на экономику, распределение материальных благ, на мораль, культуру, быт. Можно говорить об экономической, культурной, демографической политике, политике в области науки, искусства, народного просвещения, семейных отношений и т. д. Как отмечал К. Маркс, «...политическая сущность какого-нибудь вопроса заключается вообще в его отношении к различным властям политического государства» [1], любая общественная проблема может превратиться в политическую, если она прямо или косвенно связана с вопросом о власти.

С классовой структурой общества, с социально-политической практикой теснейшим образом связана идеология, являющаяся совокупностью форм общественного сознания — политических, правовых, научных, философских, религиозных, моральных и художественных взглядов, которые берутся на вооружение общественным классом, или иной социальной «общностью, или всем обществом для изменения или сохранения форм общественной жизни» [2]. Идеология — это особая часть духовной культуры, которая выделяется в самостоятельное целое лишь благодаря прямой связи с классовыми или другими социальными интересами и политикой. В классовом обществе идеология — это духовное выражение экономических, политических, а также правовых, моральных и других интересов социальных классов. Она обосновывает цели и определяет программу его практической деятельности.

Идеология может быть научной или ненаучной.

Марксизм-ленинизм — целостная система философских, экономических и политических взглядов рабочего класса и всех трудящихся — является единственно научной идеологией. Как наука марксизм-ленинизм содержит объективно истинные знания о реальной действительности. Как идеология он является классовым самосознанием, включает в себя идеалы революционных масс и оценивает социальные факты и процессы с точки зрения интересов и потребностей прогрессивных социальных групп.

Политика и идеология пронизывают все сферы общественной жизни: и общественную практику, и общественное сознание. Поэтому они находят отражение во всех видах литературы. Партийность — главнейший принцип печати и книгоиздательского дела в социалистическом обществе.

Специфика массово-политической литературы проявляется в том, что она отражает различные законы и явления общественной жизни сквозь призму социальных, классовых ценностей,

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 1, с. 360.
[2] Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1971, с. 141.

в основе которых лежат коренные потребности и интересы рабочего класса и всего советского народа. Коммунистическая партийность определяет отбор жизненного материала, который служит предметом изложения в советской массово-политической книге.

Социальная функция массово-политической литературы

Массово-политическая литература является важным средством управления обществом. Она призвана утверждать в сознании масс коммунистические идеалы, бороться за активное воплощение их в жизнь.

Целевое назначение массово-политической литературы, функции, которые она выполняет в жизни общества, в книговедении принято обозначать терминами «партийная пропаганда» и «партийная агитация»[1]. Современное понимание этих терминов складывалось в течение длительного исторического периода.

Слово «пропаганда» в переводе с латинского означает «распространение». В этом смысле оно употребляется в выражениях «пропаганда знаний», «пропаганда техники».

Слово «агитировать» означает «приводить в движение», «возбуждать». В конце XIX в., когда в России складывалась марксистская рабочая партия, с самого начала своей деятельности поставившая идейно-политическую работу в массах на научные основы, слова «пропаганда» и «агитация» приобрели новое значение, которое формировалось в ходе ожесточенной идеологической борьбы и получило окончательное закрепление в трудах В. И. Ленина.

В книге «Что делать?» и в других работах В. И. Ленин детально рассмотрел специфику этих двух видов идейно-политического воздействия на сознание людей, определил их общие черты и различия. Он писал: «...Пропагандист, если он берет, например, ...вопрос о безработице, должен разъяснить капиталистическую природу кризисов, показать причину их неизбежности в современном обществе, обрисовать необходимость его преобразования в социалистическое общество и т. д. Одним словом, он должен дать «много идей», настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример,— скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п. — и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» *одну идею*: идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается *возбудить* в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту»[2].

---

[1] В дальнейшем мы будем писать сокращенно: просто «пропаганда» и «агитация».

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 6, с. 66—67.

Следовательно, различия между пропагандой и агитацией можно проследить по трем основным направлениям:

пропаганда дает сразу «много идей», т. е. аналитически освещает вопрос, рассматривает факт в разных связях и опосредствованиях, научно объясняет его; агитация, опираясь на живой опыт масс, на их представления, подводит читателя или слушателя к одной идее, оценивая факт с позиций классовой морали пролетариата;

пропаганда разъясняет, делает понятными научные объяснения фактов, больше действуя на сферу мышления, отдавая предпочтение логическим средствам; агитация — показывает, рисует «живые картины» действительности, воздействуя на разум людей через их чувства, широко используя для этого эмоциональные приемы изложения;

пропаганда труднее для восприятия и понимания, чем агитация. Пропаганда действует, по словам М. И. Калинина, как живопись, как картина, глубокий смысл которой не сразу схватывается всеми: нужен определенный уровень культуры, нужен экскурсовод-комментатор. Агитация — как плакат, смысл которого ясен всем.

Таким образом, агитация, глубоко не раскрывая сущности фактов и явлений действительности, дает возможность почувствовать их социальный смысл. Поэтому заменить дело политической агитации «невозможно ничем другим ни теперь, ни когда бы то ни было в иное время» [1].

«Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? — писал В. И. Ленин в «Что делать?». — Конечно, нет. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения» [2].

Одна из первых в России социал-демократических организаций ленинского типа — «Московский рабочий союз», занимавшаяся издательской деятельностью, отводила агитационной литературе роль «первоначального толчка», заставлявшего работать мысль читателя в нужном политическом направлении. Пропагандистская же брошюра предназначалась издателями для тех, кто «под влиянием чтения агитационных листков или устного воздействия пропагандиста заинтересовался уже рабочим делом» и у кого «явилась потребность углублять свои знания по этому вопросу» [3]. Однако не следует считать, что будто агитационная книга нужна лишь постольку, поскольку пропаганда теоретических знаний рассчитана на более узкий круг читателей и не может охватить своим влиянием широкие массы народа.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 6, с. 78.

[2] Там же, с. 56.

[3] Литература Московского рабочего союза. Материалы и документы. М., 1930, с. 12.

Границы между пропагандой и агитацией, особенно между пропагандистской и агитационной книгой, относительны и подвижны: некоторые качества агитационной литературы, например, эмоциональность, могут быть присущи и пропагандистскому произведению и, наоборот, теоретические и политические обобщения встречаются и в агитационной брошюре, хотя там они не излагаются в систематизированной форме и чаще всего выступают в роли научных предпосылок, из которых исходит автор.

Призыв к конкретным действиям, который иногда трактуется как специфическое качество агитационной литературы, должен исходить и от теоретиков, и от пропагандистов, и от агитаторов; он естественно и неизбежно дополняет собой и теоретический трактат, и пропагандистскую брошюру, и агитационное выступление. Призыв к конкретным действиям — это основная цель и одно из главных проявлений связи идеологической работы партии с жизнью, с практикой борьбы за коммунистическое переустройство общества. Именно в этом прежде всего выражается организационная функция всей советской политической печати.

Вообще признаки, отличающие один вид общественно-политической литературы от другого, иногда стушевываются в индивидуальном творчестве. Известно немало произведений, в которых качества теоретического исследования, пропагандистского и агитаторского искусства переплетаются очень тесно. К их числу принадлежат, например, многие труды основоположников научного коммунизма. Исследователи ленинской публицистики отмечают, что в научном труде великий вождь пролетариата всегда оставался и публицистом, популяризатором, точно так же, как в любом публицистическом выступлении В. И. Ленина находит отражение его научно-исследовательская методология. Больше того, для публицистики В. И. Ленина характерно не только многообразие жанров, но и сочетание воедино самых различных элементов их: например, использование в глубоком научном труде литературных средств, присущих политическому памфлету и фельетону [1].

Однако различия между агитационной и пропагандистской литературой все же существуют. В. И. Ленин писал, что «от пропагандиста требуются не те качества, что от агитатора» [2].

Отражая жизнь с разной степенью полноты и глубины, разными средствами воздействуя на людей, агитационная и пропагандистская литература в целом формирует единое классовое самосознание личности, ее идейно-политические убеждения.

Политическими убеждениями называют стойкие, осознанные ориентации человека на определенные классовые ценности [3].

---

[1] См.: Яковлев Б. Ленин-публицист. М., 1960, с. 73.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 6, с. 67.

[3] Любое явление, предмет, процесс воспринимается как ценность, когда на него смотрят с точки зрения потребностей, целей, нужд человека, социальной группы или общества в целом и определяют, насколько они желательны, пригодны, полезны, благотворны для них (положительная ценность) или, наоборот, нежелательны, непригодны, вредны (отрицательная ценность).

Формирование таких убеждений — главная задача идеологической работы, основная цель пропаганды и агитации потому, что убеждения являются важным фактором, направляющим деятельность личности, ее поведение.

В зависимости от того, на чем основываются убеждения личности — на научных знаниях, житейском опыте или слепой вере, — различают убеждения научные, эмпирические, и ненаучные (религиозные, догматические). При оценке подхода автора к разработке темы массово-политической книги необходимо учитывать, что не всякие знания превращаются в убеждения, а только такие, которые согласуются с опытом, потребностями и интересами масс, соответствуют их стремлениям, целям и идеалам. Действенность произведения во многом зависит от того, сумеет ли автор добиться при изложении материала его согласованности с опытом читателя.

Трудности заключаются в том, что жизненный опыт масс, который складывается на основе непосредственного восприятия действительности, не может дать глубокого понимания ни тенденций развития общества, ни истинных потребностей социального класса. Только на основе научной идеологии возможно подлинное познание действительности, формирование коммунистических идейных политических убеждений.

Научная идеология становится достоянием народа благодаря политической пропаганде и агитации.

Социалистическая пропагандистская литература рисует человеку объективную теоретическую картину мира, соответствующую ценностным представлениям самых прогрессивных общественных сил нашего времени. А агитационная литература дополняет ее, формируя соответствующий научной идеологии целостный, эмоционально окрашенный, оценочный образ социальной действительности.

Читательский адрес массово-политической литературы

Как уже было сказано, пропагандистская и агитационная литература имеют разную степень доступности для читателя. Знания, заложенные в агитационной литературе, доступны всем. Однако советский народ обладает таким уровнем культуры, когда и марксистско-ленинская теория, и научные основы политики партии могут стать достоянием каждого человека.

Одним из важнейших показателей мастерства пропагандиста и агитатора является умение «наилучшим образом повлиять на *данную* аудиторию (выделено нами. — *Авт.*), делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» [1].

Пропагандистскую литературу, которую сейчас выпускают советские издательства, можно разделить на две группы: одна из них адресуется читателю, впервые знакомящемуся с марксистской теорией, другая — уже владеющему ее основами. Первая группа

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 21.

читателей — это преимущественно молодежь, школьники старших классов, студенты, взрослые читатели с неполным средним образованием. Вторая группа — это пропагандисты, агитаторы, политинформаторы, интеллигенция, сушатели университетов марксизма-ленинизма и участники семинаров повышенного типа. К числу изданий, предназначенных этой группе читателей, можно отнести серии «Над чем работают, о чем спорят философы» (Политиздат), «Мыслители прошлого» («Мысль»), «Наше общество сегодня и завтра» (Политиздат), брошюры издательства «Знание» и др.

Типичным пропагандистским изданием для читателей, только начинающих приобщаться к марксистской теории, является «Философская библиотечка для юношества» (Политиздат), серия «В помощь агитатору и политинформатору» («Московский рабочий») и др.

Социологические исследования читателя общественно-политической литературы, проведенные за последние годы, показали, что массовый читатель проявляет большой интерес к общественно-политическим проблемам, но с вопросами текущей политики знакомится чаще всего по каналам, более оперативным, чем книга (газета, журнал, радио, телевидение) [1].

Отсюда следуют важные выводы: массово-политические книги и брошюры должны «существенно отличаться от газетных и журнальных статей» [2]. Читатель ждет от массово-политической книги глубокой информации и увлекательной формы изложения.

2. РАБОТА НАД СОДЕРЖАНИЕМ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ и оценка научного материала рукописи

Советская пропагандистская литература имеет много общего с научно-популярной, поскольку распространяет в массах научную идеологию.

Науки, выполняющие в социалистическом обществе функцию идеологии, — философия, политическая экономия и научный коммунизм — включают в себя такие компоненты, какие входят в структуру и многих других теоретических дисциплин. Эти компоненты составляют также содержание и пропагандистской книги.

К их числу относятся, во-первых, высказывания о предмете, проблемах и задачах той или иной науки в целом или той ее части, которая освещается в книге (например, «Попытка разгадать тайну бытия человеческого состоит в выяснении вопроса о том, что же такое человек? По старинной философской традиции вопрос этот формулируется так: какова сущность человека?»).

---

[1] См.: Стельмах В. Д. Изучение интереса и спроса читателей общественно-политической литературы. — В кн.: Вопросы теории и практики партийной пропаганды. М., 1971, с. 336.
[2] Там же, с. 337.

Во-вторых, сведения о методах и средствах, при помощи которых наука изучает свой предмет (например: «Каким же способом можно решить эту научную задачу? Необходимо, видимо, исследовать относящуюся к данной задаче совокупность фактов и объяснить их... Как видите, попытка отыскать некоторые общие для предметов данного класса свойства путем простого сравнения не имеет верных гарантий на успех»).

В-третьих, факты, составляющие так называемый эмпирический базис науки (научными фактами называют знания, полученные методом научного наблюдения или эксперимента). Например:

Так, в США в 1969 г. было 2,8 млн. официально зарегистрированных безработных, а в мае 1971 г. — 5,2 млн., т. е. более 6% всех трудящихся.

В-четвертых, — теории в целом или их отдельные составные элементы: понятия и законы (теориями в логике науки принято называть обобщенные, систематизированные знания о сущности реальных предметов, явлений или процессов; они выступают как совокупность понятий и высказываний, связанных между собой логической связью определения или следования). Например:

Международные отношения есть общественные отношения в сфере межнационального и межгосударственного общения. Здесь они выступают как продолжение и своеобразная модификация внутренних общественных отношений и, подобно последним, с социальной точки зрения могут делиться на три вида: отношения господства и подчинения, товарищеского сотрудничества и взаимопомощи и переходные.

Все свои компоненты (предмет, метод, факты, теории) наука стремится выразить в терминах, содержание которых уточнено при помощи логических определений.

Однако идеологические знания обладают рядом особенностей, которые существенным образом влияют на характер познавательных задач пропагандистской литературы.

Идеологические знания включают в себя как органическую часть еще и социальный идеал (идеал коммунизма), с позиций которого идеология дает партийную оценку тех жизненных явлений, которые отражаются в ее понятиях и законах. Знания о мире, оценочное отношение к нему и практическая ориентация сливаются в идеологии, образуя органическое единство. Важно, чтобы при изложении идеологических знаний было обращено равное внимание на все эти стороны.

Автор должен поставить перед собой задачу — раскрыть, показать и доказать связь идеологических теорий с объективными интересами и целями определенных социальных сил. Академизм изложения, недостаточно глубоко понятые задачи пропаганды могут привести к отрыву теоретических знаний, изложенных в книге, от практической деятельности народа. При планировании тематики изданий, при оценке проспектов и планов будущего произведения следует принимать во внимание особенности пропагандистской литературы.

Пропагандистская литература должна решать три равные по значению познавательные задачи: во-первых, раскрывать содержание идеологических знаний, во-вторых, показывать классовый смысл их, коренные потребности каких социальных сил они выражают, и в-третьих, их непосредственную практическую значимость.

Познавательные задачи пропагандистской литературы, как видно отсюда, тесно связаны с особенностями ее предмета и в то же время определяются социальной функцией литературы — формированием идейно-политических убеждений людей на базе теоретических знаний.

Перечисленные выше компоненты научно-идеологических знаний составляют идейно-научную основу содержания пропагандистского произведения. Они являются ядром конкретного содержания текста, включающего в себя также эмпирический жизненный материал, художественно-образные элементы, которые вводятся в ткань пропагандистского произведения в качестве средств популяризации, занимательности и убеждения.

Соотношение и связь собственно научного материала и вненаучных элементов популяризации не могут быть одинаковыми во всех книгах; многое здесь зависит от темы, от группы читателей, которой она адресована.

Произведение, рассчитанное на массового читателя, не может быть чрезмерно насыщенным теоретическим материалом. Но и отводить слишком много места для сравнений, словесных иллюстраций и занимательных отступлений тоже нецелесообразно. Пространные примеры отвлекают внимание читателя от логики рассуждений автора.

В зависимости от характера научного материала, освещаемого в книге, тексты можно разделить на два основных вида: описательные и теоретические. И хотя границы между ними условны, эта классификация тем не менее нужна, так как она помогает точнее охарактеризовать глубину научного содержания книги и лучше понять ее композицию.

Описательные[1] тексты воспроизводят факты науки — знания, полученные методом наблюдения (иногда факты выступают в форме первичных обобщений, или обобщенных описаний). Они дают читателю точную и достоверную картину социальной действительности, но не поднимают его на уровень теоретического мышления. В пропагандистской литературе они, как правило, должны играть вспомогательную роль.

Теоретические тексты представляют собой логические рассуждения и определения. Они несут большую познавательную нагрузку. Но абстрактный умозрительный характер делает их малодоступными для массового читателя и недостаточно эффективными для формирования его убеждений. Поэтому в пропагандистской литературе необходима конкретизация изложения, обязательное

[1] Термин «описание» многозначен. В общем редактировании он употребляется для характеристики композиции произведения. В данном учебнике — для характеристики научного содержания. Описание — это средство фиксации факта.

подкрепление понятий и теоретических утверждений конкретными описаниями.

Главная цель идеологической работы партии — воспитание сознательных и целеустремленных борцов за воплощение в жизнь коммунистических идеалов, практической программы коммунистического строительства. А для этого надо научить читателя уверенно ориентироваться в новых явлениях жизни, помочь ему понять их, правильно оценить и сделать верные практические выводы. Выполнению этой задачи в наибольшей степени способствуют объяснительные тексты.

Объяснительные тексты объединяют фактический и теоретический материал [1]. Причем факты выступают в них не как аргументы или иллюстрации понятий и законов науки. В объяснительных текстах акцент делается на раскрытии сущности конкретных явлений объективной действительности при помощи понятий, законов и теорий. Цель объяснительного изложения — показать читателю социальные факты как проявления закономерностей, открытых наукой. Начинаться такое изложение должно с описания фактов. Тогда оно будет представлять собой наибольшую познавательную ценность, сочетая глубину теоретических текстов и конкретность описательных, помогая читателю осознать реальные факты, проникнуть в их сущность.

В каких аспектах обычно рассматривается научное содержание, заключенное в литературном произведении? Этих аспектов много. Все они в конечном итоге вытекают из особенностей научной идеологии как специфической формы отражения объективного мира и из ее социальной функции, роли в обществе (как средства познания, классовой оценки и преобразования жизни). Перечислим эти критерии:

— достоверность, истинность (проверенная практикой или обоснованная логически, подтвержденная правильностью исходных методологических предпосылок);

— новизна проблем или трактовки традиционных вопросов, фактов;

— практическая применимость;

— эвристическая, методологическая значимость (продуктивность для объяснения фактов, сущность которых еще не раскрыта наукой, ценность для решения различных теоретических проблем);

— глубина (способность раскрывать внутреннюю природу жизненных явлений, недоступную для простого наблюдения);

— точность;

— конкретность,

— простота;

— красота (стройность, строгая последовательность, гармоничность, соразмерность и т. д.).

---

[1] Объяснительные тексты могут быть и другого типа: в них могут объясняться не только факты, но и законы науки. Но мы здесь рассматриваем лишь одну из их разновидностей.

Значимость перечисленных выше аспектов для характеристики и оценки идейно-научной основы пропагандистского произведения не одинакова. Достоверность, связь с политической практикой и соответствие последним достижениям науки — это главные и обязательные требования, которым должна отвечать пропагандистская книга.

Если говорить о более конкретных задачах анализа научного содержания отдельного произведения, то на первое место надо поставить оценку общей идейно-научной концепции автора, исходных постулатов, которые определяют его подход к разработке темы. Например, автор разрабатывал тему о социальном прогнозировании. Развертывание этой темы зависело от того, какое содержание он вкладывал в понятие «социальное прогнозирование». Как отметил рецензент, трактовка этого понятия у автора была неточной. В рукописи речь шла о всяком прогнозировании: экономическом, политическом, демографическом. А о социальном в конкретном смысле этого слова в ней говорилось меньше всего.

Наибольшей точностью (логической определенностью) должны отличаться в рукописи ключевые для данной темы понятия, а содержание тех понятий, которые автор использует для того, чтобы раскрыть смысл ключевых, может быть передано менее полно (при помощи примеров, метафор, характеристик и т. д.).

Пропагандист может привести неполные определения и объяснения, но он не может давать неверные и несостоятельные.

Особенно важное значение при редактировании пропагандистских текстов приобретает требование к понятиям и утверждениям, которое вытекает из критерия конкретности истины.

Требование конкретности распространяется на идеологические объяснения фактов и законов общественной жизни.

При анализе научных доказательств в пропагандистской литературе необходимо учитывать, что ни единичный факт, ни пример, ни художественный образ не могут выполнять в ней функции аргумента. «Пример — не доказательство», — писал В. И. Ленин[1].

Анализ и оценка методов изложения в пропагандистской литературе

Изложение научного материала в пропагандистской литературе должно быть подчинено пропагандистским целям.

Для того чтобы книга могла выполнить свои пропагандистские функции, ее конкретное содержание и форма должны отвечать системе требований, от выполнения которых зависит его воспитательная ценность, степень эффективности воздействия на читателей.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 44, с. 417.

Мы выяснили уже специфические познавательные задачи, которые призвана решать эта литература, определили, как оценивается ее научное содержание. Теперь охарактеризуем методы изложения научного материала. Идеологические знания должны быть изложены в пропагандистской книге так, чтобы превратиться в научные убеждения читателя. Для этого необходимо выполнение следующих задач:

1. Поскольку в массово-политической книге речь идет о глубоких теоретических знаниях, о закономерностях объективной действительности, то читатель, чтобы принять их, должен разобраться в материале, понять его. Значит автору пропагандистской книги надо владеть искусством популяризации.

2. Объективность научно-идеологических истин не является очевидной и нуждается в обосновании при помощи фактов и теорий, не вызывающих у читателя сомнений в достоверности. Они будут приняты только в том случае, если представления о социальной действительности, сложившиеся у читателя под влиянием всей совокупности условий, в которых он живет, не вступят в противоречие с той информацией и с теми ценностными установками, которые несет книга.

Следовательно, автор пропагандистской книги должен не затушевывать противоречия жизни, а, опираясь на положительный опыт масс, объяснить их с научной точки зрения.

3. Автору пропагандистской книги следует учитывать, что все важнейшие явления общественной жизни буржуазная идеология истолковывает и оценивает с позиций своих классовых интересов и всеми возможными средствами пытается навязать свои взгляды трудящимся массам, не гнушаясь обманом и демагогией.

Это требует от нашей пропаганды боевой, полемической направленности, убедительной для масс критики буржуазной идеологии. Пропагандистская литература должна формировать и развивать у читателей способности к критическому мышлению, умению сопоставлять разные точки зрения, осознавать правильность марксистской идеологии.

4. Убеждениями могут стать только такие знания, которые опосредованы чувством человека. Значит пропагандистская книга должна быть эмоциональной, но характер и степень эмоциональности текста следует согласовывать с научным материалом, лежащим в ее основе.

Эти четыре объективных требования и определяют задачи редакторского анализа методов изложения в пропагандистской литературе.

Рассмотрим подробнее, с каких позиций следует анализировать и оценивать искусство критики буржуазной идеологии в пропагандистской литературе, а также какие методы изложения в наибольшей степени способствуют формированию у читателей самостоятельности мышления.

Пропагандистские произведения, в которых критика буржуазной идеологии является основной задачей, требуют не только

глубокого, но и разностороннего редакторского анализа. Их содержание и форму необходимо последовательно рассмотреть с трех точек зрения: теоретической, тактической и морально-этической.

Теоретические принципы критики буржуазной идеологии изложены в «Заключении» к книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Они являются основным критерием научности подхода к разоблачению концепций идеологического противника.

Буржуазные теории не дают объективных знаний о социальной действительности. Показать их гносеологическую несостоятельность — одна из главных задач научной критики. Пропагандистская ценность произведения будет во многом зависеть от того, насколько глубоко, доступно и убедительно автор сумеет доказать, во-первых, антинаучность исходных методологических принципов, на которые опираются идеологи буржуазии, а во-вторых, недостаточность их аргументации.

Буржуазные концепции не только ложны в своей основе, но и реакционны, так как выражают потребности отживающих классов. Пропагандист должен уметь показать, что какими бы высокими словами они ни прикрывались, какой бы терминологией ни жонглировали, за ними скрыта антинародная сущность.

Идеология является не только формой отражения жизни и выражения классовых интересов. Она имеет и свою внутреннюю логику развития. Каждая «новая» точка зрения так или иначе связана с предшествующими этапами развития общественно-политической мысли. И, как правило, современные буржуазные концепции, которые выдаются за новейшие теории, на самом деле имеют глубокие исторические корни и нередко развивают такие идеи, которые уже давно были разбиты как ложные и политически вредные для трудящихся. Показать подлинное место критикуемых взглядов в историческом процессе идеологического познания, выявить их основные тенденции, определить, насколько они опасны, — еще одна важная задача пропагандистской литературы.

Наконец, надо показать почву, на которой произрастали критикуемые концепции, как они извращают данные естествознания, конкретной социологии, как они по-своему интерпретируют все стороны жизни, все достижения мировой культуры.

Кроме перечисленных задач, можно указать еще и на более конкретные, более частные требования тактического характера, которые необходимо учесть редактору при оценке методов изложения в пропагандистской книге:

— критиковать нужно всю концепцию идеологического противника в целом, а не выхватывать отдельные фразы из контекста его выступлений;

— разбирать аргументацию противника следует, не обходя трудных и запутанных вопросов, с особой тщательностью анализируя и оценивая как раз те аргументы, которые самим буржуазным идеологам кажутся неопровержимыми. Мастерство автора

заключается в том, чтобы органически сочетать раскрытие взглядов противника с показом их несостоятельности;

— основной удар направлять против того, что представляет главную опасность в данный момент. Так, оголтелый антикоммунизм, открытая ненависть к социализму, к марксистской идеологии уже не находят «спроса». Поэтому наиболее опасен сейчас антимарксизм и антисоветизм, прикрытый левой фразой, «революционной» терминологией;

— не только критиковать ошибочные положения, но и противопоставлять им научные. Пропаганде марксистских взглядов на то или иное общественное явление необходимо уделять в произведении не меньше места, чем разоблачению несостоятельных утверждений идеологического противника;

— изучать и разоблачать те методы, которыми пытаются буржуазные пропагандисты воздействовать на массовое сознание, на отдельные социальные группы: рабочих, студенческую молодежь, интеллигенцию. Тактика идеологического и политического противника должна учитываться автором пропагандистской книги, которой нужно придать и контрпропагандистскую направленность;

— обнажать связь теоретических, внешне иногда объективистских, буржуазных концепций с политической практикой империалистических государств.

Существуют и незыблемые принципы социалистической этики, которые принимаются редактором в расчет при анализе пропагандистской полемической литературы.

Автор советской пропагандистской книги не может позволить себе какие бы то ни было искажения, сознательные упрощения, неточные воспроизведения точки зрения своего идеологического противника. В. И. Ленин учил пропагандистов: «Нельзя давать врагам оружие, неверно толкуя их!» [1]. Говорил он и о двух разных формах полемики, о ее тоне, который зависит не только от политической тактики партии в данных исторических условиях, но и от того, против кого полемика ведется: против открытых и злобных врагов или против заблуждающихся единомышленников. Резкие выражения, гневные обличения, беспощадные характеристики применимы в борьбе с открытыми и замаскированными врагами, но по отношению к ошибающимся друзьям нужен тон товарищеского разъяснения [2].

Особенную важность в пропагандистской литературе, в связи с ее специфическими задачами, приобретают такие методы изложения, которые способствуют развитию у читателя способности к самостоятельному критическому мышлению.

Известны три основных способа изложения научного материала в популярной литературе, в том числе и в пропагандистской:

---

[1] Ленин — журналист и редактор. М., 1960, с. 160.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 15, с. 297.

— информационный (сообщающий о результатах научных исследований). Этот метод предполагает пассивное восприятие материала читателем;

— иллюстративный (поясняющий, конкретизирующий абстрактные истины науки). Он более ценен с пропагандистской точки зрения, так как способствует пониманию марксистско-ленинской теории;

— проблемный (развивающий, заставляющий читателя активно мыслить, вместе с автором решать задачи, находить правильные подходы к разным вопросам). Этот метод учитывает, что «все человеческое познание есть не что иное, как не прекращающийся процесс постановки и разрешения все новых и новых задач, вопросов, проблем, трудностей»[1]. Поэтому и учить критически, самостоятельно мыслить нужно с развития способности ставить вопросы.

Этот метод называется проблемным потому, что он реализует в популяризаторской, пропагандистской практике закономерности исследовательского мышления, которое активизируется тогда, когда сталкивается с проблемой — вопросом особого рода. Проблемой называют такую задачу, которая неразрешима с помощью уже известных знаний и способов действия. Она обычно выглядит как противоречие, парадокс, возникающий в ходе развития познания: противоречие между сложившимися, привычными теориями и новыми фактами, не укладывающимися в эти теории; противоречия между различными точками зрения на один и тот же сложный и многосторонний предмет; противоречия между явлениями и сущностью вещи, между здравым смыслом и теорией.

Создание автором книги таких противоречивых ситуаций, или, как говорят психологи, ситуаций интеллектуального затруднения, это и есть реализация проблемного метода изложения. Проблемы, которые постоянно приходится воспроизводить и решать автору полемических произведений, в наибольшей степени позволяют выполнить все функции, присущие пропагандистской литературе: ибо, споря, автору приходится разъяснять, доказывать, сопоставлять разные точки зрения, разоблачать ложь и утверждать истину. Спор в пропагандистской литературе можно вести не только с идеологическим и политическим противником. Спорить можно со скептиком. Автор располагает неисчерпаемыми литературными возможностями создания ситуаций интеллектуального затруднения в тексте. В одной из книг, например, использована форма письма, присланного школьником на московское радио, в нем было написано:

Говорят, что невозможно мышление без языка. Наверное, это так, но все-таки мне не очень верится. Я живу в Кировской области, в селе, учусь в десятом классе. И вот выйду я утром на опушку леса и наслаждаюсь красотой нашей русской природы: ветер шепчет что-то в верхушках сосен, поют птицы, трава посеребрена росой и тонко-тонко пахнет ландыш, когда его сорвешь. Так и хочется

[1] Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М., 1968, с. 165.

писать об этом стихи, но слова не идут на ум, а все равно переживаешь все это и чувствуешь красоту. При чем же здесь язык? Я ведь даже не могу подобрать подходящих слов, а все-таки думаю и все понимаю. Это, во-первых. А во-вторых, сижу я, скажем, за рулем автомобиля и кручу баранку вправо-влево. И никакими словами не пользуюсь. Или на ринге, когда боксер выбирает, куда бы ему ударить противника: он ведь тоже обходится без языка! Как же говорят, что мышление без языка невозможно?

Здесь в самом начале книги, посвященной марксистским философским взглядам на соотношение языка и мышления, создана проблемная ситуация. Такое начало подчинило себе все последующее изложение, в котором доказывается, что язык и мышление взаимосвязаны, выступив в роли композиционного приема, способа организации материала в книге.

Талантливые популяризаторы и пропагандисты активно используют проблемный метод изложения, ведя читателя от одной проблемы к другой, находя выход из одной ситуации умственного затруднения и сразу же ставя читателя в другую, казалось бы, убеждая читателя в правильности какой-то точки зрения, чтобы потом противопоставить ей другую, подводя его в конце концов к правильному выводу.

Умелое использование проблемного метода изложения развивает у читателя диалектическое мышление.

В любой пропагандистской книге можно встретить все три метода: информационный, иллюстративный и проблемный. Но не всегда они рационально используются в конкретных текстах. Часто на первый план выступает наименее выигрышный — информационный, в то время как его «сила» только в краткости и потому он уместен преимущественно для изложения дополнительных сведений, помогающих читателю лучше понять основной материал.

3. РАБОТА РЕДАКТОРА НАД СОДЕРЖАНИЕМ АГИТАЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Общие задачи редакторского анализа

Методика редакторского анализа агитационного произведения определяется спецификой агитационной литературы, особенностями ее предмета, целевого назначения и читательского адреса.

Задача формирования у широких масс коммунистических идейно-политических убеждений требует от авторов непосредственного обращения к жизни и прежде всего к ее политической стороне — отношениям между классами, партиями, нациями и государствами. Политические отношения проявляются в многочисленных событиях, участниками которых являются социальные классы и группы. Это — претворение в жизнь политических идей и лозунгов, сформулированных в партийных и государственных документах, сотрудничество социалистических стран, национально-освободительные движения и т. д.

Автор агитационной литературы использует наиболее характерные для политической агитации формы интерпретации факти-

ческого материала. Факты и их интерпретация — это два основных компонента агитационного произведения, на анализе и оценке которых и сосредоточивает свое внимание редактор.

По своим методам и литературным приемам агитационно-массовая литература напоминает художественную с четко выраженной политической тенденциозностью. Не случайно художественно-публицистические жанры находят все более и более широкое применение в современных изданиях агитационного характера. К созданию агитационной книги издательства привлекают художников слова — писателей и журналистов. Памфлет и фельетон, в которых разоблачается антинародная сущность политики буржуазных партий, очерк, в котором отражается жизнь советских людей, утверждаются коммунистические идеалы, — явление не редкое в современной литературной практике.

Редактирование художественно-документальных жанров литературы имеет свои особенности. Редактор, например, не может пройти мимо таких проблем, как художественная типизация, соотношение документальности и вымысла, особенности сюжетного построения текста и т. д. Более подробно о задачах редакторского анализа и критериях оценки художественно-документальной литературы на примере очерка говорится в другом разделе учебника. Здесь же мы остановимся лишь на главных направлениях работы редактора над агитационной литературой вообще, независимо от ее жанра.

Анализ и оценка фактической основы произведения

В основе агитационного произведения, как правило, лежит эмпирический материал: всем доступный индивидуальный факт, пример, ситуация. Однако нередко в нем используются и статистические данные, регистрирующие массовые общественные явления. Но независимо от того, единичные события или массовые явления отображает автор, он всегда описывает социальные факты, представляющие собой общественно значимые поступки людей. Причем человек интересует автора агитационной книги прежде всего как социально-политический тип, а не как индивидуальный характер.

Источниками информации, на базе которой создается агитационная литература, могут служить как личные наблюдения автора, так и документальный материал: газетно-журнальные публикации, справочники, данные социологических и исторических исследований.

Любое ли событие общественной жизни может послужить основой для агитационной книги? Какими критериями должен руководствоваться редактор при оценке фактов в произведении, назначение которого — оказывать агитационно-политическое воздействие на читателя?

Ценные указания на этот счет мы находим в работе В. И. Ленина «Что делать?». В то время, когда была написана эта книга, основная задача массовой агитационной литературы заключалась во всестороннем политическом обличении дикости и произвола, господствовавших в царской России. В. И. Ленин тогда писал, что нам нужны «обличения не столько «мелочей», сколько крупных, типичных недостатков фабричной жизни, обличения, сделанные на примерах особенно рельефных и способные потому заинтересовать *всех* рабочих и всех руководителей движения, способные действительно обогатить их знания, расширить их кругозор»[1]. Обличая эксплуататоров, агитатор должен «схватывать» не мелочи, а действительно выдающиеся и типичные безобразия»[2].

Сейчас, естественно, изменились конкретные задачи агитации, но характер, форма агитационного воздействия на массы, раскрытые В. И. Лениным, продолжают широко использоваться в идеологической работе партии и в наше время.

Из ленинской характеристики сущности политической агитации следует важный вывод для оценки фактов в агитационной литературе. Факты должны отвечать по крайней мере трем главным требованиям: быть типичными (четко выражать основные закономерности жизни советского общества), обладать политической значимостью, нести большой эмоциональный заряд (затрагивать интересы масс, вызывать у них определенное социальное, классовое отношение).

Само собой разумеется, факты должны быть достоверными: правдивость — это один из коренных принципов, лежащих в основе всей идеологической работы Коммунистической партии.

Типичное автор ищет в самой жизни. Агитационная литература документальна по своему существу. Художественный вымысел, словесная карикатура, гиперболизация и другие приемы, характерные для художественного творчества, «привязаны» в ней к реальным жизненным ситуациям и служат по преимуществу средством их оценочной интерпретации.

Массово-политическая книга не может воздействовать на читателя так же, как газета, радио или телевидение, хотя и она включается в систему средств массовой коммуникации.

В газете «информация представляет собой определенный непрерывный «сюжет». Факты, сообщенные сегодня, соединяются в сознании читателя с информацией на ту же тему, которую газета дала вчера. В течение недели, месяца ряд фактов «выстраивается в восприятии читателя в некую картину, за фактами вырисовываются явление, процесс, тенденция развития»[3]. Только совокупность выступлений за более или менее длительный срок способна верно отразить тенденцию общественного развития в той или иной сфере жизни. «Если, скажем, газета из номера в номер

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 6, с. 147—148.
[2] Там же, с. 148.
[3] Черепахов М. С. Проблемы теории публицистики. М., 1971, с. 70.

обличает — ни в одном случае не погрешив против истины! — казнокрадов, волокитчиков, пьяниц, не давая при этом места для выступлений о людях, способных служить образцом нравственной чистоты, общественное мнение будет дезориентировано. Тенденция окажется ложной, порочной» [1].

Книга функционирует в обществе не так, как газета. Ее объем и, следовательно, длительность воздействия на читателя порождает у него устойчивые реакции. Поэтому в ней общая «тенденция», явление, стоящее за фактами, должны быть показаны с достаточной полнотой и отчетливостью.

Существуют понятия о положительных и отрицательных фактах. В этих понятиях отражено оценочное отношение к объективной действительности. В положительных фактах находит выражение прогрессивная направленность общественного развития. Отрицательные факты — это проявление отживших явлений, противоречащих основной линии исторического движения, затемняющих ее. Редактор должен следить за тем, чтобы книга показывала действительное место отрицательных фактов в нашей жизни, их несоответствие закономерностям социалистического образа жизни.

Достоверность документального материала редактор обычно проверяет по справочникам, хотя в наиболее сложных случаях простого обращения к справочным изданиям бывает недостаточно и приходится использовать другие источники и другие методы работы.

При определении типичности фактов существенную помощь могут оказывать методы их установления и критерии оценки, выработанные конкретной социологией и историческим источниковедением.

Агитационная литература, как уже говорилось, не принадлежит к числу научных документов. Автор агитационного произведения не исследует жизнь так, как изучает ее ученый, и даже, как правило, не популяризирует в прямой форме результатов теоретических изысканий. Однако отрывать советскую агитационную литературу от науки нельзя, поскольку автор воспринимает и освещает жизненные факты с позиций научного, марксистского мировоззрения, теоретически обоснованного политического идеала, связывая таким, специфическим для агитации, образом теорию с практикой. Недаром политическую публицистику В. И. Ленин называл историей современности.

Именно поэтому и возможно использовать в практике редакторской работы над фактической основой агитационного произведения методы, выработанные наукой.

Так, общая концепция автора, которая оказывает существенное влияние на отбор и компоновку фактического материала агитационного произведения, его конкретная цель, та идея, к которой

---

[1] Черепахов М. С. Проблемы теории публицистики, с. 70.

он хочет подвести читателя на основе фактов, поддается в большинстве случаев проверке теорией, если она даже и не выражена в тексте в форме постулата. Например, автор одной из книг поставил перед собой актуальную цель — показать трудовой героизм наших современников, показать так, чтобы увлечь читателя, вдохновить его, дать пример для подражания.

Но для решения этой агитационной задачи автор отобрал из жизни такие факты, которые показывали труд человека в исключительных обстоятельствах, требующих не просто усилий, но и большого физического напряжения. Подобные примеры, яркие, эмоционально впечатляющие, будучи собраны в одном произведении, подводят читателя к не совсем правильному понятию трудового героизма. Они не выражают прогрессивной тенденции нашего времени, отмеченной в документах партии, тенденции к существенному изменению в характере труда. Не учитывают они и новых требований, которые научно-технический прогресс предъявляет к людям труда. Прав был рецензент, который отметил: «Слов нет, трудовой героизм — неотъемлемая черта строителя коммунизма. Но он находит свое выражение прежде всего в высоком профессиональном мастерстве, применении новой техники, умении рационально организовать производство, максимально облегчить условия труда».

При оценке документального материала агитационной книги достаточно продуктивными оказываются приемы так называемой аналитической критики исторических источников. Эти методы требуют принимать в расчет следующее:

— время создания документа, ибо «взятый вне времени, он оказывается вырванным из конкретно-исторических условий, его породивших, и не может быть правильно истолкован» [1];

— политическое лицо автора документа, ибо «чистых» описаний, абсолютно беспристрастных свидетельств об общественных действиях личностей не бывает;

— авторитетность источника, возможная степень информированности его автора (рядовой участник события, руководитель, человек, получивший сведения из вторых рук, и т. д.);

— побудительные мотивы создания документа, его назначение (официальный отчет, публицистическое выступление, научное исследование);

— существенность тех характеристик, которые даются событиям в источнике.

Описание факта, его детализация должны соответствовать предмету агитационной литературы. Из какой бы области жизни ни был взят факт, он должен подводить читателя к политическому обобщению, к политической идее. Более того, политическая идея должна служить в агитационной книге стержнем, систематизиру-

---

[1] Варшавчик М. А. Основы источниковедения истории партии. — «Политическое самообразование», 1971, № 12.

ющим принципом, даже если факты, освещаемые в ней, не относятся непосредственно к сфере общественно-политической деятельности людей.

Правомерно ли, например, выпускать книгу о принципах планировки городов, об интерьере квартир, о строительных материалах и т. д. как агитационную? Все зависит от того, в каком аспекте будут отражены факты архитектурной и градостроительной практики. Если автор подойдет к ним с чисто технической, профессиональной стороны, подчеркнет в описаниях технологическую сторону дела, — произведение не получит политического звучания. А если он подчинит свое повествование тому, чтобы рассказать о строительстве жилых домов как одной из важнейших сторон коммунистического переустройства быта, если он скрепит весь фактический материал идеей о том, что подход к решению градостроительных проблем в нашей стране пронизан заботой о человеке, вытекает из природы социалистического строя и предусматривает создание для всех советских людей самого высокого уровня жизни, — то книга, безусловно, будет агитационной.

Это требование не всегда выдерживается в рукописях. Иногда они бывают перегружены чисто производственными, техническими, специальными подробностями, затушевывающими политическую суть фактов.

Исследуя закономерности социально-психологических процессов и пути формирования общественных настроений, эмоций, установок средствами массовой коммуникации, социологи пришли к выводу о плодотворности так называемого принципа повторений как одного из способов повышения практической эффективности агитации. Однако повторять нужно лишь идею, мысль, лозунг, воплощая их все в новые и новые факты.

Интерпретация фактов в агитационной литературе

Агитатор не может быть пассивным регистратором фактов. Он формирует отношение к ним. Чем же отличается подход к интерпретации, осмыслению факта в агитационной литературе от истолкования его в пропагандистском произведении?

Пропаганда раскрывает сущность факта путем его научного объяснения, ставит факт в прямую связь с тем или иным законом науки, сама оценка факта часто дается средствами науки и дополняет теоретический анализ. Для агитационной литературы такая форма интерпретации не характерна, во-первых, потому, что в ней освещаются преимущественно единичные события; во-вторых, потому, что автор агитационного произведения часто идет по горячим следам событий, а для теоретической интерпретации явлений, для их серьезного научного анализа требуется время, а самое главное — научное объяснение не может автоматически привести к агитационному эффекту.

Наиболее характерной формой интерпретации факта в агитационной литературе является его морально-политическая оценка [1]. Давая оценку тех или иных событий, явлений общественной жизни, автор формирует у читателя первоначальную реакцию на них еще до того, как пропагандистская литература объяснит ему глубокую сущность данных событий.

Сила морального воздействия агитационной литературы велика. Она оказывает на читателя большое стимулирующее влияние, повышает его активность.

Этика учит, что «признание общественного строя, экономических отношений, государственных учреждений, политических актов справедливыми или несправедливыми, добром или злом играет большую роль в детерминации поведений, в стимулировании активности... хотя познание в рамках и на основе морали само по себе не является глубоким проникновением в сущность социальной действительности, ее закономерностей» [2].

Моральные оценки могут быть явными, отчетливо выраженными в тексте, и скрытыми, когда автор рассчитывает на то, что читатель прочно усвоил те морально-политические принципы и нормы, которые определяют его отношение к описываемым фактам. Это бывает тогда, когда сам факт, независимо от формы его описания, волнует читателя, затрагивает его интересы, хорошо соотносится с теми моральными нормами, которые являются общепринятыми в данном обществе и в данной среде. При оценке текста надо учитывать, что сдержанность описаний, простота, отсутствие громких фраз и риторики могут подчас оказать большее агитационное воздействие на читателей, чем призывы и лозунги.

Вообще сила агитационного действия определяется самыми различными факторами, поэтому автору нельзя предписывать строго определенную форму освещения факта. В. И. Ленин отмечал, что один агитатор добьется лучших результатов благодаря задушевному тону изложения, другой — благодаря своему воодушевлению, третий привлечет полемическим пафосом, четвертый — обилием ярких примеров. Все зависит от характера материала, настроения аудитории и индивидуальной манеры агитатора. Главный источник чувств и переживаний человека — не какие-то искусственные приемы психологического воздействия на него, а сама жизнь, факты и явления действительности.

Моральная оценка факта в произведении может быть правильной или неправильной, объективной или субъективистской, достаточной или недостаточной. Поэтому серьезный анализ интерпретации факта автором агитационной книги является одной из важных задач редактора.

Большую помощь в разработке методики редакторской работы над этой стороной произведения оказывает логика [3], на основе ко-

[1] В художественно-публицистических произведениях дается и эстетическая оценка.
[2] Крутова О. Н. Человек и мораль. М., 1970, с. 90.
[3] См.: Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970, с. 21—34.

торой можно выявить структуру оценочного текста, найти в нем главные моменты, на которых следует сосредоточить внимание. Так, можно выделить четыре элемента, которые прямо или косвенно обнаруживаются в любом оценочном тексте. Это субъект оценки (автор), предмет оценки (факт в произведении), характер оценки (положительное или отрицательное отношение автора к факту, «величина» оценки: пафос или одобрение, обличение или ирония) и, наконец, — основание оценки.

Особенно важным представляется выявление основания оценки, уяснение вопроса: почему автор реагировал на событие так, а не иначе, что послужило мотивом именно такой реакции — субъективные побуждения или объективные черты самого предмета?

Характер, сила моральных оценок, которые автор агитационного произведения дает жизненным явлениям, может оказаться несоответствующим истинному значению факта, его подлинной ценности. Подобные недостатки агитационных текстов проанализировал М. И. Калинин в своей речи на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде 28 сентября 1942 г. Он говорил:

«Нередко в газетных заметках можно встретиться с хвастовством. Недавно я прочел в газете описание одного боевого эпизода, в котором говорится, как командир роты лейтенант такой-то провел наступление в соответствии с возможностями роты и взял населенный пункт. Рассказав о всех стадиях боя, корреспондент добавляет, что лейтенант взял данный населенный пункт по-суворовски. Можно ли в данном случае так сказать? Можно, конечно, но все же термин «по-суворовски» нужно применять очень осторожно. Если мы будем применять этот термин к каждому относительно небольшому боевому действию взвода, роты, то этим мы снижаем его значение. Выходит, что действия Суворова — великого полководца, прославившегося в ряде блестяще проведенных военных кампаний, — корреспондент приравнивает к важному, но относительно ограниченному по своим масштабам боевому действию. Мы должны лейтенантов поднимать до Суворова, а тут вдруг за одно удачное действие сразу окрестить: «по-суворовски» [1].

Причину оценок, не соответствующих характеру материала, часто можно обнаружить в недостаточной информированности автора, в том, что сведения, которыми он располагал, создавая свое произведение, были «протокольными», «анкетными» и не давали ему возможности вжиться в факт, прочувствовать его. Тогда в тексте появляется ложный пафос или слезливо-сентиментальный комментарий.

Такого рода недостаток также был отмечен М. И. Калининым в указанном выше выступлении. Он привел в пример отрывок из газетной корреспонденции:

«К вечеру, когда бой стал утихать, когда сотни немецких

---

[1] Калинин М. И. О корреспондентах и корреспонденциях. М., 1958, с. 150.

трупов остались в долине, когда догорали немецкие танки и оттягивались в тыл немецкие полевые орудия, все узнали... что старший сержант Рахальский, хорошо замаскировав пулемет, открыл уничтожающий огонь по наступающим немецким колоннам и уложил 50 человек. Честь и слава старшему сержанту Рахальскому!

Все узнали, что сержант Тупотченко, пренебрегая смертью, отбил у фашистов четырех раненых бойцов и вынес их с поля боя. Честь и слава сержанту Тупотченко!

Все узнали, что в рукопашном бою красноармеец Жиенко убил шестерых немцев. Честь и слава красноармейцу Жиенко!..»... Автор, — говорил М. И. Калинин, — как разгулявшийся богатей, раздает честь и славу, как вяземские пряники... Это неуважение к людям, проявившим подлинный героизм, неуважение и к читателю, ибо автор как раз и не показал людей. Он перечислил по служебной записи: такие-то сделали то-то, и добавил два слова: «честь и слава» [1].

Редактор при анализе агитационного произведения должен обратить внимание, достаточны ли основания для той или иной авторской оценки.

Исходным моментом для редактора, анализирующего авторскую интерпретацию факта в агитационной литературе, даже если она представляет собой лишь эмоциональную его оценку, должен быть один из принципов марксистской этики: цель моральной оценки любого общественного явления, любого социального факта заключается в том, чтобы определить, в каком отношении находится это явление к объективным интересам прогрессивных сил общества, к политическому и моральному идеалу коммунизма, научно обоснованному в марксистской идеологии.

Важным критерием является определенность оценок, содержащихся в произведении, их ясность и непротиворечивость. Поставить моральную проблему и не решить ее, не подвести читателя к строго определеному выводу — значит не добиться агитационной действенности книги. Агитация должна быть наступательной и активной. М. И. Калинин советовал авторам агитационных выступлений: «...Когда по строго практической линии направляем... вопрос, только языком фактов говорим, то меньше доходит, а когда даешь обобщение, оценку политическую, — это воспитывает» [2].

Иногда возникает необходимость в процессе редактирования усилить оценку или вызвать у читателей более определенную морально-политическую реакцию на какое-то событие, описанное в произведении. Особенно часто такая задача решается при редактировании газетно-журнальных материалов. Для этого можно использовать заголовок, почти не вмешиваясь в сам авторский текст. Например, в одной из заметок автор рассказывал о встрече быв-

---

[1] Калинин М. И. О корреспондентах и корреспонденциях, с. 147, 148.
[2] Калинин М. И. Советы агитатору. М., 1959, с. 83.

ших воспитанников детского дома, в прошлом беспризорников. Среди тех, кто приехал на встречу, оказались ныне всемирно известный академик, писатель — лауреат Государственной премии, генерал-полковник, директор одного из крупнейших в стране совхозов, руководители предприятий и учреждений, рабочие, награжденные высокими правительственными наградами. Текст был изложен в жанре хроникальной заметки, не несущей никакой заметной морально-политической оценки. Для того чтобы усилить ее действенность, редактор дал ей заголовок «Их воспитала Родина», придав стилистически нейтральному тексту отчетливо выраженное патриотическое звучание. Этот заголовок сыграл роль политического обобщения.

Этот же прием может быть использован и в книге: оценка какого-то факта, к которой нужно привлечь внимание читателя, подчеркивается в названии главы, раздела, а иногда даже вся рубрикация агитационного текста подчиняется этой цели.

Усиление или ослабление авторских оценок диктуется не только особенностями самого фактического материала книги, его объективной ценностью, но и социально-психологическими законами, регулирующими механизм усвоения личностью социального опыта. Автор агитационного произведения должен добиться того, чтобы читатель принял его точку зрения. А это зависит не только от мастерства автора, но и от подготовленности самого читателя. Поэтому редактору нужно уметь смотреть на текст и глазами тех, кому адресуется агитационная литература.

Советская социальная психология уже приступила к изучению проблемы восприятия информации, распространяемой через средства массовой коммуникации. Однако в этом направлении сделаны лишь первые шаги. Какие же выводы социальной психологии могут помочь редактору в его работе?

1. Восприятие личностью установок зависит от многих факторов: прежде всего от авторитетности социальных ценностей, от престижа агитации, от ситуации, от личных качеств автора (его умения, способности убеждать).

2. У взрослого человека с возрастом непосредственное подражание внешним образцам уступает место сознательному следованию примерам, основанному на их критическом осмыслении. Из этого необходимо сделать вывод о необходимости углубления содержания агитационных книг, усиления аналитического подхода к материалу.

3. Действенность агитационных выступлений зависит от соотношения характера информации, получаемой личностью из литературы и путем непосредственного взаимодействия с общественной практикой, жизнью.

4. Многое определяется тем, насколько читатель будет вовлечен в решение тех проблем, которые изложены в книге, учтет ли автор действительные потребности и настроения людей, для которых он пишет.

4. АНАЛИЗ ЯЗЫКА МАССОВО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературное редактирование произведений любого вида и жанра массовой литературы может преследовать общие и специальные цели.

К числу качеств, высоко ценимых в любом произведении, относятся стилистическая грамотность, простота, точность, ясность, краткость, живость, логическая стройность, оригинальность изложения.

Массово-политическая литература создается почти без использования символов и знаков, характерных для формализованных рассуждений, применяющихся часто в научной книге. Нормы литературной письменной речи носят обязательный характер, и их нарушение допускается лишь в тех случаях, когда автор сознательно делает это при решении тех или иных творческих задач.

Однако анализ стиля и языка литературы различных видов преследует и более глубокие, специальные цели. Они обусловлены тем, что язык в разных сферах общения функционирует по-разному. Это позволяет говорить о существовании функциональных стилей, как о лингвистическом явлении, обусловленном многими социальными факторами.

Специальная задача литературного редактирования заключается в том, чтобы оценить целесообразность отбора и использования речевых средств в зависимости от особенностей предмета, целевого назначения и читательского адреса литературы. В процессе совместной работы с автором над текстом при подготовке его к печати редактор добивается того, чтобы специфические цели данного произведения как элемента определенного вида литературы были выполнены с максимально возможной полнотой.

Массово-политическая литература тяготеет к публицистическому стилю. Специфика этого стиля связана с функциями агитационно-пропагандистского воздействия на читателя: не просто сообщить ему о чем-то, а убедить его, разъясняя, доказывая, внушая, определенным образом направляя его мысли, оценки, действия. Причем автор выступает не как частное лицо, высказывая свое личное мнение по тому или иному вопросу, а как представитель своего класса, своего народа, своего государства.

Относительные различия в функциях пропаганды и агитации неизбежно должны отразиться и на характере стилистических средств, используемых автором: то, что необходимо для агитации, может оказаться нецелесообразным для пропаганды.

В пропагандистской литературе находит отражение научный материал: факты, понятия, законы, теории; фактам автор должен дать научное объяснение и основанную на нем теоретическую оценку. Все это невозможно осуществить без широкого привлечения стилистически нейтральной, абстрактной книжной лексики и фразеологии, терминов и терминологических фразеологизмов, слов-связок, помогающих лучше отразить логическую последова-

тельность речи, что очень важно при воспроизведении в языке научных знаний, носящих строго системный характер.

Печатная пропаганда немыслима без оценок, поскольку она призвана формировать у читателя оценочное отношение к жизни. Однако теоретические оценки, в отличие от чисто эмоциональных и эмпирических, могут и не нести индивидуально-личностной окраски. Языковые средства, необходимые для их выражения, в принципе могут быть стилистически нейтральными: положительное или отрицательное отношение автора к факту может быть выражено без использования экспрессии. Повествование ведется преимущественно от третьего лица. В функции оценочных элементов языка часто выступают идеологические и политические термины и образованные от них прилагательные (*гуманистический, демократический, свободный, прогрессивный, справедливый, равноправный, реакционный* и др.).

Но цель пропаганды — связывать теорию с практикой, отстаивать чистоту марксизма-ленинизма. Спор, в который, как правило, вступает автор пропагандистской литературы с творцами концепций, на которые опирается политическая практика империалистических государств, требует привлечения и экспрессивных средств языка. Но экспрессия в пропаганде подчинена логике и не должна ни мешать ей, ни подменять ее.

Например, так называемый ложный пафос как стилистический недостаток появляется тогда, когда автор выражает эмоции (одобрения или негодования), не соотнося их с конкретным анализом фактов. В таких случаях читателю не совсем ясна причина тех чувств, которые высказывает автор, он не имеет возможности проверить соответствие эмоциональной оценки действительному значению тех событий или явлений, по отношению к которым она высказывается.

Агитационная литература освещает главным образом эмпирические факты, давая им эмоциональную морально-политическую оценку. Необходимость рисовать живые картинки действительности и выражать социально обусловленное эмоциональное отношение к ним требуют сближения речи автора с разговорной, уменьшения количества отвлеченно-книжных оборотов, большей конкретности, изобразительности, выразительности изложения, индивидуальности, психологизма. Агитация не ставит никаких границ эмоциональности изложения. В то же время идеологические и политические термины, попав в контекст агитационного произведения, в значительной мере утрачивают свои логические функции и воспринимаются читателем на основе ассоциаций, интуитивно, не требуют точных определений, уместных в пропагандистском произведении.

Исследователи отмечают, что в развитии публицистического стиля наблюдается действие двух противоположных тенденций. Первая заключается в образовании «типичных для данного стиля конструкций и оборотов, в типизации словоупотребления, что, естественно, ведет к возникновению функционально-прикрепленных

штампов»[1]. Другая сводится к «устранению штампов, к оживлению повествования свежими словесными оборотами»[2].

Осуществление задач массово-политической литературы, достижение агитационно-пропагандистского эффекта невозможно без усиления смысловой и эмоциональной стороны речи. Публицистический стиль и выделяется среди других тем, что отбор и использование языковых средств в нем подчиняется двум основным целям: стремлению к логической точности и однозначности, с одной стороны, и к эмоциональной напряженности — с другой.

При редактировании пропагандистских и агитационных произведений редактор учитывает как общие их публицистические качества, так и различия. И это отражается не только на методике редакторского анализа стиля и языка этих двух разновидностей массово-политической литературы, но и на критериях их оценки.

Например, различными оказываются требования к точности слова.

Как известно, подавляющее большинство слов человеческого языка имеет предметное и смысловое значение. Последнее выступает в двух формах: в форме понятия и в форме представления. «Форма понятия характерна главным образом для использования языковых единиц в научном познании мира. Когда ученый раскрывает смысл употребляемых им слов, он перечисляет существенные признаки предмета, обозначаемые тем или иным словом, т. е. указывает стоящее за словом понятие»[3].

В повседневном же общении людей «смысловым значением слов являются не понятия, а общие или единичные представления — наглядные, чувственные образы предметов (стакана, телевизора и т. д.), о которых мы рассуждаем»[4].

В пропагандистской литературе используется значительное количество терминов. Поэтому о точности языка здесь уместно говорить в том смысле, в каком говорят о ней применительно к научной литературе: точность выверяется на основе терминологических словарей и теоретических исследований.

Автор агитационных произведений разговаривает с читателем на языке жизненных представлений. И точность слов здесь проверяется по толковым словарям живого современного языка.

Особое внимание редактора при анализе и оценке стиля и языка пропагандистских текстов должна привлекать степень доступности изложения массовому читателю.

Автор пропагандистского произведения должен облегчить читателю, во-первых, понимание терминов, а во-вторых, уяснение связей между отдельными компонентами научной характеристики предмета, освещаемого в книге (между признаками понятия, между описаниями и теоретическим материалом в объяснительных

---

[1] Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968, с. 122.

[2] Там же.

[3] Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968, с. 132.

[4] Там же, с. 134.

текстах, между понятиями и законами в теоретических текстах и т. д.).

Способы разъяснения терминов и введения их в текст достаточно хорошо освещены в учебных пособиях по логике, стилистике, редактированию. При этом правильно подчеркивается, что мышление человека протекает, как правило, в свернутых, неполных логических формах, а в тексте к тому же не всегда явно выраженных. Так называемая внутренняя речь обслуживает только мышление и не служит целям общения. Поэтому «переход от внутренней речи к «внешней» труден. Этот переход часто бывает связан для автора с некоторыми потерями. Задача редактора установить эти потери и устранить их» [1].

Задачи редактора пропагандистской книги при работе над терминами усложняются следующими обстоятельствами.

В качестве терминов в марксистской науке, особенно в философии, используются преимущественно слова, которые читатель не воспринимает как непонятные для себя: они стали для него обиходными (*материя, сознание, количество, качество, сущность, явление, государство, закон, власть*). Житейский смысл таких слов не совпадает полностью с их научным смыслом, а иногда и противоречит ему (например, в обыденной речи «отрицание» обозначает отбрасывание, а в философии — отбрасывание с обязательным удержанием каких-то качеств предмета в процессе его развития).

Идеологические понятия отражают классовый подход к познанию общественных явлений, поэтому смысл одного и того же слова в языке коммунистической и буржуазной идеологии бывает диаметрально противоположным. Хорошо известно, что партии капиталистов обманывают народ с помощью рекламных названий и слов, которые они включают в свои теоретические концепции и политические программы («народный капитализм», «общество равных возможностей», «общество всеобщего благоденствия» и др.).

Все эти обстоятельства требуют от редактора пропагандистской литературы целенаправленного анализа способов разъяснения терминов, а также приемов введения их в текст, потому что автор-пропагандист не просто разъясняет читателю непонятные для него слова, а последовательно формирует у него научные понятия о различных сторонах социально-политической жизни, опираясь на те житейские представления, которые могут создать опору при разъяснениях.

В семиотике существует понятие модуса обозначения. Оно характеризует свойства текста отсылать читателя либо непосредственно к объективной действительности, либо к мыслям, суждениям об этой действительности, принадлежащим кому-то, либо к словам, которые были кем-то произнесены по поводу того или иного факта. В зависимости от этого различают предметный, смысловой и словесный модусы.

---

[1] Сенкевич М. П., Феллер М. Д. Литературное редактирование. М., 1968, с. 9.

Например, фраза «Расизм — одно из самых зловещих проявлений империализма» отсылает читателя к объекту. А высказывание «Коммунисты считают расизм одним из самых зловещих проявлений империализма» — уже отсылает нас к мысли.

Когда автор хочет подчеркнуть независимость объективного содержания научных знаний от желаний, воли, интересов людей, он использует предметный модус обозначения. Однако в пропагандистских текстах, несущих в массы идеологические знания, неизбежен перевод изложения в другой план: читатель должен получить ясное представление о том, чья точка зрения излагается в данном случае. Отсюда — значительное количество цитат в пропагандистских произведениях и вставных конструкций типа «как учит марксизм», «записано в решениях съезда», «по мнению ревизионистов», «с точки зрения агностиков» и т. д.

Важно также, чтобы в языке пропагандистской литературы нашла выражение динамика науки. Термин, например, должен отличаться своей однозначностью. В реальной жизни этого добиться трудно, так как наука постоянно развивается, совершенствуя свой понятийный аппарат и язык. Стабильный учебник вынужден показывать науку в статике. У пропагандистской литературы больше возможностей отражать последнее слово науки. А вместе с тем ей приходится в значительно большей степени преодолевать многозначность некоторых терминов, причиной которой является недостаточно четкое ограничение содержания и объема стоящих за ними понятий.

Конечно, многозначность термина в пределах одного произведения — явление совершенно недопустимое. Но как быть редактору, если при проверке точности словоупотребления в тексте он обнаружил, что термин, введенный автором в текст, пока по-разному трактуется в науке? В этом случае можно исправить текст, предпослав определению или характеристике термина уточняющие выражения: *по мнению большинства советских исследователей; этот термин в советской науке чаще всего трактуется*... и др.

В пропагандистской литературе, как и в научной, важную роль играет правильная расстановка автором смысловых, логических акцентов, которые помогают читателю увидеть главное, уловить все тонкости научной мысли.

Для логических подчеркиваний могут быть использованы различные приемы: повторение слов, словосочетаний или целых фраз, специальные слова (*лишь, только, именно* и др.), противопоставления, инверсия, уточняющие определения, вопросы, скобки, шрифтовые выделения и т. д.

Весьма действенным, емким и поэтому очень распространенным стилистическим приемом является вопрос. Функции его в тексте чрезвычайно многообразны, но особенно велика его роль как средства подчеркивания логических связей.

«Вскрывая при чтении логическую структуру текста, т. е. выделяя субъекты (о чем говорится) и предикаты (что́ именно говорится), отмечая, как соотносятся между собой субъекты, выясняя,

в каких отношениях находится каждый предикат со своим субъектом, читатель определяет, из каких смысловых частей состоит текст, и вскрывает связи между ними. Благодаря этому он глубже вникает в смысл текста, лучше понимает его как целое, как систему мыслей, легче запоминает...»[1].

Для того чтобы понять текст, читатель должен «не просто выделить в тексте смысловые части, а прежде всего разрешить содержащиеся в нем смысловые трудности — проблемные ситуации»[2].

Чем отчетливее в тексте будут выражены эти проблемные ситуации, тем легче читателю понять его смысл. Вопрос может служить своеобразным сигналом этих проблемных ситуаций. Особенно важны вопросы не «что», «где», «когда», а «почему», «как», «каким образом», «зачем», «с какой целью» (именно они помогают фиксировать внимание читателя на наиболее глубоких связях между научными мыслями).

Не случайно логика научного исследования отмечает, что ответы на первую группу вопросов не выводят науку за пределы эмпирического описания, в то время как ответы на вторую группу предполагают проникновение в сущность предметов, поднимают познание на теоретический уровень.

Однако вопросы не всегда правильно и уместно применяются авторами. Так, иногда мы видим в тексте семь-восемь вопросов подряд в начале произведения. Они вводятся для того, чтобы организовать внимание читателей. Но их нагнетание не облегчает восприятие текста, читателю становится трудно следить за ходом рассуждений автора, вскрывать логическую структуру изложения. Вопрос, поставленный не на месте или сформулированный неудачно, теряет свое популяризаторское значение. А надо, чтобы вопрос заставил читателя думать, размышлять, чтобы он активизировал работу его мысли.

Редактор должен видеть часто скрытые в тексте, не выраженные в явной языковой форме проблемные ситуации, «восстановить для читателя то, что автор оставил в уме»[3], облегчить ему выявление в тексте глубоких смысловых связей.

Для логических подчеркиваний полезно использовать шрифтовые выделения: они дают возможность направить восприятие текста читателями по определенному руслу, сосредоточить внимание на главном, не пропустить самого существенного. Их роль похожа на роль интонации в устном выступлении. Но выделять нужно те слова, на которые должно падать логическое ударение (если, конечно, не подчеркивается вся фраза целиком, как это делается, когда необходимо выделить дефиницию, тезис или вывод).

Как уже было сказано, в публицистике языковые приемы, усиливающие логическую сторону высказывания, активно взаимодей-

---

[1] Доблаев Л. П. Психологические основы работы над книгой. М., 1970, с. 19.

[2] Там же, с. 22.

[3] Сенкевич М. П., Феллер М. Д. Литературное редактирование, с. 8.

ствуют с теми речевыми средствами, которые повышают его воздействие на чувства читателя.

Функции средств образной выразительности в массовой политической литературе многообразны, но эти средства не должны вводиться в ткань повествования механически, лишь для «украшения» или искусственного оживления речи. Авторы обращаются к ним, как правило, для того, чтобы полнее, понятнее, ярче раскрыть основную идею своего произведения. Образные средства часто позволяют выразить идею короче, подчеркнуть существенные признаки предмета, а главное, — высказать отношение к тому, что освещается в произведении, дать ему социально-политическую, моральную или эстетическую оценку.

Анализируя средства образной выразительности в массово-политической литературе, редактор должен рассмотреть их с разных сторон, учитывая следующие требования.

Во-первых, их уместность. При этом редактор принимает во внимание разновидность произведения, его жанр, тему и конкретную цель, поставленную автором, а также и особенности исторической обстановки, в которой будет восприниматься оно читателем.

Известно, что изобразительно-выразительные элементы определенным образом окрашивают текст. А от тона политических выступлений часто в значительной степени зависит их действенность. «Каждый исторический момент требует своей особой формы агитации и пропаганды» [1], — говорил М. И. Калинин. Она должна соответствовать сложившейся обстановке и настроению людей.

При использовании образно-выразительных средств следует учитывать, что степень доступности их может быть неодинаковой. Так, слова в переносном значении могут быть истолкованы в прямом смысле или поняты субъективно. Сложные ассоциации, на которых иногда строится образ, иносказания, при помощи которых описываются конкретные исторические и социальные факты, высказываются философские или политические идеи, могут не облегчить читателю понимание содержания книги, а наоборот, — затруднить.

Особенно внимательным нужно быть при оценке доступности образа, когда он выступает как основное, а не дополнительное средство выражения идеи, не как иллюстрация к научной мысли, сформулированной в начале книги в логической форме. Однако требовать от автора, чтобы он разъяснял свои ассоциации, раскрывая смысл образов в примечаниях, конечно, было бы нелепо.

Но не следует и спешить вычеркивать все непонятное. Надо расширять круг знаний и представлений читателя. Поэтому в процессе редактирования можно несколько изменить контекст, словесное окружение, в котором выступает образ, если при этом не разрушится единый, оригинальный образный строй речи автора.

[1] Калинин М. И. Советы агитатору, с. 53.

Во-вторых, образные средства должны быть использованы грамотно, не искажать реальные связи между теми предметами, на которых строится образ (если алогизм сам не является средством создания образа).

Автор одной из книг пишет: *Человек — чистая доска, настаивают некоторые мыслители, на которой внешнее окружение вышивает самые неожиданные узоры.* Можно ли вышивать на доске? Следовало бы заменить слово *вышивает* словом *наносит*.

В-третьих, характеристики, которые даются в произведении предметам при помощи средств образной выразительности, должны быть точными. Требования к точности образа особенно повышаются в пропагандистской литературе, когда он служит для раскрытия сущности фактов или явлений, уже познанных наукой.

Большой интерес для редактора представляют высказывания академика Б. М. Кедрова по поводу точности употребления наглядно-образных сравнений при передаче философских знаний.

Раскрывая сложную взаимосвязь теории и практики, он сравнивает значение практики с контрольным инструментом, а для характеристики роли теории использует традиционный образ компаса. «Это образное сравнение, — пишет Б. М. Кедров, — нам кажется более удачным, нежели сравнение ее с путеводной звездой. Конечно, и компас, и звезда выполняют одну и ту же роль по отношению к путнику, ищущему правильную дорогу. Однако теория не дана нам свыше, как нечто независимое от нас самих. Она создается людьми, она ими разрабатывается для целей руководства своими практическими делами, а потому здесь несравненно более уместным представляется образ компаса как инструмента, специально созданного людьми, чтобы ориентироваться в своей деятельности» [1].

Но аналогия с компасом применительно к нынешнему взаимоотношению между наукой и производством кажется ему уже недостаточной. «Ведь компас лишь указывает то направление, в котором практике надо двигаться для достижения своих целей. А сейчас речь идет буквально о прокладывании пути для ее поступательного движения, чего никакой компас сделать не в состоянии. Для этого требуется другое орудие, подобное *буровому инструменту*» [2].

В-четвертых, образные средства должны быть по возможности оригинальными. Плохо, когда образ превращается в штамп.

Оригинальная образность изложения — это всегда и нестандартность мышления, это всегда творческая переработка того, что уже известно. Образная речь — это прежде всего проявление авторской индивидуальности, один из самых действенных способов выражения «тенденции» автора в публицистике.

---

[1] «Политическое самообразование», 1969, № 11, с. 71—72.

[2] Там же, с. 75.

Глава третья

РЕДАКТИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Производственно-техническая литература адресована людям, непосредственно занятым производственной деятельностью. В ней обобщается и распространяется трудовой опыт. В работах производственно-технического характера, как правило, не отражается техника, технология, организация труда прошлого. Они строятся на фактах современного производства. В отличие от научно-технических изданий книги такого рода главным образом рассматривают то, что уже достигнуто, устойчиво реализованно, что можно повсеместно распространять. В отличие от популярно-технических производственно-технические издания рассказывают не только о принципах работы; они почти всегда оперируют точными конкретными фактами, расчетами, схемами, детально рассказывают о труде работников, деятельность которых является образцом для других.

Главная задача производственно-технической литературы — помогать производственникам в их практической деятельности; она должна включать в свою орбиту всех трудящихся — от учеников до высококвалифицированных работников.

1. ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕДАКТОРА ВЫСКАЗЫВАНИЙ В. И. ЛЕНИНА О ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ

Изучение высказываний В. И. Ленина о конкретных задачах трудящихся в области промышленного и сельскохозяйственного производства, о задачах печати в этой области помогает редактору понять основные особенности производственно-технической литературы.

Еще в дореволюционные годы Ленин подчеркивал важность создания литературы для миллионов рядовых тружеников. После Великой Октябрьской социалистической революции в своих выступлениях перед трудящимися он указывает пути подъема народного хозяйства, требует активизации производственной пропаганды, подсказывает методы собирания и распространения передового трудового опыта, следит за литературой о труде.

В марте 1918 года в «Первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин пишет: «На первое... место пресса должна будет ставить вопросы труда в их непосредственно практической постановке. Пресса должна стать органом трудовой коммуны в том смысле, чтобы предавать гласности как раз то, что старались скрыть от массы руководители капиталистических предприятий» [1].

В. И. Ленин поясняет, что такой подход к задачам печати означает следующее: опыт новой организации производства должен стать достоянием масс; надо знакомить все население с образцовой постановкой дела в опережающих другие коммунах; обеспечить гласность, чтобы все видели, как идет экономическое развитие в различных местностях; обеспечить сравнимость результатов; обеспечить возможность обмена материальными и человеческими силами.

В этой же работе Ленин говорит, что «повышение самодисциплины трудящихся... достижение ими практических результатов в смысле повышения производительности труда, экономии человеческого труда... должно составить содержание большей части материала нашей советской печати» [2].

В брошюре «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) В. И. Ленин требует, «чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения» [3].

Обращают на себя внимание планы статьи «Очередные задачи Советской власти», впервые опубликованные в XXXV Ленинском сборнике. В этих планах ведущее место занимает вопрос об улучшении производственной деятельности в стране, о производительности труда. В статье «О характере наших газет» (сентябрь 1918 г.) Ленин пишет: «...Экономика нужна нам в смысле собирания, *тщательной проверки* и изучения фактов действительного строительства новой жизни. Есть ли *на деле* успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? 〈...〉 Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?» [4].

Ленин рекомендовал воспитывать массы на живых, конкретных примерах и образцах, говорил, что печать должна обращать внимание на будничную сторону жизни, где всего больше строится новое. Всегда связывая отдельные, частные дела с общими большими задачами, Ленин учил: «Поменьше политической трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это новое» [5].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 36, с. 147.
[2] Там же, с. 148.
[3] Там же, с. 192.
[4] Там же, т. 37, с. 90.
[5] Там же, с. 91.

Ведущая проблема социалистического производства сформулирована Лениным в работе «Великий почин». «Производительность труда, — указывается в ней, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»[1].

В ноябре 1920 г. Ленин составляет черновой набросок «Тезисов о производственной пропаганде», представляющий собой конкретную программу трудового обучения рабочих и крестьян на примерах образцовых предприятий. Для организации широкого обмена мнениями с «читателем-массовиком» газетные и другие материалы рекомендуется систематически переиздавать в виде брошюр и листовок, чтобы они в еще большей степени служили делу распространения профессионально-технического и политехнического образования[2].

Таким образом, из высказываний В. И. Ленина видно, что, говоря о производственной пропаганде, о задачах печати, освещающей вопросы труда в социалистическом государстве, он предлагал систему методов изучения, обобщения, пропаганды трудового опыта.

Прежде всего речь шла о необходимости повсеместного распространения опыта работников промышленного и сельскохозяйственного производства, в частности опыта их борьбы за повышение производительности труда, экономию сырья и материалов. Подчеркивалась важность умелого показа сущности тех или иных достижений, сравнения деловых результатов, обеспечения возможности повторения опыта.

Ленин рекомендовал, далее, особо отмечать образцовую постановку дела отдельных работников и целых коллективов. Он всегда требовал марксистского подхода к освещению трудовой деятельности, учил рассказ об отдельных, частных делах связывать с общими задачами трудящихся нашей страны, практические достижения раскрывать на базе передовой науки. Чтобы читатели получали действительную пользу от выпускаемой литературы, Ленин требовал насыщения ее конкретными материалами повседневной трудовой жизни.

Он рекомендовал больше печатных изданий адресовать рабочим и крестьянам, давать возможность выступать в качестве авторов работникам, описывающим свой трудовой опыт, использовать живые примеры, излагая их популярно, доступно для читателей.

Основываясь на высказываниях В. И. Ленина, документах партии, творчески развивающих ленинские принципы, материалах XXIV съезда КПСС, который выдвинул как первоочередную задачу — «повышать эффективность общественного производства на

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 39, с. 21.
[2] См. там же, т. 42, с. 15.

основе научно-технического прогресса и более полного использования всех резервов»[1], можно сделать следующие выводы:

— особенность производственно-технической литературы заключается в том, что она оказывает непосредственную помощь в повышении эффективности труда работникам, занятым в сфере материального производства;

— ведущая проблема производственно-технической литературы — вопросы повышения производительности труда;

— основное ее содержание — передовые методы труда в практической постановке;

— главное направление при разработке тем — связь с политикой партии, с передовой наукой.

Творческое применение ленинских положений позволяет четко определять основные принципы производственной литературы, объективно анализировать рукописи, выпускать книги на высоком идейном и научном уровне.

2. ТИПЫ ИЗДАНИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основные типы производственно-технической литературы — инструктивная, информационная, о передовом опыте, производственно-технический плакат.

Работники, приходящие на производство, нуждаются в общих рекомендациях: каковы правила работы на предприятии, как их соблюдать, каковы особенности данного производства или предприятия и т. д. Таким вопросам посвящена различная *инструктивная литература*. В одних случаях — это правила внутреннего распорядка в цехе, отделе, в других — инструкции с краткими пояснениями (правила по технике безопасности и др.).

Обширная группа производственно-технических изданий, посвященная новым конструкциям, изделиям, передовым технологическим процессам, оборудованию, материалам, носит название *информационных изданий* (каталоги, проспекты, альбомы чертежей и т. д.). В последние годы информационные издания получают все большее распространение. Современные предприятия непрерывно оснащаются новой техникой, модернизируют оборудование, внедряют средства комплексной механизации и автоматизации производства. В этих условиях информация о технических новшествах приобретает исключительно важное значение. Информационная литература, в частности, позволяет своевременно знакомиться с достижениями в родственных и смежных областях производства в СССР и за границей.

Значительное место в производственно-технической литературе занимают *издания, раскрывающие передовой опыт*, достижения новаторов. Их создают обычно передовики производства самостоятельно или с помощью специалистов, а иногда и ли-

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 55.

тературных работников. Брошюра или книга о передовом опыте должна строиться на материале из практики самого автора-новатора и показывать, какими путями он добился повышения производительности труда, улучшения качества продукции, более рациональной организации труда, что нового внес он в производственный обиход данной профессии. Каждое подобное издание должно ставить перед собой задачу — знакомить читателя с передовым опытом в конкретной области, показывать его суть так, чтобы другие рабочие могли, прочитав брошюру, применить этот опыт в своих условиях. Для этого необходимо, чтобы издания о передовом опыте представляли собой как бы микромонографии с обстоятельным раскрытием нового метода, преимуществ предлагаемых нововведений, характеристикой их экономической эффективности.

Активными проводниками распространения производственного опыта являются производственно-технические плакаты, которые вывешивают в цехах, отделах, непосредственно на рабочих местах, где возможно использовать различные средства наглядной агитации.

Выполняя с учетом целевого назначения общие задачи, каждый тип издания имеет и свои специфические особенности, преследует свои более узкие цели. Уяснение их играет важную роль при овладении методикой редактирования производственно-технической литературы.

Инструктивная литература

Можно выделить две основные разновидности инструктивных изданий: по технике безопасности и по эксплуатации оборудования.

Инструкция по технике безопасности составляется для одной какой-либо специальности, отражая особенности работы. Например, в инструкции для токарей предусматриваются правила безопасности работ и при нормативных, и при скоростных режимах резания металла, даются указания, относящиеся к организации рабочего места.

Современная инструкция по технике безопасности обычно состоит из следующих основных разделов:

1) общие требования техники безопасности (на производстве, на рабочем месте);

2) специальные требования для данной профессии (перед началом работы, во время работы, по окончании работы).

Объем таких изданий обычно не превышает 0,5 печ. листа.

Более объемными и сложными по содержанию являются инструкции по эксплуатации оборудования. В них даются указания по транспортировке, монтажу, установке, наладке машин и по уходу за ними, т. е. сконцентрированы основные правила, выполнение которых гарантирует эффективное ведение работ. В настоящее время, при огромном разнообразии типов и видов машин, механизмов и оборудования, не всегда удается даже для одной

отрасли дать пригодную для любых случаев инструкцию. В инструкции для станков, например, в наиболее общей форме должны содержаться следующие характеристики и требования: 1) назначение станка; 2) транспортировка, распаковка и чистка станка; 3) установка станка на фундаменте; 4) описание кинематической схемы; 5) описание конструкции станка и отдельных узлов; 6) описание управления и наладки станка; 7) уход за станком и регулировка его; 8) паспортные данные.

Разновидностью инструкций являются «памятки». В них часто освещают не весь комплекс вопросов, связанных с установкой, регулировкой и эксплуатацией оборудования, а лишь важную часть.

Все материалы в инструктивных изданиях излагаются в виде положений, регламентирующих порядок использования оборудования и имеющих не рекомендательный, а нормативный (обязательный для выполнения) характер.

В необходимых случаях эти издания иллюстрируются. Объем инструкций по эксплуатации оборудования зависит от сложности рассматриваемых машин и колеблется от 1 до 10—12 авт. листов.

Информационная литература

Издания этого типа служат для оперативного ознакомления производственников с новостями техники, технологии и организации труда. Они особенно помогают изобретателям, рационализаторам, передовикам решать технические задачи по усовершенствованию производства, своевременно использовать нововведения, внедренные на других предприятиях, и не затрачивать благодаря этому силы и средства для решения уже выполненных задач.

Наиболее распространенные из них — брошюры и сборники рационализаторских предложений, технические листки и другие издания.

Одна из разновидностей информационной литературы — брошюры о передовом научно-техническом и производственном опыте, издаваемые республиканскими и отраслевыми институтами технико-экономической информации. Обычно это сборники кратких сообщений, в которых излагается суть изобретений, рационализаторских предложений, лабораторных исследований, имеющих практическое значение. Структура брошюр различна. Иногда они содержат однородные материалы, например, предложения по модернизации металлообрабатывающих станков, в других случаях — информацию по отраслевому признаку или по видам работ.

Изложение в них ведется кратко, приводятся основные цифровые данные, в случае необходимости — чертежи и схемы, указывается, где реализовано данное новшество, каков результат его применения.

В сборники рационализаторских предложений обычно включают наиболее существенные предложения, имеющие значение для нескольких отраслей промышленности.

Сборники технико-экономической информации — один из важ-

ных типов информационных изданий. Обычно они выходят ежемесячно или раз в два месяца. Их задача — вести техническую информацию в определенном экономическом районе, в конкретной области техники. Материалы в изданиях этого типа бывают различны: от маленьких информаций до сравнительно больших статей объемом в 0,5 авт. листа. В них используется разнообразный иллюстративный материал, фотографии, чертежи, схемы, диаграммы.

Другой вид информационной литературы — технические листки. Это самые оперативные информационные издания. Их выпускают чаще всего сериями (по отраслям производства), в каждом из них дается описание рационализаторских предложений, не имеющих межотраслевого значения. Объемы технических листков примерно 0,1 — 0,25 авт. листа.

Литература о передовом опыте

Это один из самых молодых типов производственно-технических изданий. Книг и брошюр такого рода до Великой Октябрьской социалистической революции практически не было. Они отражают культурно-технический рост рядовых работников, их инициативу, творческую силу, показывают, что планы партии о ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом активно претворяются в жизнь.

Основная задача литературы о передовом опыте — делать достижения отдельных новаторов и коллективов всеобщим достоянием, добиваться повсеместного повышения производительности труда.

Начало активному рабочему авторству положили машиностроители в период индустриализации страны. В 30-е годы массовое движение новаторов производства породило литературу, в создании и развитии которой участвовали работники всех отраслей народного хозяйства. Авторами выступили молодые рабочие, технически грамотные, в совершенстве овладевшие новой, современной техникой.

Многие работы советских новаторов переизданы за рубежом. Например, книга «Записки рабочего» известного киевского токаря-рационализатора В. К. Семинского, автора ряда книг и брошюр, переведена на многие иностранные языки.

Пропаганда опыта передовиков играет особенно большую роль в наши дни, когда в стране широко развернулась деятельность ударников и бригад коммунистического труда. Сейчас книги и брошюры передовиков производства выпускают центральные, республиканские и областные издательства.

Наиболее сильной стороной литературы о передовом опыте является то, что она раскрывает прогрессивные начинания, способствует развитию рационализаторской и изобретательской мысли, дает огромный материал не только практикам-производственникам, но и ученым.

Все это определяет содержание брошюр новаторов. Полноцен-

ное описание опыта работы должно включать в себя характеристику инструмента и оборудования, организацию рабочего места, последовательность работы, точное описание каждого нового приема, указание размеров вновь создаваемых приспособлений, результаты, полученные после внедрения новшеств. Очень важно также показать процесс исканий новатора, отдельные этапы, неудачи и их причины.

Современное производство с его высокопроизводительными машинами, поточными линиями, конвейерами основано на четком взаимодействии всех участков. Поэтому в описаниях новаторов очень важен фактор времени. Рассказ о работе, об отдельных операциях должен сопровождаться соответствующими подсчетами, позволяющими читателю увидеть, где, на каком месте, выигрывает новатор время.

Передовой опыт нередко состоит из ряда незначительных, на первый взгляд, деталей. Обстоятельное описание подобных «мелочей», показ их роли — обязательный элемент брошюры о передовом опыте.

Многоплановость произведений отражается на их структуре. Например, брошюра, рассказывающая об опыте слесарей-сборщиков одного из московских заводов, состоит из пяти глав, освещающих ряд вопросов:

«Дружный коллектив».
«Вместе с конструкторами и технологами».
«Повышаем производительность труда».
«Наша сила — в организованности».
«От простого станка к автоматам».

В каждой главе по существу рассматривается самостоятельный вопрос. Такое построение дает возможность автору рассказать о ряде новых явлений в рабочем коллективе.

Сложнее структура другой книги, в которой обобщен многолетний опыт знатного токаря. Здесь автор рассматривает вопрос о своем личном опыте. Преподносит он материал глубоко, обстоятельно, так, чтобы каждый молодой токарь, прочитавший книгу, сумел оценить преимущества предложений, описанных в ней. Отсюда — дробность рубрикации — как средство выделения важного и способ привлечения внимания читателей:

Предисловие.
Вместо введения.
Первые шаги.
Передовой труд и наука.
Сила соревнования.
«Живинка в деле».
Мой опыт.

Глава I. Улучшение геометрии резцов.

Путь к высоким скоростям.
Резцы для чернового обтачивания.
Резцы для чистового обтачивания.
Резцы для отрезания.
Резцы для обточки с ударной нагрузкой.
Резцы для выточек галтелей радиусов и торцовых углублений.

Глава II. Простые приспособления, облегчающие работу.

Без хомутика и переднего центра.
Механическая подача сверла.
Растачивание двухсторонним резцом.
Приспособление для обточки коленчатых валов.

Глава III. Некоторые приемы работы.

Обработка втулки.
Изготовление эксцентрикового вала.
Нарезание многоходой резьбы.
Нарезание спиральных и червячных шестерен.

Глава IV. Станок, рабочее место, бригада.

Как видим, здесь есть довольно сложно построенная вводная часть и главы, каждая из которых подробно рассматривает особенности инструмента и технологические приемы.

Книги и брошюры о передовом опыте разнообразны. Это могут быть рассказы новаторов о своей работе или о работе коллективов, сборники с описанием опыта передовиков, авторами статей в которых выступают специалисты, обобщающие новаторскую практику, журналисты. В изданиях такого типа широко используются различные формы подачи материала: описания, расчеты, таблицы и выводы, документальные фотографии, рисунки, схемы, чертежи и т. д.

Производственно-технический плакат

Производственно-технический плакат большей частью носит инструктивный или информационный характер. Это могут быть, например, важные положения по технике безопасности, рассказывающие рабочему, как обращаться с тем или иным оборудованием, как вести технологическую операцию. Плакат часто раскрывает передовой опыт рабочих.

Особенность формы производственного плаката продиктована его применением. Это сравнительно большой лист бумаги (один печатный лист), вывешенный, как правило, на стене в цехе, в красном уголке, в клубе. Текст плаката должен быть лаконичным, напечатан крупным шрифтом, иллюстрации красочные, оригинальные и предельно ясные, композиция всех его изобразительных элементов простая, четкая, заголовки умело составлены и расположены.

Каждый плакат адресован совершенно определенному читателю. Слесарь, токарь, сельский механизатор, доярка — каждый должен получить в «своем» плакате полезные сведения, четкий совет, инструкцию, которые напоминают о важном участке работы, способствуют повышению производительности труда, показывают, как усвоить новое, передовое. Если с помощью плакатов надо раскрыть многоплановую, комплексную тему, создается тематическая подборка плакатов, в каждом из которых преподносится один какой-либо вопрос. Так, тема под общим названием «Повы-

сить урожай и качество сельскохозяйственных культур» может быть разработана в следующих плакатах:

За высокий урожай яровой пшеницы.
За высокий урожай озимой пшеницы.
За высокий урожай ярового ячменя.
За высокий урожай озимой ржи.
За высокий урожай многолетних трав.

Каждая отдельная тема разрабатывается так, чтобы представить читателю только самое основное, наиболее характерное, без мелочей, без второстепенных деталей. Весь материал подается доступно, в плакате должны органически сочетаться рассказ и показ, текст и иллюстрации.

*
* *

К производственной литературе относятся также учебники и учебные пособия для системы профтехобразования, производственные справочники. Их описательные и расчетные материалы также оказывают непосредственную помощь рабочим. Однако методическое построение, целевое назначение этих книг, особенно учебных, отличается от рассмотренных выше массовых производственных изданий, и поэтому их типологические особенности рассматриваются в других главах учебника.

3. МЕТОДИКА РАБОТЫ РЕДАКТОРА НАД РУКОПИСЬЮ

Общие вопросы оценки рукописи

При анализе рукописи редактор часто рассматривает последний вариант, представленный автором, т. е. рукопись, исправленную, дополненную или переработанную после замечаний рецензентов. Этот метод, как правило, не должен иметь места в практике издательств, выпускающих производственно-техническую литературу. Нередки случаи, когда авторы-производственники, не имеющие опыта литературной работы, представляют последний вариант рукописи, в котором изъяты ценные примеры. Поэтому при анализе рукописи следует учитывать все материалы: проспект или план, первые варианты, рецензии, ответы автора рецензентам.

Каждая рукопись по-своему оригинальна, и требования к ее содержанию определяются задачей, поставленной перед автором. Выше уже излагались наиболее общие положения, которыми руководствуется редактор производственно-технической книги. Повторим их: ведущая проблема производственно-технической литературы — вопросы повышения производительности труда в практической постановке; главное направление при разработке тем — связь с политикой КПСС и передовой наукой. Что касается методических требований, выполнение которых в процессе анализа и редактирования рукописи необходимо, то они определяются

особенностями промышленного и сельскохозяйственного производства, спецификой различных типов изданий, а также задачами литературного редактирования производственной книги.

Промышленное и сельскохозяйственное производство — две основные отрасли народного хозяйства — имеют много общего и вместе с тем сильно различаются. Это накладывает отпечаток на соответствующую литературу.

Общее в промышленном и сельскохозяйственном производстве: 1) в обоих случаях мы имеем дело с производством материальных ценностей на базе современной техники, технологии, организации труда; 2) все производство в СССР опирается на достижения науки и техники; 3) распространять нужно опыт трудящихся, применяющих с наибольшим успехом прогрессивные методы труда.

Промышленное производство имеет особенности, обусловленные его характером. Оно практически непрерывно, т. е. ведется круглый год, а зачастую и круглые сутки. Каждое отдельное предприятие производит свой продукт в тесной связи, в кооперации с многими другими предприятиями, но в то же время деятельность предприятия ограничена конкретной и сравнительно небольшой территорией, на которой расположены здания и сооружения. Эти особенности отражаются на трудовой деятельности промышленного рабочего. Он имеет постоянное рабочее место, его труд тесно связан с трудом соседа, смежного участка, цеха и т. д., что непосредственно влияет на организацию всей его работы. Наконец, трудовой опыт рабочего в известной степени универсален, как и опыт всего промышленного предприятия. Методы сталевара или токаря в Ленинграде можно использовать во Владивостоке, Тбилиси, Караганде и т. д.

Сельскохозяйственное производство характеризуется другими особенностями. Оно, как правило, сезонно, должно применяться к условиям климата, времени года. В большинстве случаев деятельность сельскохозяйственного рабочего или колхозника зависит от времени суток. Работник сельского хозяйства, как и заводской рабочий, трудится на определенной территории, но масштабы различны. Современный совхоз или колхоз ведет хозяйство на территории площадью в несколько тысяч гектаров. Поэтому понятие рабочего места, организации труда в сельском хозяйстве другое. Сельскохозяйственное производство зональное, т. е. то, что производят в северных районах страны, не производят или производят по-другому, на юге, и т. д. Поэтому опыт отдельных работников также зонален.

Другая особенность сельскохозяйственного производства заключается в том, что результаты ведения хозяйства должны проверяться в несколько сезонов.

Все это надо учитывать редактору при оценке рукописи.

На содержание рукописи влияет также тип издания. В рукописи производственного характера, например, неуместен материал, характерный для агитационной литературы.

Приемы раскрытия трудового опыта

Редактор должен хорошо владеть методикой раскрытия трудового опыта производственников, уметь помочь автору наилучшим образом рассказать читателю о сущности передовых способов труда, обратить его внимание на важные детали и т. д. Нередко бывает так, что автор, хорошо знающий свое дело, накопивший интересный материал, не может в краткой, ясной и образной форме донести его до читателя. Помощь редактора здесь особенно нужна.

Существуют методы и приемы, позволяющие глубже, полнее, нагляднее, разнообразнее подавать материал. Их можно успешно использовать при описании производственного опыта отдельных работников и коллективов как в информационных изданиях, так и учебных пособиях. Но применять такие приемы и методы надо творчески. Шаблон, неуместный в любом случае, особенно нетерпим в производственно-технической пропаганде.

Наиболее часто применяются следующие методы подачи материала о трудовой деятельности: анализ существующего и применяющегося опыта работы; критика устарелого, не оправдывающего себя; показ новой техники, технологии, организации труда. Эти методы реализуются в производственно-технической литературе с помощью повествования, описания, рассуждения.

Повествовательный текст — лучшая форма там, где необходимо показать последовательную смену операций в работе, рассказать о технологическом процессе. Повествовательная форма, например, использована в брошюре, автор которой рассказывает о процессе плавки вторичных алюминиевых сплавов. Сначала он пишет о проверке состояния печи, затем говорит о загрузке лома, потом последовательно перечисляет операции, ведущиеся в процессе плавки.

Описательные тексты в производственно-технической литературе используют чаще всего, когда речь идет о новой технике, новых материалах. При этом не всегда необходимо давать сначала общую характеристику «предмета». Часто читатель-производственник уже знаком с принципиальными данными, и ему необходимо лишь такое описание, которое дает представление о существе новшества.

Например, токарь рассказывает о новой державке для резцов, с помощью которой можно избежать необходимости часто перетачивать их при нарезании резьбы. Автор обращается к товарищам по профессии, знающим что́ представляет собой державка. Поэтому он сразу начинает описание особенностей приспособления:

Если сделать державку резца поворачивающейся вокруг своей оси, то можно установить лезвие резца перпендикулярно к винтовой линии без переточки резца.

Такая державка... состоит из трех частей: передней части *2*, корпуса *5* и гайки *6*. Передняя часть имеет гнездо для резца. В гнезде резец *1* закрепляется болтом *4*. Кроме того, передняя часть имеет хвостовик в виде стержня с нарезанным концом. Стержень проходит через отверстие в корпус и ввинчивается

во внутреннюю резьбу гайки. Своей наружной резбой гайка ввинчивается в корпус державки. Внутренняя и наружная резьба гайки имеет разный шаг (внутренний 2,5 *мм*, наружный 1,5 *мм*). Такое устройство предохраняет от развинчивания державки при большом давлении резания

На передней части и на самом корпусе державки сделаны выступающие буртики *4*, на которых нанесены градусные деления. С помощью полученной таким образом градусной шкалы производится отсчет поворота передней части державки вместе с закрепленным в ней резцом.

Описание трудового опыта — это не только рассказ о последовательности тех или иных операций, о машинах, инструменте, материалах. Само понятие — трудовой опыт — следует рассматривать более широко. Прежде всего оно должно включать в себя всестороннее знание пишущего на эту тему об устройстве и применении техники (причем нередко большую роль играет знакомство с ее вариантами, с различными применениями, с оценкой ее практиками и учеными); в это понятие следует включить также его знакомство с творческим процессом работы новаторов, рационализаторов и изобретателей; наконец, что очень важно, это понятие должно содержать критическое осмысление автором результатов работы, умения расчетливо расходовать физическую энергию. Хорошо раскрыть трудовой опыт передовика производства — это значит показать умственную и физическую работу человека в единстве.

Один из самых распространенных приемов раскрытия трудового опыта — сравнение. Сравнение помогает связывать старое с новым, показывать, что новая техника и технология, как правило, основывается на прежних достижениях, на уже известном большинству читателей опыте.

В брошюре, посвященной опыту передовых бригад московских строителей, авторы, обращаясь к сравнениям, показывают преимущества новой организации каменных и штукатурных работ:

Старый метод кладки каменщика изобиловал лишними трудовыми процессами. Квалифицированный каменщик сам подносил кирпич, сам готовил раствор, сам строил леса... При ... системе работы двойкой работа ведется операционно-расчлененным методом. Квалифицированный каменщик выполняет наиболее ответственную часть работы: кладет кирпич на постель и проверяет кладку. Подручный же его расстилает раствор, подает кирпич на стену.

Сравнение здесь достаточно убедительно показывает, чем отличается новый метод от старого.

Как проигрывает описание работы или ее результатов без использования сравнений, показывает простой пример из двух различных брошюр о свекловодстве, в которых речь идет об одном и том же — выращивании сахарной свеклы. Для наглядности приведем тексты:

1. Применение механизированной букетировки позволило значительно сократить сроки прорывки, снизить на 30—40 процентов затраты труда.

2. Букетировка и прорывка была завершена 12 июля, т. е. за 12 рабочих дней. Обычно же, при ручной прорывке она затягивается до 20—25 дней.

Второй пример, благодаря сравнению, более нагляден: читатель сразу видит, что механизация прорывки позволяет ускорить темпы работы примерно вдвое.

Часто авторы используют дополнительное пояснение:

Бритвы культиваторов подрезали растения на глубине 3—4 сантиметров —

читаем в одной брошюре. В другой работе это сообщение поясняется, автор говорит, почему используется именно такая глубина:

Рабочие органы бритвы были остро заточены и установлены на глубине 3—4 сантиметров. При таком способе растения хорошо подрезались, — через два-три часа они увядали на солнце. При более глубокой установке рабочих органов культиватора корни растений могут остаться неподрезанными и продолжать свой рост. Не достигнет нужной цели и установка лап мельче трех сантиметров.

Как видим, дополнительное пояснение дает возможность обосновать тот или иной прием работы, помогает усвоить его не механически, а сознательно.

Наглядно показать трудовой опыт помогает также аналогия. Приведем такие примеры. Автор пишет об ускорении процесса плавки алюминиевых сплавов:

Процесс расплавления — главное звено получения высококачественного металла в плавке. Наблюдая за этим процессом, я пришел к выводу, что расплавление металла можно ускорить перемешиванием шихты. Тут можно провести такую аналогию: чем горячее чай в стакане, тем быстрее растворяется в нем кусок сахара. А еще быстрее сахар растает, если чай помешать ложечкой. Точно так же обстоит дело и с добавками сырья в наплавленную ванну — важно не только поддержать высокую температуру, но и промешать вновь заваленное сырье в массе расплавленного алюминия. О своих предложениях я рассказал товарищам по бригаде, и мы попробовали таким способом повлиять на ход плавки. Результаты оказались обнадеживающими — плавки заметно ускорились.

Этот же прием использовал автор брошюры об опыте работы формовщиков:

Одной из причин брака в отливках была неосторожная транспортировка форм к конвейеру заливки. Где же выход? Ответ оказался весьма простой. Каждому известно, что большой корабль почти не качается на поперечной волне. Такую же аналогию можно привести и здесь: «волна» — это ролики, «корабль» — это форма... если поставить форму не вдоль, а чуть по диагонали, она будет захватывать большее количество роликов. Значит меньше будет встряски.

В литературе о трудовой деятельности нередко пользуются и приемом противопоставления. Так, в брошюре о труде маляра рассказывалось, в частности, о том, как использовался сравнительно новый инструмент для покраски стен и полов:

Покраску стен и полов мы производим не кистью, а специальными валиками. Из дерева изготовляют валик длиной 200 и диаметром 50 *мм*. На его внешнюю поверхность прибивают небольшими гвоздями цигейку. Валик свободно вращается на оси. Концы оси (или один конец), крепят на рукоятке. Пользуясь таким валиком, можно за одинаковое время покрасить в четыре раза больше, чем кистью. Да и работать им значительно легче, так как не надо делать многочисленные движения рукой. Наиболее удобен валик при окраске потолков, стен и полов, т. е. поверхностей ровных и сравнительно больших.

Автор здесь не дает подробного описания старого приема, не сравнивает два приема, а противопоставляет один (новый)

другому (старому). В данном случае это вполне оправдано, поскольку старый способ хорошо известен.

Очень важно, чтобы утверждения автора доказывались убедительными примерами. Это помогает избежать декларативности и делает произведение более авторитетным.

В брошюре уральского металлурга об опыте скоростной прокатки труб утверждается, что трудно найти такие отрасли народного хозяйства, где не применялись бы стальные трубы. В подтверждение своей мысли автор показывает схему автомобиля, на которой жирными линиями обозначены детали, изготовляющиеся из труб. Приведенный пример, подкрепляющий высказанное в брошюре утверждение, настолько убедителен, что его одного вполне достаточно.

Убедительные примеры приводит свинарь-механизатор из Кировской области. Рассказывая о борьбе за снижение себестоимости свинины, о механизации работ на свиноферме, он, в частности, пишет о выгодах, которые дает переоборудование свинарников:

> Конечно, на такое переоборудование уйдет немало средств, но они в скором времени окупятся сторицей. Посмотрите сами. Если сейчас в свинарнике может разместиться 1000—1200 голов, то после переоборудования — 1500—1700 голов. Обслуживать такое поголовье будет один человек. Труд его значительно облегчился. При заправке вакуумных поилок приходится открывать 48 кранов (поилок 16 штук), а при поплавковых поилках достаточно открыть один кран, и все поилки будут наполнены.

Трудовой опыт раскрывается полнее и убедительнее, если автор специально фиксирует внимание читателя на важных деталях. В одном случае — он использует графический материал, например, сильно увеличенное изображение той или иной части машины, в другом — привлекает внимание читателя самим повествованием.

Сошлемся на такой пример. Рассказывая о работе монтажников на строительстве одной из ГЭС, автор попутно делится впечатлениями о посещении других строек. На одной из них он увидел:

> У каждого электросварщика на рабочем костюме есть карман, отделанный изнутри асбестом. В него сварщик складывает огарки электродов. На складе взамен каждого огарка выдают новые электроды, причем каждый огарок должен быть не длиннее 4—5 *см*, иначе его не примут. На первый взгляд это кажется мелочью, но благодаря ей достигается экономия ценного электродного металла.

Автор выбрал деталь, но деталь существенную.

Рассказывая о выращивании сортовых, высококачественных семян, автор-агроном подчеркивает, что важно не только вырастить семена, но и умело сохранить их:

> Заведующими токами у нас работают люди, хорошо знакомые с семенным делом. Накануне уборки их еще раз инструктируем: какое будет поступать зерно, куда помещать его в зависимости от сортовой чистоты.
>
> При затаривании зерна мешки тщательно очищаем, чтобы в них не осталось зерна другого сорта или культуры и не попало в сдаваемую партию.

Доярка, излагая свой опыт борьбы за устойчивые удои молока, уделяет внимание и основным вопросам, и многим существенным деталям. Она пишет:

Хорошие удои можно сохранить в августе, в сентябре и даже в октябре. Безусловно, для этого нужно принять некоторые меры. Во-первых, в рацион должны входить концентрированные корма, хорошее сено и по 20—25 *кг* кукурузного силоса на каждую корову. Теперь мы убедились, что нельзя выводить из рациона соль, костяную муку и другие виды минеральной подкормки.

В это время я даю своим коровам запаренную резаную солому, овсяную, пшеничную и соевую. Кроме того, мы, доярки, сами размалываем соевую солому, смешиваем ее с концентратами и даем коровам. Хороший получается эффект. Доярки нашей фермы, организовав такое кормление, осенью получали столько же молока, сколько и летом — по 375—400 *кг* в месяц.

При раскрытии производственного опыта используется так называемый прием подчеркивания. Автор ведет речь лишь об одном методе (приеме, усовершенствованном инструменте), но зато подробно останавливается на его особенностях.

В брошюре о передовой бригаде электромонтеров рассказывается о том, как бригада одной из первых широко применила стеклянные трубы взамен металлических при монтаже скрытой электропроводки. Желая подчеркнуть преимущества именно такой практики, автор говорит только о ней, о других способах даже не упоминая:

Скрытая проводка... долговечна, удобна в монтаже, не портит внешний вид... Кроме того, при скрытой электропроводке в процессе монтажа не приходится ждать окончания отделочных работ. Проложенную сеть можно использовать для освещения всех помещений во время их отделки.

Значительное преимущество заключается в том, что при скрытом монтаже электрические провода можно прокладывать к выключателям, штепсельным розеткам и электроарматуре наикратчайшим путем — в полу вышележащего этажа, экономя при этом большое количество электрического провода.

Приемом подчеркивания нередко пользуются авторы, раскрывающие опыт работников сельского хозяйства. Так построена брошюра агронома одного из уральских совхозов:

Всесторонняя борьба с сорняками стала делом чести всего коллектива и общественности совхоза. Она проводилась согласно плану мероприятий по уничтожению сорняков в целом по совхозу и по каждому полю в частности. Коллектив 7-й фермы лучше других выполнил мероприятия осеннего плана.

Чтобы правильно спланировать и организовать борьбу с сорняками, необходимо знать степень засоренности поля, вид сорняков и биологические особенности последних. Борьбу с сорняками надо вести всемерно и на протяжении всего летне-осеннего периода. В плане летне-осенней агротехники указывается засоренность поля, в соответствии с этим намечается размещение культур на будущий год по полям и, наконец, агромероприятия.

Агромероприятия в осенний период на каждом поле предусматривают уничтожение сорняков при подготовке почвы для каждой культуры. Самым лучшим и надежным средством борьбы с сорняками, особенно с осотом, пыреем и другими многолетними, является ранняя, глубокая, качественная и выровненная зябь, вспаханная до 10—15 сентября. В такой зяби лучше сохраняется и накапливается влага, больше и быстрей прорастают осенью и весной однолетние и зимующие сорняки. Это даст возможность уничтожить их последующей обработкой.

В книгах, посвященных раскрытию нового опыта работы, иногда полезно использовать исторический экскурс. Он особенно уместен в тех случаях, когда рассказывается о производственном коллективе, существующем много лет и претерпевшем значительные изменения, или когда хотят показать преемственность творческой

мысли производственников прошлого и настоящего. Так, в брошюре о борьбе за повышение производительности труда на Брянском машиностроительном заводе — одном из старейших предприятий Брянщины — говорится о важной роли завода в выпуске разнообразной продукции еще в дореволюционной России, об его развитии в первые годы Советской власти, в период первых пятилеток. Благодаря этим сведениям становятся более выразительными разделы, посвященные основной теме брошюры — борьбе за повышение производительности труда в современных условиях.

Необходимо однако помнить, что исторический экскурс, имея полезное воспитательное и познавательное значение, не должен заслонять главного — рассказа о современной работе предприятия.

В книгах, посвященных обобщению трудового опыта, вполне уместен критический разбор технических устройств, приемов труда, способов использования оборудования и т. д. Он позволяет всесторонне рассмотреть качество оборудования, выявить его конструктивные недостатки (ненадежность, трудность эксплуатации и т. д.) и этим как бы дать толчок мысли читателя.

Как используется критический разбор, можно видеть на следующем примере. Автор брошюры задался целью показать читателю, что система включения прессов на том заводе, где он работал, была ненадежной. Он пишет:

Существовавшее двухручное включение, которое, вероятно, есть еще и сейчас на многих предприятиях, неудобно тем, что оно требует больших физических усилий.

Кроме того, такое включение причиняло немало хлопот ремонтникам. То где-нибудь перекос появится, то эксцентрик вала не на место встанет, или кто-нибудь из слесарей забудет включить после ремонта самоход. Не переставят, например, рычаг, и штамповка, для которой требуется усилие в 3 тонны, будет происходить с усилием в 30 тонн. Это приводит к бесполезной трате электроэнергии.

И самое главное, система включения пресса не обеспечивает полной безопасности...

Критически рассмотрев систему включения прессов, автор в следующей главе рассказывает читателю, уже знающему недостатки существующей практики, о новом своем предложении — использовать для включения эксцентриковых прессов сжатый воздух.

Один из характерных для многих брошюр недостатков в раскрытии трудового опыта — чересчур краткое описание нововведения, неполная характеристика проделанной работы, отсутствие сведений о некоторых особенностях используемой техники или технологии. Избежать этого можно, применяя, в частности, прием развернутой характеристики. Вот как он выглядит в брошюре об усовершенствовании доильных аппаратов на сельскохозяйственной опытной станции:

...Усилиями большой группы научных работников в содружестве с дояркой удалось усовершенствовать конструкцию машины. Работает она теперь по трехтактному циклу, но с укороченным тактом отдыха.

Переоборудование очень несложное. В нижней тарелке клапана коллектора просверлено отверстие диаметром в полтора миллиметра. Через это отверстие

отсасывается молоко в такт отдыха, который занимает теперь в общем цикле работы не 40, а 15 процентов времени.

Преимущество переоборудованной машины состоит еще и в том, что стаканы доильного аппарата не надо привязывать к корове веревками. Они хорошо держатся на сосках, при этом, конечно, резко повышается производительность труда.

Применяемое теперь новшество дало возможность одной доярке обслуживать сто тридцать коров, затрачивая на их доение не более полутора-двух часов рабочего времени.

Как видим, автор полно, развернуто охарактеризовал проделанную работу. Он отметил отличие (*трехтактный цикл с укороченным тактом отдыха*) усовершенствованного аппарата, показал, что сделано (*отверстие в нижней тарелке клапана коллектора*), разъяснил, в чем преимущество новшества (*стаканы хорошо держатся без веревок*), обратил внимание читателя на конечный результат проделанной работы (*одна доярка обслуживает сто тридцать коров*).

Важную роль, особенно в производственных учебниках и учебных пособиях, играет прием повторения. Повторение какого-либо важного тезиса, подтвержденного новыми фактами, помогает лучше понять изложенное и усвоить его. Удачно используются повторения в одной из книг о нормировании времени. На нескольких страницах автор рассказывает, для чего нужны нормы времени и нормы выработки. Сначала он дает представление о том, что́ такое норма времени и норма выработки; затем последовательно раскрывает свою мысль на ряде примеров, и каждый раз делает выводы, углубляя и расширяя понятия.

Так, сначала он пишет:

Нормы времени и нормы выработки нужны прежде всего для правильной организации и планирования производства, для определения потребностей предприятия в рабочей силе, для расчета пропускной способности оборудования и т. п.

Затем, показав, что разные работники добиваются различной выработки, автор повторяет мысль, говоря, что нормы времени и нормы выработки нужны для определения достигнутого уровня производительности труда, для сравнения результатов труда соревнующихся рабочих, бригад, участков, цехов. Наконец, в третий раз, проиллюстрировав примерами различную оплату сдельщиков разных разрядов и вскрыв еще одну задачу, решаемую с помощью применения норм времени и норм выработки — правильную организацию заработной платы, — автор дает окончательный ответ на поставленный вначале вопрос:

Нормы времени и нормы выработки, выражая собой меру затрат труда, нужны для решения следующих основных задач: 1) определения трудоемкости работы; 2) измерения производительности труда; 3) организации заработной платы; 4) организации и планирования производства; 5) определения численности и квалификационного состава рабочих; 6) расчета пропускной способности оборудования и определения производственной мощности предприятия; 7) организации социалистического соревнования.

В изданиях, которые включают в себя не только описание работы, но и различные расчеты, используют еще один прием — примерное решение поставленной задачи.

О такой помощи своим читателям позаботился зуборезчик экскаваторного завода, автор брошюры о многостаночной работе.

Все заготовки цилиндрических и конических шестерен, — рассказывает он, — проходят термообработку и имеют твердость в пределах 20—30 единиц. При наибольшей твердости скорость резания уменьшаем (обычно число оборотов фрезы принимаем равным 66), так как при высокой твердости металла режущий инструмент быстро затупляется и приходит в негодность.

Скорость резания при этих оборотах равна

$$v = \frac{\pi \cdot n \cdot d}{1000},$$

где v — скорость резания;
n — число оборотов фрезы в минуту;
d — диаметр фрезы.

$$v = \frac{3{,}14 \cdot 120 \cdot 66}{1000} = 24{,}8 \text{ метра в минуту.}$$

При минимальной твердости металла ($R = 25$ единиц) мы задаем станкам 84 оборота в минуту. Тогда скорость резания увеличивается до $v =$ 33,6 метра в минуту.

Во втором примере автор, как мы видим, дает уже готовый ответ.

В отдельных случаях авторы производственно-технической литературы используют документальные материалы. Это могут быть нормативы, государственные стандарты, образцы бланков, принятых для ведения отчетности и планирования, и т. п.

Например, в одной брошюре помещены образцы бланков для планирования работы. Вот один из них:

Подетальный план 19 . . . год

Манометр глубинный поршневой

№ пп.	№, индекс детали	Наименование	Количество		Время		Материал	Исполнитель (фамилия, имя, отчество)
			на один прибор	на план	на единицу	на план		
1								
2								
3								

Таковы некоторые приемы раскрытия трудового опыта, характерные для различных производственно-технических изданий. Если автор и редактор будут пользоваться ими умело, творчески, не превращая в схему, то смогут доходчиво и убедительно рассказать читателю о сущности производственного опыта.

Проверка фактического материала

Важное значение в производственно-технической литературе имеет фактический материал. Он является основой для изучения и повторения практического опыта. Изготовить усовершенствованный инструмент можно, лишь используя конкретные данные, приведенные в книге. Усвоить приемы работы можно лишь тогда, когда абсолютно точно дано их описание. Поэтому проверка фактического материала производственной рукописи — один из особо важных этапов редакторского труда.

Когда говорят о методике проверки фактического материала, имеют в виду сличение фактов с авторитетными источниками, внутреннюю проверку, официальное подтверждение.

Наиболее распространенный прием проверки — сличение с авторитетными источниками. Сличают имена, даты, цифровой материал, названия фирм, машин. Необходимо сличать с источниками также математические расчеты и термины, использованные автором, а также заимствованные из других изданий иллюстрации (чертежи, схемы и т. д.).

К сожалению, можно привести немало примеров грубых фактических ошибок в вышедших изданиях. Несколько издательств, например, выпустили книги по кролиководству. Собранные вместе, они представляют собой целую библиотеку, и практики, изучив их, могли бы получить ценный материал. Однако знакомство с отдельными изданиями показывает, что в них нередко даются рекомендации, исключающие одна другую. В одной книге сказано, что зимой лучше поить кроликов теплой водой, что органы обоняния у них развиты особенно хорошо, а зрение — хуже. В другой утверждается, что вместо воды кроликам можно давать чистый снег. Автор третьей книги пишет, что у кроликов очень хорошо развито зрение, а обоняние намного слабее.

Очевидно, при издании книг и брошюр, в которых обобщен не только местный опыт, но и давно известная практика, необходимо сличать материал с изданными по тем же вопросам научными трудами, учебниками и другими работами, авторитет которых не вызывает сомнений.

Бывают случаи, когда, сверяя фактический материал по различным источникам, автор сталкивается с разнобоем в датах, написании слов, в названиях и т. д. Чтобы установить факт наиболее точно, приходится проводить дополнительную работу, обращаться к нескольким источникам, прибегать к помощи научных учреждений и в результате принимать ту или иную точку зрения. Иногда в примечаниях к редактируемому тексту полезно сообщать о существующем разнобое в освещении данного вопроса.

Например, по-разному указана в справочных изданиях дата рождения Агриколы, автора известного труда о горном деле и металлургии. В БСЭ[1] сказано, что он родился в 1494 г., в учебнике

[1] Большая советская энциклопедия. Изд. 2, т. 1, с. 353.

«История техники»[1] написано, что год рождения Агриколы 1490. Составители биографического словаря деятелей естествознания и техники, изданного на базе материалов БСЭ, поступили иначе. Не имея точных сведений о дате рождения ученого, они сообщают читателю, что Агрикола родился 24 марта 1494 г., а в скобках добавляют: по другим данным 1490 или 1492[2].

Значительный эффект при уточнении фактического материала дает так называемая внутренняя проверка. Внутреннюю проверку в производственной рукописи лучше всего вести раздельно, т. е. сначала, например, проверить итоги в подсчетах автора, затем ссылки на страницы текста данной рукописи и т. д. Такой порядок дает возможность действовать сосредоточенно, каждый раз в одном направлении, и дает хороший результат.

В некоторых случаях можно предпочесть иной порядок: расчеты и таблицы проверять в процессе редактирования текста. Это особенно важно, когда приводимые в расчетах и таблицах данные тесно переплетаются с текстом и служат основанием для излагаемых автором выводов.

Недооценка редактором необходимости внутренней проверки фактических данных влечет за собой неточности, противоречия, нарушения единства подачи материала и другие недостатки, снижающие качество книги.

В одной из рукописей, поступивших в издательство, автор рассказывает о внедрении новой техники на текстильных предприятиях. Он пишет:

Если раньше в процессе приготовления шерсти к прядению были заняты на фабриках десятки рабочих, то новую поточную линию стали обслуживать всего лишь несколько человек.

Ниже он добавляет, что

до ввода в эксплуатацию поточной линии... в приготовительном отделении были заняты 52 человека... После пуска линии обслуживающий персонал сократился более чем вдвое...

На первый взгляд, факт убедителен. Однако на самом деле автор допускает неточность. Если в приготовительном отделе количество рабочих уменьшилось более чем вдвое, то их, очевидно, осталось человек 20—25, так как 52 : 2 = 26. Можно ли говорить, что «новую поточную линию стали обслуживать всего лишь несколько человек»?

Иногда авторы, пользуясь приблизительными данными, примерными цифрами, говорят о них, как об абсолютно точных. Например, в брошюре, посвященной борьбе за повышение урожайности хлопка в Узбекистане, сообщалось, что в 1965 г. узбекские хлопкоробы планировали продать государству 3600—3800 тыс. т. хлопка, примерно на 800 тыс. т. больше прошлогоднего. Когда это будет сделано, писал автор, Узбекистан даст 63% белого золота, производимого СССР. Было бы лучше, если бы редактор предло-

[1] Белькинд Л. Д., Конфедератов И. Я. и Шнейберг Я. А. История техники. М., 1956, с. 59.

[2] Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1958, с. 9.

жил автору вместо 63% написать более 60% или примерно 63%. Ведь автор не называет точной цифры предполагаемого сбора, а дает ее приблизительно.

Нередко авторы допускают ошибки и неточности в ссылках на собственный текст. В одной из брошюр, обобщившей опыт выращивания овощей в закрытом грунте, приводится следующая таблица с комментариями:

Таблица 6

Затраты на кв. метр теплиц в отдельных передовых совхозах

Основные статьи затрат	Совхоз «Марфино» (тепло от собственной котельной)	Совхоз «Новосибирский» (тепло от ТЭЦ)	Хозяйство нефтеперегонного завода (тепловые отходы)
Всего затрат без расходов на посадочный материал (руб.)	100,25	86—84	49—94
В том числе (% к итогу):			
Зарплата с начислениями	15,3	24,2	36,5
Обогрев	51,7	25,3	—
Амортизация и ремонт	10,5	19,1	28,4
Общепроизводственные и общехозяйственные расходы	11,0	20,6	17,4
Прочие расходы	11,5	10,9	17,7

Автор пишет:

Анализируя затраты на единицу площади теплиц, а также процентное соотношение этих затрат по ряду крупных совхозов, таких, как «Марфино», «Люберецкие поля орошения» (таблица 6), можно установить, что соотношение затрат в зимних теплицах с металлическим каркасом с обогревом от собственных котельных колеблется в значительных пределах.

Проверка показывает, что автор ссылается на совхоз «Люберецкие поля орошения», а в таблице этот совхоз не назван.

При внутренней проверке редактор обязательно следит за терминологией. Он требует от автора, чтобы тот пользовался лишь теми терминами, которые приняты в данной области, и добивается их единообразной подачи на протяжении всей рукописи. Несоблюдение этого правила часто затрудняет чтение книги, а отдельные ее места могут быть неверно поняты.

Например, в брошюре о борьбе с вредителями сельскохозяйственных растений автор, рассказывая о различных машинах для опрыскивания и опыления, пишет, что они приводятся в действие с помощью трактора. Сообщая об этом, он каждый раз изменяет терминологию. В одном случае он пишет: *Машина приводится в действие от вала отбора мощности трактора.* В другом месте читаем: *Опрыскиватель работает от вала отъема мощности трактора.* Читателю непонятно, как же правильно: *вал отбора мощности* или *вал отъема мощности.*

Внутренняя проверка фактического материала необходима и в рукописях со сложными расчетами, и в рукописях, казалось бы, самых простых.

Довольно часто редактору приходится готовить к изданию

книгу, фактический материал которой или отдельные его части не поддаются проверке. Например, изобретатель приводит материалы оригинальной разработки, итоги эксперимента, новатор излагает свой новый метод работы. В подобных случаях редактор должен получить официальное подтверждение той организации, в которой автором проведена работа: научного учреждения, института, предприятия, колхоза и т. п.

Композиция. Использование разных видов правки

Очень важна работа редактора над композицией рукописи производственно-технической книги. Начинается она с критического рассмотрения плана рукописи. Прежде всего редактор определяет, выдержаны ли границы задания, все ли вопросы темы охватил автор, не вышел ли он за пределы темы; потом проверяет соотношение частей рукописи: какое место занимают главные и второстепенные вопросы. Затем редактор рассматривает, каково соподчинение частей, каковы связи между ними.

Большое внимание редактор должен уделять рукописям о передовом опыте. Во-первых, потому, что эти работы часто бывают многоплановыми, поднимают большой материал, затрагивают кроме основных ряд второстепенных, но важных вопросов. Во-вторых, авторами этих изданий, как правило, выступают люди, не имеющие навыков литературной работы. В-третьих, рукопись о передовом опыте всегда оригинальна (как и сам опыт новатора), в то время как учебник или справочник строятся по более или менее установившейся, устойчивой схеме, их композиция определяется учебной программой или квалификационными требованиями к конкретной профессии.

О том, насколько важно, чтобы брошюра о передовом опыте была хорошо построена, нередко пишут сами читатели. Сварщица Ижорского завода А. П. Боровкова, передавая впечатления от прочитанных книг, в частности, рассказала:

«Иногда авторы долго подводят рабочего к сути — лишь в конце брошюры находишь описание передовых методов... В брошюре «Мой метод холодной сварки чугуна» сварщик Р. С. Савченко только на последних страницах описывает свое новшество... Или же И. Власов в брошюре «За отличную сварку» рекомендует варить большим пламенем. Он перечисляет множество опытов, окончившихся неудачей, а затем коротко описывает найденный способ. А ведь об основном следует писать не коротко, а подробно и хотя бы в середине брошюры, чтобы рабочий быстрее находил самую суть, заинтересовался и задумался: а что же можно применить у себя на участке?

Ведь можно же писать хорошо. Например, в брошюре М. И. Дементьева «Электродуговая сварка пучком электродов» все описывается так, что читаешь и представляешь весь участок и хочется сейчас же попробовать, как это все получится» [1].

---

[1] Боровкова А. П. Родник знаний. — «В мире книг», 1961, № 3, с. 15.

Большинство претензий читательницы относится к композиции брошюр. Она требует, чтобы основной материал занимал главное место, чтобы о важном рассказывалось достаточно подробно и с необходимой последовательностью. Советы читателя-рабочего должен помнить редактор при анализе построения рукописи.

При подготовке к изданию производственно-технической литературы используются все виды правки: правка-вычитка, правка-сокращение, правка-обработка, правка-переделка.

Правка-вычитка чаще всего применяется при переиздании производственных инструктивных материалов общего характера, например, правил внутреннего распорядка в цехе или на предприятии, правил противопожарной безопасности и т. п.

Правка-сокращение применяется при подготовке сборников материалов, справочников производственного характера, изданий о передовом опыте. Она включает в себя такие приемы, как сокращение примеров, извлечение (когда текст публикуется не полностью, а частично), изложение (когда часть текста публикуется полностью, а часть передается в кратком изложении), отсылка, лексико-стилистическое сокращение, условные сокращения, ликвидация абзацев.

Из этих приемов при редактировании производственно-технических изданий чаще всего используют сокращение примеров. Авторы-практики, доказывая выдвинутые положения или иллюстрируя свою мысль, иногда приводят слишком много фактов, цифр.

В брошюре об опыте работы колхозных механизаторов рассказано, что прогрессивные методы применяют в каждом районе Воронежской области. Для подтверждения сказанного авторы знакомят читателя с работой лучших трактористов колхоза «Победа Октября».

Братья Николай и Евгений Шаталовы ... взяли обязательство вдвоем вырастить кукурузу на площади 150 гектаров и получить с каждого гектара не менее 400 центнеров зеленой массы.

Свои обязательства они выполнили: на площади 150 гектаров ими получен урожай по 478 центнеров зеленой массы и початки с каждого гектара.

Трактористы этого же колхоза П. Н. Лукьянов и В. Ф. Лукьянов с каждого из 100 гектаров кукурузы получили по 473 центнера зеленой массы и початков кукурузы, а трактористы И. П. Павлов и Г. П. Починский на такой же площади получили с каждого гектара по 427 центнеров.

Авторы привели здесь слишком много примеров. Достаточно было, показав результаты братьев Шаталовых и сказав, что хороших результатов добились и другие механизаторы колхоза, на этом остановиться. Ведь поскольку цифры сбора урожая у всех передовиков примерно одинаковые, то, вероятно, это закономерно, что в одном колхозе, в более или менее сходных условиях получен приблизительно одинаковый результат.

В производственном тексте должны приводиться только самые необходимые цифры. Нарушение этого требования приводит к ненужным усложнениям, мешает читателю быстро понять сущность изложенного.

Уместно напомнить по этому поводу одно из высказываний В. И. Ленина. Выступая на VIII Всероссийском Съезде Советов с докладом о внешней и внутренней политике Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров, он, в частности, огласил цифры о заготовках продовольствия. Имея в своем распоряжении отчетные данные за три года, В. И. Ленин заявил, что прочтет «только итоговые цифры, да и то с округлением, потому что цифры читать и особенно слушать трудно» [1].

Аналогичную мысль развивал и М. Горький. Анализируя журнальные материалы, он писал, что «статьи, обзоры и очерки, печатаемые в журналах, — и специальных и общих, — перегружены плохо переработанным статистическим материалом. Написанные скучнейшим, сухим языком, обремененные цифрами и таблицами, они не доступны пониманию массового читателя, — до этого читателя наша информация об экономическом и культурном росте страны не доходит» [2].

В одной из брошюр рассказывается о комплексном методе производства земляных работ. Автор подкрепляет свою мысль о преимуществах этого метода примерами. Он пишет:

Внедрение комплексного метода производства земляных работ дало хорошие результаты. Так, на строительстве корпуса № 62 по Боровскому шоссе комплексная бригада выполнила работы объемом в 10 тыс. $м^3$ по рытью котлована за 22 дня вместо 36 дней по норме. Земляные работы объемом 8480 $м^3$ при отрывке котлована под фундамент корпуса № 81 в Новых Черемушках были выполнены комплексной бригадой П. В. Афонина за 22 дня вместо 33 дней по норме, причем средняя выработка составляла 385 $м^3$ в смену, или 170% нормы. В отдельные дни она достигала 450 $м^3$, или 220% сменной нормы.

Как видим, оба примера однотипны. И в первом и во втором случаях рыли котлованы под фундамент. В первом случае работу выполнили на 14 дней раньше срока, во втором — на 11 (при несколько меньшем объеме работ). Вполне можно было оставить один из примеров, а цифру 8480 $м^3$ округлить до 8500 $м^3$.

Сокращать цифровые данные особенно важно тогда, когда рукопись перегружена ими. В сельскохозяйственной листовке о борьбе за высокие урожаи чайного листа на трех страницах текста пятьдесят семь раз приводятся различные цифры: называются годы, денежные суммы, количество собранного чайного листа, размеры закрепленных за звеном участков земли, количество вносимых в землю удобрений, высота чайных кустов и др. В целом в листовке использованы важные, полезные цифровые данные, однако количество их можно было с пользой для дела сократить. Как видим, правка-сокращение занимает важное место в работе редактора производственно-технической литературы.

Правка-обработка применяется при редактировании рукописей производственного характера, как и при редактировании других видов литературы, наиболее часто. Этот вид правки используется при подготовке и оригинальных произведений, и переизданий.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 42, с. 149.
[2] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27. М., 1953, с. 38.

Производственно-техническая книга или брошюра редко переиздается без авторской доработки или частичной переработки, так как современное производство непрерывно обогащается новой технологией. Основные приемы правки-обработки — исправление, уточнение, перестановка, перенос, вставка.

Чтобы более четко представить содержание и приемы правки-обработки в производственно-технической книге, приведем пример из первоначального и отредактированного вариантов сборника по модернизации оборудования машиностроительных предприятий.

Первоначальный вариант

Разверточный полуавтомат типа ПРК-1А-9 модернизирован с целью совмещения двух операций при обработке «рукава» швейной машины: 1) развертывания и зенкования отверстий под головку винта; 2) развертывание двух отверстий в подшипнике для центровых шпилек.

Модернизация (см. рис. 1) состояла в следующем: существующая бабка со всеми деталями заменена новой, которая имеет дополнительный боковой суппорт, несущий шпиндель для развертывания отверстий центровых шпилек в «рукаве» швейной машины (эта операция ранее выполнялась на отдельном станке). Для осуществления подачи бабки и бокового суппорта изготовлен новый барабан с двумя рабочими ручьями и применен рычажный механизм, передающий от барабана продольное движение суппорту.

В результате проведенной модернизации операция — развертывание отверстий для центровых шпилек, выполнявшаяся на других станках, перенесена на полуавтомат ПРК-1А-9 и высвобождено 4 единицы оборудования.

Сокращение трудозатрат составило 0,455 нормо-часов на 100 деталей, годовая экономия по четырем полуавтоматам равна 40 951 руб., затраты на модернизацию, составляющие 10 238 руб., окупаются в течение пяти месяцев.

Техническая характеристика разверточного полуавтомата до и после модернизации:

1. Назначение станка:

до модернизации — развертывание и зенкование одного отверстия под головку винта. После модернизации:

а) развертывание и зенкование одного отверстия под головку винта крепления регулятора строчки;

б) развертывание двух отверстий в подшипниках для центровых шпилек.

	до модернизации	после модернизации
Количество шпинделей	1	2
3. Число оборотов основного шпинделя для развертывания и зенкования отверстий под головку винта	380 *об/мин*	532 *об/мин*
4. Число оборотов дополнительного шпинделя для развертывания двух отверстий в подшипнике для центровых шпилек	—	379 *об/мин*
5. Число оборотов распределительного вала	5 *об/мин*	11,4 *об/мин*
6. Подача на один оборот основного шпинделя при развертывании и зенковании	0,012 *мм*	0,96
7. Подача на один оборот дополнительного шпинделя при развертывании двух отверстий	—	2,78 *мм*
8. Количество электромоторов	1 шт. № 1,0 *квт*; 1410 *об/мин*	1 шт. № 1,0 *квт*; 1410 об/мин

Отредактированный вариант

Разверточный полуавтомат типа ПРК-1А-9 модернизирован с целью совмещения двух операций при обработке «рукава» швейной машины: развертывания и зенкования отверстий под головку винта и развертывания двух отверстий в подшипнике для центровых шпилек.

Модернизация заключалась в следующем: существующая бабка *3* (см. рис. на стр. 17) со всеми деталями заменена новой, которая имеет дополнительный боковой суппорт со шпинделем для развертывания отверстий центровых шпилек в «рукаве» швейной машины (эту операцию ранее выполняли на отдельном станке). Для подачи бабки и бокового суппорта изготовлен новый барабан *4* с двумя рабочими ручьями и применен рычажный механизм *2*, передающий от барабана продольное движение суппорту *1*.

Изменение технических данных станка приведено ниже.

	До модернизации	После модернизации
Количество шпинделей	1	2
Скорость вращения основного шпинделя, *об/мин*	380	532
Скорость вращения дополнительного шпинделя, *об/мин*	—	379
Скорость вращения распределительного вала, *об/мин*	5	11,4
Подача на один оборот основного шпинделя при развертывании и зенковании, *мм*	0,012	0,96
Подача на один оборот дополнительного шпинделя при развертывании двух отверстий, *мм*	—	2,78
Количество электродвигателей	1 N= 1,0 *квт* n= 1410 *об/мин*	1 N = 1,0 *квт* n = 1410 *об/мин*

После модернизации развертывание отверстий для центровых шпилек перенесено на полуавтомат ПРК-1А-9, в результате высвободилось четыре единицы оборудования.

Сокращение затрат труда составило 0,455 нормо-часа на 100 деталей, а годовая экономия по четырем полуавтоматам — 40 951 руб. Таким образом, затраты на модернизацию, составляющие 10 238 руб., окупаются в течение пяти месяцев.

Анализ приведенных текстов показывает, что в процессе работы над рукописью редактор использовал различные приемы. Он уточнил описание модернизации во втором абзаце, внеся нумерацию узлов соответственно схеме, убрав ссылку на рис. 1; перенес в конец статьи третий и четвертый абзацы, которые являются выводом; вставил пояснительную фразу перед техническими данными и т. п. Проведенную редактором работу следует оценить положительно. Оставаясь в границах авторского текста, он помог автору улучшить статью, сделать ее убедительнее, яснее.

Правка-переделка при редактировании производственно-технической литературы чаще всего используется при подготовке брошюр новаторов производства, обладающих богатым, интересным

для массового читателя опытом, но не имеющим навыка литературной работы. Правка-переделка включает в себя перепланировку, группировку материалов, компоновку глав, исключение, добавление, восстановление композиционных связей и т. д.

Работа над языком

Важное место в редактировании производственно-технической литературы занимает работа над языком рукописи. В каждой области знаний есть свой круг понятий, поэтому каждая отрасль науки и техники имеет специфическую лексику, фразеологические средства, традиционные приемы изложения материала. Вместе с тем все отрасли науки и техники пользуются как речевой основой общелитературными средствами языка. Отсюда вытекает одна из основных задач редактора — следить за соблюдением общелитературных языковых норм. Поскольку, однако, в языке технической, а следовательно, и производственно-технической литературы есть свои особенности, редактор должен учитывать их при подготовке рукописи.

Рассматривая вопросы языка и стиля научно-технической информации, Д. Э. Розенталь считает, что, «вливаясь в общее русло научно-популярных стилей, нося на себе отпечаток технической или экономической литературы, научная информация обладает вместе с тем рядом стилистических особенностей, связанных со спецификой самого жанра. Сюда относятся поиски емкой формы конспективного перевода с иностранных языков, сжатость реферативного изложения материала, концентрация внимания на самом существенном. Отсюда — возможный «отказ» от привычных форм и конструкций общелитературного языка, но при условии сохранения его нормативности»[1]. Далее он пишет, что в этой литературе иногда используются слова, не присущие другим жанрам, а также слова с несколько иным оттенком значения, чем в общелитературном языке.

Особенности, которые отмечает Д. Э. Розенталь, в значительной мере свойственны и производственной литературе.

Большие заботы при работе над языком производственно-технической рукописи доставляет редактору терминология. В этой части, к сожалению, нет твердых норм, а те установки, которые существуют, довольно противоречивы.

Несмотря на известные трудности можно, однако, сформулировать наиболее общие положения, которых в основном полезно придерживаться. Существо этих положений сводится к следующему.

Рекомендуется пользоваться терминами, применяемыми в действующих государственных стандартах, а также в сборниках

---

[1] Розенталь Д. Э. Вопросы языка и стиля в научно-технической информации. — В сб.: Вопросы организации и методики научно-технической информации и пропаганды. М., 1960, с. 379.

Комитета технической терминологии Академии наук СССР. В тех случаях, когда стандарты и сборники Комитета технической терминологии не содержат необходимых указаний, следует пользоваться терминологией, официально принятой в данной области.

Если имеется несколько равнозначащих терминов или синонимов, предусмотренных стандартами, то следует использовать один термин, принятый в данном издательстве. Например, в производственно-технической литературе встречаются синонимы *износостойкий — износоустойчивый*. Оба они употребляются в одном и том же значении. Если использовать их вперемежку, то читатель может подумать, что эти слова имеют различный смысл.

Нередко встречаются два обозначения одного и того же понятия, причем одно выражено русским термином, другое — иностранным. Например, *клемма — зажим, токи Фуко — вихревые токи, крейцкопф — ползун, индикатор — указатель*. В подобных случаях обычно рекомендуется пользоваться русским термином.

Встречаются термины-паронимы, близкие по значению, но обозначающие разные понятия. Их следует применять с особой осторожностью (*изнашивание* — процесс, *износ* — результат изнашивания).

Всякую замену одного термина другим или использование описательного оборота редактор применяет осторожно, убедившись, что в данном случае это необходимо, полезно сделать. Известны случаи, когда редакторы, заменив термины описательными оборотами, допускали ошибки.

Важная задача производственно-технической литературы знакомить читателя со специальной терминологией, преподносить ее грамотно, научно, в необходимых случаях давать разъяснения.

Разъяснять термины следует, учитывая читательское назначение книги. Например, понятие *свободность пути* в справочнике железнодорожного машиниста не требует расшифровки, хотя для неспециалиста слово *свободность* необычно, в общелитературном языке оно не встречается, нет его и в толковых словарях. Однако специфика транспорта потребовала особого понятия, и оно было создано в полном соответствии с нормами русского литературного языка (можно сопоставить *занятость — свободность*).

Особенностью технической терминологии являются не только новые слова-термины, но и потребность в создании новых форм слова для более точной передачи мысли. Характерным явлением стало, например, использование некоторых слов в форме множественного числа, ранее употреблявшихся только в единственном числе.

В тех случаях, когда авторы используют новые слова-термины или новые формы известных в языке слов, редактор следит, чтобы эти слова были понятны читателю и соответствовали нормам русского литературного языка. Например, слово *салазки* употребляется и в общелитературном языке и в технической литературе всегда во множественном числе. Редактор допустил ошибку, оста-

вив без исправления следующее выражение: *Поперечная салазка суппорта снабжена двумя Т-образными пазами для установки дополнительного резцедержателя.*

При редактировании производственно-технической рукописи редактор встречается с рядом случаев, когда вопросы языкового оформления текста приходится решать не только на основе норм грамматики и стилистики. Довольно часто при этом учитывают установившуюся издательскую практику.

Таким образом, работая над языком производственно-технической рукописи, редактор следит за соблюдением общих норм русского литературного языка; помогает автору разбираться в терминологии, грамотно использовать принятые в науке термины, избавляться от ненужных профессионализмов, объяснять, в случае необходимости, неясные слова; бороться за точность словоупотребления. Редактор рекомендует автору активно использовать разнообразные лексические средства русского языка, избегать стандартных, штампованных форм и выражений.

Отбор иллюстраций

Рукопись часто содержит иллюстративный материал, являющийся составной частью будущей книги. Производственно-техническая литература почти всегда преследует цели обучения, поэтому иллюстрации в ней имеют познавательное и воспитательное значение. Но в отличие от учебной литературы в производственной познавательная роль иллюстраций шире, разнообразнее. Здесь графический материал используется для последующего воспроизведения технического опыта (создание инструмента, приспособлений, оборудования). Он приводится для показа преимуществ и особенностей новой техники, технологии, организации труда и т. д.

При подготовке производственно-технического издания, как и любой книги, редактор анализирует содержание иллюстрационного материала, его связь с содержанием рукописи, необходимость для данного издания, его доступность будущему читателю, возможность использования с учетом имеющихся полиграфических средств.

В производственных изданиях встречаются и оригинальные иллюстрации, созданные автором или художником по авторской разработке, и заимствованные из уже вышедших книг, брошюр, журналов и т. д.

В справочниках, учебниках, брошюрах о передовом опыте используют чертежи, схемы, рисунки, диаграммы, фотоснимки, а также сложные виды иллюстративного материала — таблицы с графическими элементами, комбинированные схемы-рисунки и др.

Схемы как очень выразительный графический материал активно применяются в производственной литературе. При иллюстрировании текста схемами редактору следует добиваться отбора тех из

них, которые с наибольшей наглядностью решают поставленную задачу. Существуют схемы функциональные, выражающие функциональную зависимость различных элементов в сложных комплексах (схема технологического процесса); принципиальные, показывающие, какие детали применены, каковы принципы действия отдельных частей, узлов (схема радиоприемника); кинематические, изображающие в простейшем виде основные детали, узлы, их расположение и взаимосвязь (кинематическая схема печатной машины); монтажные, дающие представление о месте деталей и их внешнем виде.

Помогая раскрытию и усвоению трудового опыта, иллюстрации должны быть понятными, наглядными.

Глава четвертая

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ РЕДАКТОРА НАД НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

Пропаганда научных знаний, формирование и укрепление подлинно научного материалистического мировоззрения, борьба за повышение эффективности науки стали в нашей стране задачей большого общественного значения.

В распространении научных знаний ведущая роль принадлежит научно-популярной литературе. К ней относятся произведения, пропагандирующие достижения науки и техники среди широких масс неспециалистов в данной области знаний. Чтобы установить отличительные черты советской научно-популярной литературы, определить ее цели, сформулировать задачи редактора, необходимо иметь отчетливое представление о предмете этой литературы, т. е. о науке, ее значении в жизни нашего общества, в строительстве коммунизма, об особенностях, которые отличают советскую науку от науки буржуазной, о методе, средствах популяризации, зависящих от жанра произведения и круга читателей, для которого оно предназначено.

1. РОЛЬ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В наши дни наука входит во все сферы человеческой деятельности: промышленность, сельское хозяйство, обучение, культуру, обслуживание. Ее открытия и достижения с невиданной прежде быстротой находят практическое применение.

XX век — век небывалой в истории Великой Октябрьской социалистической революции — стал и веком гигантской научно-технической революции, в процессе которой человек освобождается от механических, нетворческих умственных функций, передавая их машине. Автоматические и кибернетические устройства раздвинули границы познания и преобразования природы. Они позволили человеку работать в условиях сверхвысоких и сверхнизких температур, высочайшей точности измерений, непрерывности процессов, небывалой прежде быстроты переработки информации. Это обусловило успехи науки в открытии новых источников энергии,

в завоевании космоса, в синтезе новых материалов, в познании сущности жизни.

Человек сегодня все более сознает свою причастность науке. Он понимает, что освоение космоса, атомная энергия, ракетная техника, молекулярная биология, телевидение — это не только этапы развития науки, но и факторы, меняющие психологию людей.

В решениях XXIV съезда КПСС подчеркивается роль науки как важнейшего средства развития производительных сил, повышения эффективности производства, все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей советского человека.

Именно эти причины — проникновение науки во все сферы деятельности человека, превращение ее в производительную силу, ее социальный характер, ее роль как одной из основ создания материально-технической базы коммунизма — объясняют новое, небывало значительное место науки в жизни советских людей, их все возрастающий интерес к проблемам научно-технической революции.

«Нет сейчас у нас более важного дела в экономике, чем осуществление научно-технической революции... — говорил Л. И. Брежнев на торжественном заседании в Алма-Ате. — Каждый руководитель, каждый труженик советской промышленности и сельского хозяйства должен понять это, должен активно участвовать в осуществлении научно-технической революции, видеть требования, которые она предъявляет» [1].

Прогресс науки и техники в нашей стране неизменно связан с ростом общей культуры и профессиональной подготовки кадров.

Выдвигая задачу «исторической важности: **органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства»** [2], Центральный Комитет КПСС подчеркивает взаимосвязь, взаимозависимость научно-технического и социального прогресса [3]. Вот почему в нашей стране поставлена задача приобщения широких масс к новейшим достижениям во всех областях человеческого знания.

В царской России 67% населения не знало грамоты. В наши дни СССР, стоящий на третьем месте по численности населения, занимает первое место в мире по количеству научных работников. Таковы достижения в области образования и культуры Советского Союза, обусловленные его общественным строем.

В империалистических странах в условиях частной собственности на средства производства наука превращается в силу, враждебную трудящимся, а к старым язвам капитализма добавляются новые — недоиспользование научно-технических достижений, милитаризация науки.

---

[1] Брежнев Л. И. — «Правда», 1970, 29 августа.

[2] Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, с. 70.

[3] См. там же, с. 102.

Жизнь показывает бесплодность попыток современных защитников империализма — буржуазных экономистов и социологов — доказать, что в условиях научно-технической революции совершается «самопроизвольное преображение капитализма в новый бесклассовый строй с плановой экономикой, высоким потребительским стандартом, повышением культуры. Да, в условиях научно-технической революции капиталистам приходится планировать производство, но частнособственнические интересы ограничивают масштабы планирования. Да, вынужденные уступать требованиям трудящихся, предприниматели идут на частичное увеличение их зарплаты и тут же выбрасывают на улицу миллионы рабочих. Шестидесятые годы не имеют себе равных по размаху стачечной борьбы, по количеству общенациональных забастовок в ряде стран. Да, заинтересованные в развитии науки и техники, капиталистические страны вынуждены заботиться об образовании масс, но они стремятся к тому, чтобы оно носило утилитарный характер, не способствуя их духовному росту.

Капиталистический строй приравнял знания к товару: США ввозят иностранных ученых, когда в этом есть необходимость, и отказываются от их услуг в периоды экономического спада. На пути человека из народа к науке по-прежнему стоят социальные и расовые барьеры. И тяжелым обвинением империализму является тот факт, что в середине XX в., в период развития научно-технической революции, две трети жителей нашей планеты по-прежнему неграмотны» [1].

Достижения науки в странах капитализма и социализма служат противоположным целям.

При социализме в осуществлении научно-технической революции принимают участие широкие массы трудящихся.

Несомненно, что производительная деятельность нашего государства будет тем успешнее, чем больше круг людей, которым доступны знания. «Процесс накопления знаний, духовного опыта тем быстрее, чем больше людей участвуют в этом процессе, чем интенсивнее их участие, т. е., иными словами, чем значительнее элемент творчества в деятельности членов общества» [2].

В период современной научно-технической революции, осуществляемой трудом советского народа, задачи пропаганды и популяризации науки многократно возросли. Понимание важнейших направлений научно-технического прогресса способствует повышению творческой активности миллионов, более высокому уровню их самосознания, так же, как знания теоретического, мировоззренческого плана оказывают плодотворное влияние на их практическую деятельность.

Делая успехи советской науки достоянием всех трудящихся, показывая ее служение народу, ее мирные цели, ее неразрывную связь с практикой, научно-популярная литература многократно

[1] Мы и планета. Цифры, факты. М., 1967, с. 70

[2] Бондарев Г. И. Духовный прогресс общества и роль науки в нем. Свердловск, 1968, с. 10.

умножает силы советского человека в борьбе за увеличение производительности труда, рост эффективности производства, способствуя решению основной задачи, поставленной нашей партией,— созданию научно-технической базы коммунизма, воспитанию человека коммунистического общества.

2. ПРОГРЕССИВНЫЕ ТРАДИЦИИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ

Прогрессивные ученые — поборники культуры и просвещения — всегда считали пропаганду научных знаний важной и почетной задачей. Истории известны имена ученых, шедших на эшафот ради пропаганды новых прогрессивных научных идей. Галилео Галилей свой знаменитый «Диалог», за который он чуть не поплатился жизнью, написал в доступной, интересной и яркой форме. В изложении видно не только стремление великого ученого защитить новую научную картину мира, отвергнуть обветшалую птоломеевскую систему, доказать правильность воззрений Коперника, но и страстное желание довести эти новые научные взгляды на мироздание до самых широких кругов читателей.

Замечательным популяризатором был Майкл Фарадей. Его открытия в области электричества и магнетизма составили целую эпоху в истории науки. Небольшая книга Фарадея «История свечи»— образец научной популяризации. Она издавалась десятки раз на родине ученого и в других странах, ее читали и читают миллионы детей и взрослых.

Великие русские ученые — М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, И. И. Мечников, А. М. Бутлеров, И. М. Сеченов, А. Г. Столетов, И. П. Павлов, видя цель своей жизни в служении народу, считали своим патриотическим долгом в доступной, популярной и в то же время высоконаучной форме передавать широким массам результаты своих исследований. К популяризации науки, внедрению в народное сознание прогрессивных научных идей призывали русские революционные демократы и просветители.

Обращаясь к русским естествоиспытателям, А. И. Герцен писал: «Одна из главных потребностей нашего времени — обобщение истинных, дельных сведений об естествознании. Их много в науке — их мало в обществе; надобно втолкнуть их в поток общественного сознания, надобно их сделать доступными, надобно им дать форму живую, как жива природа, надобно дать им язык откровенный, простой, как ее собственный язык, которым она развертывает бесконечное богатство своей сущности в величественной и стройной простоте» [1].

Надежда Константиновна Крупская удостоверяет, что Владимир Ильич Ленин очень высоко ценил традиции популяризации науки, выработанные Писаревым, Чернышевским. «У кого учился

---

[1] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 2. М., 1954, с. 140.

Ленин говорить и писать популярно? Учился у Писарева, которого в свое время много читал, учился у Чернышевского...»[1].

Как и Герцен, Писарев утверждал: «Можно сказать без малейшего преувеличения, что популяризирование науки составляет самую важную, всемирную задачу нашего века. Хороший популяризатор, особенно у нас в России, может принести обществу гораздо больше пользы, чем даровитый исследователь. Исследований и открытий в европейской науке набралось уже очень много. В высших сферах умственной аристократии лежит огромная масса идей, надо теперь все эти идеи сдвинуть с места, надо разменять их на мелкую монету и пустить их в общее обращение»[2]. Само собой разумеется, что Писарев здесь под «мелкой монетой» подразумевал не принижение науки или ее упрощение, а то, что имел в виду Н. Г. Чернышевский, когда писал: «...Популярные книги перечеканивают в ходячую монету тяжелый слиток золота, выплавленный наукою»[3].

Замечательным примером сочетания высокой научности и яркой популярности является труд И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Эта книга — большой научный подвиг. Изложение в ней физиологических основ психологических явлений нанесло сокрушительный удар по идеализму и мистике. В работе И. М. Сеченова содержится ряд новых гениальных обобщений, написана же она образно и популярно. Целые поколения становились сторонниками материализма, читая «Рефлексы головного мозга».

Другой пример — распространение дарвинизма. «Теория происхождения видов» Ч. Дарвина получила быстрое и широкое признание в нашей стране благодаря непревзойденной по мастерству пропаганде ее К. А. Тимирязевым.

Соединение науки и демократии было девизом творчества К. А. Тимирязева, который цель своей жизни определял словами: «Работать для науки, писать для народа». Замечательный русский естествоиспытатель еще в 1908 г., говоря о насущных задачах естествознания, произнес следующие знаменательные слова: «В мировой борьбе, завязывающейся между той частью человечества, которая смотрит вперед, и той, которая роковым образом вынуждена обращать свои взоры назад, на знамени первой будет начертано: «Наука и демократия — сим победишь!».

Тимирязев справедливо утверждал, что цели и потребности науки и демократии, истинной науки и истинной демократии, одни и те же. «...Только наука и демократия,— говорил он, знание и труд, вступив в свободный, основанный на взаимном понимании тесный союз, осененные общим красным знаменем, символом мира, всего мира, все превозмогут, все пересоздадут на благо человечества.»[4]

---

[1] См.: Ленин — журналист и редактор, с. 305.

[2] Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 3. М., 1956, с. 129.

[3] Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. М., 1938, с. 429.

[4] Тимирязев К. А. Соч., т. 9. М., 1940, с. 12.

Популяризатором науки был Н. А. Рубакин, книги которого можно было найти и в квартире русского интеллигента, и в тесной комнатке рабочего, и в хате крестьянина. Многие его научно-популярные книги переиздавались Госиздатом в первые годы Советской власти.

Замечательные традиции популяризации науки продолжал и развивал М. Горький. Еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции, обращаясь к ученым, он в публичном заседании так называемой «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» говорил: «Я не знаю сил более плодотворных, более способных воспитать в человеке социальные инстинкты, чем силы искусства и науки. Скажу более — являясь в известной, скромной степени, представителем искусства, я совершенно искренне и сознательно ставлю опытные науки на первое место в процессе воспитания человека... Дух опытных наук поистине общечеловечен, интернационален. Мы имеем право говорить о русском, немецком, итальянском искусстве, но существует только единая, всемирная, планетарная наука, и это она окрыляет нашу мысль, вознося ее к пределам мировых тайн, к разгадкам трагизма нашего бытия; это она открыла миру путь к единству, свободе, красоте.

Не мне надлежит убеждать вас в том, как необходимо насытить точными знаниями русскую демократию, которая ныне воскресла для новой жизни» [1].

3. В. И. ЛЕНИН И ПРОБЛЕМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ

О роли науки в жизни общества, в построении коммунизма В. И. Ленин писал неоднократно, особо выделяя ее революционную роль в нравственном раскрепощении трудящихся. Социализм,— говорил Ленин еще в 1905 г.,—«привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь» [2].

В. И. Ленин утверждал, что на стороне материализма стоит подавляющее большинство современных ему ученых. Такой вывод сделан им после основательного изучения трудов по естественным наукам. Только в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин ссылается на труды около пятидесяти ученых. В качестве примера можно назвать французского физика Антуана Анри Беккереля, открывшего радиоактивность, великого английского ученого, основателя материалистической биологии Чарлза Роберта Дарвина, его соратника Генри Гексли, немецкого естествоиспытателя, автора фундаментальных работ в области физики и физиологии Германа Людвига Фердинанда Гельмгольца и многих, многих других.

В. И. Ленин следит за популярными сочинениями о науке, видя в них действенное средство приобщения к ней широких масс. Он

---

[1] Горький и наука. М., 1964, с. 13—14.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 12, с. 143.

высоко оценивает популярную книгу немецкого естествоиспытателя-материалиста Эрнста Геккеля «Мировые загадки»: «*Сотни тысяч* экземпляров книги, переведенной тотчас же на все языки, выходившей в специально дешевых изданиях, показали воочию, что книга эта «пошла в народ», что имеются *массы* читателей, которых сразу привлек на свою сторону Э. Геккель. Популярная книжечка сделалась орудием классовой борьбы. Профессора философии и теологии всех стран света принялись на тысячи ладов разносить и уничтожать Геккеля. ⟨...⟩ Он — материалист, ату его, ату материалиста» [1].

Изучив вопросы современного ему развития науки и техники, В. И. Ленин вскрыл тормозящее влияние капитализма на научно-технический прогресс. В статье «Цивилизованное варварство», написанной накануне первой мировой войны, В. И. Ленин в качестве иллюстрации этого вывода приводит неосуществленный проект туннеля под Ламаншем. Туннель, который должен был соединить столицы Англии и Франции, не был прорыт, потому что его провалили английские капиталисты, боявшиеся потерять свои «доходные делишки»: «Боязнь туннеля у англичан есть боязнь самих себя. Капиталистическое варварство сильнее всякой цивилизации.

Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров.

Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо.

Но молодое растет и возьмет верх, несмотря ни на что» [2].

При капитализме достижения науки и техники служат средством обогащения наживающихся на войне капиталистов, все усовершенствования производства делаются против рабочего, «ведя к еще большему подавлению и угнетению его», «а во всем общественном производстве остается и растет хаос, приводящий к кризисам, когда накопленные богатства не находят покупателей, а миллионы рабочих гибнут и голодают, не находя работы» [3].

В статье «Одна из великих побед техники», посвященной открытию английским химиком Вильямом Рамсеем способа непосредственной добычи газа из каменноугольных пластов, В. И. Ленин рассматривает эту проблему со стороны технической, экономической, социальной. Он предсказывает, что переворот в промышленности, вызванный этим открытием, будет огромен. Но последствия его для всей общественной жизни при капитализме будут

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 18, с. 370—371.
[2] Там же, т. 24, с. 17.
[3] Там же, с. 370, 371.

совсем не те, какие бы вызвало это открытие при социализме. Ленин показывает, что наука и техника с каждым днем все более и более перерастает те общественные условия, которые обрекают трудящихся на наемное рабство. При капитализме открытие Рамсея, совершив переворот в промышленности, лишит работы тех, кто занимается добычей угля, вызовет громадный рост нищеты. А прибыли от открытия положат в свой карман Морганы, Рокфеллеры, Рябушинские, Морозовы и их свита. При социализме же это открытие позволит сократить рабочий день для всех рабочих, сделает более гигиеничными условия труда на фабриках и железных дорогах; даст электрическое освещение и электрическое отопление каждому дому[1].

Подчеркивая, что только социализм создаст условия для беспредельного развития науки и техники, их использования на благо народа, В. И. Ленин в 1922 г. отмечал, что во всем мире растет понимание этого и увеличивается «число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-экономическим строем»[2].

Царская Россия была самой «дикой страной» в Европе, где массы народа «были *ограблены* в смысле образования, света и знания»[3], страной, где «весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития»[4].

Великая Октябрьская социалистическая революция призвала к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов рабочих и крестьян, перед которыми встали грандиозные задачи не только хозяйственного возрождения страны, восстановления и развития ее промышленности и сельского хозяйства, но и создания более высокого типа общественного производства, чем при капитализме. Чтобы выполнить эти задачи, нужно было опираться на все завоевания науки и техники. Ратуя за «громадное повышение культуры»[5] народа, В. И. Ленин писал о науке как об одной из составляющих ее частей: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»[6] и намечал конкретную программу приобщения к культуре: «...В один год — даже при теперешней нищете (это был год 1921. — *Э. Д.*) — дать народу, по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники»[7].

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 23, с. 93—95.
[2] Там же, т. 45, с. 147.
[3] Там же, т. 23, с. 127.
[4] Там же, т. 35, с. 289.
[5] Там же, т. 44, с. 170.
[6] Там же, т. 38, с. 55.
[7] Там же, т. 42, с. 332.

Весьма примечательно, что, намечая программу изданий первостепенной важности, вождь Советского государства включил в нее произведения классиков науки.

В. И. Ленин говорил о необходимости научной постановки информации об открытиях и изобретениях за рубежом. 3 сентября 1921 г. он предписывает Н. П. Горбунову «установить точно, кто будет отвечать за ознакомление нас с европейской и американской техникой толком, вовремя, практично, не по-казенному» [1].

Организация систематической пропаганды и популяризации науки была составной частью деятельности Ленина, направленной на восстановление и развитие народного хозяйства, повышение культуры трудящихся. Составленный В. И. Лениным в апреле 1918 г. набросок плана научно-технических работ явился по существу первой программой деятельности Академии наук, всех научно-технических сил страны.

Энергичную поддержку В. И. Ленина находило каждое научное открытие или техническое усовершенствование, способствующее росту производительности труда. Большое внимание уделял он работам в области радиотехники, изучению способов использования химического сырья в заливе Кара-Богаз-Гол, гидравлическому способу добычи торфа и т. д.

Сохранился весьма примечательный документ. Прочитав в узкоспециальном журнале «Нефтяное и сланцевое хозяйство» заметку «О замене металлических труб цементным раствором при бурении нефтяных скважин», В. И. Ленин в письме И. М. Губкину от 3 июня 1921 г. высказывал возмущение, что такого рода известие похоронено «в мелкой заметке архиученого журнала, понимать который способен, может быть, 1 человек из 1 000 000 в РСФСР», и спрашивал: «Почему не били в большие колокола? Не вынесли в общую прессу? Не назначили комиссии практиков?» [2].

Выдвигая государственно важную научную или техническую проблему, В. И. Ленин одновременно намечал программу ее широкой пропаганды, цель которой — увлечь массы трудящихся, пробудить их инициативу. Так, проект Постановления Совета Народных Комиссаров о топливе, написанный им 24 мая 1918 г., предусматривал не только увеличение добычи топлива, экономию потребления его, меры рационального распределения по районам его производства, но и популярную агитацию и пропаганду «о важности беречь топливо» [3].

В конце 1919 г. он обратился к Г. М. Кржижановскому с предложением написать статью, а затем и брошюру об использовании торфа. А в апреле 1921 г. писал А. В. Луначарскому о необходимости провести в государственном масштабе следующие мероприятия: 1) поручить Госиздату отпечатать брошюру «Торф» массовым тиражом, 2) поручить киноотделу снять 12 лент о торфодо-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 53, с. 163—164.
[2] Там же, т. 52, с. 246.
[3] Там же, т. 36, с. 371.

быче, 3) обязательный курс в школах и в высших учебных заведениях о торфодобывании [1].

Ярким примером ленинской заботы о пропаганде и популяризации важных научно-технических проблем является отношение его к статьям и брошюрам об электрификации.

1920 год. Конец января. Ленин председательствует на заседаниях Совнаркома, Совета Обороны, принимает участие в заседании Политбюро ЦК РКП(б), составляет проект ответа Независимой социал-демократической партии Германии и находит время прочитать рукопись Г. М. Кржижановского «Задачи электрификации промышленности». И не только прочитать, но и написать автору одобрительно-восторженное письмо. В нем Ленин высказывает мысль о необходимости привлечения именно таких авторов — специалистов «с размахом» или «с загадом» [2], мысль, ставшую программной в области популяризации.

В декабре 1920 г. Ленин снова возвращается к вопросу пропаганды плана электрификации и в письме к Г. М. Кржижановскому рекомендует «написать *срочно* несколько популярных брошюр (частью перевести *с немецкого*)» [3].

О непреходящем внимании В. И. Ленина к проблеме пропаганды научных знаний говорит и его отношение к выполненной по его поручению работе И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». 19 марта 1922 г. В. И. Ленин писал автору: «Сейчас кончил просмотр 160 страниц Вашей книги... от этой книги я в восторге. Вот это дело!» [4] и сообщал, что предисловие к ней закончил и немедленно его отправляет.

В. И. Ленин называл знания «великой гордостью человечества» [5] и всю свою жизнь стремился сделать их достоянием народа.

Весьма симптоматично, что в работе «Лучше меньше, да лучше», в своей последней работе, Ленин снова писал о науке. Он призывал «во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой ⟨...⟩ чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» [6].

4. ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С первых дней Советской власти в нашей стране уделялось большое внимание изданию общедоступных книг о науке. Наследие в области научно-популярной литературы, оставленное доре-

---

[1] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 52, с. 136—137.
[2] См. там же, т. 40, с. 62.
[3] Там же, т. 52, с. 38.
[4] Там же, т. 54, с. 209—210.
[5] Там же, т. 35, с. 241.
[6] Там же, т. 45, с. 391.

волюционными учеными, было невелико. Поэтому были приняты меры к созданию новой научной литературы для широких масс трудящихся. В 1919 г. в Москве, в Госиздате, возник научно-популярный отдел, который в своей редакционной деятельности руководствовался, как это указывалось в проспектах его изданий, «принципами последовательного марксизма и строгой научности». На первых порах выпускались преимущественно переиздания дореволюционных популярных произведений, которые подвергались коренной переработке и дополнялись новейшими данными. По инициативе отдела издавались специальные сборники, обосновывающие материалистическое мировоззрение в естествознании.

Научно-популярный отдел Госиздата создал ряд серий, рассчитанных на различные категории читателей, в зависимости от степени их подготовки. Основная группа читателей, запросы которой стремился удовлетворить отдел,— рабочие и передовой слой крестьянства. Эта группа проявляла особый интерес к науке, к проблемам мировоззренческим и чисто практическим. Для них издавалась серия «Наука для всех» и отчасти «Начатки науки», а также специальные серии, например, «Книжная полка рабочего», «Популярная техническая серия».

Вторая группа — читатели, обладающие некоторыми, хотя бы элементарными познаниями. Имелись в виду учащиеся школ второй ступени, фабзавуча, рабфаков, а также занимающиеся самообразованием. Для этих читателей, нуждавшихся в пополнении знаний, издавалась серия «Начатки науки».

Третья категория — читатели подготовленные, имеющие, как правило, законченное среднее образование, интересующиеся главным образом новейшими достижениями науки, прогрессом отдельных областей знаний и общенаучными проблемами. На эту группу была рассчитана серия «Популярно-научная библиотека», «Дарвиновская библиотека» и др.

Для детей 10—12-летнего возраста издавалась серия «Среди природы». Были созданы также серии, объединенные по тематическому принципу: «Опыты и наблюдения природы», «Библиотека путешествий», «Биографическая библиотека».

В зависимости от категории читателей определялись язык, построение, оформление научно-популярной книги.

Важным этапом в истории советской научно-популярной литературы было создание в 1934 г. по инициативе Центрального Комитета комсомола Главной редакции научно-популярной и юношеской литературы в составе объединенного научно-технического издательства (ОНТИ), сосредоточившего в то время почти все дело выпуска научной и технической, в том числе и учебной, литературы в стране. Возглавлял эту редакцию старый большевик, один из создателей советского книгоиздательства Н. Л. Мещеряков.

Редакция научно-технической и юношеской литературы принялась за издание научно-популярных книг с широким размахом. В целях привлечения к научной популяризации ученых и писателей

ЦК ВЛКСМ принял решение об организации конкурса на лучшую научно-популярную книгу для молодежи. В состав конкурсного комитета вошли М. Горький, Н. Мещеряков, С. Маршак, Н. Ильин, Я. Перельман и др. Целью конкурса было создание фундаментальной библиотеки популярной научно-технической литературы для юношества и детей, с тем чтобы помочь советской молодежи в формировании марксистско-ленинского материалистического мировоззрения, вооружить молодого читателя знанием законов природы, осветить героические страницы борьбы человека за покорение природы. Книги, представленные на конкурс, должны были в увлекательной форме излагать основы наук, современные достижения и перспективы науки и техники, возбуждать у молодежи и детей любознательность и стремление к овладению вершинами знаний.

Темами для издаваемых произведений были объявлены:

а) наша Родина, ее природные богатства, наука и техника в социалистическом строительстве;

б) основы наук;

в) современные достижения науки и техники во всех областях знаний;

г) история науки и техники (в том числе в форме биографий выдающихся деятелей мировой науки и техники);

д) наука и техника будущего.

Главная редакция научно-популярной и юношеской литературы подробно разработала тематический план и приступила к его осуществлению. В плане ярко проявилось стремление дать научно-популярную книгу самому широкому кругу читателей — рабочим, колхозникам, учащимся. При этом подчеркивалось, что научно-популярная литература, не являясь непосредственно производственной книгой или учебным пособием, должна в увлекательной, легко воспринимаемой форме раскрыть для читателя сокровищницу науки и техники. Форма, методика изложения в научно-популярной книге должны прежде всего учитывать уровень подготовки читателя. Оформление книг должно производиться с таким расчетом, чтобы читатель, для которого книга предназначена, мог легко найти ее среди большого числа других научных и технических книг.

В соответствии с этим план состоял из четырех разделов, рассчитанных на различные по подготовке и возрасту группы читателей. Каждый раздел объединял несколько разнообразных серий.

Первый раздел составили в основном две массовые серии книг для школьников 4—6-х классов средней школы. Первая из них — «Природа вокруг нас» — популярная литература для самостоятельного внешкольного чтения. Вторая, «Для умелых рук», — небольшие иллюстрированные книжечки для юных любителей техники — моделистов и изобретателей.

Второй раздел — литература для рабочей и учащейся молодежи и взрослого читателя с объемом знаний в пределах 7—8 классов средней школы. Здесь было семь серий: «Наука и техника наших

дней», «Наука и техника прошлого и будущего», «Техника и оборона», «Наша Родина», «Занимательные науки», «Путешествия и экспедиции», «Научная фантастика».

Третий раздел — литература преимущественно для взрослых читателей, имеющих начальное образование. В то время этот круг читателей, особенно в деревне, был еще очень велик. Здесь литература строилась по основным областям знаний — физике, химии, математике, биологии, астрономии и т. д.

Четвертый раздел состоял из одной серии, весьма оригинально задуманной. Это —«Научные беседы выходного дня», небольшие популярные лекции, которые должны были выходить регулярно два раза в месяц и знакомить широкий круг читателей с проблемами современной науки.

Главная редакция научно-популярной и юношеской литературы просуществовала до 1937 г., оставив заметный след в истории советской научно-популярной книги. Ею было выпущено несколько десятков ценных книг, в том числе «Земля Санникова» и «Плутония» акад. Обручева, «На луне», «Вне земли», «Грезы о земле и небе» К. Э. Циолковского, серия «Занимательные науки», в которой особую популярность приобрели произведения Я. И. Перельмана, а также «В царстве смекалки» Игнатьева, «Занимательная химия» Андреева, «Занимательная авиация» Вейгелина и др.

Особый интерес представляют разработанные под руководством Н. Л. Мещерякова тематические планы изданий научно-популярной литературы. Такая, например, серия, как «Научные беседы выходного дня», и сейчас могла бы оказаться отличным подспорьем для университетов культуры. Это небольшие книжки (2—3 листа), написанные ведущими учеными, популярно освещающие итоги и проблемы данной отрасли или данного комплекса наук. В известной степени этим задачам отвечают издания общества «Знание».

К сокровищам советской научно-популярной литературы принадлежат произведения, созданные в Ленинградском отделении Детгиза, душой которого был С. Я. Маршак и где начинали свою работу Б. Житков, М. Ильин, В. Бианки и другие писатели и ученые, внесшие в литературу для детей животрепещущий жизненный материал стройки и научного знания. Маршак добивался, чтобы в научно-популярной литературе элементы художественный и познавательный шли рука об руку. Идеи создания научно-популярной литературы и методы разработки в ней тем и изложения, выработанные С. Я. Маршаком и его сотрудниками в Ленинградском отделе Детгиза, вошли как фундаментальные положения в теорию популяризации науки.

Вопросам популяризации научных знаний много внимания уделяла Н. К. Крупская — большой друг и советчик редакций научно-популярной и юношеской литературы.

Много раз она выступала в печати с призывом издать необходимые научно-популярные книги. Широко известен горячий призыв Н. К. Крупской к ученым прийти на помощь рабочим в их учебе. Она вела переписку с выдающимися учеными, приглашая их передать

свои знания народу. Большой интерес, в частности, представляют ее письма к Г. М. Кржижановскому, С. И. Вавилову, В. Л. Комарову, А. Е. Ферсману, А. Н. Баху, Н. Д. Зелинскому, Б. А. Келлеру.

Н. К. Крупская направляла работу по изданию научно-популярных книг, указывала пути создания кадров популяризаторов.

Н. К. Крупская широко пропагандировала гениальные высказывания Ленина о научной популяризации.

Обращаясь к авторам научно-популярных произведений, Н. К. Крупская просто и ясно сформулировала те требования, которые должны предъявляться к народной книжке. Она говорила, что популярная литература должна быть строго научна, с одной стороны, с другой — написана просто, понятно, проиллюстрирована фактами.

По призыву Н. К. Крупской Академия наук СССР организовала издание трех научно-популярных серий.

Первая из них — «Академия наук — стахановцам». Назначение этой серии определялось задачей подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда. Книги этой серии должны были помочь читателям в изучении марксистско-ленинской теории, в повышении общеобразовательного уровня, в ознакомлении с новейшими достижениями науки и техники, передовыми методами работы. Эта серия выходила под общей редакцией президента Академии наук акад. В. Л. Комарова.

Вторая научно-популярная серия, под общей редакцией акад. С. И. Вавилова, предназначалась для широкого круга советской интеллигенции — инженерно-технических работников, педагогов, врачей, студентов и т. д.; она знакомила читателей с состоянием и проблемами различных отраслей науки и техники.

Третья серия, под общей редакцией акад. Л. И. Прасолова, была предназначена для агротехников и колхозного актива и должна была помогать колхозам и совхозам в исследовании и улучшении почв.

Огромное влияние на развитие популяризации науки оказала деятельность акад. С. И. Вавилова.

Он выступал как организатор и редактор многих научно-популярных изданий: руководил научно-популярными журналами, возглавлял Комиссию Академии наук СССР по изданию научно-популярной литературы, был одним из инициаторов создания Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и его председателем.

Как популяризатор С. И. Вавилов создал произведения различных жанров: книги о науке для широкой массы читателей, для специалистов смежных областей, биографии ученых, газетно-журнальные и энциклопедические статьи.

Заботясь о повышении общеобразовательного уровня читателя, стремясь приобщить его к науке, С. И. Вавилов выдвигал следующие требования к научно-популярным произведениям: 1) осве-

щение новейших открытий, отражающих современное состояние науки; 2) показ процесса открытия и исторической обстановки; 3) предельная ясность и занимательность изложения; 4) четкость выводов.

Советская научно-популярная литература прошла большой путь. Сейчас изданием научно-популярной литературы занимается не только специальное издательство «Знание», но и издательства «Наука», «Советская Россия» и многие другие центральные, республиканские и областные издательства.

Большой популярностью в нашей стране пользуются книги серии «Эврика», выпускаемые издательством «Молодая гвардия».

Достижениям современных наук посвящены ежегодники: «Наука и человечество», «Пути в незнаемое» и др.

Научной популяризации уделяли и уделяют много внимания крупнейшие советские ученые.

Советскими учеными А. Ферсманом, В. Обручевым и другими написаны книги, которые стали классическим образцом популяризации науки. Глубокие по содержанию и превосходные по форме научно-популярные произведения созданы Б. Житковым, М. Ильиным, О. Писаржевским, И. Халифманом, М. Ивановским, Д. Даниным, В. Орловым и многими другими.

Авторы научно-популярных произведений в нашей стране имеют чуткого, внимательного, восприимчивого и благодарного читателя.

5. КРУГ ЧИТАТЕЛЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Еще сравнительно недавно научно-популярная литература адресовалась большей частью читателю, не имевшему систематического образования. Авторы научно-популярных книг и брошюр стремились в процессе изложения научного материала приводить возможно больше элементарных понятий из физики, химии, астрономии и математики, геологии и биологии, т. е. наук, на которые опираются естествознание и техника, и давать им популярное толкование.

Теперь задачи научной популяризации расширились и усложнились. Миллионы рабочих, колхозников, учащихся нуждаются в углублении знаний. Образование человека не заканчивается с окончанием того или иного учебного заведения. Настоящие знания дает самостоятельная работа над книгой, и этому должна помочь научно-популярная литература.

В научно-популярной литературе нуждаются не только широкие читательские массы, но и ученые различных специальностей. Современные наука и техника столь многообразны и специализированы, их отрасли и ответвления подчас так далеки друг от друга, что без научно-популярной литературы ученые не могут быть в курсе достижений науки в смежных и отдаленных областях. Разумеется, научно-популярная книга по биологии, предназначенная, например, для физика, астронома или математика, должна

быть построена иначе, чем книга на ту же тему для читателей с меньшей подготовкой. Но это уже вопрос о специфике различных категорий читателей, и об этом будет сказано ниже. Здесь нам важно установить иное: очевидно, что в наши дни научно-популярные произведения нужны решительно всем.

Необходимо отметить две черты современной науки и техники, которые расширяют функции научной популяризации в наши дни.

Первая особенность состоит в следующем. На протяжении двух столетий наука непрерывно разветвлялась, выделяя все больше обособленных отраслей знаний. Натурфилософия, охватывавшая когда-то все области естествознания, разделилась на десятки, а затем и на сотни самостоятельных дисциплин. Во времена Ломоносова химия не отделялась от физики, во всяком случае, не было ученых, которые занимались только физикой или только химией. Теперь химик, работающий в области, скажем, высокомолекулярных соединений, порой отказывается высказывать какие-либо суждения по вопросам неорганической химии.

В ходе научно-технической революции осуществляется дальнейшее дробление функции и структуры производства, дифференциация наук. Но преобладающей и определяющей является другая тенденция — интеграция, ведущая к становлению науки как единой сложной системы. С одной стороны, на стыках двух, даже трех традиционных наук возникают новые (биохимия, физико-химическая механика). С другой стороны, рождаются науки синтезирующего характера, объединяющие ряд далеко отстоящих наук, нередко естественных и гуманитарных (кибернетика, науковедение), и происходит взаимопроникновение методов исследования. Например, в результате математизации наук возникли математическая геология, математическая лингвистика. Все чаще решаются проблемы, требующие знаний в области ряда наук (бионика).

Ученые признают, что современная наука развивается так стремительно, стала настолько сложной и многогранной, что человек, чтобы в полную меру жить жизнью своего времени, не может обойтись без научных знаний, популярно изложенных. Вот мнение советского ученого, директора Института истории естествознания и техники Академии наук СССР академика Б. М. Кедрова: «...В большинстве своем ученые знакомятся с достижениями коллег из других отраслей, с новинками советской и мировой науки через популярную литературу. Ныне в той же химии фронт исследований настолько широк, что ученый с правого фланга вряд ли уяснит.., что творится на левом» [1]. Мы, следовательно, можем сказать, что одной из новых функций научно-популярной литературы является взаимная информация ученых и инженерно-технических работников о состоянии и проблемах, о достижениях и новых методах исследования, применяемых в самых разнообразных областях знаний.

---

[1] «Журналист», 1971, № 1, с. 34.

Теперь о второй особенности. Наука нашего времени отличается не только гигантским размахом, но и небывалыми темпами исследований. То, над чем раньше трудились поколения исследователей-одиночек, теперь достигается в чрезвычайно сжатые сроки коллективами ученых. В мощных институтах, в огромных лабораториях, оснащенных новейшей аппаратурой, одновременно проводятся сотни экспериментов.

Большие электронные вычислительные машины производят в час столько операций, сколько не могли бы совершить целые отряды высококвалифицированных научных работников за годы.

Но не следует ли из этого, что информация о новейших достижениях науки и техники должна быть такой же быстрой и оперативной? Здесь роль своеобразной «экспресс-информации» должна сыграть в числе других способов информации и научно-популярная литература.

Таким образом, функции научно-популярной литературы необычайно раздвинулись. Круг читателей этой литературы стал очень широким: от ученого, ищущего в научно-популярных изданиях сведений о новейших достижениях науки и техники смежных областей, до малоподготовленного читателя и школьника. Поэтому и виды научно-популярной литературы стали многообразнее. Редактору научно-популярных произведений необходимо, следовательно, учитывать специфику каждого вида этой литературы, отчетливо представлять себе уровень подготовки читателей.

Примером научно-популярных изданий, предназначенных для специалистов смежных областей, может служить созданная С. И. Вавиловым серия «Итоги и проблемы науки». В ней выходили такие научно-популярные монографии, как: «Возникновение жизни на Земле» А. И. Опарина, «Микроструктура света» С. И. Вавилова и др. Издание подобных серий — «Современные тенденции развития науки» и «Проблемы современной науки и технического прогресса» — продолжается издательством «Наука» и сейчас. Выпущены такие брошюры, как «Уран-графитовые реакторы», «Полупроводники», «Электроника и ее техническое применение», «Сегментоэлектричество», «Электронно-решающие устройства», «Автоматический перевод» и др. Особенность изданий данного типа в том, что в них не исключаются довольно сложный математический аппарат, физические и химические формулы, допускается присущий научным, а не обычным популярным сочинениям лаконизм изложения без детализации, в которой читатель, привычный к чтению научных трудов, не нуждается. Однако автор — специалист в данной области — не должен упускать из виду, что его читателем может оказаться специалист в области, весьма отдаленной от трактуемой темы.

Вопрос о том, какой должна быть научно-популярная книга, остается главным как для автора, так и для редактора такого рода сочинений. Было бы нелепо предложить какой-нибудь универсальный рецепт, пригодный для самой разнообразной тематики и

различных авторов научно-популярных произведений. Нивелировка авторской индивидуальности привела бы к тому, что произведения такого рода потеряли бы всякую привлекательность.

Однако опыт издания научно-популярной литературы показал, что при всем разнообразии ее тематики, при всем различии научной квалификации и литературных талантов авторов большинству из них свойственны одни и те же ошибки. Это позволяет выдвинуть некоторые рекомендации, руководствуясь которыми редактор поможет автору избавиться от многих весьма типичных, часто повторяющихся недостатков научно-популярных произведений.

Эти рекомендации касаются, в первую очередь, метода изложения, системы объяснений, приемов занимательности и языка научно-популярных произведений.

6. МЕТОДЫ ИЗЛОЖЕНИЯ МАТЕРИАЛА В КНИГЕ О НАУКЕ

Литература, пропагандирующая знания, имеет огромное мировоззренческое значение, потому что отдельные науки и теория познания нераздельно связаны.

Не случайно первые гениальные догадки о строении и происхождении вселенной — атомистическая теория, положение о вечности материи — были высказаны за два с лишним тысячелетия до того, как естествознание подтвердило их экспериментально.

В наше время при специализации наук каждая из них в известной мере изолирует предмет своего изучения от предмета изучения других наук. Механика исследует перемещение тел в пространстве и времени, химия — движение и соединение атомов и т. п., биология — законы развития живых организмов. Но вместе с тем эти науки не могут совершенно отрываться одна от другой, так как различные формы движения в действительности тесно связаны, друг друга обусловливают, переходят одна в другую. Следовательно, и науки, изучающие эти формы движения, должны быть связаны между собой.

Преодолеть односторонность в подходе к предмету помогает философия, которая на основе выводов многих наук дает единый взгляд на мир, способствует формированию цельного мировоззрения.

Развитие науки ставит перед учеными такие вопросы, на которые они не могут ответить, не владея научным мировоззрением. «Там, где наука от собирания и описания фактов, процессов переходит к установлению законов, к теоретическим выводам, любой широко мыслящий физик, химик, биолог, социолог вступает на такую почву, где он не может обойтись без философии, без мировоззрения, без теории познания» [1].

Гениальные открытия передовых русских ученых И. М. Сеченова, И. П. Павлова, К. А. Тимирязева обусловлены не только

[1] Основы марксистской философии. М., 1964, с. 29.

глубиной их научных исследований, но и их правильным мировоззрением — материалистической философией.

В наше время, в эпоху великих побед социализма и коммунизма, обостряется борьба социалистической и буржуазной идеологий. Это находит выражение также в области естествознания. Современный ученый-специалист, не вооруженный материалистической философией, попадает в плен ненаучной, идеалистической философии, мешающей развитию науки.

Советский ученый — пропагандист знаний — передает массам не только последнее слово науки, но и веру в великую и плодотворную силу марксистской философии.

Наша научно-популярная литература дает партийную критику современных буржуазных течений в различных областях науки, техники, культуры. Причем в связи с обострением борьбы в области идеологии политическая сторона научно-популярных изданий становится определяющей. Перед ними стоит задача — не только популяризировать конкретные знания, но и пропагандировать самое передовое мировоззрение — марксизм-ленинизм.

Объективистский подход к научному материалу нетерпим в книге о науке. Советская научно-популярная литература, призванная способствовать формированию материалистических взглядов, должна подчеркивать идейное значение науки, разоблачать классовый характер реакционных буржуазных «учений», показывать современную борьбу материализма против идеализма и роль советских ученых в этой борьбе, связывать общефилософские проблемы с новейшими данными конкретных наук. Политическая сторона научно-популярных произведений и состоит в философски правильном осмыслении данных науки, в установлении материальности мира и закономерностей его развития.

Книга С. И. Вавилова «Глаз и Солнце» охватывает круг различных проблем оптики. Но все изложение пронизано доказательством материальности природы света. Автор устанавливает взаимосвязь солнечного света и строения человеческого глаза, показывает, что разные науки (физика, химия, биология, астрономия) и даже искусство (литература, живопись) — все это часть единого целого: знания человека об объективном мире.

В «Занимательной минералогии» А. Е. Ферсман говорит читателю, что явления нельзя рассматривать изолированно: камень и растение тесно переплетаются в жизни, и порой трудно установить границу между живой и неживой природой. А. Е. Ферсман доказывает, что химия не могла развиваться успешно, пока ученые брали отдельные вещества и изучали их в лаборатории вне связи со всей природой. Автор рисует мир как сложную систему, в которой все отдельные части связаны между собой.

Говоря о единстве мира и взаимообусловленности явлений, А. Е. Ферсман устанавливает связь одной науки с другими и на примере минералогии будущего показывает, как интересны и значительны будут отдельные наблюдения и факты природы, когда

с точностью натуралиста соединится глубокий анализ физика и химика.

Книга А. Е. Ферсмана имеет большое мировоззренческое значение. На примере науки о минералах, постепенно расширяя границы исследования, ученый доказывает, что весь мир — это сложная единая система, что наша Земля — лишь кусочек мира, называемого Вселенной, и законы Земли — законы всего мироздания.

Итак, показ научных явлений во взаимосвязи — это первое требование к методу изложения материала в научно-популярной литературе.

Второе требование — показ достижений науки и техники не как конечных результатов деятельности лиц и коллективов, а как этапов развития, этапов приближения к истине.

М. Горький призывал авторов писать так, чтобы читатель получал «достаточно ясное представление по возможности о всех разнообразных процессах изменения материи и о постепенности завоевания наукой стихийных сил природы»[1]. Это требование предопределяет необходимость исторического подхода к освещению научной проблемы, потому что только таким образом можно воссоздать длинную цепь научных открытий и заблуждений, показать поиски верного метода. Интересно, что в первом издании книги С. И. Вавилова «Глаз и Солнце» лишь упоминалась теория о зрительных лучах, имевшая широкое распространение в античной науке. В пятом и последующих изданиях автор не ограничивается этим сообщением, а подробнейшим образом рассматривает исторические корни этого учения:

Естественно задать вопрос, как можно согласовать поразительно высокий для своего времени уровень греческой науки в геометрии, астрономии, механике и в других областях знания с явно нелепым для современного человека учением о зрительных лучах, излагавшимся теми же Эвклидом и Птоломеем, которые оставили бессмертные творения в области геометрии и астрономии?

Наше недоумение объясняется забвением исторической перспективы.

Затем автор объясняет, что в древности понимали изображения как результат восприятия предметов при помощи глаза, но устройства глаза не знали. Процесс зрительного восприятия был окружен таинственностью, и оптики древности стремились объяснить этот процесс. Так, подходя с исторических позиций, автор показывает пользу теории о зрительных лучах, ее прогрессивность для своего времени. Историческое освещение вопроса о скорости света, дарвиновского учения, теории эволюции глаза позволяет С. И. Вавилову показать пути развития науки, вскрыть ее закономерности.

Показ эволюции науки занимает большое место в популярной литературе. В «Занимательной геохимии» А. Е. Ферсмана история познания атома сравнивается с углублением человеческого знания о мире: сначала непонимание, хаос, отсутствие порядка, затем постепенное установление закономерностей движения и, наконец, возникновение стройной, ясной картины единой Вселенной.

[1] М. Горький. О темах. — Собр. соч., т. 27, с. 103.

А. Е. Ферсман показывает, что наука о химии земли не выросла сама собой. Многие века тысячи людей боролись за достижение научной истины, ошибались, искали новых путей, работали дни и ночи в подземельях лабораторий, сражались против невежества, гнета церкви, иногда гибли, иногда побеждали, но неуклонно двигали науку вперед. Наши современные знания о мире — результат труда и борьбы не великих одиночек, а больших коллективов ученых, деятельности многих поколений.

При редактировании научно-популярного произведения нужно помочь автору показать преемственность науки, по достоинству оценить деятельность ученых прошлого и настоящего, отечественных и зарубежных, помня, что изучение истории науки воспитывает стремление трудиться на благо народа, умножает силы в борьбе за покорение природы. Советские популяризаторы восстанавливают подлинные страницы летописи борьбы за овладение знаниями, не замалчивая открытий зарубежных ученых, потому что искажение действительности недостойно нашего народа, вклад которого в сокровищницу знания поистине вéлик.

7. ПОПУЛЯРНОСТЬ ИЗЛОЖЕНИЯ

Автор научно-популярного сочинения должен рассказать о науке, не упрощая ее и в то же время не перегружая изложение труднодоступным материалом, который может отпугнуть читателя. В этом и состоит основная трудность, преодолеть которую удается далеко не всем пропагандистам науки.

В предисловии к первому изданию «Жизни растения» К. А. Тимирязев отмечал, что «всякое общедоступное изложение по самой своей сущности лишает автора возможности высказать всю истину, т. е. представить всестороннюю критическую оценку приводимых фактов,— и тем более обязывает его не говорить ничего, кроме истины». Как бы глубоко ни знал автор предмет, ему приходится «на время отрешиться от своей обычной точки зрения специалиста», отступить на несколько шагов и посмотреть, на что похожа наука «со стороны». «В выборе этой точки зрения, достаточно близкой, чтобы можно было рассмотреть главнейшие подробности, но не настолько близкой, чтобы подробности вредили впечатлению целого,— по мнению Тимирязева,— заключается главное условие успеха» [1].

Популяризация исключает упрощенчество, потому что оно приводит к искажению науки. Так, один автор, стремясь упростить изложение, определил флотацию как процесс извлечения цветных металлов из руд при помощи пузырьков и допустил ошибку: в действительности извлекают не цветные металлы, а полезные минералы, из которых затем выплавляют цветные металлы. В. Г. Короленко в «Истории моего современника» рассказывает об одном горе-популяризаторе, который объяснял происхождение человека

[1] Тимирязев К. А. Избр. соч., т. 3. М., 1949, с. 13—14.

таким образом: «Были когда-то такие насекомины. И жили они на деревах. Таких деревов уже теперь нету, да и таких насекомин тоже нету. На деревах росли особые плоды. Вот надо такой насекомине сорвать плод. Сейчас она делает упор на задние лапы. Вот и ноги... А передними лапами тянется, срывает плод и подносит его ко рту. Вот тебе и руки. Так помалу и выработался человек» [1].

В разработку теории популяризации большой вклад внес В. И. Ленин. Его работы, обращенные к широкому читателю, его высказывания о цели таких выступлений, о методе изложения имеют непреходящее значение для всех пропагандистов и популяризаторов, независимо от области знания, которой они посвящают свои труды.

По мнению В. И. Ленина, в популярном произведении нужно не разжевывать избитые истины, а высказывать глубокие мысли, обосновывая, подкрепляя их новыми данными, новыми примерами, новой обработкой известных сведений.

Еще на заре XX в., рассматривая необходимость создания «популярной литературы для рабочих и особо популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих», В. И. Ленин определил ее задачу: «поднимать рабочих», готовить их к тому, чтобы «с ними *можно было заговорить* об этих вопросах» [2].

В «Тезисах о производственной пропаганде» В. И. Ленин сформулировал ее основную черту: «...Быть популярной, в смысле доступности миллионам, но отнюдь не впадать в популярничанье. Не опускаться до неразвитого читателя, а неуклонно — с очень осторожной постепенностью — поднимать его развитие» [3]. Именно эта задача — поднимать развитие читателя — определяет глубину и серьезность освещаемых проблем, а также метод отбора и изложения материала.

В. И. Ленин рекомендует подводить читателя к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные выводы из этих данных и наталкивая читателя на дальнейшие вопросы.

Незачем повторять общеизвестные истины, объяснять общепринятые понятия. «Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, — напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и *помогает* ему делать эту серьезную и трудную работу, *ведет* его, помогая ему делать первые шаги и *уча* идти дальше самостоятельно» [4].

Популярность достигается двумя средствами: конкретностью и последовательностью изложения.

---

[1] Короленко В. Г. История моего современника. Собр. соч. в 10-ти т., т. 7. М., 1955, с. 259.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 6, с. 131, 132.

[3] Там же, т. 42, с. 15.

[4] Там же, т. 5, с. 358.

Прежде всего о конкретности. Д. И. Писарев утверждал, что «популярное изложение должно тщательно избегать всякой отвлеченности. Каждое общее положение должно быть подтверждено осязательными фактами и пояснено частными примерами»[1]. В противном случае читателю трудно понять объяснения автора.

Казалось бы, невозможно придать конкретность изложению такого вопроса, как связь глаза и Солнца. Однако С. И. Вавилов нашел примеры, известные каждому. Он рассказал о том, как, играя в прятки, ребенок часто решает спрятаться самым неожиданным образом: он зажмуривает глаза или закрывает их руками, будучи уверен, что теперь его никто не увидит. Второй пример свидетельствует о еще более удивительном инстинктивном смешении света и зрения. Фотографы, т. е. люди, искушенные в практической оптике, нередко ловят себя на том, что закрывают глаза, когда при заряжении фотоаппарата или проявлении пластинок нужно тщательно следить, чтобы свет не проникал в темную комнату.

Поучительно умение А. Е. Ферсмана вызвать конкретное представление об описываемых явлениях и предметах. Автор «Занимательной минералогии», рассказывая о камне в природе и его использовании, знакомит читателя со своей коллекцией образцов пород, проходит с ним по залам минералогического музея и старинных дворцов, вспоминает свои поездки в пещеры гор и пустыни, показывает камень на дне озер, болот и морей. Описания эти так ярки, что читатель получает образное представление об отдельных видах камня. Только после этого автор объясняет, как построена мертвая природа, и определяет понятие «минерал».

Стремясь избежать абстрактности в описаниях, авторы используют различные приемы. Рассмотрим наиболее употребительные из них.

Очень важно начать изложение, как говорил Герцен, «с первого предмета, попавшегося на глаза, с предмета знакомого, который можно взять в руки, посмотреть»[2]. В лекции «Холодный свет» С. И. Вавилов напоминает читателю, что источники света, известные каждому из его житейского опыта — костры, спички, свечи, электрические, керосиновые и прочие лампы, — обладают теплом, что прямые солнечные лучи греют и даже жгут, и лишь после этого объясняет физическую природу тепла и света.

Умело выбрав повод для начала разговора, первое звено в объяснении, автор сразу завоевывает внимание читателя, вызывает в нем интерес к теме повествования.

При объяснении понятий популяризаторы обычно сравнивают сложные явления с простыми, неизвестные — с известными, пусть не менее сложными, но более привычными и потому понятными. Рассказывая о том, как можно определить возраст некоторых минералов, А. Е. Ферсман сопоставляет образование кристаллов с ростом деревьев:

[1] Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 3, с. 134.

[2] Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем, т. 9. Пг., 1919, с. 159.

Кристаллы гипса растут ежегодно, особенно летом, после весенних разливов, когда с окружающих гор в озеро текут мутные илистые воды, вызывающие образование черных полосок на гипсовых кристаллах. Каждая полоска — это год жизни, годовое кольцо — вроде тех, которые мы так отчетливо наблюдаем на стволах деревьев.

Автор научно-популярного произведения нередко сталкивается с необходимостью дать цифровую характеристику понятиям. При этом есть опасность, говоря словами А. И. Герцена, испугать начинающих читателей такими цифрами лет, миль, что их и произнести трудно. Да и вообще цифры, данные без сопоставления с конкретными, известными понятиями, с трудом воспринимаются даже подготовленным читателем. Поэтому не следует перегружать книги цифровым материалом. Вместе с тем необходимо учитывать, что обойтись без него невозможно. В умелых руках цифры — убедительное и экономное средство доказательства.

Разумеется, материал, используемый для сопоставления, должен быть тщательно проверен. Фактические неточности, даже незначительные, могут свести на нет все самые удачные находки автора. В печати отмечалась неудачная попытка одного автора объяснить строение атома путем сопоставления его с размерами Земли. В книге утверждалось, что если атом водорода увеличить до размера Земли, то ядро атома представится в виде ореха в центре, а электрон будет двигаться по поверхности Земли. Редактор не проверил сравнения, и в результате была допущена серьезная ошибка. Дело в том, что диаметр атома водорода составляет примерно 10^{-8} *см*, а ядра 10^{-13} *см*, т. е. ядро имеет диаметр на пять порядков меньше. Если принять диаметр Земли равным 13 000 *км*, то диаметр ядра атома водорода, увеличенного до размеров земного шара, будет соответственно 130 *м*. Нужно ли говорить, что таких орехов не бывает?

Задача редактора в значительной мере и заключается в том, чтобы подсказать автору, как преодолеть отвлеченность цифрового материала, помочь ему найти убедительные и конкретные примеры.

Во многих популярных книгах о науке приводится документальный материал. Он также придает изложению конкретность, достоверность. Так в книгу «Очерки по истории камня» А. Е. Ферсмана вошли его воспоминания, материалы древних летописей Руси, индийские, китайские и арабские сказания. Архивные документы помогли автору при создании «Рассказов о самоцветах». Излагая историю самоцветов, он сообщает, например, что первый русский изумруд был найден зимою 1831 г. крестьянином Максимом Кожевниковым, приводит докладную записку, посланную начальству командиром Екатеринбургской гранильной фабрики.

Таким образом, конкретность и убедительность изложения достигаются перечисленными приемами — объяснением научных явлений при помощи сравнения с хорошо знакомым читателю предметом, осмыслением цифрового материала, использованием исторических документов.

Другая, весьма существенная черта популярного изложения — последовательность. Ее четко сформулировал Д. И. Писарев. «...Популярное изложение, — писал критик, — не допускает в течении мыслей той быстроты, которая совершенно уместна в чисто научном труде... В популярном сочинении каждая отдельная мысль должна быть развита подробно, так, чтобы ум читателя успел прочно утвердиться на ней, прежде чем он пустится в дальнейший путь, к логическим следствиям, вытекающим из этой мысли. Если вы будете утомлять ум вашего читателя слишком быстрыми переходами, то получится тот же результат, который произвело бы отсутствие мостиков: читатель ошалеет и совершенно потеряет из виду общую связь ваших мыслей»[1].

В лучших популярных произведениях новые сведения сообщаются только после того, как читатель усвоил предыдущие.

Большое значение имеет четкая классификация фактов; только она может привести читателя к логическому выводу.

И в этом отношении весьма поучителен опыт А. Е. Ферсмана. Ученый описывает только те факты, которые непосредственно относятся к рассматриваемым проблемам, стремится расположить материал закономерными рядами. В его работе «Цвета минералов» дана классификация минералов по окраске. Рассмотрены сначала желтые, затем красные и зеленые камни. При этом автор предупреждает читателя:

> Наша система была не просто ящиком с надписями «желтый», «красный», «зеленый», куда мы бросали в беспорядке все минералы определенного цвета, наша система постепенно подбиралась к основной задаче, поставленной нашей книгой, — ответить на «простой», но и совершенно исключительно сложный вопрос, почему же мел белый, сапфир синий, а земля грязно-бурого цвета.

Фактический материал в книгах о науке должен быть тщательно отобран и подчинен основной идее. На основании опытов и исследований автор делает выводы, формулирует законы, которые составляют основу науки, имеют первостепенное значение. Для автора популярного сочинения факт важен не сам по себе, а постольку, поскольку он является частью конкретного проявления закона природы.

Несколько слов о системе изложения материала в научно-популярной литературе. Популярные книги должны быть написаны по строго продуманному плану. Надо, чтобы автор популярной книги не отвлекался от основной темы, не загромождал изложение второстепенными деталями. Лучше всего, если популярная книга разбивается на небольшие главы, отчетливо очерчивая звенья повествования. Большие главы полезно разбить на части подзаголовками.

Разумеется, говоря о популярности изложения, нельзя давать строго определенные рекомендации: в каждом конкретном случае автору приходится учитывать подготовленность читателя и другие специфические обстоятельства. Но бесспорно, что к любому

[1] Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 3, с. 134.

популярному произведению следует всегда предъявлять такие требования: освещение научного материала с учетом подготовки читателя, конкретность и последовательность изложения, строгий отбор и классификация фактического материала, стройность композиции.

8. ЗАНИМАТЕЛЬНОСТЬ КНИГ О НАУКЕ

Научно-популярные произведения должны не только рассказывать о науке, но и заинтересовать читателя, увлечь его. Создавая книгу, автор должен заботиться и о том, чтобы она была глубокой по содержанию, освещала выдающиеся достижения науки и техники, и о том, чтобы книга будила в читателе интерес к науке. Если в популярном произведении данные излагаются сухо и скучно, такая книга может оттолкнуть читателя.

Это, конечно, не значит, что нужно во что бы то ни стало искусственно «оживлять» материал, механически используя приемы художественной литературы. Став на такой путь, вводя в ткань научной книги сюжет и героев, не связанных с основной мыслью произведения, автор столкнется с другой опасностью — его произведение утратит серьезность и убедительность. Не следует уподобляться тем дореволюционным детским писателям, которые, стараясь популярно изложить материал, часто впадали в вульгаризацию.

Занимательность книги в первую очередь определяется ее содержанием, связью с жизнью, практическим значением. Но при этом, конечно, очень важно умело использовать различные приемы, которые помогают сделать книгу интересной. Еще раз подчеркиваем: использование этих приемов должно быть подчинено основной идее произведения и служить наиболее глубокому раскрытию содержания.

В популярных книгах о науке уместен напряженный сюжет, не привнесенный извне для развлечения читателя, а естественно вытекающий из самого существа научной проблемы. «Простым перечислением вещей и фактов читателя не увлечешь, — писал М. Ильин. — Нужно, чтобы события построились в сюжет, чтобы между фактами обнаружилась новая неожиданная связь, чтобы в обычном вдруг открылось не обычное, а таинственное, и непонятное оказалось знакомым и ясным.

Человеку всегда интересно, когда он видит новое в том, что видел не раз, или узнает старое в том, чего не видел никогда.

Сближение далеких вещей и далеких идей не может не приковать к себе внимание читателя»[1].

Разумеется, существует различие между сюжетами художественного и научно-популярного произведения.

В художественных произведениях сюжет показывает связи, противоречия и вообще взаимоотношения через развивающиеся собы-

---

[1] Ильин М. Книга о науке. — «Литературная газета», 1946, 30 марта.

тия, «истории роста и организации того или иного характера, типа» (М. Горький).

В книге о науке и технике под сюжетом понимается такое развитие действия, которое помогает наиболее глубоко понять историю открытий и изобретений, их практическое значение. Именно к этому виду литературы относится высказывание М. Горького: «Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиций»[1]. В основе сюжета научно-популярного произведения лежит не описание результата деятельности ученого, а показ борьбы за его достижение.

Перипетии научной мысли, провалы и удачи гениальных исследователей — вот что, по мнению Б. С. Житкова[2], должно драматизировать «производственную» книгу. В такой книге можно затронуть самые простые и самые сложные проблемы современной науки и техники.

Введение же искусственного сюжета, не связанного с идеей книги, затрудняет выполнение задачи, которая стоит перед популяризатором.

Существует мнение, что книги о науке — это, как правило, «литература без героя». Это не всегда так. В биографической научно-популярной литературе и в рассказах о путешествиях всегда есть герой. Герой может быть и в книге об основах науки, но только при условии, что он имеет непосредственное отношение к научной проблеме, которой посвящено произведение.

Героем научно-популярной книги становится или ученый, совершающий открытия, или автор, ведущий рассказ от своего имени, или читатель, который вместе с автором проделывает опыты и постигает научную истину.

Рассмотрим более подробно приемы занимательности на примере лучших произведений советской научно-популярной литературы.

Авторы книги о науке часто обращаются к личным воспоминаниям. Иллюстрацией может служить глава «Стронций — металл красных огней» из книги А. Е. Ферсмана «Занимательная геохимия». Находясь в санатории, ученый неожиданно узнает, что недалеко от Кисловодска в каменоломнях нашли целестин — ценный материал для промышленности. Вскоре его комната была завалена необычными камнями. Товарищи дивились: зачем ученому понадобились эти минералы?

Ферсман вспоминает, как однажды в длинный осенний вечер он раскрыл отдыхающим тайны синего камня. Синие кристаллики превратились в глазах слушателей в частицу нашей социалистической индустрии. Все стали с уважением относиться к его утренним поездкам на каменоломни, даже главный врач перестал ворчать, что ученый нарушает санаторный режим. Вспомнив, на

[1] М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 108.

[2] См.: Житков Б. С. О «производственной» книге. — В сб.: Жизнь и творчество Б. С. Житкова. М., 1955, с. 383.

первый взгляд ничего не значащий эпизод из жизни, А. Е. Ферсман высказал чрезвычайно важную мысль: советские люди кровно заинтересованы в успехах нашей науки, служащей интересам страны.

Иногда А. Е. Ферсман использует личные воспоминания для подтверждения научных положений. В этом отношении очень интересен такой пример из «Занимательной геологии»:

Не думайте, что камни можно находить только в горах, каменоломнях и на рудниках и что их нет на дне озер, болот и морей...

— пишет Ферсман. Это — тезис. Далее идет его подтверждение:

Как-то раз, помню, мне пришлось ехать в дачном поезде в окрестностях Москвы. Вдруг я увидел в канавах, которые рыли на болоте, синюю полоску, — ярко-синяя земля выбрасывалась лопатами рабочих, а вокруг вырытой канавы все сверкало синим цветом. Должен сознаться, что почти кубарем вылетел я на первой же станции, помчался назад вдоль полотна и стал присматриваться к необычайному минералу. Действительно, болото почти заросло, отмершие растения образовали плотный бурый войлок, который мы называем торфом, а в нем залегала аккуратная прослоечка синей земли. Позже, когда я вернулся домой с обильным грузом синего камня, я узнал из книг, что этот минерал был вивианитом, фосфорнокислой солью железа, и что его образование связано с разрушением органического вещества растений и животных.

Воспоминания и лирические отступления помогают Ферсману передать свои чувства, оценить явления природы с эстетической стороны.

Сколько замечательных сочетаний, сколько тончайших нюансов, неподражаемых и неповторяемых, видите вы в розариях. Я никогда не забуду один такой сад в окрестностях Ходжента, где несколько тысяч цветков сливались в сказочную гармоническую картину... Сколько таких замечательных картин дает нам природа в буйных цветах предгорий и альпийских лугов Алтая, в пестром низком ковре цветущих забайкальских степей, в ярких зарослях Средней Азии, Киргизии, Казахстана. Здесь, в мире живой природы, снова воскресает прекрасный самоцвет — хрупкий, недолговечный цветок.

Такое лирическое отступление позволяет перейти к рассказу о том, как человек, подражая этому морю красок в природе, создает искусственные краски. Благодаря тону повествования возникают особые отношения автора и читателя: рождается доверие, сочувствие и близость, автор и читатель оба становятся испытателями природы, участниками опыта, собеседниками.

Некоторые авторы, стремясь активизировать читателя, обращаются к нему с просьбой, с вопросом, как бы ведут непринужденную беседу. Такой разговор с читателем — тоже один из художественных приемов, с помощью которого можно достичь живости, занимательности изложения.

Важным приемом занимательности изложения является образность описаний. Обратимся опять к опыту Ферсмана. Вспомним, например, его рассказ о красных камнях в книге «Занимательная минералогия».

Повествование это завершается такой картиной:

В тихой улице захолустного городка Сарселя, около Парижа, — маленькое грязноватое помещение...

Это знаменитая лаборатория Александер в Сарселе, первая лаборатория искусственных рубинов.

Тут же автор рисует широкие просторные залы завода искусственных самоцветов, который ученый посетил в 30-е годы нашего века. А. Е. Ферсман заканчивает:

Так гений человека, — пишет А. Е. Ферсман, — сумел отнять у природы одну из ее тайн. Прекрасные, лишь с трудом отличимые от природных, искусственные красные камни наводнили каменный рынок, и целые партии их отправлялись на Восток, где благородный рубин Бирмы и Таиланда смешался со своим «синтетическим» соперником.

Одной сказкой Востока меньше, одним завоеванием научной мысли и творческой техники больше в истории человечества!

Часто встречающийся прием — введение в ткань произведения относящихся к данной теме высказываний писателей и художников.

Так, в недавно вышедшей книге М. В. Волькенштейна «Перекрестки науки», посвященной путям молекулярной физики, химии, молекулярной биологии, широко цитируются не только высказывания ученых. Автор пишет о первоначальных представлениях о природе и берет в союзники Лукреция, рисует краски неба и приводит прекрасные строфы Фета и Тютчева.

Цитаты эти, являясь как бы органичной частью изложения, подтверждают важную мысль книги: «Наука не только познание, но и творчество. Она есть часть единой человеческой культуры. Пути науки перекрещиваются с путями искусства. Деятельность ученого требует решения общественных, этических и эстетических задач. Не касаясь этих проблем, нельзя понять природу научной мысли, историю науки, ту борьбу, с которой сопряжено ее поступательное движение».

Научно-популярная книга должна рассказать о наиболее прогрессивных направлениях в науке, о ее будущем. Пытаясь предсказать завтрашний день, популяризатор неизбежно обращается к фантазии.

В. И. Ленин чрезвычайно высоко ценил эту способность человека предвидеть будущее, предугадать пути развития науки. «Напрасно думают, — говорил он, — что она (фантазия. — *Авт.*) нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» [1].

Но фантазия бывает двоякого рода: она может опираться на достижения современности, на работы, ведущиеся в наши дни, или быть оторвана от действительности и стать плодом пустого воображения. Настоящий популяризатор, разумеется, обращается к той фантазии, которая опирается на достижения современной науки.

В книгах, рассказывающих о науке, для оживления изложения

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 45, с. 125.

могут быть использованы такие органически свойственные художественной литературе средства, как пейзаж, художественная деталь, описание обстановки действия и т д.

Вспомним одну из картин, нарисованных Ферсманом в «Занимательной минералогии».

Гатчинский дворец времен Павла ночью. Входы и выходы заняты караулами, все погружено в полумрак.

Только по углам больших залов дворца горят одинокие свечи в высоких алебастровых вазах. Дрожит мягкий лунный свет в зеркалах и на блестящем паркете. Мертвенная тишина отвечает мертвенным бликам алебастровых ваз...

Медленно, с военной выправкой, полутемными апартаментами идет император. Его лицо бледно, как у мертвеца... В изнеможении от непонятного страха и гнева садится он на трон большого зала, где итальянские алебастровые вазы проливают загадочный лунный свет на штофные покрывала царского трона.

Лунный свет, дрожащий в зеркалах и на паркете, мертвенная тишина больших залов, бледное от ужаса лицо императора... Все эти детали позволяют зримо представить безжизненно холодное свечение алебастра. Изображение обстановки стало необходимой частью изложения.

Рассмотреть все приемы занимательности, используемые в научно-популярной литературе, невозможно. Они неисчерпаемы. Ясно одно: пропагандист науки и редактор должен широко пользоваться ими. Можно согласиться с М. Шагинян, которая пишет: «Книга о науке — это не то, что научная книга. В маленькой частице «о» заключен огромный смысл, в ней лежит *подход* к предмету, а значит и все строительные требования такого подхода — необходимость легкости, увлекательности, прозрачности образа, композиции, стиля, — словом, искусства. Одним житейским языком, словарем обыденности, одной прямолинейной трактовкой, по буквам азбуки, одной арифметикой тут не отделаешься — раскрытие сложного на человеческом языке требует всего арсенала, всех скрытых фондов этого языка, всех его «обольщений», иначе не дойдет, иначе получится из огня да в полымя, из скучной непонятности в непонятную скучищу. Словом, чтоб хорошо писать о науке, нужно искусство. Популярность — настоящая популярность, а не вульгаризация и упрощение — немыслима без элементов художественности»[1].

9. РАБОТА НАД ЯЗЫКОМ

В наши дни все более увеличивается влияние языка произведений о науке на язык других видов литературы. В короткий срок широкое распространение получают слова специальные, вызванные к жизни современным развитием науки и техники. Примером может служить терминология, связанная с получением и использованием атомной энергии (*термоядерная реакция, реактор, ато-*

---

[1] Шагинян М. Новые книги о науке. — «Литературная газета», 1951, 20 февраля.

моход) или с достижениями советской науки в завоевании космоса (*межконтинентальная баллистическая ракета, искусственный спутник, ракета-носитель*).

Основные требования к редактированию книг о науке высказаны еще в работах В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, которые в каждой рецензии на книги такого рода подробно рассматривали погрешности не только против истины, но и против грамматики.

Великие критики требовали простоты изложения, понимая ее как выражение ясности мыслей.

Простота изложения в научно-популярном произведении достигается исключением узкоспециальных выражений и сложных расчетов, не обязательных для усвоения основного содержания, объяснением незнакомых терминов и новых слов, отсутствием длинных периодов и сложных синтаксических конструкций. Вместе с тем язык научно-популярных книг должен обладать точностью языка литературы научной, яркостью литературы художественной и быть понятным читателям, на которых рассчитано произведение.

Для уяснения основных требований, которым должен отвечать язык научно-популярной книги, огромное значение имеет указание В. И. Ленина в статье «О журнале «Свобода». Резкая критика Лениным уродливого языка вульгаризаторов, претендовавших на роль создателей особых «книг для народа», его слова, что «популяризация... очень далека от вульгаризации, от популярничанья»[1], стали программными для советской научно-популярной литературы.

Рассмотрим конкретно особенности работы редактора над языком научно-популярной книги.

Характерной чертой популярного изложения является чрезвычайно большое разнообразие используемых в нем языково-стилистических средств. Преобразование научной информации в сообщение, доступное читателю-неспециалисту, осуществляется двумя путями: заменой научной лексики общелитературной, или разъяснением ее значения, для чего привлекаются слова многоцветной палитры, включая экспрессивно и эмоционально окрашенные. Соотношение терминологии, а также слов нейтральных, разговорно-обиходных и т. п. определяется в зависимости от подготовки читателя и степени его интереса к предмету изложения. В отличие от научного стиля здесь совмещаются такие противоположные стилевые черты, как объективность и субъективность, логичность и эмоциональность, торжественность и разговорность.

Отбор, ввод и разъяснение терминов — проблема первостепенного значения в научно-популярной литературе. Она далеко не проста, особенно потому, что терминология многих отраслей науки еще не упорядочена.

Основные правила, которыми руководствуется редактор, столкнувшись с терминами в научно-популярной книге: 1) стремление употреблять термины, которые уже известны читателю; 2) введение

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 5, с. 358.

лишь тех новых терминов, без которых обойтись нельзя; 3) расшифровка их значения. Если эти элементарные требования нарушаются, книга много теряет в своей доходчивости.

Приведем такой пример. Автор пишет.

На образцах с так называемым лепидомеланом — черной слюдой, похожей на биотит, — близ его листочков, а иногда и среди выделений полевого шпата видны небольшие кристаллики темно-коричневого цвета. Это циркон, силикат металла циркония: $ZrSiO_4$.

Что же такое лепидомелан? «Это черная слюда», — отвечает автор. А черная слюда? — «Она похожа на биотит». А циркон? — А это «силикат металла циркония». Сложный научный термин раскрывается с помощью другого, не менее сложного. Бесполезность подобных объяснений очевидна.

Каким же путем следует вводить термин в текст?

1. Давая определение термина, автор может привести несколько известных читателю примеров, что облегчит усвоение материала.

Камень, — пишет А. Е. Ферсман, — это мертвая часть природы: булыжник мостовой, простая глина, известняк тротуаров, драгоценный камень в витрине музея, железная руда на заводе и соль в солонке.

2. Знакомя с новым названием, автор не приводит полного определения, а называет лишь самые характерные признаки понятия.

Употребив термин *бериллий,* А. Е. Ферсман ограничивается тем, что сообщает: *легчайший металл земли.*

3. Значение специального понятия иногда расшифровывается как бы мимоходом, в скобках или одним-двумя словами. Пример:

Там в плотном известняке попадались целые жеоды, или прослойки, плотного бурого кремня.

4. Термины, не имеющие широкого распространения, сообщаются в скобках.

Я ...не говорил о замечательных глинах со свойствами отбеливания (гжель), огнеупорных и кислотоупорных.

5. Рассматривая явление, автор не называет его сразу, а как бы заставляет читателя самого вспомнить термин. В «Занимальной минералогии» читаем:

Чаще всего стенки пещер выстилает углекислый кальций — кальцит, тот прозрачный или просвечивающий минерал, который медленно и постепенно осаждается из просачивающихся капель воды... Капелька за капелькой, падая вниз, вытягивают трубки в длинные, в несколько метров, тонкие стебли. Целый лес таких вертикальных нитей-стеблей, а внизу, под ними, обломившиеся и упавшие трубки покрываются причудливыми ветвистыми кустиками белых натеков... Так постепенно растут сталактиты сверху и сталагмиты снизу, пока они не встретятся и не срастутся вместе в большие занавеси, в массивные колонны или сплошные гирлянды.

6. Раскрывая содержание научного понятия, автор иногда приводит все общепринятые его обозначения:

Железный колчедан — один из самых распространенных минералов в земной коре. Он широко встречается и на равнине, и в горах; его сверкающие, золотистые

кристаллы имеются почти в каждой коллекции. Его научное название «пирит» происходит от греческого слова «пюр» (pur) — огонь, — потому ли, что он искрится на солнце, или потому, что ударом стали о его кусок можно высекать яркие искры...

В истории человечества он имеет большое значение, так как содержит до 50 процентов серы, почему нередко его называют серным колчеданом.

Работая над языком научно-популярной книги, необходимо освобождать его от штампов, которые неизбежно несут с собой серость и скуку. Бедность языка — одна из причин «безликости» многих произведений такого рода.

Какие здесь наиболее типичные недостатки?

Прежде всего, это использование без надобности лекционно-канцелярских оборотов речи. *Мы видим теперь, что электрические свойства...; Мы уже знаем, что атомы...; Мы установили, что лед...; Мы уже упоминали...; Мы рассмотрели* и многие другие.

Во многих книгах также можно встретить ставшие стандартными украшения стиля. Например, если речь идет о нефти, то ее обязательно называют *черное золото,* машины — *стальными помощниками,* комбайн — *кораблем степей,* хлопок — *белым золотом* и т. д.

Часто брошюры начинаются так: *Кто не знает электрической лампочки!; В наше время все знают, что Земля вращается вокруг Солнца и вокруг своей оси; Металл!.. Кто не знает этого замечательного материала!.. и т. д.*

Редактор не выполнит своей задачи, если он не поможет автору избавиться от подобных стандартных украшений стиля.

Иногда рукопись бывает перегружена так называемыми универсальными словами типа *это,* т. е. словами, которые употребляются в самых неопределенных общих значениях. Необходимо обращать внимание, чтобы они использовались как заменители слов, имеющих вполне определенное, конкретное значение.

Какие же языковые средства повышают выразительность и действенность научно-популярной литературы? Авторы лучших популярных книг о науке, полюбившихся народу и ставших своеобразной классикой в этой области, примеры из которых уже приводились, вводили в ткань своих произведений слова, эмоционально окрашенные, пользовались свежими эпитетами, метафорами, сравнениями, вводили диалог — одним словом брали из художественной литературы и публицистики то, что могло служить пропаганде научных знаний. Однако всеми этими средствами они пользовались, учитывая специфику жанра. Например, такие мастера популярного слова, как С. И. Вавилов, В. А. Обручев и А. Е. Ферсман избегали метафор и олицетворений при объяснении сущности научных явлений, так как в данном случае использование таких приемов лишает изложение точности, обязательной для научно-популярной литературы. Чтобы придать изложению бо́льшую выразительность, эмоциональность, популяризаторы используют и синтаксические средства: вопрос, восклицание, обращение, повтор и. т. п.

Морфолого-синтаксический строй научно-популярной литературы отличается от морфолого-синтаксического строя научной литературы; он имеет глагольный характер, диалогичен, субъективно-объективен. В нем велико внимание к действию, более активна роль автора, его взаимосвязь с читателем.

Поэтому простое глагольное сказуемое чаще употребляем, чем его расщепление (не *приводить доказательства,* а *доказывать* и т. п.), и глагольную форму, чем отглагольное существительное.

Популярному изложению противопоказано свертывание информации. Поэтому нежелательно такое именное выражение связи, как нанизывание родительных падежей (*обсуждение развития изучения проблемы разведения рыб*).

В научно-популярном стиле широко используется диалогическое изложение, а также местоимения первого и второго лица, редко употребляемые в научной речи:

— Неужели это хлопчатник? — удивляются люди, увидев растение высотой более двух метров.

— Да. Только дикий, — отвечают сотрудники Института экспериментальной биологии растений Академии наук Узбекской ССР.— Родом из Мексики, а у нас — гость.

Сегодня ловишь себя на том, что, стремясь осмыслить масштабы настоящего, невольно ищешь мерила в прошлом...

Синтаксический строй популярного стиля весьма многообразен. Для него характерны как простые, в том числе неполные, так и сложные предложения, бессоюзные и с союзами. Менее, чем в научной речи, разветвлена структура сложноподчиненного предложения. Более разнообразна интонация. Кроме сообщения, она часто выражает вопрос, побуждение и т .п.

Естественно, что все эти особенности языка научно-популярной литературы дают большой простор для проявления индивидуально-авторского стиля.

10. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Точному и образному раскрытию содержания научно-популярной книги способствуют иллюстрации. Обычно используются все виды иллюстраций научно-познавательного типа (чертежи, диаграммы, карты, схемы, портреты, изображения предметов и явлений природы и т. п.)[1]. Они наглядно, при помощи зрительного образа поясняют текст и облегчают знакомство с понятиями, о которых идет речь.

Чертежи, диаграммы, карты, схемы помещаются и в специальном (научном) сочинении. Однако без переработки переносить их в популярную книгу о науке нельзя: иллюстрирование популярной литературы требует особого подхода.

Сопоставив несколько специальных и популярных изданий на одну тему, попытаемся выяснить различие в их иллюстрировании.

---

[1] Здесь и в дальнейшем принята терминология, предложенная в работе: Основы оформления советской книги. М., 1956, с. 83.

Так, в учебнике по минералогии в разделе, посвященном сталактитам и сталагмитам, помещено три рисунка. Один из них представляет схему образования этих отложений, другие — фотографии внешнего вида сталактитов обычной и деформированной формы.

В «Занимательной минералогии» А. Е. Ферсмана, в аналогичном разделе приводится четыре рисунка: фотографии пещеры цветных сталактитов в Тюрингии и пещеры с подземными озерами и отложениями сталагмитового туфа в «Домице», схема образования сталагмитов и сталактитов и изображение в разрезе. Иллюстрации в популярной книге более наглядны и художественно закончены: они показывают сталактиты и сталагмиты не изолированно, а в естественной обстановке. Для определения размеров минералов на одном из рисунков изображен человек. В учебнике же масштаб выражен линейными или цифровыми обозначениями.

Интересно сравнить две книги В. А. Обручева: специальный труд «Полевая геология», т. 1 (М.—Л., Гостехиздат, 1931) и книгу предназначенную для массового читателя, «Основы геологии». «Полевая геология» иллюстрирована графиками и схемами. В «Основах геологии» приводится не только схематическое изображение процессов и предметов, но и их образное (фотографическое) воспроизведение.

В популярных произведениях иллюстрация часто заменяет длинное описание. Так, разрез земной коры с отдельными зонами Земли в «Занимательной минералогии» выражает мысль автора проще, экономнее и доходчивее, чем это сделали бы самые пространные рассуждения.

Приведя рисунок, А. Е. Ферсман иногда отказывается от описания предмета, который изображен. Например, он не описывает внешний вид метеоритов, а предлагает читателю посетить Минералогический музей Академии наук СССР или внимательно рассмотреть рисунки в главе «Камни с неба».

Многие рисунки поясняют текст, способствуя лучшему его пониманию. Этой цели служат карты с обозначением маршрутов путешествий (В. А. Обручев. «Путешествие Потанина», суперобложка), изображение структуры химических формул (А. Е. Ферсман. «Занимательная минералогия») и т. п. Иллюстрации этого типа обычно являются объектом внимания автора. Например, А. Е. Ферсман часто помогает читателю осмыслить содержание рисунка; в «Занимательной минералогии» он пишет:

Посмотрите на фотографии, помещенные на этой странице: что это — окаменевшие растения или мох, выросший на каменной пластинке?

На одной фотографии изображена ветвистая белоснежная масса из нежных сплетений тонких стебельков, которые извиваются и переплетаются в ломкую постройку.

Это образование выросло на темной железной руде в Рудных горах Чехословакии, и его называют «железные цветы». Такие цветы достигают иногда объема в несколько кубических метров.

Как ни сказочно-прекрасны эти постройки, но ничего общего с растениями они не имеют, а растут из водных растворов в железных рудниках.

Точно так же ничего общего с растением не имеют и древовидные образования, показанные на другом рисунке (стр. 138).

В книге о науке многие иллюстрации приводятся для того, чтобы создать образное представление об излагаемом.

Той же цели — созданию образного представления — служит использование документальных иллюстраций: портретов, фотокопий документов.

Количество иллюстраций, их выбор и даже способ воспроизведения в значительной мере зависят от читательского (возрастного и общеобразовательного) назначения изданий. В книге для детей, а также для малоподготовленного читателя рисунков должно быть больше, чем в книге для взрослого или для читателя более высокой квалификации.

Вопрос иллюстрирования популярных произведений пока не изучен. Именно поэтому представляется интересным обратиться к опыту выдающихся пропагандистов науки, в чьих книгах рисунки играют большую смысловую и эстетическую роль.

В «Занимательной минералогии» 186 рисунков. Каждый из них настолько тесно слит с текстом или вносит такие важные добавления, что невозможно исключить хотя бы один из них: это обеднит содержание. В книге нет рисунков, дублирующих друг друга. Этот принцип не всегда выдерживается в изданиях.

Очень часто авторы не могут уйти от соблазна проиллюстрировать каждое объяснение, и без того достаточно ясное. В книге о строении вещества понятно и убедительно рассказано об опыте, помогающем измерить упругость газов. Затем все сказанное изображено на рисунке.

В книге, посвященной ценным минералам, помещены десять фотографий самородков золота и две фотографии самородков платины весом 4 *кг* 760 *г* и 7 *кг* 861,3 *г*. Думается, что издание перегружено иллюстрациями и непонятен принцип их отбора. Правильнее поступил автор «Занимательной минералогии», который воспроизвел только одну фотографию — самого большого самородка платины. Его вес — 8,5 *кг*.

На рисунке в популярной книге не должно быть излишней детализации. Основное содержание иллюстрации выделяется графически и при объяснении (в легенде).

И в специальной работе «Геохимия» (т. 1), и в «Занимательной геохимии» А. Е. Ферсман показывает на рисунке связь геохимии с другими науками. В популярном издании этот рисунок представляет окружность, в которую вписана пятиконечная звезда. В середине ее надпись — геохимия. К углам звезды и между ними проведены стрелки — лучи, соединяющие центр ее с надписями: астрохимия, физика, кристаллография и т. п. Всего указано четырнадцать наук, родственных геохимии.

В «Геохимии» приведена схема соотношений этой науки с 28 научными дисциплинами. Положение геохимии графически не отделено от других наук. На том же рисунке волнистой линией показаны новые научные течения. Дана классификация наук: слева обозначены науки, изучающие космос, Землю и земную кору, науки общие и прикладные; сверху — науки физические, химические и

биологические. Этот рисунок труден для неспециалистов. Поэтому А. Е. Ферсман при помещении его в популярной книге исключил второстепенные детали и подчеркнул основное содержание.

В такой переработке нуждаются многие рисунки при переносе их из научных изданий в общедоступные. В противном случае снижается действенность произведения.

Так, в одной книге о замечательных минералах автор, желая дать представлние о формах кристаллов, поместил схему, предложенную А. В. Шубниковым в специальной (научной) работе. Схема занимает целый разворот и содержит 54 изображения. Легенда под рисунком чрезмерно велика и сложна для восприятия. Если читатель доберется до конца подписи, он узнает, что «*46* — пентагон-триоктаэдр (пентагон-икоситетраэдр, гипоэдр); *47* — гексоктаэдр (гексакисоктаэдр, сорокавосьмигранник)», но это ничего ему не объяснит.

В «Занимательной минералогии» тоже дается представление о формах кристаллов, но делается это совсем по-другому.

На стр. 84 изображены природные кристаллы разных минералов (всего шесть), причем сложные названия форм не приводятся. На следующей странице дано восемь кристаллов гипса разных форм, а на стр. 89 — кристаллическое строение поваренной соли и строение кристалла льда. Чтобы избежать однообразия, строение кристаллов поваренной соли изображено черными и белыми кружочками на плоскости, а строение кристалла льда шариками, т. е. объемно.

Добиваясь максимальной яркости, выразительности рисунков, А. Е. Ферсман помещает в своих книгах изображения, которые, иллюстрируя предмет изложения, не оставят читателя безучастным. На страницах «Занимательной минералогии» мы видим картины, дорогие сердцу каждого советского человека (Мавзолей В. И. Ленина на Красной площади в Москве, набережные Невы), видим замечательные творения зодчих, скульпторов и камнерезов.

Характерно, что в популярном произведении А. Е. Ферсман помещает иллюстрации, которые воспроизводят процесс. Например, схема, показывающая, как возникают колонны в пещерах, изображает шесть стадий появления и постепенного срастания сталактитов и сталагмитов. В разделе, посвященном золоту, А. Е. Ферсман помещает четыре рисунка. Они изображают промывку золота на лотке, примитивной дудке и, наконец, при помощи гидромониторов и драг. В результате читатель получает представление о совершенствовании способов добычи этого ценного минерала.

Большую роль в популярной книге играют подписи под рисунками. Иногда они перекликаются с текстом, иногда представляют самостоятельный маленький рассказ.

На стр. 106 «Занимательной минералогии» изображен метеорит. Подпись к фотографии: «Огромный железный метеорит, привезен в Нью-Йорк в 1906 г. из Орегона. США. Весит больше 15 тонн. От долгого лежания в земле образовались неправильные выемки». Из этого краткого сообщения мы узнали и состав метеорита, и его вес,

и откуда и куда он был привезен, и почему у него такая странная форма.

На стр. 15 «Занимательной геохимии» помещена фотография с подписью: «Электронный микроскоп, увеличивающий до 500 000 раз. Предмет освещается потоком электронов, линзами являются сильные электромагниты».

Опять маленький рассказ, из которого читатель узнает самое главное об электронном микроскопе: во сколько раз увеличивает, какие линзы используются, чем освещается предмет и т. п.

Итак, в популярной книге о науке иллюстрации заменяют объяснения, дают образное представление о предмете и явлении. Изображения не могут дублировать текст или друг друга и должны быть максимально просты. Схемы, диаграммы, графики обычно сочетаются с рисунками. Подпись к рисунку не перегружается терминами и, как правило, стилистически не отличается от основного текста.

11. СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

В научно-популярных книгах, трактующих сложные проблемы науки и техники, необходим справочный аппарат, помогающий понять и изучить основной материал. Характер аппарата здесь, как и в других изданиях, всегда связан с содержанием работы. Однако есть и общие принципы подготовки справочного аппарата для научно-популярных книг. Чтобы уяснить их, обратимся к деятельности выдающихся ученых-популяризаторов. Большой интерес представляет, например, опыт А. Е. Ферсмана, который широко пользовался всеми элементами книги, чтобы сделать более значительной силу воздействия своих сочинений на читателей.

Как правило, справочный аппарат в книгах А. Е. Ферсмана состоит из предисловия, подстрочных примечаний, указателей терминов, химических элементов и др., списка литературы, адресов важнейших геологических музеев, научных учреждений и туристских станций.

Вместо вводной части — «от редакции» — многие прижизненные издания книг А. Е. Ферсмана содержат авторское вступление, в котором сформулирована цель работы, дана ее краткая характеристика, определен круг читателей, говорится о том, как лучше знакомиться с книгой. Такое начало имеет свои преимущества: оно исключает пересказ содержания книги и с первой же страницы устанавливает контакт автора с читателем, привлекает его внимание к главному.

В популярных книгах А. Е. Ферсмана мало подстрочных примечаний (сносок). Ученый считал, что они отвлекают внимание читателя от основного изложения, и все объяснения давал в тексте. В подстрочных примечаниях сообщаются последние научные данные, объясняется происхождение некоторых слов, приводятся адреса научных учреждений, упоминаемых в тексте.

Чтение и усвоение научных данных в книгах А. Е. Ферсмана облегчают указатели терминов и химических элементов. Объяснения научных понятий и специальных выражений в «Занимательной минералогии» не только содержат краткую характеристику элемента, но и знакомят с его применением. Например:

Бериллий — очень легкий металл, образующий с кислородом и алюминием чаще всего минерал берилл. В металлическом виде употребляется с медью для получения легких сплавов для авиационных моторов.

Любопытно, что при составлении указателей определения не переносились механически из одной книги в другую, а перерабатывались и углублялись.

К каждой работе дается список литературы по теме, которой она посвящена. Обычно здесь встречается библиография двух видов.

1. Вначале приводится список популярной и занимательной литературы, которая расширит представления читателя о неживой природе, познакомит его с материалом, которого нет в книге. Далее идет список более специальной литературы для углубления знаний читателя.

2. В каждом разделе приведены работы, доступные читателю одной категории. Поэтому они расположены в алфавитном порядке.

Этим же правилам следовал и С. И. Вавилов. В его сочинении «О «теплом» и «холодном» свете» дан список рекомендуемых книг по вопросам люминесценции. Причем характерно, что произведения в нем расположены по степени возрастания трудности и снабжены аннотациями, в которых указан объем издания и характер изложения материала (общедоступное изложение, более специальное и, наконец, рассчитанное на читателей, знакомых с вопросом).

С. И. Вавилов обращал внимание на зависимость библиографических данных от значимости темы произведения и объема его основного текста.

Как видим, в научно-популярной книге справочный аппарат как бы выполняет двойную функцию: он объясняет и систематизирует содержание книги и вместе с тем намечает путь дальнейшего изучения предмета.

Глава пятая

РЕДАКТИРОВАНИЕ СПРАВОЧНО-ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Определение справочной литературы и ее особенности

«...Наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения»[1]. Научно-техническая революция XX в. вызвала своеобразный «информационный взрыв» — резкое увеличение потока публикаций по всем отраслям знания. Создалось парадоксальное положение, при котором, как писал английский ученый Джон Бернал, легче открыть новый факт или создать новую теорию, чем удостовериться в том, что они еще не были открыты или выведены. В этих условиях неизмеримо повышается значение справочно-информационной службы.

За годы Советской власти в нашей стране создана разветвленная сеть такой службы, огромное значение которой не раз подчеркивалось в партийных документах. «Партия, — говорится в Программе КПСС, — будет всемерно содействовать дальнейшему **усилению роли науки** в строительстве коммунистического общества, 〈...〉 образцовой постановке научно-технической информации, всей системы изучения и распространения отечественного и зарубежного передового опыта»[2].

В сфере научно-информационной деятельности, осуществляющей сбор, поиск, хранение и распространение информации, важная роль принадлежит справочной литературе.

Справочной литературой называют произведения печати, предназначенные для быстрого получения каких-либо сведений научного, прикладного или познавательного характера. Она является как бы гигантским аккумулятором знаний, которые выработало и вырабатывает человечество, и щедро снабжает сведениями тех, кто умеет ею пользоваться. Из года в год растет спрос на этот вид ли-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 1, с. 568.
[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968, с. 74.

тературы, расширяется ее тематика и увеличиваются тиражи. Например, в 1969 г. выпуск справочных изданий в СССР составил 5280 печатных единиц (или 7,1% общего количества выпущенных за этот год книг); тираж справочной литературы достиг 56,7 млн. экземпляров (ср. 48,6 млн. в 1961 г.) и составил 4,3% общего тиража всех выпущенных книг. Планируется дальнейший систематический рост числа справочных изданий.

Для справочной литературы характерна широта тематики. Но каким бы ни был вид (или тип) справочного издания, его отличает практическая направленность; оно служит пособием читателю в его деятельности либо в самообразовании. Материал в справочной литературе излагается в сжатой, концентрированной форме и располагается в порядке, облегчающем быстрое нахождение интересующих читателя сведений.

В настоящее время справочные издания выпускает большинство центральных издательств страны. Имеются и специальные издательства, выпускающие только справочные книги. Таким специализированным издательством является, например, издательство «Советская энциклопедия» (издание энциклопедий, словарей и справочников). В ряде союзных республик образованы специализированные редакции и издательства, готовящие и выпускающие национальную словарно-энциклопедическую литературу.

Классификация справочных изданий

Среди справочных трудов и пособий, при всем многообразии их содержания и форм подачи материала, различаются две группы. Первую составляют справочные книги по отдельным отраслям знаний; вторую — справочные издания универсального типа, которые содержат сведения по всем отраслям знаний и практической деятельности, а также освещают комплексные проблемы или циклы проблем.

Различные виды справочной литературы отличаются по объему — от многотомных энциклопедий до небольших памяток. Преобладающее большинство справочников представляет собой разовые или непериодические издания, но некоторые из них издаются периодически. К числу последних относятся ежегодники крупных энциклопедий, статистические и политико-экономические ежегодники, справочники для поступающих в учебные заведения и др.

Хотя классификация справочной литературы весьма условна, так как выпускается множество различных по содержанию изданий, можно, однако, выделить некоторые основные ее виды. Назовем их, исходя из классификации, принятой Всесоюзной книжной палатой:

а) энциклопедии общие (или универсальные) и отраслевые (или специальные), а также энциклопедические словари;

б) словари лингвистические и терминологические;

в) справочники общего порядка (политические, экономические, географические, статистические и пр.);

г) разнородная справочно-информационная литература (издательские каталоги, библиографические указатели, сводные расписания движения транспорта, телефонные справочники, путеводители по выставкам и музеям, программы конференций, съездов, памятки о деятелях искусства к различным юбилейным датам и т. п.).

Научно-справочная литература

Основными типами научно-справочных изданий являются справочники и словари (языковые и энциклопедические).

Справочники (справочные книги) — книги, содержащие преимущественно краткие сведения научного или прикладного характера, расположенные в систематическом порядке, удобном для их быстрого отыскания. Справочники по отраслям науки и техники, предназначенные для отдельных групп специалистов, занимают значительное место среди других изданий подобного рода. Они содержат необходимые в профессиональной деятельности специалистов сведения, отвечающие современному уровню знания. Особое место среди справочных изданий занимают библиографические указатели. Справочным целям служат также многие научные издания, содержащие результаты исследований в области науки и техники.

Словари — справочные издания в виде книг или брошюр, содержащие упорядоченный перечень определенных языковых единиц: слов, словосочетаний, терминов, с характеристиками, касающимися их значения или формы в тот или иной период развития языка (одноязычные словари), с иноязычными эквивалентами (дву- и многоязычные словари).

Языковые словари появились уже на ранних этапах развития письменности. В Греции, например, в V в. до н. э. начали составлять глоссарии, т. е. собрания глосс [1] в форме словаря или предметного указателя устарелых и малознакомых слов, встречающихся в древних текстах.

В древнерусской письменности глоссарии появляются в XIII в., а более обширные словари — азбуковники [2] — составлялись в Москве и Новгороде в XVI—XVII вв. С формированием литературных национальных языков, в условиях быстрого развития науки появились словари самых разнообразных типов.

Различные по назначению языковые словари пользуются заслуженной популярностью. Работа советских специалистов над словарями началась вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. В первую очередь нужны были словари русского языка, предназначенные для повышения грамотности и культур-

---

[1] Глосса (в одном из значений) — заметка переписчика или читателя на полях древней рукописи (или вставленная в ее текст), содержащая толкование малопонятного текста или слова.

[2] Возникнув как словари иностранных и малоизвестных слов, азбуковники приобрели затем характер энциклопедических словарей.

ного уровня широких слоев населения, и словари основных европейских языков.

Инициатива создания советских словарей принадлежит В. И. Ленину. Как известно, он очень высоко ценил справочные издания и пользовался ими при подготовке своих трудов. По воспоминаниям Н. К. Крупской, Владимир Ильич «мог часами просиживать над разными словарями, в том числе над словарем Даля...» [1].

В тяжелых условиях гражданской войны Ленин писал народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому: «Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?» [2]. За годы Советской власти в стране проведена огромная работа по составлению разнообразных языковых словарей. Только издательство «Советская энциклопедия» выпустило с 1928 по 1970 г. 1140 словарей на 98 языках народов мира.

Языковые словари могут быть толковыми.

Толковые словари имеют не только большое научное, но и важное практическое значение. Они принадлежат к нормативным словарям и содержат краткое разъяснение значений слов и выражений. Одной из разновидностей здесь являются терминологические словари, которые истолковывают термины, применяющиеся в одной или нескольких отраслях знания или практической деятельности [3]. К нормативным относятся также словари орфоэпические (содержат указания о правильном произношении слов языка) и орфографические (заключают указания правильного написания слов).

Далее, имеются словари синонимов, антонимов, идеографические и фразеологические, а также словари рифм.

Одним из наиболее распространенных видов являются переводные двуязычные (и многоязычные) словари, назначение которых, прежде всего, состоит в оказании помощи изучающим иностранные языки.

Существуют также этимологические словари, частотные словари, обратные словари (в которых алфавитный порядок определяется чтением заглавных слов справа налево), исторические словари языка, словари языка писателей и многие другие. Популярны словари иностранных слов (т. е. слов иноязычного происхождения, вошедших в данный язык).

Энциклопедические словари — справочные издания, в которых материал размещен по предметному принципу, наименования предметов, местностей, фамилий и т. п. даны по алфавиту. Существуют

---

[1] Крупская Н. К. Ленин — редактор и организатор партийной печати. М., 1956, с. 16.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 51, с. 122.

[3] Так, в специальной работе И. М. Кауфмана (Терминологические словари. М., 1961) описано 1755 таких словарей; большинство из них вышло после Великой Октябрьской социалистической революции.

также энциклопедии, построенные по тематическому принципу: материал в них располагается по отраслям знания. Подобным изданием является, например, Детская энциклопедия [1].

Термин «энциклопедия» восходит к греческим словам «энциклиос» и «пайдейа», под которыми понимают «круг знания». Значение этого термина исторически менялось. В античной Греции он применялся для обозначения так называемых семи свободных искусств — грамматики, риторики, диалектики (или логики), геометрии, арифметики, музыки и астрономии.

В современном понимании энциклопедия представляет собой справочное издание, в одном или нескольких томах, содержащее систематизированные сведения, отвечающие современному уровню знания, изложенные в виде кратких статей, расположенных в алфавитном или тематическом порядке, с пристатейным списком литературы.

В зависимости от круга сведений различают «универсальную энциклопедию», содержащую сведения по всем отраслям знаний и практической деятельности (например, Большая советская энциклопедия), и «отраслевую энциклопедию», содержащую сведения по какой-либо одной отрасли (например, Большая медицинская энциклопедия).

Как и вся справочная литература, энциклопедии относятся к так называемым вторичным документам, т. е. к документам, которые отражают результаты аналитико-синтетической и логической переработки научной информации, содержавшейся в первичных документах (т. е. документах, отражающих непосредственные результаты научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности).

В отличие от других видов справочной литературы, задачи энциклопедий, имеющих многовековую историю, не ограничиваются лишь фактологическим либо описательным характером помещаемых сведений. Опыт создания энциклопедии в современном ее понимании относится к XVIII в. Ф. Энгельс указывал, что в это время происходит систематизация и обобщение энциклопедических знаний [2].

Это ярко видно на примере создания крупнейшего памятника французской просветительской философии — «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел». Во главе ее стоял философ-материалист Дидро, который привлек к участию в энциклопедии виднейших представителей философской, социально-политической и научной мысли Франции — Д'Аламбера и Вольтера, Руссо и Мабли, Гольбаха и Гельвеция, Бюффона и др.

В XIX в. и первой половине XX в. в Великобритании, Франции, США, Германии, Италии, Испании и других странах выпускались

---

[1] Детская энциклопедия, т. 1—10. М., 1958—1962. Первый том этой энциклопедии «Земля» — состоит из отдельных статей, содержащих разнообразные сведения по физической географии мира; второй том — «Земная кора и недра земли. Мир небесных тел» — знакомит читателя с геологией, астрономией и т. д.

[2] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 1, с. 598—600.

многотомные универсальные энциклопедии и иные энциклопедические издания. Характерной особенностью ряда современных энциклопедий является комплектный выпуск, т. е. одновременное издание всех томов. Среди выходящих в настоящее время (начало 70-х годов) универсальных энциклопедий капиталистических стран следует назвать Британскую энциклопедию (Британника), 24 тома (США и Великобритания), Американскую энциклопедию, 30 томов (США), Большой Ларусс, 10 томов (Франция), Большой Брокгауз, 20 томов (ФРГ).

Успехи в создании энциклопедической литературы достигнуты в Польше, ГДР, Чехословакии и других социалистических странах.

В России широкое развитие энциклопедии получили в конце XIX — начале XX вв. Наиболее авторитетным из них был Энциклопедический словарь издательства «Брокгауз и Ефрон», вышедший в 1890—1907 гг. в 86 томах (82 основных и 4 тома добавлений). Важное место среди русских изданий такого рода занимает Энциклопедический словарь «Гранат» в 58 томах (56-й том издан не был), выпущенный в 1910—1948 гг. До Октябрьской революции вышли тома 1—33. Заслуженной популярностью пользовался однотомный Энциклопедический словарь прогрессивного издателя Ф. Павленкова, выдержавший с 1899 по 1913 г. пять изданий. Наряду с универсальными, вышло несколько отраслевых энциклопедий — техническая, сельскохозяйственная, военная и др.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин выдвинул задачу подготовки небольшой популярной энциклопедии. Однако, как пишет Н. Л. Мещеряков [1], первые попытки разрешения этой задачи оказались неудачными из-за недостатка опытных редакционных кадров и квалифицированных марксистских авторов. Осуществить ее удалось позднее.

До Великой Отечественной войны были выпущены три универсальные энциклопедии: первое издание БСЭ (59 томов из 66), первое издание МСЭ (10 томов) и второе издание МСЭ (10 томов из 11). Кроме того, вышло несколько отраслевых энциклопедий: Техническая энциклопедия, Большая медицинская энциклопедия, Физический словарь, Сельскохозяйственная энциклопедия.

С небывалым размахом ведется выпуск фундаментальных энциклопедических изданий в послевоенные годы. Можно считать, что создана известная система энциклопедий с последовательными переходами от энциклопедий многотомных к кратким, сочетающая издания универсального профиля с научно-отраслевыми энциклопедиями, энциклопедическими словарями и справочниками.

Одной из крупнейших энциклопедий современности является второе издание БСЭ (1950—1958 гг.), в 51 томе которой содержится около 100 тыс. статей. Изданы универсальные МСЭ в 10 томах (третье издание, 1958—1960 гг.) и Энциклопедический словарь в двух томах. С 1957 г. систематически выходит Ежегодник БСЭ. В 1958—1962 гг. вышла первая в СССР Детская энциклопедия

---

[1] См.: Большая советская энциклопедия. Изд. 1, т. 64, стлб. 499.

в 10 томах (второе издание — в 12 томах). Отражением процесса дифференциации наук, быстрого накопления информации явился рост отраслевых энциклопедий. Одно только издательство «Советская энциклопедия» приступило, начиная с конца 1950-х годов, к одновременному выпуску свыше двух десятков энциклопедий по отраслям знания. Среди них — Философская энциклопедия, Советская историческая энциклопедия, Театральная энциклопедия, Краткая химическая энциклопедия, Физический энциклопедический словарь, серия энциклопедий по современной технике и др. Наиболее крупное из завершенных изданий — второе издание Большой медицинской энциклопедии в 36 томах (1956—1964 гг.). Первой энциклопедией, издаваемой в союзных республиках, явилась Украинская советская энциклопедия (на украинском языке) в 17 томах (1959—1965 гг.). Сейчас энциклопедии готовят (или выпускают) все союзные республики.

Некоторые общие вопросы подготовки и редактирования справочных изданий

Среди общих вопросов, связанных с подготовкой справочной литературы, следует назвать: соответствие материала читательской категории; структура издания; редакционная обработка; построение научно-справочного аппарата; оформление издания.

Соответствие материала читательской категории. Это требование, предъявляемое к любой книге, имеет особенно существенное значение для справочной литературы, содержащей сведения по различным отраслям науки, техники и культуры. В период предварительной работы над подобным изданием редакция должна хорошо представить себе будущего читателя, его подготовку и возможные запросы и в связи с этим определить профиль справочной книги, практическую ее направленность, отобрать материал, имеющий прямое отношение к теме и назначению книги. При этом следует помнить, что справочные издания не могут заменять учебники или учебные пособия, монографии или руководства. С этими положениями, определяющими содержание издания, неразрывно связаны вопросы формы подачи материала — его организация и расположение, стиль изложения, характер иллюстрирования и др.

Структура издания. От расположения и организации материала во многом зависит удобство пользования справочной книгой, в которой читатель должен быстро найти интересующие его сведения; поэтому тщательное продумывание структуры издания — одна из главных задач редактора справочной литературы.

При многообразии типов справочных изданий не существует единого стандарта их построения. Однако и здесь можно выделить основные направления работы редактора: группировка материала; рубрикация его; логическая последовательность отдельных частей книги. Например, в большинстве отраслевых справочников текст разделен на части (или разделы), которые в свою очередь делятся на главы и параграфы. Заголовки частей (разделов), глав и пара-

графов должны отличаться краткостью и отражать содержание относящегося к ним текста.

Редакционная обработка текста. Характером справочной литературы определяется и стиль изложения: он должен быть единым (несмотря на участие многих авторов), лаконичным и доступным для читателей, на которых рассчитано издание. Добиться единства стиля изложения — серьезная задача редактора. Редакционная обработка текста включает унификацию материала, которую нужно продумать еще до заказа статей авторам (вплоть до сокращения отдельных слов, отбора условных обозначений единиц измерения и т. п.).

Некоторые издательства выпустили специальные методические указания для авторов и редакторов [1]. В этих пособиях, учитывающих специфику данной отрасли науки или техники, много места отводится вопросам терминологии, технико-орфографического оформления.

2. ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА РЕДАКТОРА УНИВЕРСАЛЬНОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ [2]

Энциклопедии, особенно универсальные, наиболее разносторонний по тематике вид справочной литературы. Поэтому рассмотреть специфику работы редактора энциклопедий — значит в какой-то мере ознакомиться с особенностями редактирования научно-справочных изданий вообще [3].

Для подготовки энциклопедии создается главная редакция (или редакционная коллегия), призванная обеспечить правильное политическое направление и высокое научное качество публикуемого материала; при ней организуются отраслевые редакции (или отделы) по основным научным дисциплинам [4].

Подготовка энциклопедических изданий требует проведения большой подготовительной научно-методической работы еще до заказа статей авторам. Энциклопедия по своему характеру научное издание. В то же время процесс ее создания требует разработки научных нормативов, которые фиксируются в виде методических указаний для авторов и редакторов. В них отражаются и формулируются наиболее существенные требования к энциклопедическим статьям и определяются пути, обеспечивающие единые подходы к их выполнению. Наличие определений (дефиниций)

[1] Например: Методические указания для редакторов БСЭ. М., «Сов. энциклопедия», 1969.

[2] Особенности редакторского анализа справочной литературы рассматриваются здесь на материале энциклопедической литературы, в которой своеобразие этого вида литературы проявляется наиболее наглядно.

[3] Само собой разумеется, что специфика конкретных справочных изданий вызывает соответствующие изменения в процессе подготовки материалов для них и в отдельных звеньях.

[4] Например, в издательстве «Советская энциклопедия» имеются отраслевые редакции техники, физики, химии, философии, истории, литературы и языкознания и др.

терминов, соблюдение принципа историзма при раскрытии содержания понятий, явлений, обеспечение взаимосвязи статей, входящих в тематические циклы, единство методики подготовки, редактирования и оформления статей — лишь некоторые вопросы этой общей методической программы.

Качество и сроки выхода энциклопедии во многом зависят от того, как редакционному аппарату удалось предварительно продумать и решить общие вопросы, связанные со структурой, профилем и редакционным оформлением издания.

Составление словников

Составление словников — важнейший этап подготовки энциклопедического издания. Словником называется перечень всех статей (терминов, слов) данной энциклопедии с указанием размеров статей и, желательно, с краткими аннотациями. Это своеобразный проспект издания, дающий представление о его объеме, структуре и профиле.

Энциклопедии всегда были не только сводами научных знаний, но и концентрированным выражением классового мировоззрения. Так, первые английские технические энциклопедии (Технический лексикон Дж. Харриса и Циклопедия Э. Чемберса) явились откликом на промышленный переворот в Англии XVII в., а «Британская энциклопедия» отразила идеологию английской промышленной буржуазии. Характеризуя значение деятельности французских материалистов-энциклопедистов для подготовки французской буржуазной революции XVIII в., Ф. Энгельс писал: «Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии» [1].

Энциклопедии молодой революционной буржуазии по своей направленности были прогрессивными, так как они отражали идеологию передового для того времени класса, выступавшего против феодального абсолютизма. Но по мере развития капиталистических отношений буржуазия из прогрессивной силы превращалась в силу реакционную. В свою очередь и буржуазные энциклопедии стали принципиально отличаться от своего прообраза — труда французских энциклопедистов, выражая в эпоху империализма идеологические теории и взгляды реакционного класса.

Энциклопедия является «сильнейшим идейным оружием, так как состав словника, содержание статей и раскрытие тем отражают идеологию класса, создавшего энциклопедию» [2]. Словник универсальной советской энциклопедии призван способствовать выполнению ее основной задачи — пропаганде идей научного коммунизма.

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 22, с. 311.

[2] Петров Ф. Н. Первые советские энциклопедии. — В сб.: Книга. Исследодования и материалы, т. 3, 1960, с. 132.

При работе над словником идеологическая направленность редакции находит свое выражение не только в отборе тем («слов»), в том, какие понятия, явления, исторические имена и т. п. в него включаются, или, наоборот, остаются за его пределами, но также и в определении количественного соотношения входящих в состав словника различных научных дисциплин, отдельных статей.

Качественный уровень словника характеризуется тем, насколько четко отражает он современное представление о классификации наук, которая не может быть неизменной, застывшей схемой, а неизбежно должна находиться в постоянном движении, развитии соответственно развитию всего научного познания. Словники современных энциклопедий должны показать фронт развития науки, взаимное обогащение смежных отраслевых наук, отразить возникновение новых направлений на стыках наук и самостоятельных научных дисциплин.

Словники служат основой для создания стройной системы подачи материала читателю на протяжении всего издания. С общей проблематикой составления словника связано решение таких вопросов, как пропорциональное распределение объемов текста между различными группами статей и отдельными статьями, выделение комплексных статей, разработка системы ссылок, планирование иллюстрирования и картографирования издания.

Этапы работы по составлению общего алфавитного словника. В составлении общего алфавитного словника участвуют редакторы всех научных отраслевых редакций и редакция словника. Процесс создания словника можно разделить на следующие этапы.

а) *Анализ словников современных универсальных энциклопедий.* Сравнительный анализ способствует определению объема и количества статей для нового издания. Структура энциклопедии теснейшим образом связана с ее общим объемом. Казалось бы, накопление знаний должно приводить к возрастанию объема энциклопедий. И, действительно, в конце XVIII—XIX вв. их объем значительно увеличился. Однако с середины XX в. возобладала противоположная тенденция. Можно указать несколько причин, объясняющих ее возникновение. Во-первых, развитие других видов научно-справочных изданий, главным образом отраслевых энциклопедий и терминологических словарей, позволяет не включать в словник универсальной энциклопедии многие узкоспециальные и нуждающиеся лишь в толковании термины. Во-вторых, развитие полиграфической базы позволило значительно увеличить емкость полосы за счет применения специальных шрифтов и т. д. Сокращение общего объема энциклопедии в настоящее время достигается не сокращением количества статей в них, а резким уменьшением среднего объема статей. Так, средний объем статьи в третьем издании БСЭ в 30 томах (выходит с 1970 г.) планируется 1350 знаков, тогда как во втором издании он составлял 1700 знаков; при этом количество статей в новом издании по сравнению с предыдущим несколько увеличится.

Сравнительный анализ словников различных энциклопедий необходим и для установления оптимального соотношения между статьями по естественнонаучным и техническим дисциплинам, с одной стороны, и по общественным, с другой, в масштабе всего издания. Это один из коренных и сложнейших вопросов, которые решаются при разработке словников. Во втором издании БСЭ, например, по сравнению с первым изданием для более полного освещения науки и техники было увеличено общее количество статей — с 65 тыс. до 100 тыс. Об обновлении словника второго издания свидетельствуют такие цифры: из 100 тыс. его терминов (слов) около 60 тыс. отражают новое в отечественной и зарубежной науке, технике и культуре, и лишь 40 тыс. — включено из словника первого издания.

б) *Установление соотношения между отдельными научными дисциплинами, а также крупными циклами.* После определения соотношения основных научных дисциплин главная редакция намечает примерные показатели для каждой научной дисциплины. Они рассматриваются редакторами отраслевых редакций, после чего главная редакция вносит необходимые коррективы и принимает решение об удельном весе (по объему и количеству статей) всех отраслей знания, представляемых в энциклопедии.

В качестве примера приведены основные показатели словника третьего десятитомного издания Малой советской энциклопедии.

Распределение статей и знаков по отраслям знания в Малой советской энциклопедии (3-е издание)

Отрасли знания и научные дисциплины	Количество статей	Процент общего количества статей	Объем, тыс. печатных знаков	Процент общего объема
Общественные науки (марксизм-ленинизм, философия, история, экономика, право, педагогика и др.)	11 915	24,8	11 386	29,6
Литература и искусство (литература, языкознание, изобразительное искусство, архитектура, театр, музыка, кино)	7 825	16,2	5 651	14,8
Естественные науки (физика, химия, техника, математика, астрономия, биология, медицина и др.)	18 323	38	15 848	41,3
География	7 939	16,5	4 431	11,5
Военное дело	1 131	2,4	887	2,3
Varia	1 020	2,1	185	0,5

* В запланированном распределении предусматривался необходимый резерв — 1800 статей на 720 тыс. знаков.

Как показывает опыт подготовки универсальных энциклопедий, на предварительном этапе их подготовки целесообразно определять пропорции объемов не только для отдельных отраслей знания,

но и для крупных тематических циклов. Общий анализ удельного веса крупнейших узлов словника дает возможность заблаговременно сгруппировать родственные по тематике статьи, подготовка которых осуществляется в различных отраслевых редакциях. Это позволяет, с одной стороны, принять решение о примерных объемах конкретных статей, сопоставимых в рамках всего издания (статьи о союзных республиках, зарубежных государствах и др.); с другой стороны, представляется возможность выработать общие принципы распределения знаков между родственными статьями (например, биографические статьи, статьи о науках и др.). Составленные в результате этой работы для всех редакций ориентировочные перечни групп типовых статей содержат указания об их максимальных размерах: крупнейшие, крупные и средние по объему статьи, а также статьи небольшого (словарного) объема.

в) *Составление тематических словников в отраслевых редакциях.* Работу над созданием словников можно сравнить с работой архитектора над проектом здания: подобно тому, как он обязан выдержать пропорции, используя наилучшим образом каждый метр площади, составители словника должны правильно определить объемы статей и распределить их по различным темам данной области знания. Так, например, исходя из своего лимита статей и количества знаков, редакция техники составляет тематические словники по самым разнообразным отраслям — энергетике, горному делу, авиастроению, полиграфическому производству и т. д. Редакция всеобщей истории готовит отдельные словники по истории отдельных зарубежных стран с древнейших времен до наших дней, по международным отношениям и т. д.

Отраслевой тематический словник включает следующие важнейшие группы терминов: основные теоретические понятия и проблемы; терминологию, относящуюся к данной науке в целом и к ее разделам в соответствии с установившейся классификацией; терминологию, отражающую методы исследования, вспомогательные средства и приемы (приборы, аппараты и пр.); важнейшие учебные заведения, научно-исследовательские учреждения, периодические и иные издания; биографические статьи (персоналии).

Распределение числа терминов и знаков между разделами своих словников отраслевые редакции производят с таким расчетом, чтобы более подробно освещались прогрессивные явления, развивающиеся области данной отрасли знания, новые понятия и методы исследования.

Создание тематических словников в отраслевых редакциях идет по принципу «от общего к частному».

Проследим это на примере составления словников для третьего издания МСЭ в редакции литературы и языкознания. Всего в МСЭ на вопросы литературы и искусства было отведено около 8 тыс. статей объемом 5,6 млн. знаков (140 авт. листов); средний размер статьи 725 знаков.

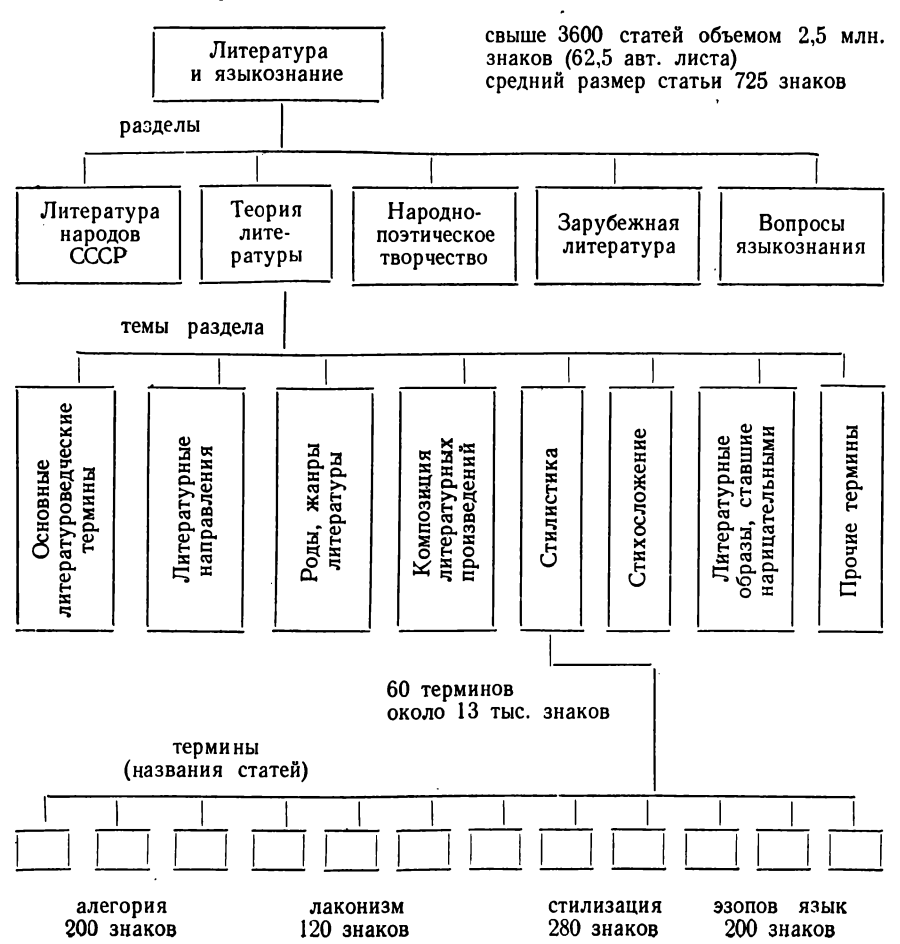
Лимит этого (одного из основных) раздела общего словника был распределен между тремя отраслевыми редакциями следую-

щим образом: редакции литературы и языкознания — свыше 3600 статей, объем 2,5 млн. знаков; редакции изобразительного искусства и архитектуры — свыше 2300 статей, объем 1,7 млн. знаков; редакции музыки, театра и кино — свыше 1700 статей, объем 1,4 млн. знаков. Таким образом, каждая из трех редакций получила лимит на все издание — общее количество статей и знаков — и могла приступить к составлению тематических словников уже в рамках своей научной дисциплины.

Редакция литературы и языкознания (см. структурную схему) готовила тематические словники по пяти большим разделам: литература народов СССР; теория литературы; народно-поэтическое творчество; зарубежная литература; вопросы языкознания.

Редакторы редакции литературы и языкознания, опираясь на консультации специалистов, определили основные темы для каж-

Структурная схема словника «Литература и языкознание» в третьем издании Малой советской энциклопедии

дого из разделов. Такими темами (или подразделами) в разделе, например, теория литературы явились: основные литературоведческие термины, литературные направления; роды, жанры литературы; композиция литературных произведений; стилистика; стихосложение; литературные образы, ставшие нарицательными; прочие термины. С помощью специалистов редакторы отбирали термины (названия статей) и определяли количество знаков для каждой статьи соответствующего подраздела словника. (Например: статья-аллегория — 200 знаков; лаконизм — 120 знаков; стилизация — 280 знаков и т. д.).

Каждый термин в словнике сопровождается следующими данными: точное название статьи («черное слово»); краткая аннотация (без пояснения даются общеизвестные термины); объем (размер) статьи в знаках (при определении размеров статьи принимается во внимание, что знаки, отводимые на пристатейную библиографию, входят в общее число знаков данной статьи). Кроме того, словники содержат указания относительно иллюстрирования, картографирования и библиографии.

В энциклопедических издательствах ведется работа по составлению терминологических фондов, которые служат исходным материалом для разработки словников различных энциклопедий. Так, например, в издательстве «Советская Энциклопедия» имеется «Генеральный словник», насчитывающий свыше 160 тыс. слов. В нем сосредоточен и отражен словарный состав вышедших универсальных и отраслевых энциклопедий.

При разработке отраслевых словников большое значение имеет согласование терминов смежных, тематически связанных между собой отраслей науки, техники, искусства, политики и т. д. Например, тесно связаны многие группы терминов по наукам: философия и история, языкознание и этнография, математика и логика, экономика и техника, физика и химия, биология и медицина. Чтобы отразить межотраслевые связи, в каждом тематическом словнике приводятся названия статей, являющихся частью комплексных статей, подготовляемых несколькими редакциями.

При разработке словников редакторы встречаются с трудностями: иногда они обусловлены «белыми пятнами» в классификации данной отрасли знаний; в ряде случаев весьма сложно обеспечить стыки смежных дисциплин. Немало сложностей возникает и в связи с разной трактовкой отдельных вопросов различными направлениями и школами ученых. Весьма сложна разработка словников биографических статей (отбор лиц) и определение их размеров. Все это вызывает необходимость общественного обсуждения проектов словников в научных, партийных и советских учреждениях.

Для третьего издания БСЭ отпечатанные типографским способом проекты тематических словников рассылались в несколько тысяч адресов, и в ответ было получено около 3 тыс. отзывов, содержащих свыше 40 тыс. предложений о включении новых терминов, более 8 тыс. предложений об исключении намеченных

слов, более 4 тыс., полученных в результате ценных поправок, изменений и уточнений. Значительная часть этих предложений и пожеланий была принята.

После анализа и учета редакторами замечаний и предложений, общественного обсуждения тематические словники утверждаются главной редакцией.

При современном состоянии науки в процессе разработки общего словника универсальной энциклопедии целесообразно составлять также отдельные словники: а) крупных межотраслевых циклов, обеспечивающих стыки и связи различных наук (например: «Информация», «Кибернетика»); б) внутриотраслевых циклов, координирующих материал какой-либо одной отрасли науки, техники и культуры (например: «Аграрный вопрос», «Автомобильный цикл»).

г) *Составление алфавитных словников в отраслевых редакциях. Общий алфавитный словник всего издания.* Если редакторы отраслевых редакций отрабатывают тематические словники, руководствуясь принципом «от общего к частному», то составление алфавитных словников идет по принципу «от частного к общему». Каждая редакция составляет алфавитные картотеки по темам, затем термины этих картотек сводят в общую картотеку — алфавитный словник раздела энциклопедии, который ведет данная редакция.

После внесения возникающих в ходе этой работы необходимых уточнений редакционные алфавитные словники сводят в единый алфавитный словник всей энциклопедии. Важно уже на этом этапе редактирования словника наметить границы будущих томов (при многотомном издании) и выделить крупные статьи для каждого тома[1].

При работе над отраслевыми алфавитными словниками и единым словником издания проверяется соотношение объемов материалов разных редакций, соблюдение пропорций в материалах каждой из них, отмечаются дублирующие термины смежных дисциплин. Уточняются также принципы подачи иллюстративного, картографического и библиографического материала и другие общие вопросы словника, имеющие значение для всех редакций.

После внесения соответствующих исправлений единый словник энциклопедии утверждается главной редакцией.

Не следует, однако, думать, что на этом работа над словником может считаться законченной. Развитие различных областей науки, техники, культуры, политические и другие события вызывают необходимость в процессе подготовки и выпуска очередных томов включать новые статьи, исключать термины, изменять первоначально запланированные объемы статей.

Неизбежность некоторых изменений в тематических словниках отраслевых редакций определяется тем, что словники всегда в какой-то мере приблизительны по своим объемным показателям.

---

[1] Во втором и в третьем изданиях БСЭ крупными считались статьи, содержащие свыше 5 тыс. знаков.

Однако, как видно из практики, значительное увеличение объемов статей в процессе издания может привести к структурно-тематическим несоответствиям в очередных томах и, следовательно, к увеличению объема всей энциклопедии. Редакторы должны тщательно фиксировать все изменения в своих тематических словниках, так как в противном случае может нарушиться взаимосвязь статей, разладится система ссылок.

При подготовке многотомной универсальной энциклопедии обычно создается специальный отдел (редакция) словника. Он выполняет указания главной редакции относительно удельного веса материалов отраслевых редакций в данном издании, совместно с ними подготовляет и редактирует тематические словники. Одна из основных его функций — редактирование единого алфавитного словника. Затем в течение выпуска всей энциклопедии отдел словника ведет кропотливую работу по контролю объемов отдельных статей и разделов.

Редакторы отраслевых редакций систематически согласовывают с отделом словника все изменения в тематических словниках (увеличение или уменьшение количества знаков отдельных статей, включение или исключение терминов). В случаях увеличения объема некоторых статей редакции сообщают в отдел словника, за счет сокращения каких других статей (из своих тематических словников) будут произведены эти изменения. Учитывая неизбежность изменения объемов статей в ходе их редактирования, создается резерв знаков, за счет которого может быть произведено увеличение объема тех или иных статей. Практика показывает, что резерв знаков должен составлять не менее 10—15% всего объема издания.

Важным участком работы отдела словника является проверка ссылок. Они проверяются лишь после того, как статьи всех редакций слиты в едином алфавите очередного тома. При этом обращается внимание на оформление ссылок (наличие статей, на которые дана ссылка, идентичность приводимых в ссылках названий статей словнику и т. п.). Возникающие вопросы выясняются отделом словника в соответствующих отраслевых редакциях.

Требования, предъявляемые к энциклопедическим статьям

Статьи современных энциклопедических изданий должны способствовать формированию марксистско-ленинского мировоззрения читателей. Огромное научно-теоретическое и методическое значение для авторов и редакторов энциклопедий имеет опыт литературно-энциклопедической работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина [1].

В 1857—1861 гг. Маркс и Энгельс написали около 80 статей, заметок и справок для Новой американской энциклопедии. Это

[1] См.: Дробинский А. И. К. Маркс, Ф. Энгельс и энциклопедическая литература. М., 1958; Шмушкис Ю. Е. В. И. Ленин и социал-демократическая литература в России. — В сб.: Книга. Исследования и материалы. т. 20, 1970, с. 95—118.

было наиболее радикальное из тогдашних изданий подобного рода, но и его руководители придерживались объективистского тона, стремились избежать острого освещения вопросов современности. Помещенные здесь статьи Маркса и Энгельса были посвящены, на первый взгляд, лишь специально военным и военно-историческим вопросам. Однако принципиальные высказывания основоположников научного коммунизма о решающем значении производительных сил и производственных отношений, об определяющем значении социального строя и классовой борьбы в истории военного дела, о значении морального фактора, о военно-историческом значении освободительных и революционных войн по существу положили начало марксистской военной историографии. Проникнутые революционной партийностью, сочетающие научную глубину с доступностью изложения, отличающиеся высокой энциклопедической культурой, эти статьи Маркса и Энгельса представляют собой классические образцы научно-энциклопедических произведений.

Эти же замечательные качества характерны и для энциклопедических работ В. И. Ленина. Его перу принадлежат две большие статьи для Энциклопедического словаря «Гранат»: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»[1] и «Карл Маркс»[2]. На примере этих работ видно, какое значение придавал В. И. Ленин постановке важнейших, принципиальных вопросов в энциклопедических статьях. В начале первой статьи Ленин указывает, что ее задача — дать краткий очерк всей совокупности общественно-экономических отношений в русском сельском хозяйстве. Он подчеркивает, что подобная работа должна носить не исследовательский, а итоговый характер, обозревая под марксистским углом зрения общую линию развития аграрных отношений в России, вскрывая те классовые силы, которые определяют это развитие. Ленин писал: «Мы рассмотрим поэтому с указанной точки зрения землевладение в России, затем помещичье и крестьянское хозяйство, а в заключение дадим общие выводы о том, к чему привела наша эволюция в течение XIX века и какие задачи завещала она XX веку»[3].

Методика, которую использовал В. И. Ленин при написании этой работы для словаря «Гранат», может оказать помощь автору и редактору при подготовке обзорных статей на социальные темы для универсальных энциклопедий. Их назначение — выделить и охарактеризовать основные стороны рассматриваемого

---

[1] В. И. Ленин написал эту статью по просьбе редакции «Гранат». Он закончил ее к 1 июля 1908 г., но она не была помещена тогда по цензурным соображениям (соответствующий том вообще вышел без статьи «Аграрный вопрос», и в нем была дана лишь ссылка на статью «Земельный вопрос и земельное законодательство»). Впервые работа «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» была опубликована в 1918 г. отдельной брошюрой. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 17, с. 57—137.

[2] Статья напечатана в 28-м томе (1915 г.) не полностью: по цензурным условиям были опущены главы «Социализм» и «Тактика классовой борьбы пролетариата». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 26, с. 43—93.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 17, с. 59.

вопроса на основе имеющихся исследований, определить движущие силы и тенденции развития, подвести общие итоги и наметить перспективы. И в статье «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» В. И. Ленин со свойственной ему глубиной и мастерством решил все эти задачи.

Идейно-теоретическое и практическое значение статьи «Карл Маркс» заключается в том, что она, излагая на широком историческом фоне биографию основоположника научного коммунизма и историю его идей, знакомя читателей с научной, публицистической и практической деятельностью К. Маркса, дает также сжатый очерк марксизма.

Ленин придавал большое значение плану энциклопедической статьи, ее композиции. Сохранившиеся варианты плана статьи о Марксе говорят о том, что Ленин составил подробный план, в котором намечалось количество и названия разделов. Важными элементами статьи для энциклопедии Ленин считал цитаты и библиографические сведения. «По-моему, — писал он, — для словаря цитаты очень важны ⟨...⟩. Читатели словаря должны иметь под рукой *все* важнейшие заявления Маркса, иначе цель словаря была бы не достигнута...» [1]. Хрестоматийным стал библиографический раздел статьи «Карл Маркс» («Библиография марксизма»), построенный в соответствии с планом всей данной статьи. Чрезвычайно важным является то, что Ленин не ограничивается перечнем названий различных работ, а подразделяет их на марксистские, ревизионистские и буржуазные, сопровождая ряд приводимых изданий краткими аннотациями.

Изучение энциклопедических работ Маркса, Энгельса, Ленина имеет важное теоретическое и практическое значение для редакторов, специализирующихся как в области общественных, так и в области естественных и технических наук. Следует всегда руководствоваться словами Ленина: «...без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания» [2].

В условиях развития современной науки универсальные энциклопедии, являющиеся источником комплексной информации, освещающей разносторонний процесс научного познания, становятся все более необходимыми. Составители таких энциклопедий ставят перед собой цель более комплексного, систематизированного освещения явлений, событий, понятий, предметов. В связи с этим заказ и редактирование материалов целесообразно вести не по отдельным, узким темам, а широким фронтом, охватывая целиком всю рассматриваемую проблему. При этом каждая статья, взятая в отдельности, должна отвечать четырем основным требованиям: научности (понимая под научностью прежде всего соответствие материала достижениям и тенденциям

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 49, с. 31.
[2] Там же, т. 45, с. 29—30.

передовой науки и культуры, а также самую трактовку темы с правильных идеологических позиций), актуальности, краткости и доступности.

Научный редактор призван внимательно следить за текущей общественно-политической и научной литературой, за появлением новых, самых разнообразных материалов справочного характера. Нередки случаи, когда и хорошо подготовленная в рукописи статья подвергается существенной правке в корректурах. Это происходит потому, что за время, которое проходит от подготовки оригинала до выпуска тома, всегда могут произойти события, которые необходимо отразить в той или иной статье. Часто приходится вносить исправления, связанные с уточнением цифр, дат и т. п., без чего статья оказалась бы неполной или могла бы содержать неверные данные.

Типовые статьи и их схемы

Одно из важнейших направлений научно-методической работы редактора универсальной энциклопедии — заблаговременное продумывание содержания и структуры типовых статей, т. е. статей, родственных между собой по объекту рассмотрения, однотипных.

Соображения целесообразности, целеустремленности, экономии обязательны не только в отношении расчета печатных знаков, но и в разработке структуры статей. Разнохарактерность однотипных статей не может быть признана достоинством энциклопедии, так как это не только не способствует максимальной доступности ее для читателя, но, наоборот, затрудняет практическое пользование изданием. Нужно стремиться поэтому к известной унификации и стандартизации однотипных статей. Соблюдение стабильности в этих вопросах не должно и не может помешать, однако, проявлению авторской индивидуальности, что особенно важно при подготовке ведущих крупных статей.

Тенденция к унификации однотипных статей обусловлена, во-первых, общим справочным характером энциклопедической литературы, обязывающим составителей обеспечить удобства пользования; во-вторых, стремлением добиться единообразия в подаче материала и оформлении его в статьях, принадлежащих к одной категории. Тем самым становится возможным во многих случаях не только исключить неизбежный при большом количестве статей и авторов «волюнтаризм» при решении различных вопросов, связанных с методикой подачи материала, но и обеспечить в целом его более высокий уровень. Таким образом, унификация однотипных статей в энциклопедии, безусловно, прогрессивна.

Унификация групп однотипных статей, принадлежащих к крупным темам и циклам, выделенных при разработке словника, имеет различные аспекты. Она охватывает соотношение объемов циклов в целом, а также объемов отдельных статей, программирование состава и объема сведений в однотипных статьях, структуру этих статей, элементы научно-справочного аппарата (библиография,

картографирование, иллюстрирование); взаимосвязь родственных статей.

Можно наметить следующие этапы отработки типовых статей: 1) отбор подобных статей в рамках тематических словников отраслевых научных редакций и типовых статей, общих для ряда редакций; 2) определение примерного состава и объема сведений в однотипных статьях и разработка их структуры; 3) составление пробных типовых статей, их обсуждение и утверждение типовых схем статей.

Отбор типовых статей. Отбор типовых статей производится отраслевыми научными редакциями параллельно с работой над тематическими словниками. Чем шире круг статей, группируемых по определенным признакам, и чем больше принято типовых схем, тем легче работать редакторам. Это видно из следующего примера. К составлению многих статей о городах нашей страны во втором издании БСЭ и в третьем издании МСЭ привлекались авторы, живущие в разных республиках. Редакция географии разработала ряд примерных схем в зависимости от значения города, числа жителей и т. д. Эти схемы рассылались авторам. Таким образом, в значительной степени исключалась возможность появления разнобоя в структуре и подаче материала.

Списки-перечни типовых статей (с указанием объемов, наличия библиографии, карт и иллюстраций), подготовленные отраслевыми научными редакциями, согласовываются в главной редакции, после чего каждая редакция разрабатывает проекты схем своих типовых материалов.

В централизованном порядке ведется составление типовых схем статей, общих для нескольких редакций, а также типовых схем биографических статей.

Следует отметить, что по мере накопления опыта составлению и соблюдению типовых схем придается все большее значение. Так, если при подготовке второго издания БСЭ «Инструкцией для авторов и редакторов БСЭ» предусматривалось лишь 15 схем (примерно столько же их было и в «Методических указаниях для редакторов МСЭ»), то для третьего издания БСЭ разработано около 200 схем, вошедших в сборник «Методические указания для редакторов БСЭ» (кроме того, они изданы отдельной брошюрой, а также размножены в виде бланков). Среди них можно выделить 4 основные группы.

Первая группа, насчитывающая 13 типовых схем, относится к комплексным статьям о союзных и автономных республиках СССР, государствах, городах. Нужно подчеркнуть важность типовых схем статей этой группы. При малом удельном весе по числу статей в общем их количестве они имеют очень большой удельный вес по объему в общем объеме энциклопедии.

Вторая группа, включающая в себя 4 типовых схемы, — статьи о науке или отрасли науки, о теории в области естественных и технических наук, о научной и технической проблеме, о научном

учреждении — также имеет общеэнциклопедический характер. Эти схемы применимы ко многим однотипным статьям, имеющимся в словниках большинства редакций.

Третья группа составляет основную (по количеству) часть типовых схем. Для однотипных статей отдельных отраслей знания разработано 150 типовых схем. Например, выделены следующие типовые статьи: в области медицины — о медицинской профессии, о медицинском учреждении, о болезни, о патологическом процессе, о лекарственном средстве, о медицинском инструменте, о курорте; в области сельского хозяйства — об отрасли сельского хозяйства, о сельскохозяйственной культуре, о машине (орудии), о почвах, об удобрениях, об агротехническом приеме, о сорном и паразитном растении, о породе сельскохозяйственных животных и т. д.

Четвертая группа (15 типовых схем) разработана для биографических статей. В их числе примерные схемы статей (об общественном, партийном деятеле, об ученом в области общественных наук и в области естествознания и техники, о военном деятеле, о зарубежном деятеле рабочего, коммунистического движения, о деятеле искусства, о педагоге, о писателе, о новаторе производства и др.).

Типовые схемы, являясь и своего рода оглавлением, способствуют упорядоченному изложению материала. Например, в статьях БСЭ и МСЭ о республиках СССР и о зарубежных государствах, соблюдена определенная последовательность основных разделов. Такая система подачи материала, безусловно, удобна для читателя, желающего сравнить, скажем, данные по экономике, народному образованию, здравоохранению и т. д. в отдельных странах. В этих же целях редакторы добиваются (учитывая специфику каждой страны) включения однородных показателей в одни и те же разделы разных статей. Так, в схему статей о союзных и автономных советских республиках в разделе «Здравоохранение» предусмотрено включить основные показатели обеспеченности населения республик лечебно-профилактической помощью по сравнению с дореволюционным периодом (количество больниц, коек в них и пр.).

Примерное содержание и структура типовых статей. При определении содержания однотипных статей редакторы исходят из ряда требований, предъявляемых как ко всему энциклопедическому изданию, так и к его отдельным статьям.

Сжатость объемов предопределяет жесткий отбор сведений, наиболее важных для конкретных статей. Отсюда — исключительно важно значение планов статей, без которых невозможно обеспечить композиционную стройность всего многостатейного издания.

Наличие типовых схем отнюдь не исключает возможности отклонений от них в отдельных случаях: когда термин не может быть отнесен к определенной группе, для которой предусмотрена типовая схема, разрабатывается особый план статьи.

Схемы типовых статей третьего издания БСЭ более развернуты, чем схемы статей второго издания. Они содержат указания не только о внутристатейных разделах, но и о подразделах крупных статей. В ряде случаев в схемах отражены специфические особенности подготовки отдельных групп статей. Например, в «Типовой схеме статьи о зарубежном государстве» предусмотрено, что в зависимости от типа государства в разделе «Экономико-географический очерк», помимо общей характеристики экономики, указываются:

1. Для социалистических стран:

а) социалистические преобразования в экономике;

б) удельный вес социалистических и других укладов в народном хозяйстве страны;

в) темпы развития народного хозяйства;

г) место страны в международном социалистическом разделении труда;

2. Для развивающихся стран:

а) особенности экономического развития в колониальный период;

б) особенности экономического развития после завоевания национальной независимости; демократические социально-экономические преобразования и их влияние на развитие и размещение хозяйства и т. д. [1].

В ряде схем отражено требование обеспечения взаимосвязанности статей отдельных циклов. Так, например, в разделе «Литература» в схемах комплексных статей о союзной республике и государстве говорится: «При характеристике писателей, называемых в очерке, приводятся только самые важные факты их творческой биографии, с указанием названий главнейших произведений и года их опубликования» [2]. Подобное ограничение продиктовано стремлением избежать повторения здесь сведений, помещаемых в отдельных статьях о выдающихся писателях.

В схеме типовой статьи о государстве в разделе «Исторический очерк» подчеркивается необходимость сочетания отсылок читателей к другим статьям энциклопедии со сжатым изложением в очерке важнейших событий истории данного государства. Так, в историческом очерке статьи «Великобритания» излагаются предпосылки английской буржуазной революции, кратко характеризуются ее основные этапы и значение, а затем дается отсылка к статье «Английская буржуазная революция», в которой читатель найдет более подробную информацию об этой революции.

В типовых схемах отражается специфика энциклопедии. Наглядное представление об этой специфике дает приводимое ниже сравнение схем статей о союзной республике для универсальной Малой советской энциклопедии (3-е издание) и отраслевой Советской исторической энциклопедии (СИЭ).

---

[1] Методические указания для редакторов БСЭ. М., 1969, с. 71.

[2] См. там же.

Схема статьи о союзной республике для МСЭ

Общие сведения (включая данные о государственном строе)
Природа
Население
Исторический очерк[1]
Народное хозяйство
Здравоохранение
Народное образование, культурно - просветительные и научные учреждения, печать и радиовещание
Литература
Изобразительные искусства и архитектура
Музыка
Театр и кино
Библиография

Схема статьи о союзной республике для СИЭ

1. Социологическая схема

Краткие общие сведения о республике (географическое положение, численность населения, этнический состав, флаг, герб, столица, государственное устройство)
Краткие археологические сведения
Время и условия возникновения классового общества на территории республики
Особенности формирования феодальных отношений и образование раннефеодальных государств
Период феодализма (особенности земельных отношений, формы феодальной эксплуатации; народные движения; культура)
Вхождение в состав России
Возникновение капиталистических отношений; развитие экономики, культуры и революционного движения
Республика в период буржуазно-демократических революций (1905—1907, февраль 1917)
Великая Октябрьская социалистическая революция; установление Советской власти и гражданская война 1918—1920 гг.
Создание республики
Строительство социализма (индустриализация; коллективизация; культурная революция)
Республика в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.
Вступление республики в период развернутого строительства коммунизма

2. Цифровые таблицы по экономике, населению, рабочему и крестьянскому движению. Перечень исторических учреждений, музеев, архивов, списков периодических изданий (центральные газеты и журналы)
3. Хронология
4. Историография
5. Библиография

Пробные типовые статьи. По мере разработки типовых схем редакции заказывают пробные статьи (желательно авторам, имеющим опыт энциклопедической работы). При редактировании таких статей можно проверить правильность запланированных объемов, соответствие текста имеющейся для данной группы статей схеме и др.

Для работы над пробными статьями привлекаются не только специалисты определенной области знания, но и редакторы смежных редакций, редакций словника, библиографии, картографии и иллюстраций; целесообразно привлечение читателей различных профессий. По результатам окончательного редактирования вносят изменения в типовые схемы, уточняют средние размеры статей, их структуру, состав научно-вспомогательного аппарата и т. д. После

[1] Сведения о Коммунистической партии, комсомоле и профсоюзах даются в историческом очерке.

этого типовые схемы и соответствующие образцы типовых статей вручают авторам при заказе статей.

Для третьего издания БСЭ, например, редакторы подготовили свыше 100 пробных типовых статей. Их апробация велась параллельно с редактированием словников. Обсуждение статей, в котором участвовали все редакции, явилось своеобразным семинаром и способствовало формированию единых принципов решения различных методологических проблем. Рассматривались, в частности, вопросы, связанные с дефинициями, системой ссылок и другими специфическими особенностями редактирования энциклопедических материалов.

3. РЕДАКТИРОВАНИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

После получения статьи от автора в работе над ней в отраслевой научной редакции можно наметить примерно такие этапы: оценка рукописи и предварительное редактирование; рецензирование, смежное чтение и общественное обсуждение статей (в необходимых случаях); проверка и оформление научно-вспомогательного аппарата; редактирование комплексных статей; сдача статей на комплектование очередного тома.

Оценка рукописи и предварительное редактирование

Так же как и при подготовке к выпуску любого издания, оценка редактором рукописи энциклопедической статьи является одним из важнейших этапов редакционного процесса. Однако в энциклопедическом издательстве кроме общих есть некоторые специфические требования к оценке рукописи. Отраслевые редакции (химии, физики, литературы и языка, биологии и др.) за короткий промежуток времени получают от разных авторов десятки статей.

Естественно, что даже опытные авторы не сразу овладевают энциклопедической спецификой. Поэтому большие требования предъявляются к научно-редакционному аппарату, ответственность которого особенно возрастает в связи с массовым распространением энциклопедий и их огромными тиражами. Редакторы энциклопедии должны иметь не только высокую научную квалификацию, но и владеть опытом отбора и подачи соответствующей информации. Из разрозненных статей, полученных от большого числа авторов, редакторам энциклопедической литературы приходится создавать единое издание, в котором отдельные статьи должны быть взаимно связаны, дополнять и развивать одна другую, удовлетворять общим требованиям структуры, наличия нормативов справочности, стиля и т. д.

При первом ознакомлении с рукописью редактор обращает внимание на идейную направленность статьи, отражение в ней новейших достижений науки и техники, открытий, исследований, на насыщенность ее справочным, фактическим материалом, на качество вспомогательного научного аппарата.

Редактор должен иметь представление о характере освещения рассматриваемых (или близких) тем, предметов, явлений и т. п. в других справочных (в том числе и зарубежных) изданиях. Сопоставление с ними помогает ему уяснить качественно новые положения статьи, часто обусловливающие необходимость ее рецензирования.

Заключение редактора о полученной статье не является полным, если он, занимаясь вопросами содержания, не учел запланированный объем статьи (что, к сожалению, часто забывают авторы). В случаях значительного превышения заданного объема лучше сразу же вернуть рукопись (при этом наметить сокращения) на доработку, чем проводить эту работу самому с дальнейшим согласованием правленного текста с автором. Небольшое превышение объема обычно устраняется за счет «резервов»: путем ликвидации повторений в тексте, использования принятой системы ссылок, сокращения отдельных слов и т. д.

Характер редактирования тесно связан с профилем издания, его целевым назначением. В статьях универсальной энциклопедии освещаются наиболее существенные вопросы рассматриваемой темы, явления, понятия и т. п. Статьи в ней рассчитаны не столько на специалиста, сколько на читателя, не знакомого с освещаемыми вопросами. В отраслевых энциклопедиях, которые предназначены для читателей, знакомых с данной отраслью науки, статьи — более специальны, более детальны. Практическая направленность характерна и для таких специализированных изданий, как, например, Популярная медицинская энциклопедия, Краткая энциклопедия домашнего хозяйства и др. Эти энциклопедии дают практические советы читателю.

Значительная редакционная доработка материалов часто вызвана тем, что авторы не учитывают сецифики данного издания. Например, статья о В. Г. Короленко для Советской исторической энциклопедии (СИЭ) была представлена квалифицированным автором. Он справедливо уделил преимущественное внимание общественно-политическим взглядам Короленко. Но из его поля зрения выпали другие вопросы, представляющие особый интерес для читателя исторической энциклопедии. Короленко глубоко и всесторонне изучал историю, занимался разбором и описанием архивных фондов, а также теоретическими вопросами архивоведения. На основании рецензий, после изучения соответствующей литературы редактор обратился к автору с конкретными предложениями. Они были рассмотрены и учтены автором. Значительные изменения претерпела и библиография.

Иногда в процессе работы над статьей редактор приходит к выводу о необходимости увеличить ее объем. Так, статья о М. В. Ломоносове для СИЭ была написана автором с учетом состояния изученности вопроса в исторической науке и энциклопедической специфики. Однако она в 5 раз (!) превышала объем, определенный словником (20 тыс. знаков вместо 4 тыс.). В результате скрупулезной работы редактору и автору удалось сократить статью

только вдвое. Дальнейшее ее уменьшение было нецелесообразно, так как автор представил оригинальный материал. Как же выглядит статья после редактирования? Общей характеристике Ломоносова уделено 10 строк. Главное в содержании статьи составляет характеристика исторических взглядов ученого-энциклопедиста. В ней убедительно доказано, что Ломоносов — один из основоположников русской исторической науки. Наиболее интересная часть статьи — историографический обзор. Автор рассказывает, как оценивалась представителями различных общественно-научных направлений и рассматривается в настоящее время общественная и историческая деятельность Ломоносова. Статья снабжена подробной библиографией, отвечающей профилю данной энциклопедии.

Даже в том случае, если статьи готовятся сложившимся при издательстве коллективом авторов, знающих энциклопедические требования, рукопись нуждается в специальном редактировании. На первоначальной его стадии уточняется структура статьи, ее соответствие заданной схеме. Статью приходится читать и править минимум дважды: первый раз — по существу изложенного в ней вопроса, второй раз — с точки зрения унификации материала, его соответствия имеющимся методическим правилам.

Ниже рассмотрена специфика работы редактора энциклопедической литературы по уточнению определений (дефиниций), использованию системы ссылок, обеспечению справочности статей, подаче библиографического, иллюстративного и картографического материалов, а также технико-орфографического оформления статей.

Определения (дефиниции) терминов

Энциклопедия содержит как обязательные элементы определения терминов, понятий. Читатель часто обращается к энциклопедии именно для ознакомления с определениями терминов. Каждая статья, как правило, начинается с дефиниции (лат. definitio — определение) термина, обозначающего понятие, явление, имя и т. п., взятого в качестве названия статьи.

Формулировки определений должны сочетать в раскрытии содержания понятий научность с доступностью дефиниции для различных кругов читателей. Таким образом, дефиниция в очень сжатом виде выступает в форме законченной и обобщенной характеристики основного содержания термина на уровне современной науки с указанием, к какому более широкому (родовому) понятию относится данное видовое и единичное понятие.

Так же как статьи одного порядка (например, статьи о реках, островах, городах, международных договорах, съездах, органах печати и т. д.) конструируются по определенным, заранее разработанным схемам, так и дефиниции в таких статьях желательно оформлять однотипно. В то же время они должны содержать указания на главнейшие особенности данного конкретного явления, события и т. д.

Если в научной литературе еще нет достаточно установившегося определения нового термина, можно кратко изложить различные (основные) точки зрения по этому вопросу.

Как и в других случаях, при редактировании определений огромное значение для редактора имеет обращение к опыту работы в этой области основоположников марксизма-ленинизма. Они выступали против вульгарных, формалистических определений. В. И. Ленин, например, высказывался против «юридических дефиниций», которые не могут объяснить сущность социальных явлений, против «игры в дефиниции», против «бессмысленной попытки» «внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений»[1]. Этими ленинскими указаниями следует руководствоваться и при составлении определений в энциклопедии.

К. Марксу, Ф. Энгельсу, В. И. Ленину принадлежат классические определения многих важнейших философских, социально-исторических и экономических явлений, понятий и терминов. Таковы, например, ленинские определения материи, классов, революции, империализма и многие другие.

Определения и оценки явлений, событий, данные классиками марксизма-ленинизма, включаются в соответствующие статьи. Например:

Июньское восстание 1848 — массовое вооруженное восстание парижских рабочих (23—26 июня), «первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией» (Ленин В. И., Соч., 4 изд., т. 29, стр. 283)[2] (Изд. 5, т. 38, с. 305).

В практике редактирования часты случаи, когда уже в определении необходимо указать основные стороны (признаки) данного явления, предмета в различных социальных условиях. Например, характеристику какого-либо правового института нельзя ограничивать только признаками, относящимися к советскому праву, если подобный институт существует и в других государствах. Если же в начале статьи невозможно дать общее определение данного понятия или явления, целесообразно разделить статью на несколько частей под номерами: 1) ..., 2) ..., 3) ...; в этом случае каждая часть статьи имеет самостоятельную дефиницию.

Когда один и тот же термин обладает различным содержанием в разных отраслях знания, также применяется способ дробления статьи на самостоятельные части:

Конституция — 1) Основной закон (см. *Конституция, Конституция СССР*); программный документ. 2) Строение, физиологические и анатомические особенности организма (см. *Конституция человека, Конституция сельскохозяйственных животных*)[3].

Коммуна — 1) Община; в Зап. Европе в средние века — городская община, добившаяся независимости от феодала. 2) Во время франц. революции конца XVIII в. — муниципальное самоуправление. См. также *Парижская коммуна 1871*.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 46, с. 30; т. 55, с. 169; т. 25, с. 257—258; т. 5, с. 142.

[2] Советская историческая энциклопедия, т. 6, стлб. 723.

[3] Малая советская энциклопедия. Изд. 3, т. 4, стлб. 1159.

3) Добровольное объединение с обобществлением всех средств производства и общественным характером потребления и бытового обслуживания (см. *Коммуна сельскохозяйственная)* [1].

При определении исторических событий, явлений, а также научных теорий, течений и др. не следует ограничиваться перечнем чисто формальных признаков (указание времени, места и т. д.), а дать в лаконичной форме политическую оценку события, подчеркнуть его социальное содержание, результаты и историческое значение.

Дефиниция, как правило, составляет одну фразу, началом которой служит название статьи, отделяемое от дефиниции знаком тире (или запятой). В тех случаях, когда содержание определения одной фразой нельзя передать, вторая фраза отделяется от первой точкой с запятой. Часто целесообразно включать в дефиницию поясняющие сведения, факты или примеры; как правило, они приводятся в скобках.

Атеизм — последовательное материалистическое воззрение, отвергающее религию, т. е. веру в сверхъестественное (в существование богов, духов, оккультных сил, загробного мира и бессмертия души).

Определение не должно представлять собой логически замкнутый круг, или тавтологию. Например, нельзя определять «Бригаду производственную» как «Производственную бригаду». В этом случае дефиниция может быть составлена так: «Бригада производственная, объединяющая группу рабочих, обслуживающих один или несколько агрегатов или выполняющих определенный комплекс работ» [2].

Нежелательно включать в определение термина ссылки на другие статьи. Ссылки здесь целесообразны лишь в тех случаях, когда без них нельзя достаточно полно определить понятие или если они наталкивают читателя на более углубленное рассмотрение сущности данного понятия или явления.

Примеры:

Католицизм — одно из главных (наряду с православием и протестантизмом) направление в *христианстве* [3].

Неправильно построенными следует признать определения, включающие в себя слова «обозначение» или «название».

Например:

Неправильно	Правильно
Аншлюсс — принятое в литературе обозначение насильственного присоединения Австрии к Германии.	Аншлюсс — политика захвата Австрии, проводившаяся германским империализмом после 1-й мировой войны, особенно со времени установления в Германии в 1933 г. фашистской диктатуры.

[1] Малая советская энциклопедия, т. 4, стлб. 1031.
[2] Энциклопедический словарь в 2-х т., т. 1, с. 145.
[3] Малая советская энциклопедия, т. 4, стлб. 629.

Ошибка состоит в том, что в первом примере определяется значение термина (или названия), тогда как нужно раскрыть сущность самого понятия (или явления).

Не все энциклопедические статьи нуждаются в дефинициях. В печати, например, справедливо критиковались некоторые статьи Краткой энциклопедии домашнего хозяйства за включение таких определений, как: «баранина — мясо овец и баранов», «бритье — временное удаление волос» и т. п.

Этимологические справки, т. е. справки о происхождении слова, даются к словам (терминам), составляющим названия статей и представляющим собой явные заимствования из иностранных языков. Они обязательны по отношению к словам, входящим в заглавия, за исключением биологических терминов, обозначающих виды, роды, классы, семейства и т. д., а также названий химических соединений и медицинских препаратов. Этимологические справки имеют целью содействовать раскрытию содержания термина. В справке указывается язык и то слово, которое является родоначальником термина.

Система ссылок

Одна из существенных особенностей энциклопедии — тесная взаимосвязь статей, особенно принадлежащих к тематическим циклам. Для того чтобы свести в единое органическое целое огромный и разнообразный материал, используется система ссылок.

Система ссылок помогает читателю найти интересующие его статьи, полнее и с наименьшей затратой времени ознакомиться с изучаемым вопросом. Кроме того, она позволяет избежать многократного повторения одного и того же материала в разных статьях; таким образом сокращается объем, экономятся знаки, столь драгоценные для справочного издания.

Ссылки даются главным образом на статьи об основных терминах, раскрывающих существо понятия, и на статьи, содержащие большой информационный материал. Они делятся на специальные ссылочные статьи и внутритекстовые ссылки.

Ссылочные статьи, в свою очередь, бывают двух родов: без пояснений и развернутые.

Ссылочная статья без пояснения состоит, как правило, из термина, от которого дается ссылка, и термина, к которому отсылают читателя.

Примеры:

ВТО — см. *Всероссийское театральное общество* (в данном случае ссылка раскрывает аббревиатуру термина);

Горная болезнь — то же, что *высотная болезнь* (оба термина тождественны по смыслу);

Местные советы — см. *Советы* (ссылка от частного понятия к более общему);

Запорожская Сечь — см. *Сечь Запорожская* (здесь дана так называемая обратная ссылка для того, чтобы читателю было легче найти интересующую его статью).

Развернутой ссылкой называется ссылочная статья, в которой после термина (названия) дается краткое определение или пояснение данного термина, а затем — ссылка на статью, где можно найти более подробные сведения:

Акмолинск — прежнее (до 1961 г.) название г. *Целинограда.*

Развернутая ссылочная статья (но очень краткая) дается и в тех случаях, когда одно лишь название статьи без пояснения непонятно читателю:

Аймаки — группа народностей в Афганистане, см. *Чаар-аймаки.* (Здесь нежелательна «голая» ссылка: Аймаки — см. *Чаар-аймаки*).

Внутритекстовые ссылки имеют справочно-рекомендательный характер. Они даются в тех случаях, когда целесообразно для выяснения вопроса в целом или в его частностях отослать читателя к другим статьям энциклопедии. Как правило, ссылка в тексте на одну и ту же статью должна даваться один раз при ее первом упоминании.

Применяются эти ссылки в различных случаях. Во-первых, в статьях общего, обзорного характера даются ссылки на статьи, раскрывающие отдельные частные, но важные вопросы, тесно связанные с данной темой. Как пример рассмотрим систему ссылок в статье «Вторая мировая война 1939—1945 гг.» в МСЭ (т. II, с. 672—683). Здесь раскрыты причины, обусловившие эту войну, дана краткая характеристика предшествовавшего ей периода, освещены ее основные этапы; подчеркнуто историческое значение победы антифашистской коалиции, решающей силой которой явился Советский Союз. Авторы и редакторы, применив внутритекстовые ссылки, увязали данную статью с другими, имеющими непосредственное отношение к рассматриваемой теме. Например, даны ссылки на статьи «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.», «Движение сопротивления», «Пражское восстание 1945 г.» и др.; на статьи, относящиеся к проблемам международных отношений: «Мюнхенское соглашение 1938 г.», «Советско-германский договор 1939 г.», «Тегеранская конференция 1943 г.», «Крымская конференция 1945 г.», «Берлинская конференция 1945 г.». Имеются также ссылки на статьи военного комплекса: «Курская битва 1943 г.», «Арденнская операция 1944 г.», «Берлинская операция 1945 г.» и др., содержащие необходимые сведения о крупнейших сражениях и операциях, имевших место в ходе второй мировой войны.

Во-вторых, в статьях частного, специального характера даются ссылки на основные, общие статьи по данной теме. Например, в статьях «Генеральные штаты», «Якобинская диктатура» МСЭ есть ссылки на статью «Французская буржуазная революция конца XVIII в.»; в статьях «Аэродинамика», «Гидродинамика», «Гидростатика» — на статью «Гидромеханика»; в статье

«Автобус — на статью «Автомобиль», «Автомобильный транспорт»[1].

В третьих, даются ссылки на статью смежной тематики. Например, в этнографической статье «Украинцы» можно сослаться на статью по языкознанию «Украинский язык», в экономической статье «Электрификация» — на техническую статью «Турбостроение» и т. п.

Автор и редактор при подготовке статей внимательно следят за тем, чтобы ссылки были оправданы, не носили случайный характер. Для этого уже при заказе статьи редактор должен ознакомить автора со словником данного раздела науки, техники или искусства и со словниками смежных дисциплин. Вместе с автором редактор определяет и статьи, на которые следует дать ссылки. Так, например, при заказе статьи «Самолет» редактор сообщает автору, что в издании предусмотрены такие слова, как «Авиация», «Авиационная промышленность», «Фюзеляж» и др. Особую осторожность следует соблюдать, когда возникает необходимость дать ссылку на статьи еще не вышедших томов: редактор при этом должен быть уверен в том, что термин, на который дается ссылка, не будет в дальнейшем исключен из словника, что содержание будущей статьи явится дополнением к теме, что ссылка будет оправдана. Следует помнить, что обилие ссылок в тексте статьи нежелательно, так как это отвлекает внимание читателя. Поэтому система ссылок должна быть тщательно продумана и соответствующим образом регламентирована.

Справочность статей. Точность помещаемых сведений

Высокая плотность информации, обилие фактического, в том числе и статистического, материала — важные критерии научного уровня энциклопедии.

При отборе фактического материала редактор учитывает его актуальность, соответствие современному уровню изучения данного вопроса, основательность приводимых выводов и обобщений. Не следует помещать фактические данные, носящие случайный характер, перегружать статьи «фактами ради фактов», особенно быстро

[1] Существует мнение, что с учетом системы ссылок возможно положить в основу составления словника следующий принцип. В какой-либо отрасли науки, искусства или техники определяются циклы с «генеральными» (ведущими) статьями, которые нужно раскрывать развернуто, выделяя для них максимальное количество знаков; все остальные статьи каждого из намеченных циклов должны иметь небольшие размеры и по существу представлять собой расширенные определения. Например, статьи о музыкальных инструментах — «скрипка», «пианино» и т. п. — должны быть предельно сжаты и содержать ссылки на одну большую статью «Музыкальные инструменты». Однако это предложение, на первый взгляд заманчивое, привело бы к тому, что многие статьи достигли бы размеров монографии. Между тем читателя может интересовать не вся проблема в целом, а справка по конкретному вопросу, которую легче найти именно в отдельных, относительно небольших статьях, посвященных более узким разделам науки, искусства, техники. Поэтому правильнее, на наш взгляд, сочетание на страницах энциклопедии крупных, средних и небольших по объему статей, что позволяет добиться стройности в композиции всего материала.

устаревающими. Энциклопедия выпускается на длительное время и лишь тот фактический ее материал имеет большую стабильность, который помогает раскрыть описываемые явления в историческом плане, указывает важнейшие тенденции и перспективы развития.

Статьи энциклопедии, для которых разработаны типовые схемы, должны как минимум содержать справочные сведения в объеме, запланированном этими схемами. Для других статей, по которым авторами и редакторами составляются отдельные планы, также предусматривается определенный минимум справочных сведений. В статьи о вопросах науки и техники, об отраслях экономики, о праве и важнейших правовых институтах, о жанрах и видах литературы и искусства наряду с достаточно подробными характеристиками их состояния в СССР помещают сведения и о зарубежных странах.

Статистические сведения целесообразно приводить в динамике (в сравнении с прошлыми периодами). Данные, относящиеся к одному явлению, трактуемому в разных частях одной статьи или в нескольких взаимосвязанных статьях (например, сведения о населении какого-либо города в статье о стране и в статье о самом городе), должны быть идентичны. Во всех случаях расхождений нужно сообщать читателю причины их появления (разные методы учета, использование более поздних или уточненных данных, окончательных вместо предварительных и т. д.). Если возникает необходимость поместить в статье предварительные данные — об этом желательно сделать оговорку; если же приводятся уточненные сведения, отличающиеся от приведенных в ранее вышедших томах, то это также поясняется: «по последним данным», «по уточненным данным» и т. п. Приводимые факты или цифры датируются. Не рекомендуется писать: «В настоящее время», «В последнее время», «В последние годы» и т. п.

В зависимости от профиля энциклопедии меняется характер информации. Авторы и редакторы Советской исторической энциклопедии стремятся поместить, например, наиболее важный, характерный для рассматриваемой тематики материал, а также максимально расширяют научно-вспомогательный аппарат (историографические и библиографические разделы, хронологические и статистические таблицы, дробная рубрикация в крупных статьях и др.).

Так, историографические разделы имеются в большинстве крупных статей. Здесь освещается вклад в разработку основных проблем исторической науки дореволюционных и советских исследователей, историков зарубежных стран; в необходимых случаях содержится критика буржуазных фальсификаторов истории. Например, в статье «Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР 1918—1920 гг.», объемом 185 тыс. знаков, историографический очерк занимает около 20 тыс. знаков. Он делится на три части: советская историография, белоэмигрантская литература, зарубежная литература. Заметно расширены в СИЭ

и библиографические материалы, которые приводятся почти ко всем статьям и составляют 8—10% объема всего текста.

Хронологические таблицы тесно связаны с основным текстом. Особенно богаты табличным материалом статьи о советских республиках и зарубежных государствах.

Ценные справочные сведения сконцентрированы в развернутых приложениях к крупным статьям. Например, в приложении к статье «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.» помещены данные о важнейших операциях Вооруженных Сил СССР в период этой войны; к статье «Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР 1918—1920 гг.», — список основных фронтов и армий, фамилии командующих, членов Реввоенсоветов. К статье «Красная площадь» — список лиц, похороненных у Кремлевской стены и краткие биографические сведения о них.

К энциклопедическим статьям читатель обращается как к самым авторитетным источникам; именно здесь он надеется получить наиболее точный ответ на интересующие его конкретные вопросы. Поэтому ответственность редакторов энциклопедий за достоверность фактических сведений неизмеримо больше, чем в других изданиях. Редактор здесь не может ограничиваться лишь проверкой приводимых автором данных по источникам, указанным на полях рукописи: нужно удостовериться в авторитетности этих источников.

В универсальной энциклопедии многие даты, исторические события, данные биографического характера, статистико-экономические показатели и другие фактические сведения встречаются и в статьях одной редакции и в статьях смежных редакций. Только большая организационно-методическая работа позволяет избежать возможные расхождения однородного материала.

Многочисленные факты расхождений вызываются по крайней мере двумя причинами. Первая причина — объективная — связана с общим положением в мире научной информации. Хорошо известно, что лавина книг и журналов, обрушившаяся на ученых и специалистов, несет с собой тысячи и тысячи новых фактов, уточнений, новых оценок и характеристик. Естественно, что авторы энциклопедий — специалисты в

Дата рождения Колумба в ряде зарубежных энциклопедий

Новая венгерская энциклопедия	Британская энциклопедия	Большой Брокгауз	Большой Ларусс	Американа	Эспаса	Итальяна
1446—1447 гг.	1446—1451 гг.	25/VIII—31/X—1451 г.	Конец 1450 или 1451 г.	«Вероятно», 1451 г.	25/VIII—31/X—1451 г.	26/VIII—31/X—1451 г.

области отдельных научных дисциплин — стремятся оснастить статьи новейшими сведениями. Обилие и разнообразие литературных источников, которыми пользуются авторы, не может не вызвать появления разночтений. Редактор не должен слепо верить автору, на какие бы авторитетные источники он не ссылался.

Вот пример[1] разночтения в энциклопедиях (см. табл. на стр. 158).

Вторая причина — субъективная. Она связана с недостаточно налаженной работой службы проверки и сопоставления. Тормозит ее работу, в частности, отсутствие соответствующих картотек (например, персоналий). Желательна систематическая регистрация случаев, когда при выявлении разночтений принимались решения, обязательные для всех редакций. Подобная фиксация способствовала бы устранению многих расхождений.

Опыт свидетельствует о целесообразности выделения специальных работников для проведения систематического сравнительного анализа родственных статей. В издательстве «Советская энциклопедия», например, этим занимается группа сопоставления.

Сопоставление — необычайно важная часть нелегкого энциклопедического редакторского труда. Но, к сожалению, встречается еще немало случаев, когда ненужные повторения и недопустимые расхождения обнаруживаются в вышедших изданиях в узкой тематике, в однородном материале одной и той же редакции и даже одного и того же редактора.

Библиография и цитаты

По далеко не полным данным, во всем мире напечатано свыше 50 млн. книг. Это число ежегодно увеличивается на четверть миллиона изданий (считая лишь книги объемом не менее 40 страниц). В Советском Союзе только в 1970 г. было выпущено ок. 79 тыс. названий книг и брошюр, свыше 7 тыс. названий газет.

С выходом каждой новой книги возрастает значение библиографической информации. Поэтому научному аппарату справочных изданий, его важнейшему элементу — библиографии — надо уделять особое внимание. В первую очередь это относится к энциклопедиям. Они принадлежат к наиболее часто используемым фондам справочной литературы, в частности, потому, что содержат библиографические сведения. Именно здесь, в общих и отраслевых энциклопедиях, читатель может получить начальную библиографическую информацию об основной литературе по интересующему его вопросу. Кроме того, правильно подобранные библиографические материалы помогают читателю ориентироваться в имеющихся книгах по данной теме, составить представление о ее разработанности, основных направлениях ее изучения. «Библиография становится все более обязательным элементом разного рода небиблиографических изданий. Прежде всего это относится, конечно, к справочным изданиям. В энциклопедиях, биографических и других словарях библиография стала уже давно совершенно необходимой. Ее объем

---

[1] Из кн.: Гудовщикова И. В. Общие зарубежные энциклопедии. Л., 1963.

и характер являются существенным моментом для оценки научного значения подобного рода изданий.»[1]

Характер и объем библиографии в каждой статье устанавливается в зависимости от профиля энциклопедического издания. Возможны случаи, когда в ряде статей, не имеющих библиографии, нужно дать ссылки на статьи той же тематики, сопровождаемые пристатейными списками литературы. Ошибочен формальный принцип, при котором указатели литературы даются только к большим статьям. Иногда весьма целесообразно дать библиографию к небольшой, но имеющей принципиальное значение статье. Вместе с тем вряд ли нужно становиться и на путь, который избрала редакция Энциклопедического музыкального словаря, поместив в ряде статей (например, «Гете И.-В. и музыка», «Лермонтов М. Ю. и музыка», «Пушкин А. С. и музыка» и др.) одни лишь библиографические сведения. Одна из этих статей выглядит так:

Лермонтов М. Ю. и музыка. См.: Каратыгин В. Г. М. Ю. Лермонтов и музыка, «Современник», 1914, октябрь; Булич С., М. Ю. Лермонтов и русская музыка, в кн.: Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. 5, ...

Далее следуют аналогичные библиографические сведения[2].

Как правило, библиография приводится в конце статьи (пристатейная библиография). Внутритекстовая библиография обычно встречается в биографических статьях при характеристике творчества писателей, деятелей науки и искусства, а также в статьях о периодических изданиях; кроме того, она дополняет обзорные статьи об отдельных теориях, проблемах и т. д.

Библиография в универсальной энциклопедии должна содержать наиболее ценную литературу, позволяющую расширить и углубить знания по освещаемым вопросам. В нее включаются произведения классиков марксизма-ленинизма; документы КПСС и Советского государства; документы коммунистических и рабочих партий, прогрессивных политических деятелей зарубежных стран; источники (сборники архивных документов, законодательных и дипломатических актов и другая документальная литература); произведения деятелей общественно-политической жизни, литературы и искусства; научные исследования комплексного и монографического характера; сборники статей, обзоры и отдельные работы по конкретным вопросам науки; основные учебники и учебные пособия для высших (иногда также средних специальных) учебных заведений; научно-популярная литература; справочные и энциклопедические издания; в отдельных случаях — журнальные статьи и авторефераты диссертаций; библиографические указатели и списки.

В пристатейной библиографии наряду с литературой на русском языке приводится литература на языках народов СССР и на иностранных языках. Если имеется полноценный русский перевод

---

[1] Симон К. Р. Общая иностранная библиография. М., 1941, с. 42.
[2] Энциклопедический музыкальный словарь. М., 1959, с. 130.

иноязычной работы, то сообщается этот перевод, а не издание на языке оригинала. Иногда как исключение называются работы и на языке оригинала, и в русском переводе (например, в библиографии к статье о Шекспире приведены лучшее собрание его сочинений на английском языке и лучшее собрание сочинений в русском переводе).

В библиографию включается, как правило, литература, имеющаяся в библиотеках СССР. Издания уникальные сообщаются лишь в исключительных случаях, предпочтительно — в тексте статьи.

В библиографических описаниях должны быть указания на имеющуюся в книгах библиографию; библиографические указатели нужно выделять из общего списка рекомендуемой литературы. В этом направлении значительная работа проведена при выпуске Большой медицинской энциклопедии. Здесь в наиболее обширных списках литературы материал, как правило, систематизирован; кроме того (что особенно важно), в описываемых источниках отмечено наличие внутрикнижной и пристатейной библиографии; должное внимание уделено рекомендации библиографических указателей.

При выпуске крупных научно-справочных изданий обычно создается своего рода библиографический центр — специальная редакция библиографии. Эта редакция совместно с отраслевыми научными редакциями составляет специальную инструкцию для данного энциклопедического издания, в которой находят отражение принципы отбора, расположения и оформления пристатейной и внутритекстовой библиографии.

Библиографию представляет автор, редактируется она в отраслевой редакции. Редакция библиографии, в свою очередь, проверяет все указываемые перечни, организует рецензирование библиографии специалистами-консультантами, рекомендует редакторам дополнительную литературу (новейшие издания и др.), снимает устаревшую, оформляет описание литературы в соответствии с принятым стандартом. Проверку библиографического материала желательно производить путем непосредственного ознакомления с книгой (de visu); при отсутствии последней — по двум достоверным библиографическим источникам (государственные национальные библиографии, каталоги крупнейших библиотек, например, Публичной библиотеки им. М. С. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве). Редакция библиографии ведет свою работу по рукописям статей и для контроля получает корректуру.

Цитаты в энциклопедических статьях приводятся в тех случаях, когда они имеют принципиальное научное и политическое значение и повышают справочную ценность статьи. Цитируются в основном произведения основоположников марксизма-ленинизма; решения и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР; конституции СССР, союзных и автономных республик, зарубежных стран; действующие в СССР кодексы законов, тексты международных

договоров, соглашений и конвенций; произведения классиков науки и художественной литературы и др.

Стандарт оформления цитат в энциклопедических изданиях в основном совпадает с правилами цитирования, принятыми для других видов литературы. Соблюдается принцип соответствия цитируемого текста контексту статьи. Для цитирования берется такой отрывок из источника, который содержит логически ясную, законченную мысль; цитировать же часть фразы или отдельные слова следует с большой осторожностью, чтобы не исказить смыслового значения цитируемых слов или частей фразы. Цитаты, приводимые в тексте статей, снабжаются точной ссылкой на источник, указываемый не в виде сноски, а сразу после цитаты.

Иллюстрирование

Иллюстрирование в справочных изданиях — одно из существенных средств обогащения их познавательными сведениями. Тщательно подобранная иллюстрация позволяет существенно сократить текст статьи. В то же время хорошо выполненные иллюстрации — важный элемент художественно-полиграфического оформления книги, отнюдь не преследующий в справочном издании целей украшательства [1].

Необходимое требование к иллюстрированию — органичная и логическая связь иллюстрации с содержанием текста. При выпуске энциклопедии целесообразно уже к моменту утверждения словников иметь предварительные планы иллюстрирования отдельных групп статей. Этого можно достичь, если разработка тематических словников, типовых статей и составление ориентировочного плана иллюстрирования ведутся редакторами в тесной взаимосвязи.

Распределяя между научными редакциями лимит статей и знаков, целесообразно одновременно уточнить лимиты иллюстраций. Определяющими принципами установления количества иллюстраций и их размеров по отраслям знания служат профиль издания, средние размеры статей, характер и задачи иллюстрирования материалов различных областей науки, техники, искусства.

Так, например, во втором издании БСЭ в тексте и на вклейках было помещено около 42 тыс. иллюстраций универсального характера (в среднем на том приходилось 507 текстовых иллюстраций, 52 портрета и 260 иллюстраций на 40 вклейках).

Обилие иллюстраций, разносторонность их тематики, большое число авторов и редакторов, участвующих в подготовке иллюстративного материала, все это обусловливает необходимость составления специальных методических указаний, содержащих сведения о количестве иллюстраций (для разных групп статей), о средних допускаемых размерах и др.

---

[1] В издании, рассчитанном на практическое применение, иллюстрации (фото, чертеж, рисунок и т. п.) имеют исключительно важное значение, иногда не меньшее, чем текст (см. «Инструкцию для авторов энциклопедического справочника «Машиностроение», М., 1944).

Обычно указываются и виды иллюстраций. Так, для универсальных энциклопедий были приняты следующие виды:

а) фотоснимки (портреты, пейзажи, различные сооружения, изображения животных, растений и т. п.); б) репродукции произведений искусства (картины, произведения графики, скульптура, архитектурные сооружения, предметы прикладного искусства и др.); в) чертежи и схемы, иллюстрирующие те или иные положения естественных наук (математических, астрономических, физических, химических, биологических и др.); г) чертежи и схемы, характеризующие принципы действия и устройства различного рода технических объектов (машин, станков, приборов, предметов вооружения, инженерных сооружений), а также производственные технологические процессы. Этого рода иллюстрации сопровождаются максимальным количеством цифровых данных, расчетных сведений. Графическое изображение здесь призвано способствовать усвоению приведенных в тексте статей теоретических положений, формул и т. п.; д) графики и диаграммы, отражающие процессы экономической жизни, изменение численности и состава населения, развитие отдельных отраслей культуры и т. п.; е) схемы, иллюстрирующие исторические и военно-исторические статьи.

Размеры текстовых иллюстраций устанавливаются в соответствии с их характером и значением. Так, в МСЭ допускаемые размеры (по ширине текстового набора) определялись в $^1/_3$ колонки, $^1/_2$ колонки, 1 колонку, $1^1/_2$ колонки и в 2 колонки; стандартный размер портретов — $3{,}3 \times 4{,}4$ см. Для третьего издания БСЭ, в связи с переходом на трехколонную верстку, допускаемые размеры текстовых иллюстраций установлены: на 1 колонку, на 2 колонки, на 3 колонки (т. е. в ширину всей полосы); стандартный размер портретов $2{,}6 \times 3{,}5$ см. Допускается помещение на полосе 6—10, а иногда и большего количества иллюстраций (во втором издании БСЭ на полосе размещалось 1, 2 и 4; лишь иногда 6 или 8 иллюстраций).

Для экономии места в энциклопедических изданиях рационально объединение на одной полосе иллюстрационного материала к нескольким статьям, использование ссылок в тех случаях, когда помещенная иллюстрация имеет отношение также и к другим темам. Редакторам рекомендуется применять комплексное иллюстрирование (таблицами) основных статей того или иного цикла, с тем чтобы в других статьях этого цикла давать ссылки на отдельные рисунки, помещенные в таблицах.

Подписи к иллюстрациям составляются с таким расчетом, чтобы читатель мог пользоваться изобразительным материалом, не обращаясь при этом к тексту статей. Они должны быть лаконичны и единообразно оформлены. Если в статье несколько рисунков, они обязательно нумеруются. Когда на рисунке имеются цифровые или буквенные обозначения (например, деталей машин), объяснение их содержится в подписи к рисунку и только в виде исключения — в тексте статьи. Подписями снабжаются все

иллюстрации; исключение составляют фотографические портреты в тексте биографических статей, а также рисунки к небольшим статьям, названия которых совпадают с изображением.

Типовое иллюстрирование статей. Опыт издания универсальных энциклопедий показал целесообразность разработки примерного иллюстрирования возможно более широкого круга различных групп статей. Так, в третьем издании БСЭ для этих целей выделено около 20 групп, объединяющих статьи о республиках СССР, зарубежных государствах, об отраслях экономики, о пластических искусствах, статьи по технике, биологии и др.

В группе статей по биологии, например, планируется типовое иллюстрирование статей о биологическом явлении, о ткани или клеточной структуре растений и животных, о важнейших физиологических системах, о виде животного, об органе растения и т. п. Разработаны также указания о виде иллюстрирования и общем количестве рисунков. Например: статья о роде растения иллюстрируется рисунком: общий вид типичного представителя рода, а в некоторых случаях — и рисунком цветка или другого органа (1—3 рисунка, возможна цветная вклейка); статьи о важнейших физиологических системах иллюстрируются их схемой и рисунками органов и тканей (растений, животных, человека) — 2—3 рисунка.

Сравнительно широко предусмотрено иллюстрирование статей о республиках, краях и областях СССР. Примерное количество иллюстраций: к статьям о союзных республиках — 3 вклейки (30—40 иллюстраций) и 30—35 иллюстраций в тексте; к статьям об автономных республиках, краях и крупных областях — 1 вклейка (8—12 иллюстраций) и 6—10 иллюстраций в тексте.

Картографический материал

Текст энциклопедии дополняют также карты и схемы, точно согласованные с текстом статей и отвечающие задачам справочного издания. Их строят по типу карт-атласов: на максимально насыщенной картографической основе, не затрудняющей, однако, условий восприятия отдельных элементов, с тщательно выполненными условными знаками и шрифтами надписей (названий), с художественно подобранной окраской фонов (цветные карты).

Карты и схемы по содержанию и оформлению подразделяют на несколько типов. Все однотипные карты создают по единому плану (программе) и в определенных стандартных условных знаках. В зависимости от назначения и характера содержания карты заверстывают в текст или помещают на вклейках (цветные). В универсальных энциклопедиях помещаются общегеографические карты (государств, республик, краев и областей СССР, важнейших физико-географических объектов, планы и схемы городов) и специальные (карты природных явлений, социально-экономические карты, карты культуры).

Каждая карта, как правило, предназначена для иллюстрирования одной статьи (или раздела статьи), одной проблемы; напри-

мер, общегеографические карты дают к статьям о Земле в целом, о материках, океанах, важнейших государствах, географических и административных областях, а специальные (по истории, геологии, биологии и т. д.) — к статьям, отражающим определенное общественное событие или процесс (например, народное движение, вооруженное восстание, войну, сражение, рост экономики страны за определенный период) или какой-либо процесс или явление природы (например, приливы и отливы, распространение какого-либо зоологического или ботанического вида). Транскрипция географических наименований на картах устанавливается в соответствии с принципами, разработанными Главным управлением геодезии и картографии (ГУГК).

Для подготовки иллюстраций и карт в энциклопедических издательствах, как правило, создаются специальные отделы, работающие в непосредственном контакте с отраслевыми научными редакторами.

Транскрипции иностранных наименований

На страницах справочных изданий, особенно энциклопедий, можно встретить множество иностранных фамилий, имен, географических наименований, названий газет, журналов, информационных агентств, издательств, научных обществ и учреждений; в тексте статей помещаются также иностранные названия произведений искусств, заглавия литературных или научных трудов, наименования политических, общественных и иных организаций. Как правило, они даются в русской транскрипции с учетом традиционности.

Задача транскрипционной службы в энциклопедии — проверка русского и оригинального написания иностранных имен и названий в словниках, статьях, на картах, в подписях к иллюстрациям, установление и соблюдение единообразия в их написании. Это — одно из необходимых требований энциклопедической унификации [1].

Транскрипция производится по фонетическому принципу, т. е. средствами русского алфавита передается возможно более точное произношение иноязычного наименования.

Для справочных целей после названий статей о деятелях, писателях, географических объектах, периодических изданиях, агентствах и т. п. рекомендуется приводить в скобках оригинальное написание наименования на языке соответствующего народа СССР или на иностранном (эта рекомендация относится к языкам, пользующимся латинской или славянской графикой). В слу-

[1] При обилии подобного материала создается специальная группа транскрипции. Основными документами в работе такой группы в издательстве «Советская энциклопедия» служат инструкции по транскрипции иноязычных названий, разрабатываемые ГУГК и распространяемые в «Советской энциклопедии» не только на географические названия, но и на все прочие иноязычные наименования. Все изменения, внесенные группой транскрипции в текст статей, согласовываются с соответствующей отраслевой редакцией.

чаях, если название статьи дается в традиционной форме, в скобках то же наименование приводится в фонетической форме, с указанием «правильнее». Например: Гудзон (правильнее Хадсон).

Иногда в отраслевых редакциях обнаруживаются статьи на одну и ту же тему, идущие под разными названиями. Так, об одном и том же английском писателе Bunyan (Беньян) в рукописи первого тома Краткой литературной энциклопедии появились статьи под названием «Бениан» и «Бэньян». Для того чтобы избежать подобного дублирования, на стадии подготовки словника необходима проверка всех наименований, подлежащих транскрипции.

Наиболее часты случаи разного написания иноязычных наименований в текстах статей смежных редакций. Поэтому на каждое название желательно заводить карточку с установленным написанием и с указанием источников проверки.

Технико-орфографическое оформление статей

Под технико-орфографическим оформлением энциклопедических статей понимается соблюдение орфографических правил, обязательных для всех изданий, выходящих в СССР; соблюдение специальных правил, установленных для данного издания; использование типографских средств (шрифты текстовые и заголовочные, абзацы, табличные линейки и многие другие) в соответствии с установленной спецификацией технического оформления издания. Для энциклопедий эти вопросы имеют важное значение.

В материалах, подготовленных различными редакциями, часто употребляются одни и те же термины (имена деятелей, названия учреждений, партий, документов и т. д.). Максимальная унификация их при оформлении текстового, иллюстративного и картографического материала позволяет избежать разнобоя, затрудняющего пользование справочным изданием.

В общих для всего подготавливаемого энциклопедического издания методических указаниях с этой целью предусматриваются единые правила употребления аббревиатур, оформления хронологических таблиц, склонения географических названий, употребления прописных и строчных букв при написании археологических терминов, архитектурных памятников, династий и т. д. В методических указаниях могут содержаться также названия (и общеупотребительные их сокращения) коммунистических и рабочих партий, важнейших учреждений СССР и международных организаций, некоторые географические названия.

В энциклопедической литературе широко применяется система сокращений и условных обозначений. Она позволяет провести необходимую унификацию текстового, иллюстративного и картографического материалов, и, кроме того,— достигнуть значительной экономии места без ущерба для смыслового содержания материала. Элементами такой системы являются общепринятые в русском языке сокращения слов и выражений, условные обозна-

чения единиц измерения, распространенные сокращения учреждений и организаций, условные обозначения, принятые для специальных карт и схем.

Основная часть системы сокращений — условные сокращения часто встречающихся слов, принятые для данного издания. Практика подготовки энциклопедий свидетельствует о том, что можно значительно расширить систему условных сокращений. Так, список сокращений и условных обозначений для второго издания БСЭ (1955 г.) включал 275 терминов, для третьего издания МСЭ (1957 г.) — 655 терминов, а для третьего издания БСЭ (1969 г.) — 740 терминов.

Допускается также отсечение в прилагательных и причастиях окончаний, включая суффиксы: «енный», «ионный», «ующий», «еский», «ельный» и др. (например: «естеств.», «экспедиц.», «господств.», «экономич.», «значит.» и др.).

Правила технико-орфографического оформления, принятые для выпускаемого издания, изучаются всем редакционным аппаратом, начиная с ведущих редакторов и кончая корректорами, так как работа по унификации проводится на всех этапах.

Рецензирование, смежное чтение и общественное обсуждение

Составители энциклопедического издания стремятся отразить последние достижения и открытия в различных отраслях науки, техники и культуры. С этой целью полезно организовать просмотр статей специалистами как данной отрасли знания, так и смежных дисциплин. Рецензирование, смежное чтение и обсуждение статей проводятся, как правило, после предварительного редактирования рукописи ведущим научным редактором.

Внешнее рецензирование статей энциклопедии не отличается по-существу от рецензирования любых других видов литературы, и поэтому нет надобности останавливаться на нем. Целесообразность такого рецензирования в каждом случае определяет заведующий отраслевой научной редакцией по согласованию с редактором, ведущим статью.

В практике подготовки энциклопедии определились некоторые формы внутрииздательской апробации статей, тесно связанные со спецификой редактирования этого вида справочной литературы. К ним относится взаимное чтение и визирование значительного числа статей, подготовленных отраслевыми редакторами (так называемое смежное, или перекрестное, чтение), — своеобразное внутреннее рецензирование. Редакторы согласовывают полученные от своих коллег замечания с авторами так же, как при учете предложений внештатных рецензентов.

Смежное чтение планируется и фиксируется при утверждении общего алфавитного словника очередного тома, а контролируется — по мере сдачи статей редакциями на комплектование рукописи тома. Такое чтение по заранее утвержденному плану

могут вести, например, редакции истории и философии, техники и экономики, физики и химии, литературы и театра, биологии и сельского хозяйства. Взаимное чтение и визирование статей целиком себя оправдывает, во-первых, потому, что оно ведется специалистами смежных дисциплин и, таким образом, позволяет получить квалифицированные замечания по существу содержания статей. Во-вторых, смежное чтение выявляет различные точки зрения по одному и тому же вопросу и позволяет своевременно принять решение (с участием заинтересованных редакций), устраняющее принципиальные расхождения. В-третьих, при перекрестном чтении уточняются формулировки, оценки, ликвидируются повторения, проверяется оправданность ссылок и, что очень важно, ликвидируется разнобой в справочном, фактическом материале. Положительным является также и то, что такое чтение проводится редакторами, имеющими навык энциклопедической работы и учитывающими все особенности подготовки статей (их объем, методическое построение и др.).

При одновременном выпуске издательством нескольких отраслевых энциклопедий организовать смежное чтение сложнее. Это объясняется, с одной стороны, тем, что резко увеличивается число статей, требующих такого чтения. С другой стороны, статьи отраслевых энциклопедий находятся на различных этапах редакционной подготовки. Но несмотря на большие организационные трудности, смежное чтение крайне полезно проводить и в таких условиях; иначе неизбежны расхождения как оценочного, так и фактического порядка.

Например, в статье «Антропогенез» в первом томе Советской исторической энциклопедии указано, что учение об антропогенезе составляет особый раздел науки о человеке — антропологии, тогда как в статье под таким же названием в первом томе Философской энциклопедии подчеркивается, что термином «Антропогенез» часто, но неправильно обозначают раздел антропологии. Если бы эти статьи были взаимно просмотрены исторической и философской редакциями, удалось бы избежать разной оценки.

Но что делать, если по этому вопросу ученые придерживаются различных точек зрения? В подобном случае обе редакции могли сделать соответствующие оговорки в тексте статей. Такой метод подачи материала вполне закономерен и встречается на страницах энциклопедий.

Важная форма улучшения качества энциклопедических материалов — общественное обсуждение крупных и сложных статей, а также статей, имеющих принципиальный характер. Какие статьи нуждаются в общественном обсуждении,— решает главная редакция еще при утверждении словника. Их готовят по опережающему графику, предусматривающему размножение подготовленного варианта статьи, рассылку экземпляров в соответствующие ведущие научные и общественные учреждения, получение отзывов и учет замечаний. В зависимости от тематики возможны внутриредакционное обсуждение статей, а также межредакционный обмен

мнениями. Во всех случаях желательно участие автора. Как показывает практика, очень полезны межредакционные обсуждения циклов, т. е. связанных единой проблемой, близких по тематике групп статей смежных редакций. Предложения, выдвинутые при обсуждении, помогают улучшить структуру отдельных статей, добиться их органической связи и т. п. При издании энциклопедий подобная форма рассмотрения материалов с участием широкого круга редакторов приносит действенную помощь редакторам, ведущим статьи, и пользуется признанием у авторов.

4. РЕДАКТИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ СТАТЕЙ, ЦИКЛОВ СТАТЕЙ, СКОМПЛЕКТОВАННОГО ТОМА

Комплексные статьи

Как уже отмечалось, одно из основных требований, предъявляемых к энциклопедии,— всестороннее освещение рассматриваемых явлений, понятий, предметов и т. п. Очень часто тема статьи охватывает большой круг вопросов, компетентно изложить которые могут лишь специалисты различных научных дисциплин.

Для обеспечения принципа всестороннего рассмотрения многозначных, емких по содержанию терминов при утверждении словника и выделяются комплексные статьи, т. е. статьи, состоящие из нескольких частей (разделов), подготавливаемых разными отраслевыми научными редакциями. При этом назначается ведущая (курирующая) редакция, в которую направляются (после предварительного редактирования) соответствующие разделы статьи.

Все комплексные статьи разделяются на две основные группы:

а) крупные комплексные статьи, в создании которых участвуют многие отраслевые редакции. К этой группе относятся статьи о союзных и автономных советских социалистических республиках; о зарубежных государствах; крупнейших городах мира; статьи об основоположниках марксизма-ленинизма и других корифеях человеческой мысли;

б) прочие комплексные статьи, как правило, подготавливаемые не менее чем двумя редакциями. Данная группа включает многие биографии деятелей науки, искусства и общественной жизни, статьи о явлениях, понятиях и т. п., обозначаемых одним и тем же термином, имеющим в разных отраслях хотя и близкие, но не одинаковые значения.

В универсальных энциклопедиях комплексные статьи, нуждающиеся в специальной подготовке, занимают значительное место. Так, в словнике третьего издания БСЭ — свыше 7500 комплексных статей (ок. 7,5% общего количества статей); таким образом, в каждом томе будет около 250 подобных статей.

Комплексная статья, независимо от ее тематики и размера, должна пройти через специальный редакционный процесс — дополнительное общее редактирование (процесс этот называется курированием).

Показательным примером комплексной статьи может служить статья «Возрождение» в универсальной энциклопедии. Кроме характеристики явления и исторического фона, она содержит разделы о Возрождении в философии, литературе, изобразительном искусстве и архитектуре, театре и музыке. В качестве ведущей в данном случае выступает редакция всеобщей истории. В подготовке соответствующих разделов статьи участвуют редакции философии, литературы и др. Написанные специалистами этих профессий и предварительно отредактированные в отраслевых редакциях разделы поступают в редакцию всеобщей истории, которая подготавливает, в свою очередь, общую часть статьи. После получения всех материалов ведущая (курирующая) редакция всеобщей истории отрабатывает (курирует) всю статью.

В обязанности редактора-куратора входят выявление соответствия структуры комплексной статьи той структуре, которая предусмотрена словником и типовой схемой, проверка рубрикации (заголовков разделов и подразделов, выделений в тексте), общее редактирование текста (уточнение принципиальных формулировок, устранение излишних повторений и длиннот, расхождений в фактических данных и т. д.), установление наличия библиографических материалов, таблиц, иллюстраций и карт, их соответствия теме и характеру статьи.

При подготовке комплексных статей (с небольшим числом редакций-участников) возможны варианты кураторской методики. Например, если тексты, представленные отдельными редакциями, редактор-куратор не меняет или меняет незначительно, то материал располагается в логической последовательности, каждый раздел под своим номером: 1... 2... и т. д. или со своим подзаголовком.

Так, в статье «Абсолютизм», куратором которой в БСЭ выступала редакция всеобщей истории, выделяется разрядкой раздел: Абсолютизм в России, подготовленный редакцией истории СССР. Статья «Автоматизм», курированная редакцией биологии, состоит из двух частей: 1) в физиологии..., 2) в психологии... (2-й раздел подготовлен редакцией философии).

Встречается и такой вариант: на основе материалов, подготовленных отраслевыми редакциями, редактор-куратор создает единый текст статьи. Во всех случаях он согласовывает свои предложения и поправки в тексте с этими редакциями.

Практика выпуска многотомных энциклопедий (БСЭ и МСЭ) показала целесообразность сводного редактирования крупных и сложных статей в специально созданной редакции комплексных статей.

Например, в статье «Азербайджанская ССР», помещенной в I томе третьего издания БСЭ, насчитывается 20 разделов. Они готовились редакциями истории СССР, географии, литературы и языкознания, этнографии, искусства и архитектуры, музыки, театра и кино и др. После получения авторских текстов отраслевые редакторы отредактировали и прорецензировали соответствующие

разделы, проверили библиографию, отобрали необходимый иллюстративный и картографический материал, проделали другую подготовительную работу. Затем они передали свои разделы в редакцию комплексных статей, которая провела сводное редактирование всей статьи.

Редакция комплексных статей осуществляет ряд организационных функций: следит за своевременным поступлением материалов, направляет подготовленные варианты статей на обсуждение и сама принимает в нем участие, а также работает над корректурами.

Пример работы этой редакции, отрабатывающей материал в комплексе, убеждает в преимуществах редактирования статей по циклам. Так, курируя статью «Азербайджанская ССР», редакция комплексных статей знакомилась с основными статьями, освещающими вопросы истории, экономики и культуры Азербайджана в данной энциклопедии (статьи «Азербайджанцы», «Азербайджанский язык» и многие другие).

Редактирование циклов статей

В энциклопедических издательствах накоплен большой опыт редактирования отдельных статей, разработаны методические указания для авторов и редакторов, проводится редакторский анализ отечественных и зарубежных энциклопедических изданий. Однако интенсивное развитие науки, возникновение на стыках научных дисциплин новых отраслей знания, дифференциация и специализация наук с одновременным взаимопроникновением их требуют от составителей современных энциклопедий дальнейшего усовершенствования методики подготовки научно-справочной литературы.

Необходимо добиваться универсального, комплексного раскрытия не только отдельных терминов, но и проблем, тем, которым посвящены значительные группы родственных статей. Это требование целиком соответствует основной задаче энциклопедии — дать читателю не механическую сумму разрозненных справочных данных, а систематические сведения по всем областям знаний. Сложная задача удовлетворить читателя, желающего получить не только конкретную справку, а ознакомиться с интересующей его областью знания, выполняется не отдельными статьями; этой цели служат циклы, которые, в свою очередь, входят в раздел какой-либо научной дисциплины.

Таким образом определяется необходимость выделения групп родственных статей в самостоятельные циклы.

Некоторый опыт их создания и редактирования был накоплен в процессе выпуска в 1963—1964 гг. универсального двухтомного Энциклопедического словаря, подготовленного на основе трехтомного Энциклопедического словаря, изданного в 1953—1955 гг. Статьи последнего, сгруппированные по отдельным отраслям знаний (география, история, экономика, физика, философия и т. д.), были даны в соответствующие отраслевые редакции. Каждая редакция, следовательно, располагала комплексом всех материалов

от «А» до «Я» (статей и иллюстраций) предыдущего издания в компактном виде (учитывая небольшие объемы статей). Одновременно редакциям были сообщены ориентировочные лимиты количества статей и их объемов в новом издании.

Привлеченные к составлению словаря специалисты, имея варианты статей по своим разделам, одновременно с их редактированием обновили словники. В целом работа велась по усовершенствованию не только отдельных статей, но и крупных циклов. Удалось ликвидировать обнаруженные в трехтомном словаре многочисленные повторы, продумать взаимосвязь разделов и подразделов научных дисциплин, отшлифовать систему ссылок, привести в правильное соответствие объемы различных групп статей. Уровень редакторской подготовки этого издания намного выше предыдущего словаря.

Алфавитно-предметный принцип построения энциклопедии позволяет выделить в каждом томе среди статей на очередную букву алфавита группы статей, освещающих какую-либо определенную тему. В частности, для Большой советской энциклопедии характерно сочетание крупных обзорных статей (посвященных наукам, их разделам, важным событиям и явлениям) с многочисленными статьями, дополняющими и развивающими основные («головные») статьи. Эти статьи являются ориентирами для выделения отдельных циклов статей, группируемых в пределах алфавита очередных томов.

В первых томах третьего издания БСЭ были, например, образованы следующие внутри- и межотраслевые циклы:

Агрономический (внутриотраслевой цикл редакции сельского хозяйства; основная статья — «Агрономия», к ней примыкают статьи «Агрономическое образование», «Агрохимия», «Агрофизика» и др.);

Автомобильный (межотраслевой цикл редакций техники, экономики, сельского хозяйства; в цикл вошли статьи «Автомобиль», «Автомобильная промышленность», «Автомобильные дороги» и др.).

Астрономический (внутриотраслевой цикл редакции математики и астрономии; основная статья «Астрономия»; в составе цикла статьи «Астрофизика», «Астрономические инструменты», ряд статей об астрономических обсерваториях и др.).

Анализ работы над этими и другими циклами статей показал целесообразность выделения процесса их редактирования в новый, самостоятельный этап, которого не было при выпуске предшествующих универсальных энциклопедий. Редактирование внутриотраслевых циклов возложено на соответствующие редакции и проводится до сдачи статей на комплектование очередного тома; редактирование межотраслевых циклов осуществляется в специально отведенное время в общем установленном порядке прохождения рукописей, на той стадии, которая предшествует сплошному контрольному чтению статей[1].

[1] Поступающие в отдел комплектования рукописи статей межредакционных циклов (они определяются отраслевыми редакциями совместно с редакцией словника для каждого тома) подбираются в отдельные папки и передаются на редактирование специально выделенным для этой цели редакторам-кураторам.

Редактирование скомплектованного тома

В аппарате ряда энциклопедических издательств имеется отдел комплектования. Сюда от отраслевых научных редакций поступают отредактированные статьи, завизированные научным редактором, заведующим редакцией, членом главной редакции (или научным консультантом), а также (в необходимых случаях) редакциями библиографии, иллюстраций и картографии, транскриптором и этимологом. Отдел комплектования принимает статьи по словнику очередного тома и строго следит за их объемами.

После сдачи редакциями статей отдел комплектования собирает (следуя словнику) все рукописи в алфавитном порядке. Так образуется наборный оригинал тома — итог большого коллективного труда[1]. Однако после механического объединения столь разнообразного материала редакционную подготовку еще нельзя считать законченной. Даже при хорошо отработанных словниках это может привести к весьма существенным недостаткам. Поэтому при выпуске любого энциклопедического издания целесообразно контрольное чтение скомплектованного тома.

В издательстве «Советская энциклопедия», например, для этой цели создана научно-контрольная редакция, которая ведет свою работу по двум направлениям: а) чтение статей по научным дисциплинам и б) сплошное чтение статей.

Для сплошного научно-контрольного чтения может создаваться специальная группа при главном редакторе. В нее привлекаются специалисты в области гуманитарных и естественно-технических наук, имеющие большой опыт энциклопедического редактирования. Состав группы сплошного чтения зависит от количества томов и помещаемых в них статей, а также от сроков, отведенных на этот важный процесс.

Сплошное чтение рукописи тома имеет важное значение. В условиях подготовки многоотраслевого издания только на этом этапе впервые представляется возможность оценить идейно-теоретический уровень материалов тома в целом, окончательно проверить правильность структуры словника, соотношение объемов между разделами, отдельными циклами, статьями. Сплошное чтение помогает выявить пропущенные термины, а иногда обнаружить ненужные статьи, исключить их из словника и рукописи тома. При контрольном чтении может выявиться неодинаковый подход к употреблению ссылок разными редакциями; нередко обнаруживаются неоправданные ссылки.

Значительная часть замечаний группы сплошного чтения обычно связана с вопросами координации работы научных отраслевых редакций. Например, в корректуре первого тома Энциклопедического словаря, отправленного в типографию без сплошного чтения, было обнаружено, что статья «Деревня», которую готовила

---

[1] Естественно, что чем шире профиль издания, тем больше авторов и редакторов принимают участие в подготовке статей. Достаточно сказать, например, что в создании второго издания БСЭ участвовало около 16 тыс. авторов.

редакция экономики, по построению заметно отличалась от статьи «Город», подготовленной редакцией истории СССР. Пришлось вносить в эти статьи структурные изменения.

Контрольный просмотр тома дает возможность обнаружить повторения в статьях смежных редакций. Для второго издания БСЭ, например, редакция техники подготовила статью «Электрическая станция», а редакция экономики — статью «Электрификация». Обе статьи были представлены квалифицированными авторами, и каждая из них вполне удовлетворяла требованиям энциклопедии. Однако при сплошном чтении тома выяснилось, что в одном издании они опубликованы быть не могут, так как не дополняют одна другую, а содержат примерно одни и те же сведения, в частности в исторических справках. Пришлось основательно переработать соответствующие разделы.

Сплошное чтение способствует устранению противоречий (главным образом оценочного характера) в статьях смежных редакций, а иногда и в смежных статьях одной редакции.

Одна из задач сплошного чтения — контроль за выполнением принятых методических указаний. При этом выявляются случаи неоправданных отступлений от разработанных типовых схем статей, дефиниций, а также различия в принципах использования библиографического, иллюстративного и картографического материала.

Особо следует отметить важность сочетания сплошного чтения текста рукописи тома с контрольным просмотром иллюстративного и картографического материала. По техническим причинам (сложность изготовления цветных карт, клише и др.) оригиналы иллюстраций и карт должны сдаваться издательством в производство задолго до отправки в набор рукописи. Заказы на изготовление клише поступают от отдельных отраслевых редакторов по мере подготовки статей и сдачи их в отдел комплектования. Поэтому в больших энциклопедических изданиях при сплошном чтении обращается внимание не только на количество и качество иллюстраций (и карт) к отдельным статьям, но и на иллюстрирование отдельных циклов, дисциплин, всего тома в целом.

Практика сплошного контрольного чтения, которое систематически проводится в издательстве «Советская энциклопедия» со второго издания БСЭ (т. е. с начала 50-х годов) целиком себя оправдала. В настоящее время в этом чтении участвуют, помимо научно-контрольных редакторов, библиографы, литературно-контрольные редакторы и транскрипторы. Сплошное чтение, таким образом, имеет различные аспекты, что весьма важно для многостатейного издания. Своевременный учет замечаний и предложений группы сплошного чтения (до отправки наборного оригинала в типографию), оперативное решение возникающих методических вопросов, дополнительный контроль соответствующих разделов библиографами и транскрипторами значительно повышают качество энциклопедических статей.

Широкое ознакомление со скомплектованным томом до сдачи его в набор стало возможно благодаря использованию множительной техники. Так, при выпуске третьего издания БСЭ круг редакторов и консультантов был значительно расширен, поскольку удалось обеспечить их полными комплектами рукописей очередных томов. Экземпляр скомплектованной рукописи тома размножается, копии рассылаются членам главной редакции и научно-редакционного совета издательства, направляются также в главные редакции республиканских энциклопедий. Таким образом, во-первых, удачно решен сложный вопрос ознакомления членов главной редакции и научно-редакционного совета с многочисленными статьями отраслевых редакций; во-вторых, получаемые замечания реализуются до отправки наборного оригинала в типографию, что значительно сокращает правку в корректурах.

Опыт организации сплошного чтения в издательстве «Советская энциклопедия» используется при подготовке энциклопедий в союзных республиках. Так, например, при подготовке Белорусской советской энциклопедии на основе скомплектованной рукописи готовится макет очередного тома. Он состоит из нескольких брошюр, размноженных на ротапринте, что позволяет привлекать к сплошному чтению многих редакторов.

Литературная вычитка. Скомплектованная рукопись энциклопедического тома проходит процесс литературной вычитки. Разумеется, нельзя разрывать научное и литературное редактирование. Однако при выпуске энциклопедий квалифицированная литературная вычитка материалов, их унификация являются особенно ответственным процессом. Это определяется спецификой наборного оригинала тома энциклопедии, который представляет собой своеобразную мозаику самых различных материалов. Вот почему в данном случае нельзя ограничиться вычиткой оригинала корректорами.

Как показывает опыт, заранее невозможно предусмотреть все детали методики оформления статей. В ходе работы над рукописью постоянно возникает много общих для всех отраслевых редакторов вопросов, перерастающих вопросы вычитки, обычной для других изданий. Поэтому для энциклопедического унифицирования всех компонентов рукописи целесообразно создание литературно-контрольной редакции[1]. Как видно уже из ее названия, она должна помочь отраслевым редакторам обеспечить стилистическое единообразие энциклопедического издания. На литературных редакторов возлагается также контроль за выполнением научными редакторами методических указаний, касающихся оформления статей.

Литературным редакторам, имеющим дело со скомплектованной рукописью, приходится проводить большую работу по оформлению дефиниций, системы ссылок, дат, формул, таблиц, карт, библиографических названий, иллюстраций и подписей к ним, а

---

[1] Такая редакция существует, например, в издательстве «Советская энциклопедия» еще со времени выпуска первых изданий БСЭ и МСЭ.

также следить за правильным употреблением аббревиатур, системы сокращений слов и названий и т. д.

Можно с уверенностью сказать, что, даже имея специальную подготовку и опыт, литературный редактор, впервые начинающий работать в энциклопедии, неизбежно столкнется с необычным для него лаконизмом изложения, необходимостью соблюдения унификаций и др., что требует определенных навыков и безупречного знания методических правил и инструкций.

Литературные редакторы, работая над рукописью, особое внимание уделяют стилю изложения, стремятся использовать такие стилистические сокращения, которые улучшают текст, устраняя из него все лишнее без ущерба для содержания. Даже незначительные сокращения позволяют (например, при обилии концевых строк) добиться большой экономии знаков.

Нет необходимости говорить о типичных недочетах рукописей, которые встречаются в практике литературного редактирования. Подчеркнем лишь, что в энциклопедических изданиях особенно недопустимо двусмысленное, неточное изложение.

При вычитке наборного оригинала проводится окончательное технико-орфографическое оформление статей; кроме того, перед сдачей в набор по словнику проверяется расположение статей по алфавиту. Литературно-контрольная редакция продолжает свою работу и на стадии корректур.

Прохождение корректур в многоотраслевом энциклопедическом издательстве

Особенности прохождения корректур энциклопедических изданий обусловлены тем, что в каждом из сверстанных листов содержатся десятки статей, принадлежащих разным отраслевым научным редакциям, которые должны увидеть свои статьи в наборе; поэтому корректоры переносят правку в несколько экземпляров.

Когда в издательство поступают гранки, то один комплект (с перенесенной правкой корректоров) постатейно разрезается, и каждая статья передается на определенный срок в соответствующую редакцию. Параллельно гранки (без корректорской считки) поступают в редакции библиографии, словника, группу транскрипции и этимологии, группу сопоставления и т. д. После обработки корректуры отдельных статей в отраслевых редакциях правка с редакционной гранки сводится корректорами в два экземпляра — контрольный и рабочий; в них же переносится правка (согласованная с отраслевыми редакциями) редакции библиографии, группы транскрипторов и других отделов, работающих с гранками. Контрольный и рабочий экземпляры поступают в литературно-контрольную редакцию, которая после вычитки внесенной правки передает контрольный экземпляр для визирования в главную редакцию. Правка по замечаниям главной редакции делается отраслевыми редакциями, в этом же экземпляре корректуры вычитывается литературным редактором и переносится в рабочий

экземпляр гранок, который отсылается (через производственный отдел издательства) в типографию на верстку.

При прохождении верстки сохраняются те же процессы. Специфика здесь (в отличие от изданий других книг) заключается в том, что каждая отраслевая научная редакция не имеет возможности увидеть сверстанный лист в целом (в противном случае типографии пришлось бы подавать в издательство десятки оттисков каждого листа). Поэтому (после сведения правки всех редакций в корректорской) листы поступают в литературно-контрольную редакцию, которая проводит сплошное контрольное чтение, проверку правильности размещения рисунков и таблиц, ссылок на них в тексте статей, а также укладку формата при изменении объемов статей в результате правки (эту работу делать техническому редактору очень сложно из-за большого числа редакций, представленных в каждом листе). Добавления и сокращения текста в необходимых случаях проводятся отраслевыми редакциями в непосредственном контакте с литературно-контрольной редакцией.

При сплошном чтении листов верстки после внесенных всеми редакциями исправлений обращают внимание на возможное появление несоответствий, а в некоторых случаях — противоречий или повторений как в разделах комплексных статей, так и в статьях смежных редакций.

Подписные листы (сверка), как правило, в отраслевые редакции не поступают; после корректорской вычитки они направляются в литературно-контрольную редакцию. После сверки с листами верстки и контрольного просмотра в этой редакции они передаются на подпись в главную редакцию, а затем — в производственный отдел.

Глава шестая

РЕДАКТИРОВАНИЕ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Учебная литература представляет собой совокупность произведений печати, общее целевое назначение которых — служить средством обучения в условиях определенной системы образования, подготовки или переподготовки кадров. Тематика учебной литературы настолько широка, что охватывает не только все области науки, но и все виды прикладной деятельности общества.

Практически каждая четвертая книга в стране — учебная. Учебную литературу издают как типизированные («Просвещение», «Педагогика», «Высшая школа», учебно-педагогические издательства союзных и автономных республик), так и многие универсальные и специализированные издательства.

Разнообразная тематика, научное содержание и близкая к научной форма изложения, определенная доля сведений прикладного характера приводят к тому, что часто к собственно учебной литературе относят только учебники для средней общеобразовательной школы. Учебники же для системы профессионально-технического образования причисляют к массовой производственно-технической литературе, а учебники по специальным дисциплинам для техникумов и высшей школы — соответственно к научной или производственно-технической. Такой взгляд на учебную литературу ошибочен. Конечно, учебная литература так или иначе связана с научной или прикладной деятельностью, но ее назначение (функциональные особенности) иное, чем научной или производственно-технической литературы. Неправомерно также относить учебную литературу к литературе «учебно-педагогической». Последняя рассчитана на читателя специалиста — преподавателя и выполняет иную, чем учебная, социальную функцию.

Учебная литература отличается прежде всего тем, что ее задача — донести до читателя учебный предмет, а не науку в целом. Учебный предмет предполагает в первую очередь освещение в нем основных законов и методов науки, усвоение которых облегчает овладение всем остальным материалом.

Кроме того, как отмечал В. И. Ленин: «...Главная задача всякого руководства: дать основные понятия по излагаемому пред-

мету и указать, в каком направлении следует изучать его подробнее и почему важно такое изучение»[1]. Поэтому для изложения учебного предмета характерны особые методические приемы, облегчающие восприятие знаний, их запоминание и использование.

Конструирование учебного предмета охватывает также четко и ясно выраженные воспитательные задачи, понимаемые очень широко. Учебная книга закладывает не только знание конкретных наук, но и основы марксистско-ленинского мировоззрения вообще, воспитывает учащихся в духе патриотизма и интернационализма. В число воспитательных задач учебной литературы входят также и такие, как развитие у учащегося определенной формы мышления, определенных эстетических взглядов, вкусов, формирование коммунистических норм нравственности и морали.

С точки зрения научно-информационной ценности учебные книги не имеют того самостоятельного значения, какое свойственно произведениям научной литературы. Отсюда, однако, не следует, что учебное произведение не может быть использовано вне школы, например, для справки или для самообразования. Но рассматривать учебную литературу надо как неотъемлемую часть процесса обучения в данной системе образования, в данном типе школы.

Поэтому от научной (научно-технической) литературы учебная отличается прежде всего отобранностью и целенаправленностью теоретического материала, особой методической формой и последовательностью изложения знаний, наличием материала воспитательного назначения и расчетом на читателя-неспециалиста.

От научно-популярной учебная литература отличается более строгой систематичностью изложения, близкой к систематике конкретной науки, и особой методикой преподнесения материала. Особенности популярной формы изложения в учебнике не всегда можно и нужно использовать в научно-популярной литературе. Материал того или иного раздела учебника в отличие от текста научно-популярной книги дополняется и расширяется рассказом учителя на уроке или лекцией. Воспитательные задачи учебной литературы шире (например, выработка определенных навыков и т. д.), читательский адрес у́же — учебник всегда рассчитан на читателя с конкретным уровнем подготовки, обучающегося на определенной ступени. Учебная литература включает материал для самостоятельных внеаудиторных наблюдений, лабораторные опыты, задачи, вопросы,— т. е. такой аппарат, которого в научно-популярной книге нет.

От произведений прикладного (производственно-технического) характера учебное произведение отличается прежде всего содержанием, в котором преобладает изложение основ теории, в то время как указания на возможность ее практического использования занимают значительно меньше места, только как примеры применения теории. Социальная функция производственной

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 4, с. 40.

литературы — показать читателю для повышения его квалификации, «что» и «как надо делать». Если учебная литература закладывает теоретические основы для самостоятельных практических решений в последующей деятельности человека и обращена к читателю-неспециалисту, то производственная литература всегда учитывает текущие нужды производства и обращена к сегодняшней профессиональной деятельности читателя-специалиста.

Для учебной литературы установлен особый порядок подготовки и издания, регламентируемый рядом государственных актов.

Центром, координирующим и направляющим работу авторов, так же, как и при издании других видов литературы, является издательство. Но оно действует согласованно с определенными научными и методическими центрами — министерствами высшего и среднего специального образования, министерствами просвещения, управлениями учебными заведениями министерств и ведомств, научно-техническими советами. Последние на основе заявок учебных заведений готовят и утверждают пятилетние перспективные планы издания учебников. Сводные тематические планы утверждаются Советом Министров СССР и Советами Министров союзных и автономных республик, исполкомами автономных областей.

На основе перспективных планов издательство совместно с научными и методическими центрами разрабатывает двухгодичные планы выпуска оригинальных, новых и переработанных учебников, переиздания существующих. В план первого года включаются учебники, рукописи которых сданы авторами в издательство и имеют по одной положительной рецензии, а также намеченные для переиздания и положительно зарекомендовавшие себя учебники. В план второго года вносят темы произведений, для создания которых уже подобраны авторы и по которым заключены договоры.

Кандидатуры авторов, как и проспекты новых или оригинальных учебников, утверждаются научными и методическими центрами по представлению издательств или учебных заведений.

Официальный срок издания оригинального, нового или переработанного учебника — один год. Поэтому, например, рукописи учебников для средней школы должны быть представлены в издательство не позднее 1 июля (оригинальные и новые) или 1 августа (издающиеся без изменения) предшествующего года.

Порядок рецензирования и рецензенты утверждаются теми же центрами, которые выдают гриф (разрешение к изданию). На каждый учебник должно быть не менее двух рецензий; на зарекомендовавшие себя издания достаточно одной. Рецензентами выступают кафедра смежного вуза или предметная комиссия учебного заведения (исключая те учебные заведения, в которых работают авторы) и индивидуальный рецензент — обычно ученый, крупный специалист производства или педагог. Определенные требования предъявляются и к содержанию рецензий.

Подготовленные авторами и отредактированные в издательстве рукописи (иногда корректуры) направляют на получение грифа

в соответствующий научный или методический центр. При этом к рукописи (или корректуре) прилагают определенные документы: представление издательства с проектом грифа, заверенные копии всех рецензий и отзывов, заключение редактора, объяснительная записка автора по поводу замечаний рецензентов и издательства. Гриф должен быть выдан в течение месяца.

Учебники могут быть подготовлены и путем объявления открытых или закрытых конкурсов. Участники закрытого конкурса отбираются научным или методическим центром. Оценку рукописей ведет комиссия, руководствующаяся особыми положениями о конкурсе. Только после решения комиссии рукопись учебника передается в издательство для доработки и выпуска в свет.

Особой формой издания являются пробные учебники, рассчитанные на применение в учебном процессе в порядке эксперимента.

2. РАЗНОВИДНОСТИ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Поскольку содержание учебной литературы тесно связано с задачами обучения в том или ином типе школ, этот признак используется и для основной группировки данного вида литературы.

Различают учебную литературу для высшей школы, для средней специальной школы, для начальной и средней общеобразовательной школы, для школ профтехобразования, для других типов школ (партийно-политического просвещения, подготовки и повышения квалификации кадров).

В зависимости от формы образования (начальное, общее, университетское и т д.) в учебных изданиях предусматривается различный отбор материала, содержание и форма отдельных произведений.

Различают также издания по общеобразовательным, общетехническим, общегуманитарным и специальным циклам. Достаточно, например, сравнить учебники по истории КПСС для гуманитарных и технических вузов и для исторических факультетов университетов, чтобы убедиться в том, что объем материала и даже физические объемы этих учебников весьма различны.

Группировка учебных изданий может быть проведена также и по более узкому целевому назначению в зависимости от формы обучения (очное, вечернее, заочное).

Признак места издания в учебном процессе отражает группировка учебной литературы по видам изданий. В соответствии с ней различают программно-методические, обучающие и вспомогательные виды.

Программно-методические издания — программы (официальные, временные, «рабочие»), методические указания к программам, методические письма и руководства — иногда относят к официально-документальной литературе, а не к учебной, что не совсем правильно. Эти издания служат методическими пособиями, направляющими работу преподавателей и учащихся в нужное научное

и методическое русло. Их функция — обучающая, а не только нормирующая.

Обучающие издания — учебники, учебные пособия, лекции, конспекты лекций, сборники лекций предназначаются для усвоения самого учебного предмета, овладения теоретической или практической методикой дисциплины.

Вспомогательные издания — хрестоматии, сборники документов, практикумы, сборники упражнений и задач, планы практических и семинарских занятий, атласы, сборники чертежей, рабочие тетради, лабораторные журналы, учебные плакаты и картины, издания для внеаудиторного чтения — служат для закрепления, углубления и расширения полученных из учебника знаний, для выработки определенных практических навыков и профессионального мышления учащихся. Они создаются на основе программ и обучающих изданий, поэтому такие издания надо также относить к учебной литературе.

3. УЧЕБНИК КАК ОСНОВНОЙ ВИД ИЗДАНИЯ

Существует много различных определений понятия «учебник». В одних подчеркиваются особенности учебника как литературного произведения, в других — как произведения печати, в третьих — выделяется признак обязательности усвоения материала и т. п. Но какая бы особенность учебной книги ни выделялась в определениях при использовании термина «учебник», следует учитывать две стороны — существенную и формальную.

Существенная сторона заключается в том, что учебник — средство информации, высокоидейное научное произведение, способное вооружить учащихся знаниями и практическими навыками. Учебник содержит систематическое изложение знаний и должен соответствовать программе. В зависимости от типа школы, задач обучения, разработанности науки или учебного предмета эту функцию могут выполнять и любое пособие, конспект лекций и даже специальная монография. Все это учебники в широком смысле слова. Программно-методические и вспомогательные издания в этом случае можно называть учебными пособиями.

С формальной стороны учебником принято считать такое литературное произведение, которое получает соответствующий гриф научного или методического центра. Произведения, отвечающие общественным дидактическим принципам, написанные в соответствии с программой, имеющие четкие научные определения, составленные на высоком уровне методического и литературного мастерства, получают обычно гриф «учебник». Произведения, объем материала которых не во всем отвечает программе, или произведения, построенные на иных, чем программа, методических основах, получают гриф «учебное пособие».

Великий чешский педагог XVII века Я. А. Коменский обосновал, что литературное произведение могло стать учебником, т. е.

массовым средством, реализующим основные общественные дидактические принципы систематичности, последовательности и наглядности изложения, лишь с развитием книгопечатания.

Отсюда вытекает и еще одна особенность учебника. Он — произведение печати, книга, рассчитанная на определенного читателя и, как правило, на самостоятельное чтение,— это книга, прививающая культурные навыки, часто не связанные прямо с процессом обучения, формирующая художественный вкус, определенные эстетические представления. Поэтому в нем важны не только изложение учебного предмета, но и полиграфическая форма.

Осуществляя общественно необходимые задачи воспитания и обучения, учебник должен быть стабильным. Еще в феврале 1933 г. Постановлением ЦК партии было предложено обеспечить «издание стабильных учебников, рассчитанных на применение их в течение большого ряда лет» [1]. Необходимость создания современных стабильных учебников отмечалась и в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» (1966 г.). Особенно важен стабильный учебник для общеобразовательной школы. Для высшей и средней специальной школ стабильные учебники создаются по дисциплинам общенаучного, общеинженерного или общегуманитарного циклов.

Стабильность означает прежде всего постоянство учебного предмета, устойчивость методики, а следовательно, возможность все большего совершенствования процесса преподавания и обучения. Стабильность означает и большую экономию материальных затрат, связанных с подготовкой изданий и их тиражированием. Однако проблему стабильности нельзя понимать догматически, учебник должен отражать новейшие научные достижения.

В последние годы уделяется внимание созданию программированных учебников.

Идея такого учебника заключается в том, что его текст строится «на основе принципов программного управления процессом усвоения знаний» [2]. Программированный учебник содержит не только учебный материал, но и программу работы учащегося над ним, систему самоконтроля за усвоением знаний. В нем учебный материал разбит не только на разделы и параграфы, но и на более мелкие порции, получившие название «шагов», «алгоритмов» информации. Учащийся получает также предписание по выполнению в определенной последовательности действий с учебным материалом (например, прочесть, заполнить пропуски, используя полученную ранее информацию; ответить на вопросы или выбрать правильный ответ из нескольких предложений и т. п.).

---

[1] Об учебниках для начальной и средней школы. Постановление ЦК ВКП(б) от 12 февраля 1933 г. — В сб.: О партийной и советской печати. М., 1954, с. 435.

[2] Педагогическая энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М., 1966, с. 323.

4. ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ШКОЛ

Содержание и целевое назначение того или иного учебника приспосабливаются к типу школы.

Высшая и средняя специальная школы призваны готовить высококвалифицированных, обладающих широким теоретическим и практическим кругозором специалистов. Задачи их подготовки предопределяют известное разделение учебников этих школ на общие и специальные. Первые служат преимущественно целям формирования личности, ее идейного и теоретического уровня, вторые — целям обучения специальности. Для первых характерно наличие общественно необходимых дидактических принципов и решение ряда воспитательных задач; для вторых — задач более узкого назначения, научно-методических. Совокупность учебников по общим и специальным дисциплинам заключает в себе объем знаний, нужных для формирования специалистов.

С информационной точки зрения содержание вузовского учебника охватывает максимально возможную сумму знаний по данному учебному предмету. Учебник высшей школы монографичен в том смысле, что в нем представлена наука в том объеме, который позволит будущему специалисту принимать самостоятельные решения в избранной им отрасли деятельности. В смысле воспитательном данный тип учебника должен отражать диалектико-материалистический подход к характеризуемым явлениям и формировать не вообще логическое или образное мышление, а мышление профессиональное.

От научной монографии учебник для высшей школы отличается несколько большей учебно-методической систематичностью построения, отобранностью фактического материала (например, не весь объективный материал науки, а типовой), а также тем, что должен содержать элементы управления процессом самостоятельного познания (методический аппарат).

Будучи адресован квалифицированному читателю, учебник высшей школы рассчитан на овладение «языком науки». Поэтому в нем используются все формы фиксации фактов, свойственные данной науке, весь ее словарный состав и знаковый аппарат.

Вузовский учебник не всегда совпадает с лекционным курсом и не всегда стабилен, так как в науке идет постоянный процесс обновления старых знаний и накопление новых. Поэтому в дополнение к учебникам крупные и головные высшие учебные заведения издают другие обучающие издания: печатные лекции, конспекты лекций, сборники. Их задача — отразить последние достижения науки, дополнить учебник новым материалом. От указанных пособий требуется тесная связь с учебником (без повторения материала) и с программой (методически ограничивающей отбор материала).

Вузовские учебники могут быть рассчитаны на очную или заочную форму обучения. Издания для студентов-заочников отличаются прежде всего компактностью и известным расчетом на

практический опыт читателей. Помимо учебного, научного и практического материала они должны включать и необходимый справочный материал, который не всегда может быть под рукой у студента. Особенно важна для такого учебника тщательность разработки методического аппарата и прикнижного аппарата вообще, включая библиографию, приложения и указатели.

Учебники по специальным предметам для средней специальной школы отличаются от вузовских более узким отбором материала, более ограниченным и популярным изложением теории, но более полным описанием оборудования, правил его эксплуатации и использования, более подробным изложением основ организации труда в цеху, на участке, несложным математическим аппаратом, использованием более отобранной и устойчивой терминологии. Они менее монографичны и более насыщены практическим материалом, чем вузовские. Воспитательные задачи учебного предмета выражены здесь более активно, поскольку цель такого учебника — воздействовать на формирование личности и принимать профессиональное мышление в условиях среднего образования. Учебники этого типа теснее связаны с программой и методикой урока как по структурным элементам, так и по содержанию и объему отдельных частей.

В основе организации всей системы образования в нашей стране лежат идеи В. И. Ленина, сформулированные им в связи с общими задачами коммунистического строительства. Еще в 1897 г. В. И. Ленин отмечал: «...Нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания»[1]. Эти ленинские положения обусловливают основные особенности учебников, в том числе и учебников для системы профтехобразования.

Такой учебник призван помочь учащимся приобрести профессию квалифицированного рабочего, подготовиться к самостоятельной работе в трудовом коллективе. Содержание учебника должно соответствовать не только программе, но и квалификационной характеристике рабочего, определяемой тарифно-квалификационными справочниками для соответствующей отрасли промышленности. Обычно в таких характеристиках отмечается, что́ рабочий «должен знать» и что́ он «должен уметь». Первое в известной степени определяет объем теоретического материала, второе — объем и характер материала прикладного. Отбирается только тот теоретический материал, который необходим современному рабочему для правильного обслуживания оборудования, для сознательного выполнения рабочих операций.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 2, с. 485.

Воспитательные элементы такого учебника тесно связаны с профессиональной подготовкой. В учебник включаются материалы о социалистической системе хозяйства, достижениях советской науки и техники, приоритете советских ученых и инженеров в развитии данной отрасли производства, материалы о месте и роли отдельных отраслей, предприятий и рабочих профессий в построении материально-технической базы общества. Важное воспитательное значение имеют факты передового опыта и достижения передовиков производства.

Структура учебника для профтехшкол отличается от структуры учебников других учебных заведений. Не будучи прямо связана с учебным процессом, она более близка к структуре производственного пособия или руководства, но от последних отличается наличием чисто теоретических разделов. Непременными разделами такого учебника являются: общетехнологический, описывающий инструменты и оборудование, материалы, рабочие операции; разделы организации рабочего места и техники безопасности. Особенно важную роль в таком учебнике играет графический материал. Здесь иллюстрируется весь рабочий процесс и каждая операция так, чтобы наглядность выполнения рабочих приемов была исчерпывающей. Поэтому иллюстративность учебника высока и может доходить до 15—18 иллюстраций на авторский лист.

Несколько отличаются друг от друга учебники, рассчитанные на разные формы профессиональной подготовки рабочих: для техучилищ и для бригадной подготовки рабочих на производстве. Для бригадной подготовки издаются отраслевые учебники, охватывающие несколько специальностей, и учебники по одной, узкой специальности. Издаются учебники и по общетехническим предметам, родственным для всех или для части специальностей. Общеотраслевые пособия (например, «Устройство судна») раскрывают материал, необходимый для разных групп рабочих. Специальные учебники имеют ярко выраженную прикладную направленность; таковы, например: «Основы слесарного дела в инструментальном производстве» или «Слесарно-жестяницкие работы».

Пособия для индивидуально-бригадной подготовки рабочих на производстве включают теоретический и практический материал, необходимый для рабочего 1—2-го разряда.

В настоящее время задачи профтехобразования расширяются. Об этом говорил Л. И. Брежнев в докладе на XXIV съезде КПСС: «Одним из наиболее перспективных путей осуществления всеобщего среднего образования мы считаем (при сохранении ведущей роли общеобразовательной школы) дальнейшее развитие профтехучилищ, дающих среднее образование»[1]. В связи с этим меняется и характер учебников для системы профтехобразования. Для нее теперь необходимы, наряду со специальными, общеобразовательные и общетехнические учебники по физике, химии, математике, по технической механике и т. п., назначение которых — завершить

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 85.

общеобразовательную подготовку молодежи в объеме средней школы и подвести теоретическую базу под профессиональные знания. От учебников для средних школ они будут отличаться насыщенностью материалами прикладного характера.

5. МЕТОДИКА РЕДАКТИРОВАНИЯ МАССОВЫХ УЧЕБНИКОВ

Специфический характер учебной литературы более всего проявляется в системе учебных изданий для средней общеобразовательной школы, которая к тому же отличается и сложным контингентом читателей (учащихся), различающихся между собой и возрастной психологией и пройденными ступенями подготовки.

Учебники средней общеобразовательной школы — издания массового типа. Они прежде всего отличаются универсальностью содержания, что определяется общими социальными задачами школы. Содержание этих задач фиксируется в важнейших государственных документах. Так, в Программе КПСС говорится: «Среднее образование должно обеспечивать прочное знание основ наук, усвоение принципов коммунистического мировоззрения, трудовую и политехническую подготовку в соответствии с возрастающим уровнем развития науки и техники, с учетом потребностей общества, способностей и желаний учащихся, а также нравственное, эстетическое и физическое воспитание здорового подрастающего поколения» [1].

Учебники для средней школы не единичные издания, а комплекс учебных книг, как бы единый учебник, разделенный на порции в зависимости от общего направления развития знаний и ступеней подготовки учащихся.

На каждой новой ступени обучения в школе ослабляется непосредственная связь включенного в учебник материала с материалом урока, возрастает значение учебника как книги для самостоятельного усвоения знаний, изолированность передаваемого знания и, как следствие, увеличивается специфичность изложения материалов науки.

Первые учебные книги — буквари и книги для обучения счету, математическим понятиям — еще не учебники в полном смысле слова. Они решают первоначальные задачи: привить детям умение пользоваться средствами коммуникативных связей — словом, письмом, счетом; развить зачатки отвлеченного мышления, способность фиксировать значение и употребление слова в мышлении и письме. Они начинают процесс формирования личности и закладывают основы миропонимания. Книги эти предназначены для пользования под прямым руководством учителя в условиях урока. Отсюда внешняя несвязанность (вместо параграфов — «статьи») материала, его картинность, подчинение изложения чисто педагогическим задачам.

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968, с. 123.

Книги для чтения в первом — третьем классах тоже еще не учебники, а пособия типа хрестоматий, в которых цели обучения чтению и письму объединяются с задачами сообщения первых сведений о природе и обществе. Изложение материала той или иной области знания здесь не специфично, содержание учебника универсально и фрагментарно по форме. В таких учебниках имеются материалы и упражнения для чтения в школе и дома, вопросы и задания. Эти книги предназначены как для учащихся, так и для учителей (как методическое руководство).

В средних и старших классах учащиеся получают предметные учебники, значение которых как источников самостоятельного чтения и усвоения знаний (параллельно с уроком учителя) по мере перехода учащихся из класса в класс все больше увеличивается. Наряду с этим снижается их роль как методического руководства для учителя. Связь предметных учебников с уроком выражается в построении (порция материала учебника должна совпадать с порцией знаний, полученной на уроке), в заданиях для закрепления материала.

Своим содержанием предметные учебники должны отвечать той общей задаче, которая сформулирована в Программе КПСС: «Переход к коммунизму предполагает воспитание и подготовку коммунистически сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и умственному труду, к активной деятельности в различных областях общественной и государственной жизни, в области науки и культуры»[1]. В учебниках средней школы должны излагаться основы наук, нужные каждому члену общества, независимо от профессионализации его в последующем.

Предмет учебника средней школы далеко не всегда совпадает с содержанием отдельной отрасли научного знания. Он может включать либо раздел ее, либо несколько самостоятельных отраслей знания. Так, например, учебники биологии включают сведения из анатомии и физиологии растений, животных и человека, гистологии, эмбриологии и т. п. В них заложены основы биологического знания, необходимые для современного понимания живой природы, и для последующих занятий в любой из данных отраслей. Первые учебники по географии (краеведению) охватывают основные сведения и некоторые методы таких отраслей, как физическая и экономическая география, метеорология, геология; в них отражаются и зачатки общественных наук.

Комплексность учебников средней школы выражается, с одной стороны, в том, что изучение предмета идет по расширяющимся кругам (связь «по вертикали»). Если в учебниках начальных классов концентрируются самые общие понятия из разных областей знания, то в учебниках следующих ступеней — каждая область выделяется. Учебники следующей ступени кратко повторяют прежний и добавляют новый учебный материал. Так достигается за-

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 122—123.

крепление уже полученных знаний и дальнейшее углубление и расширение их.

Кроме этого, для учебников средней школы характерна и связь по «горизонтали», обеспечивающая единство уровня усвоения знаний на данной ступени. Так, учебники математики, например, составляются с учетом уровня мышления учащихся и владения математическим аппаратом, которые необходимы для усвоения физики, химии и других предметов на данном этапе обучения; учебник физики, в свою очередь, предполагает наличие задач, которые бы содействовали практическому закреплению математических знаний в соответствии с уровнем того же класса.

Охарактеризованные выше принципы комплексности учебников средней школы обусловливают особенности работы редактора над рукописью учебного произведения. Комплексность учебных книг предполагает, чтобы учебники одной «вертикали» редактировались одним человеком, что позволяет избегать ненужных повторений, одинаковых фактов и т. п. Работа над учебником предполагает и предметную квалификацию редактора, которая выражается в знании не столько содержания учебного предмета, сколько методики его преподавания, т. е. частных (предметных) дидактических принципов и методов. Без них правильная работа с автором и выпуск доброкачественного учебника невозможны.

Особенности редакторского анализа[1]

Редактор приступает к работе над учебником обычно на стадии завершенной автором рукописи. Но последнюю еще нельзя считать учебником. Он нуждается в «доводке» в условиях коллективной работы в издательстве. Это объясняется тем, что учебник, особенно для восьмилетней школы, нуждается в особом конструировании, при котором учитываются не только производственно-экономические и эстетические факторы, но и учебно-педагогические (характер предмета, дидактический смысл работы учащегося над книгой, психология возраста и т. п.). Естественно, что все вместе они не могли быть заблаговременно учтены автором. Так, например, при подготовке учебника «Человек (анатомия, физиология, гигиена)» только на стадии издательского редактирования возник замысел дать учащемуся максимальное количество конкретных зрительных представлений о предмете и свести к минимуму возможность механического заучивания предмета. Решено было так подготовить издание, чтобы оно создало условия «прерывного чтения», чтобы «слияние» иллюстрации и текста было полным. В процессе редактирования увеличили число объектов, выражаемых графическими средствами, исключили все подписи к иллюстрациям, так продумали макет будущей книги, чтобы каждая иллюстрация располагалась в том месте текста, где о ее предмете

---

[1] Особенности редакторского анализа рассматриваются здесь по материалам учебников для средней школы, в которых наиболее наглядно проявляется своеобразие этого вида литературы.

говорится. На иллюстрациях остались лишь «привязочные» цифры и некоторые обозначения. Подобное решение могло возникнуть, конечно, только в условиях коллективной работы автора, редактора, оформителей и художника.

Приведенный пример показывает, что предварительный редакторский анализ приобретает особое значение. В его задачу, таким образом, входит не только оценка подготовленной автором рукописи с целью определить основные направления авторской доработки или редакторской правки, но и подготовка к коллективному решению способов издательской обработки книги, так как уже в процессе предварительного макетирования изданий (в донаборной стадии) может потребоваться довольно серьезное «препарирование» текста. Именно на такую работу с учебниками переходит сейчас издательство «Просвещение».

На предварительной стадии редактору незачем останавливать свое внимание на таких объектах анализа, как выбор темы, ее актуальность, общее направление ее разработки. Они уже определены планами издания, учебными планами и программами предметов.

Поэтому прежде всего редактор должен оценить соответствие учебника программе, которое, конечно, не следует понимать буквально. Предполагается, что наполнение учебника материалом не может выходить за рамки объема, обозначенного в программе, и не может быть меньшим. Отдельные же отступления в пределах той или иной темы возможны, но должны быть методически оправданными. Редактору всегда приходится иметь в виду, что программа не есть нечто застывшее. Безупречно разработанный учебник, особенно в его методическом плане, может послужить поводом к изменению программы.

Программа не фиксирует всей информации, которая может быть в том или ином разделе учебника. Наполнение и соединение материала внутри раздела — дело творческое. Так, в программе по арифметике для 5-го класса отмечается необходимость объяснения понятий: «устная и письменная нумерация многозначных чисел; римская нумерация от 1 до 100». Соответствующий же раздел учебника («Нумерация») включает такие понятия, как «счет», «число», «счет группами», «устная нумерация», «письменная нумерация», «цифра», «единица», «разряд», «класс», «система счисления», «абак», «счеты», «римская цифра», «округление чисел», «правило округления». Как видно из второго примера, наполнение материала раздела шире, чем обусловлено программой. Это произошло не случайно. Понятия «абак», «счеты», правило округления, логически включенные в раздел, имеют не только специальное значение; они — средства методические. Их введение помогает решить ряд воспитательных задач, помогает закрепить материал, обеспечивает связь с практикой и преемственность с ранее изученным материалом. Линия «абак-счеты» отражает исторический подход к явлениям; счеты известны учащимся с начального класса и теперь их применение получает теоретическое объяснение; уча-

щиеся начинают понимать, что операции на счетах есть счисление, что складывали они «числа» и т. п. Получают они представление и о разных формах счисления и формах записи чисел. При этом теоретическое объяснение «числа» строится на обращении к практике счета, уже им известной.

При оценке соответствия учебника программе обычно обращается внимание на следующее:

— отражена ли в учебнике общая цель изучения учебного предмета, сформулированная в программе;

— включены ли в него отмеченные в программе воспитательные аспекты предмета;

— имеется ли материал, который позволяет ученику проследить связь науки с практикой;

— весь ли материал, поименованный в программе, вошел в учебник;

— соблюдена ли в общем виде последовательность раскрытия учебного предмета, определенная программой;

— соответствует ли рукопись установленному объему [1].

Отрицательные результаты анализа обычно предполагают возвращение рукописи автору на доработку.

Другая задача редакторского анализа — оценка научного уровня материала, оценка авторского литературного и методического мастерства в освещении и интерпретации положений программы. В конечном счете это оценка оригинальности учебника как литературного произведения. Объектами такой оценки могут быть:

— научный уровень изложения материала;

— методическое мастерство автора (доходчивость и убедительность изложения материала применительно к ступени образования и возрастным особенностям учащихся, его наглядность);

— отобранность, точность фактического материала и объем его в каждом параграфе;

— отражение связей учебника с другими учебниками того же класса («по горизонтали») и с учебниками младших классов («по вертикали»);

— характер разработки методического аппарата;

— другие вопросы литературного мастерства (словарный состав, стиль и т. п.).

Результаты анализа в этом плане позволят редактору наметить направление совместной с автором доработки произведения, характер редакторской правки рукописи, особенности оформления и полиграфического исполнения издания.

Конечно, в учебном произведении, как и в любом другом, перечисленные аспекты тесно переплетаются. Поэтому ниже выделены лишь отдельные проблемы анализа и редакторской правки, состав-

---

[1] Объемы учебников для того или иного класса определяются специальными разработками АПН СССР. См., например, приложение к Общим рекомендациям по составлению новых учебников. М., 1968. (АПН РСФСР. Ин-т общего и политехнического образования).

ляющие специфику редактирования произведения учебной литературы для средней школы, как литературы массовой.

Научный уровень изложения материала. Высокий идейно-теоретический уровень содержания учебника может быть достигнут различными средствами. Но во всех случаях критериями его должны быть:

— последовательное и отчетливое проведение основных научных идей;

— правильное и доказательное раскрытие основных понятий и законов на уровне современных знаний;

— наличие материала, обеспечивающего овладение учащимися простейшими методами исследований, измерений, принятых в данной науке.

Прежде всего редактор обязан оценить то, насколько выражены в содержании учебника основные мировоззренческие идеи, связанные с диалектико-материалистическим пониманием объективного мира и процессом его познания.

В учебнике средней школы недопустимы эклектизм, смешение различных теорий и взглядов, включение неустоявшегося научного материала в той же степени, в какой недопустимо и упрощенчество.

Например, в основу программы такого предмета, как география, положен принцип формирования у учащихся диалектико-материалистического понимания существующих в природе взаимосвязей между физико-географическими явлениями, между природой и обществом, между живой и неживой природой, взаимосвязей между средой обитания и хозяйственной деятельностью населения. Поэтому прав был рецензент одного из вариантов учебника «География СССР», авторы которого придерживались лишь описательного метода, когда отмечал, что данный вариант не может быть принят, так как «не отражает исходных методологических взглядов на географию как на систему наук», что «в нем нет и намека на изложение — в доступной форме — общетеоретических закономерностей, а все сводится к простому описанию..., даже без должных попыток объяснения причин...».

Основные научные идеи не следует смешивать с проблемами учебно-педагогическими, методическими.

Учебник должен содержать достоверные научные знания. Простота и доступность, соответствующие ступени обучения и возрасту учащегося, не должны мешать точному и научному изложению понятий и законов. Например, справедливо критиковались в печати отдельные издания за подобные ошибки. Так, в пособии для 4-го класса понятие «летопись» объяснялось как результат того, что «летописцы вели записи всех событий из года в год». Подобная трактовка устарела. Рецензент указал авторам на необходимость придерживаться современного научного понимания этого термина, выраженного в трудах советских историков, где летопись трактуется как «законченный коллективный труд по истории русского народа, который велся «из лета в лето».

Форма выражения научных знаний может быть различна в зависимости от ступени обучения.

Понятие, закон вводятся в текст обычно при использовании основной, тщательно отобранной, уже известной школьнику терминологии или через доступные ему слова общелитературного языка, но формулировка должна соответствовать научной методике.

Раскрыть содержания закона или определить понятие можно через описание научного факта, через пример, расчет, постановку или описание лабораторного опыта. Рассказ о возникновении и развитии научных понятий, картины борьбы за их утверждение в науке и в общественном сознании развивают научное мышление школьника, содействуют более глубокому усвоению им знаний и усиливают занимательность изложения. Использование сравнений и противопоставлений, индукции и дедукции, аналогий и различных способов доказательства не только повышает научный уровень материала, но и способствует обогащению умственных процессов учащихся.

Недопустимы логические ошибки, которые, к сожалению, еще встречаются в учебных изданиях.

Говоря о научности изложения, нельзя не отметить, что в учебнике средней школы одинаково противопоказаны как сугубая научность изложения, так и пренебрежение научной формой. Для сравнения приведем два отрывка из учебников географии для 5—7-го классов.

Многие животные полей и лугов питаются более мелкими беспозвоночными организмами. Не будь птиц и лягушек, многочисленные жуки и гусеницы оголили бы наши луга. В ясные солнечные дни на луга за нектаром прилетает неисчислимое количество пчел, шмелей, ос.

Над зелеными цветущими лугами днем и ночью летают многочисленные бабочки. Среди них можно определить капустниц, белых бабочек с черными пятнышками, боярышниц, гороховых белянок, желтых лимонниц и др. Под комьями земли на полях неподвижно сидят озимые совки с толстыми брюшками серого цвета. Их гусеницы приносят огромный вред полям. Поэтому их надо уничтожать... На красивых ярких цветах, богатых пыльцой, сидят различные жуки: бронзовки, божьи коровки и др.

На лугах обигают разнообразные кобылки и кузнечики, подгрызающие стебли злаков, и много разнообразных пауков...

По данным науки, территория Марийской республики сложена главным образом Верхнепермскими отложениями. Эти отложения образовались примерно 200 миллионов лет назад и получили свое название за широкое распространение их в Пермской области.

Верхнепермские отложения являются самыми древними породами и представлены уфимскими, казанскими и татарскими ярусами.

Уфимский ярус состоит преимущественно из красноцветных (бурых) песков и глин. Он залегает далеко от поверхности и обнаружен в немногих местах.

Желая дать занимательную и живописную картину мира насекомых, автор первого текста пренебрег научными формами характеристик (систематичность описания, однородность отбираемых признаков, научная терминология, четкие логические связи).

В результате четко воспринимаемой картины не получилось. В другом примере, наоборот, отмечается пренебрежение простотой изложения. Отрывок не будет воспринят из-за наличия в нем специальной терминологии, он недоступен учащимся данного возраста.

Фактический материал. Специфика учебной литературы требует особо внимательного отношения к анализу и проверке фактического материала. Важно, чтобы в поле зрения редактора попадали, кроме обычных объектов, еще и такие, как рациональное соотношение между теоретическим и прикладным материалом, посильность фактического материала (как по содержанию, так и по объему), разумная преемственность фактического материала в учебниках одной «горизонтали» и «вертикали».

В учебники отбирают только:

— типичные факты, которые раскрывают наиболее важные стороны изучаемых явлений, событий, объектов и помогают складывать основу для формирования научных понятий, обоснования и закрепления положений науки, законов и теорий;

— факты, дающие возможность делать выводы, способствующие развитию у учащихся диалектико-материалистического мировоззрения;

— факты, помогающие решать задачи политехнического обучения.

Мешает отчетливому усвоению материала перенасыщение текста фактами, как, например, в одном из параграфов учебника «Родной край» для 7-го класса. Параграф занимает всего 2 страницы, но в нем 10 дат, 6 имен исторических деятелей, 13 наименований государств, земель, городов, документов, 21 название предметов, товаров, народностей, описания 20 событий. Итого 70 единиц. Заучить столько фактов за один урок невозможно.

Редактор должен исключительно тщательно проверять фактический материал и не только по известным справочным источникам, но и, в случае необходимости, по последним научным трудам.

В одном из пособий авторы писали: *Почти год создавал Иван Федоров с помощниками несколько сотен экземпляров первой печатной книги. Книга вышла в 1564 г.* К тому времени, как появился этот учебник (1968 г.), в работах многих исследователей отмечалось, что издание Ивана Федорова было первой точно датированной русской печатной книгой, а начало книгопечатания на Руси надо отнести к более раннему сроку. Редактор мог это проверить.

Проверки требуют и расчеты, и описания, и предлагаемые для решения задачи. Редактор должен оценить и посильность расчета или решения задачи и саму возможность ее решения, реальность условия.

Построение учебника. Структура учебника средней школы, расположение глав, разделов и параграфов во многом определяют сознательность, глубину и прочность усвоения знаний учащимися.

Поэтому построению учебника необходимо уделять большое внимание.

В структуре учебника должен найти отражение ряд логических и методических требований.

Логические требования заключаются в том, что каждая часть должна охватывать законченный объект изучения и быть ступенью в познании предмета. Конечно, деление на части не будет шаблонным для всех предметов и ступеней обучения. В учебниках для 5—7-х классов единицы изучения сужены и просты, относятся к отдельным явлениям, к анализу отдельных событий. В учебниках старших классов в каждой части могут раскрываться уже и более сложные вопросы, связанные с объяснением явлений и событий, раскрытием их материальной природы, причинно-следственных связей. Изменяется и физический объем части.

Методически каждый параграф должен совпадать с объемом материала, изученного на уроке. Он должен быть таким, чтобы текст параграфа можно было разъяснить в течение урока в классе и задать на дом для чтения и закрепления.

Пристального внимания редактора требует обработка заглавий. Наилучший вариант, когда заголовок называет предмет параграфа и выражен в форме ключевого слова, а система всех заголовков дает учащимся представление о структуре предмета и его внутренних взаимосвязях. Каждый заголовок формулируется так, чтобы мысль, выраженная им, была наглядной. Заголовок должен быть как бы определяемым понятием, развернутое описание которого составляет содержание текста.

В массовом учебнике в качестве самостоятельных структурных элементов используются карты и иллюстративные таблицы.

Обязательной частью учебника является введение. Оно должно в занимательной форме рассказывать, что́ изучает данная наука, каково ее значение для общества и в жизни каждого человека. В учебниках по тем же предметам для старших классов введение обычно содержит указание на связь данного материала с ранее изученным и цель дальнейшего изучения предмета.

Структура изложения внутри параграфа предпочтительна такая, которая бы создавала определенные условия «самостоятельного» познания предмета. То, что должно быть изучено, возникает как вопрос, вытекающий из необходимости проникнуть в суть явления; затем он решается путем обсуждения уже известного, выдвижения гипотез и альтернатив, подтверждения их истинности опытами, новыми фактами, анализом событий и т. п. Здесь школьник как бы сам «открывает» закон, правило. Такой «доказательный» принцип изложения целесообразен при раскрытии сложных научных теорий, законов и понятий.

Другой метод заключается в простом изложении результатов познания. Лучше дать логическое определение понятия, чем раскрывать его содержание с помощью множества фактов, использовать которые при строго определенном объеме параграфов часто не представляется возможным.

Третий случай используется тогда, когда понятие или закон очень сложны для восприятия. В этом случае формирование представлений о них проходит через ряд тем, а иногда и через весь учебный курс. Содержание понятия раскрывается постепенно, через понимание его отдельных признаков, изложенных в параграфе. Особую трудность здесь представляет переход от одного признака к другому, установление тесных связей между параграфами.

Предполагается, что индуктивное построение предпочтительнее для изложения научных понятий, теорий и законов. Но не менее ценен и дедуктивный метод, позволяющий из более общих теорий и положений выводить другой, частный закон или из нескольких взаимно связанных — новый. При этом важно дать понять учащимся теоретическую ценность дедуктивного метода.

В описательных учебных курсах или их частях доказательность изложения не столь необходима. Важно лишь соблюдать однотипность описания однородных объектов знания (все описания по единому плану, по единым признакам), тщательность отбора элементов описания. При характеристике, например, технических устройств обычно указывают лишь принцип действия и основные элементы конструкции, освобожденные от технических деталей; при описании растений, животных или химических веществ — те свойства, которые позволяют отнести объект к данному классу, группе и т. п.

Методический аппарат. Не меньшего внимания от редактора требует методический аппарат частей и разделов — вопросы и задания. Их цель — обеспечить активное и прочное усвоение знаний, развить познавательные интересы учащихся. Одни в о п р о с ы и з а д а н и я могут предполагать только воспроизведение изложенного в параграфе (главе), другие — проведение более сложных мыслительных и практических операций: наблюдение, выявление новых фактов для подтверждения изученных положений, проведение опытов, расчетов, практических работ, сбора коллекций и т. п. Для ряда дисциплин рекомендуются и трудовые задания вроде конструирования приборов, постройки моделей и т. п.

В конце глав вместо вопросов и заданий часто приводятся в ы в о д ы, цель которых — помочь учащемуся обобщить и закрепить изученный материал. Но если выводов нет, то вопросы в конце главы должны быть построены так, чтобы руководить обобщением прочитанного. Методический аппарат может быть сведен к минимуму, если по учебному предмету имеются другие пособия.

При обработке вопросов и заданий редактор решает ряд методических и технических проблем. Отметим наиболее важные: целесообразен ли комплекс вопросов и заданий для данного параграфа и общей системы методического аппарата учебника?, достаточно ли пряма связь вопросов и заданий с материалом параграфа и ранее изученным материалом?, по силам ли ученику методический аппарат? Таковы проблемы методические. К техническим надо отнести количественную и объемную оценку элементов аппарата и оценку точности формулировок. Количество

вопросов и заданий определяется с учетом времени, которое учащиеся могут затратить на их выполнение. Вопросы и задания должны быть сформулированы четко, определенно и однотипно. В содержании заданий необходимо оценивать не только правильность условия задачи, но и возможность ее выполнения данным учащимся.

К сожалению, далеко не всегда редакторы уделяют достаточное внимание методическому аппарату. Приведем пример учебного пособия по региональной географии для 5-го класса. К параграфу «Воды», занимающему всего 4 страницы, здесь приложен следующий методический аппарат:

Вопросы и задания:

1. Какое значение имеют подземные воды для человека? Откуда вы берете воду для питья? Есть ли в вашей деревне (селе, городе) колодцы? Определите глубину залегания грунтовых вод в них, температуру и качество.

2. Важнейшие реки Удмуртии нанесите на контурную карту.

3. Ведите наблюдения за режимом своей реки и дайте ответы на следующие вопросы. Когда появляется первый лед на вашей реке? Установите продолжительность ледостава. Время вскрытия реки. Когда начинается ледоход, продолжительность его? Долго ли длится весеннее половодье? Когда устанавливается наибольший уровень воды в реке и наименьший? Какая разница между ними?

4. Во время весенней экскурсии на реку под руководством учителя изучите и опишите свою реку по такому плану: Название реки. Где находится ее исток? Куда она впадает? Какие притоки она имеет? Место экскурсии. Ширина и средняя глубина русла реки. Подробнее посмотрите задание в учебнике.

5. Есть ли у вас пруд? Как он используется? Что вы делаете для охраны прудов?

Невыполнимость этого комплекса вопросов и заданий очевидна. Отдельные из них непосредственно с содержанием урока не связаны, а в домашних условиях ученик их выполнить не сумеет. Как, например, он может установить в «весеннее время» «ширину и среднюю глубину русла реки»? Редактор должен был облегчить комплекс, оставив только те вопросы и задания, которые относятся к уроку непосредственно. Остальные можно было поместить в конце книги, в приложениях, в качестве рекомендаций для школьного географического кружка.

Язык учебника. Общие требования ясности, точности, выразительности языка, борьба с теми или иными его недостатками остаются главными и для редактора учебной книги. Однако в работе над языком и стилем учебника есть своя специфика, вытекающая из учета пройденной ступени обучения (возраста учащихся) и особенностей изучаемого предмета.

В учебниках начальных классов, универсальных по охвату знаний и дидактическим задачам, особого внимания редактора потребует оценка лексики и синтаксических средств.

В соответствии с методическими требованиями словарь первых учебных книг, в начале ограниченный конкретной (предметной) лексикой ближайшего обихода (семья, окружающая обстановка), постепенно расширяется. Переход к отвлеченной лексике происходит постепенно. Используются главным образом простые предложения с некоторыми элементами усложнения конструкций

к концу учебника. Рекомендуются в первых учебниках и точки в конце заголовков.

Редактору приходится следить не только за объемом используемой лексики (количеством ясных слов), но и за словоупотреблением. Предпочтительны слова с одинаковым контекстным и внеконтекстным значением. Недопустимо неточное словоупотребление.

Стиль учебников начальной ступени — образный и эмоциональный. Чем меньше возраст школьника, тем большее значение приобретает эмоциональная окрашенность изложения. Отсюда частое обращение авторов к ритмически организованным формам речи, которые нуждаются в редакторской оценке как по словоупотреблению, так и по художественным достоинствам. Ставится здесь задача и определенного стилистического воспитания. С этой целью используются народные формы речи (пословицы, поговорки, сказки), прозаические и стихотворные отрывки различных авторов. В соответствии с дидактическими задачами отрывки часто адаптируются. За качеством адаптации редактор должен следить внимательно, не допуская грубых искажений источника. Пример неудачной адаптации тем не менее встречается довольно часто. Так, автор одного из учебников, вместо того чтобы привести подходящую для того или иного случая пословицу или поговорку, прибегает к контаминации фразеологического оборота, не заботясь о выразительности и смысле высказывания. Вот несколько «образцов»: *«Кто рано встает, тот не опаздывает», «Были бы руки, а работа найдется», «У дома черная собака, не лает, не кусает, и в дом не пускает».*

Язык учебников для среднего школьного возраста, в зависимости от предмета, обычно в большей степени обогащен отвлеченной лексикой и более усложненными конструкциями (конечно, в соответствии с материалом, уже усвоенным на уроках русского языка). Обогащение словаря эмоциональной лексикой здесь необходимо рассматривать только в связи с содержанием предмета. В одних учебниках (например, по литературе и другим предметам гуманитарного цикла) употребление эмоциональных и образных элементов речи может расширяться; в других (учебники по естественным и точным наукам) — ослабляться; здесь речь по форме постепенно приближается к деловому стилю или даже к так называемому «языку науки» (термины, символические элементы формализованного языка).

В работе над языком и стилем учебников старших классов редактор должен исходить из общих принципов.

Во всех учебниках для средней школы редактору следует добиваться прежде всего строгого соблюдения общеязыковой литературной нормы. Словообразовательные и синтаксические особенности предметных учебников не должны отклоняться от словообразовательных моделей и структур, уже освоенных школьниками в процессе изучения русского языка. Слова, имеющие ограниченную сферу употребления, в учебники для начальной школы жела-

тельно не включать, а если уж они вводятся, то их смысл должен четко и однозначно выявляться контекстом. Вводить же термины в учебники для учащихся средних и старших классов нужно через определение или научное описание. Отбираться должны предпочтительно русские термины и только те из иностранных, которые не имеют полноценного русского эквивалента. В последнем случае этимологию термина необходимо раскрывать в подстрочном примечании. Следует также следить за однозначным употреблением слов и терминов в ряде учебников по «вертикали» и по «горизонтали».

Заметим, что проблема сохранения авторской индивидуальности в языке учебника не является доминирующей.

Графический материал учебника. Как уже указывалось, иллюстрирование учебника — коллективное творчество. Именно поэтому особенно велика роль ведущего редактора в подготовке и обработке графического материала. Иллюстрация в учебнике выполняет различные функции. Прежде всего это функция «предметная» — дать представление о предметах, объектах и явлениях, незнакомых учащемуся. Не менее важна функция «наглядности», когда графическое изображение помогает учащимся моделировать выраженные в словесной форме связи и отношения между явлениями действительности: количественные отношения (диаграмма, график), пространственные связи (карта, план, картосхема, картограмма и т. п.), временные связи (синхронистические, хронологические схемы-таблицы), классификационные (схемы структурные, субординационные и т. п.). Наконец, иллюстрация в учебнике используется и как мнемоническое (от «мнемоника», «мнемотехника» — совокупность приемов, облегчающих запоминание) средство, вызывая в процессе восприятия текста и изображения ассоциации, являющиеся опорой для быстрого и прочного запоминания прочитанного. Наконец, продуманно исполненный графический материал выполняет эстетические задачи: формирует правильные представления о прекрасном и, делая учебник внешне привлекательным, повышает интерес к изучению предмета.

Поэтому редактору необходимо *оценивать отбор иллюстраций*. Критериями отбора являются: ступень обучения, специфика предмета, особенности учебных объектов, особенности связи изображения с текстом.

В учебниках для младшего и отчасти для среднего школьного возраста предпочтительны предметные изображения. Особенно велико здесь значение образного рисунка, а для среднего возраста — и фотоснимка. Поэтому в учебниках для начальных классов даже отвлеченные понятия, такие, как счет, число, передаются через изображение предметов. Это делается потому, что отвлеченное мышление у читателей этого возраста еще не развито.

Для учебника старших классов характерно, наоборот, преобладание «отвлеченных» иллюстраций, которые соответствуют уровню излагаемых вопросов и приучают учащихся к использованию средств научной графики. Принципы эти, конечно, должны исполь-

зоваться разумно, с определенной постепенностью перехода в комплексе учебников «по вертикали».

Связано иллюстрирование и с предметом изучения. Описательные курсы требуют больше предметных изображений, теоретические — отвлеченных. Для такого предмета, как география, характерно, например, преобладание фотоснимков, для истории — рисунков и репродукций с исторических картин и документов, для математики — математических чертежей, от простейших к сложным. Но на первых ступенях обучения даже отвлеченным изображениям целесообразно придавать элементы образности. Так, например, в одном из учебников русского языка для 3—4-го классов структурная схема связи между главными членами предложения дополняется изображениями двух человечков, которые держатся за руки. В том месте, где объясняется, что эта связь сохраняется, даже если главные члены предложения разделены другими словами, нарисованы те же человечки, прочно держащиеся за руки, хотя их растаскивают другие человечки. Оба рисунка дополняют структурную схему разбора предложений и служат мнемоническим задачам.

Методические принципы требуют, однако, не только разнообразия используемых средств графического и художественного исполнения иллюстраций в комплексе учебников, но и постоянства их в группе учебников по «вертикали».

Объекты иллюстрирования избираются в зависимости от учебного предмета и содержания учебника. Для сюжетов иллюстрации отбираются те объекты, которые служат основой для разъяснения принципа, закона, правила, т. е. здесь соблюдается то же правило типичности, что и при отборе фактов. Так, сюжеты иллюстраций учебника истории должны давать представление об узловых событиях, включенных в изложение, о внешнем виде исторических документов, предметов быта и т. п., которые характеризуют эпоху. Во всех школьных учебниках нужны схемы, поясняющие динамику явлений, портреты выдающихся ученых и т. п. (например, в геометрии, для лабораторных заданий и т. п.).

Связь изображения с текстом в учебнике самая тесная как по содержанию, так и по месту расположения. Именно ради этого сейчас переходят к предварительному макетированию учебников.

Редактору приходится следить за совпадением слова и изображения, за тщательностью и точностью описания изображений.

В пособиях для младшего школьного возраста, где картинка создает прочные условия для последующего оперирования словом, совпадение слова и изображения должно быть абсолютным. Но именно в этих книгах довольно часты ошибки.

Редактирование сюжетов графических изображений в учебнике осложняется тем, что здесь встречаются и художественно-образные и научно-познавательные изображения. Как в тех, так и в других необходимо добиваться прежде всего обобщенности изображаемого и посильности для восприятия учащимся. От эстетически неприемлемых, ремесленнически слабых изображений, изо-

бражений, выполненных «разной рукой», необходимо избавляться в первую очередь. Следует избегать и повторения сюжетов, встречавшихся в ранее изученных учебниках. При редактировании отвлеченных изображений нужно обдумать возможности правильного восприятия их школьником. Исследователи — психологи, например, обнаружили, что моделирование отвлеченных понятий только одним изображением часто приводит к «ошибкам обобщения», когда по частному случаю судят о всех. Так, изображение одного варианта тупоугольного треугольника закрепляется в памяти как свойство всех видов тупоугольного треугольника. Очевидно, в подобных случаях надо увеличивать число вариантов изображений. Редактору необходимо обращать внимание также на относительную соразмерность изображаемого в пределах данного разворота книги.

Вопрос о подписях к изображениям в учебнике решается различно. Для учебника начальной школы, где изображение и текст — неразрывное целое, они не нужны. Не нуждаются в подписях картинки и в некоторых первых предметных учебниках. В большинстве же предметных учебников для школьников среднего и старшего возраста подпись должна точно называть изображение и объяснять его элементы. При ассоциативных связях между текстом и рисунком (это имеет место, например, в учебниках истории) подпись составляется как самостоятельная статья. Здесь надо следить за тем, чтобы, помимо названия изображения и его элементов, в ней были и другие пояснения, направляющие внимание ученика при изучении изображения. Условное обозначение изображения («рис.») используется только в подписях под иллюстрациями учебников по естественным и точным наукам.

Акцентировки. Особенностью любого учебника является продуманная система зрительно воспринимаемых (графических) акцентировок. Процесс осмысления учебного материала и необходимость его закрепления требуют выявления в тексте «опорных точек». Такими точками, помимо заголовков, служат внутритекстовые выделения терминов, имен, определений, правил, элементов методического аппарата. Еще в рукописи редактор продумывает и отмечает объекты выделения и решает с оформителями вопрос об используемых для этого средствах (шрифт, линейки, формат набора, цвет и т. п.). Обычно выделению подлежат те объекты, которые в соответствии с программой обязательны для запоминания. Выделений может быть немного — только необходимый минимум. Ненужные, повторные и вообще частые выделения не способствуют концентрации внимания, затрудняют усвоение и запоминание материала. К выделениям прибегают в предметных учебниках. В учебниках младших классов они применяются лишь для правил, которые ученику следует запомнить.

Аппарат издания. Выбор элементов аппарата и их размещение в учебнике тоже специфичны. В изданиях для начальной школы, которые одновременно служат и пособием учителю, аппарат обычно невелик и несложен. Это — минимально необходимые

выходные сведения и содержание, размещаемое в конце книги. Иногда включаются приложения, рассчитанные на учителя или на организацию работы школьных кружков.

В первых предметных учебниках аппарат может быть расширен за счет включения аннотированного перечня терминов, хронологических и иллюстративных таблиц, подборок карт. В учебниках для старших классов, которые рассчитаны уже на сравнительно квалифицированного читателя, рекомендуются предметные указатели (лучше аннотированные) и справочные таблицы (мер, констант, величин, стандартизированных обозначений и т. п.) в приложениях. В тексте, однако, необходимо ориентировать учащихся на пользование этими приложениями.

В содержание предметных учебников необходимо включать все рубрики; размещается оно часто перед текстом, ибо с содержания начинается выборочное пользование учебником.

Библиографического аппарата учебники средней школы обычно не имеют, так как учебник должен исчерпывать всю сумму знаний, а если есть необходимость, к нему прилагается хрестоматия или другое учебное пособие. Ссылки на источники цитат, к текстам документов или к текстам, изученным ранее, приводятся лишь в самом общем виде внутри текста в скобках. Рекомендации по источникам для внеклассного чтения или самостоятельной работы учащихся, тщательно отбираемым, включаются обычно в вопросы и задания.

Глава седьмая

РЕДАКТИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

Художественная литература составляет в наши дни значительную часть советской книгоиздательской продукции: по статистике 1966—1970 гг. 9,3% от общего числа названий и 31,8% от общего тиража. Ее выпускают, наряду со специальными («Художественная литература», «Советский писатель», «Современник»), издательства самого различного профиля. Соответствующие редакции есть в «Советской России», «Искусстве», «Молодой гвардии», Воениздате, Профиздате, во многих республиканских, подавляющем большинстве краевых и областных издательств.

Это обусловлено ролью художественной литературы в общественной жизни, ее функциональной значимостью.

«С продвижением нашего общества по пути коммунистического строительства возрастает роль **литературы и искусства** в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений, духовной культуры», — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду [1].

Партия направляет творческие усилия писателей на самое активное участие в великом общенародном деле. И с каждым годом выпускается больше книг интересных, талантливых, ярко раскрывающих жизненные явления.

В то же время, однако, публикуется еще немало произведений неглубоких, невыразительных, которые не способны воздействовать на ум и чувства советских людей, обогащать их духовный мир.

Непосредственным проводником требований, предъявляемых партией, нашим обществом к советским писателям, является редактор.

«...Издатели считают своим долгом поддерживать все подлинно талантливое, ценное, активно влиять на творческий процесс» [2].

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 87.

[2] Стукалин Б. И. Выступление на V съезде писателей СССР. — «Литературная газета», 1971, 7 июля, с. 9.

В своей деятельности они стремятся реализовать ведущие принципы, четко сформулированные на XXIV съезде КПСС: партийную принципиальность, взыскательность, нетерпимость к литературному браку, тактичное отношение к автору.

Работа над художественным произведением — особая область редактирования. Подход к тексту, критерии оценки, методика анализа — все здесь обусловлено спецификой самого предмета, которую коротко можно выразить так: художественная литература является видом искусства. Писатель, поэт, драматург используют слово, как скульптор — мрамор или бронзу, живописец — краски, композитор — звуковые сочетания, т. е. как средство эстетического исследования и воссоздания действительности.

Нужно отметить, что эстетическое познание отличается от научного не слагающими элементами, а их особым соотношением и сочетанием. Так, писатель использует наряду с образом и понятийно-логический аппарат; в свою очередь, в научных трудах, технических пособиях, учебниках определенное место занимают образные средства.

Отличие же в том, что в научной литературе образы вводятся для наглядности, для иллюстрации теоретических положений, играя второстепенную, вспомогательную роль, в то время как в художественном творчестве образ составляет сущность художественной мысли, основной, необходимый для писателя способ постижения явлений реального мира.

Поэтому редактор должен опираться в своей работе над текстом на главные, коренные свойства художественного образа, обеспечивающие могучее влияние его на все сферы духовной деятельности человека — ум, чувства, волю, фантазию. В качестве таких свойств на основе современных исследований можно выделить: чувственную конкретность; эмоциональную оценочность; органическую включенность личности автора; целостность (синтетичность); ассоциативность и многозначность.

В результате взаимодействия этих свойств создается характерный для искусства «эффект присутствия», иллюзия непосредственного, живого, личного восприятия действительности.

Именно эти основные свойства художественного образа и обусловливают в конечном итоге особенности работы редактора над произведением, специфичность: а) оценочных критериев; б) методики, приемов анализа.

1. КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Оценка рукописи — это важная идеологическая задача. От редактора во многом зависит, познакомится ли читатель с произведением действительно полезным, успешно проводящим в жизнь поставленные партией задачи укрепления коммунистической убежденности, идейной стойкости советских людей, задачи эстетического воспитания.

Плодотворность воздействия редактора на процесс совершенствования конкретной рукописи и всего творчества автора должна определяться объективностью, точностью выдвигаемых критериев оценки, их научной обоснованностью.

Разумеется, при работе над художественным произведением некоторая доля субъективности в редакторских суждениях неизбежна. Это вытекает из самой природы искусства, многозначности и ассоциативности образа, эмоционально-личностного характера эстетического восприятия. Однако в целом необходимо исходить не из интуитивных впечатлений, пристрастий и антипатий, а из установленных наукой закономерностей.

Прочную основу объективных критериев оценки дает редактору марксистско-ленинская эстетика. Только опираясь на ее теоретические положения, редактор может точно, а не приблизительно оценивать достоинства и недочеты писательского труда.

Основополагающим является **критерий коммунистической партийности,** включающий такие категории, как идейность, народность, правдивость.

Советский писатель соотносит изображаемую им действительность с коммунистическим идеалом. Верная идеологическая направленность, глубина постижения явлений выступают в качестве важнейшей меры ценности произведения, целесообразности его публикации.

Критерий партийности является общим для всех видов литературы, для всех изданий. Особенность его применения при редактировании художественного текста состоит в методологически верном соотношении с критерием художественности, обусловленным образной природой искусства.

Идейность в произведении искусства не может восприниматься читателем вне художественности, они взаимосвязаны и обусловливают друг друга.

Очень показательна ленинская трактовка художественной ценности произведения как органического сочетания ряда факторов: глубины социальной проблематики и значительности общественных идеалов автора, степени познания и правдивости отражения действительности; меры духовного богатства писателя и силы выражения его мыслей и чувств; эстетического совершенства [1].

Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972) еще раз напоминает советским писателям, критикам, издательским работникам, что борьба за партийность литературы неотделима от борьбы за ее художественные достоинства. Таково одно из коренных, изначальных требований нашей эстетики.

Какие же «составляющие» общего критерия художественности наиболее существенны при редактировании произведений самых различных жанров?

---

[1] См.: Столович Л. Ленин и проблема художественной ценности. — «Вопросы литературы», 1969, № 10.

Определяя их, мы опираемся на те основные свойства образа, о которых говорилось выше.

Прежде всего — **критерий единства содержания и формы.**

В любом виде литературы — научной, производственной, учебной, пропагандистской — содержание и форма изложения тесно взаимосвязаны. Следует, однако, особо подчеркнуть неразрывное единство содержания и формы как коренное условие художественности.

Сущность закона, технологического процесса не меняется в зависимости от того, будет ли о них сообщено в форме логического определения, описания, формулы, графика и проч. Художественный образ же в силу своей конкретно-чувственной природы просто не существует как эстетический феномен вне данной формы; художественная мысль реализует себя только через структуру данного произведения и неотделима от нее.

Для советского редактора ведущим является идейное содержание. Нельзя признать художественно полноценным произведение, лишенное глубины постижения жизни. В то же время несовершенство, приблизительность формы не позволяют автору достичь подлинной содержательности, желаемого воздействия на читателя, какой бы важный жизненный материал он ни затронул.

На XXIV съезде Л. И. Брежнев говорил: «... У нас все еще появляется немало произведений неглубоких по содержанию, невыразительных по форме. Иногда бывает даже, что произведение посвящено хорошей, актуальной теме, но создается впечатление, что художник подошел к своей задаче слишком легко, не вложил в свой труд всю силу своего таланта» [1]. Задача редактора — не допустить, чтобы такие серые, невыразительные произведения появлялись на книжных полках.

Одним из важнейших условий художественности является **оригинальность авторской манеры** или, как говорят, индивидуального почерка писателя.

Здесь сказывается свойство образа: синтез объективного и субъективного начал, одновременное отражение и познаваемого предмета и отношения к нему автора. Научные закономерности могут быть открыты разными исследователями независимо друг от друга, тогда как подлинно художественный образ неповторим.

Классическая русская литература дает яркие тому примеры. «В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле» [2].

Эти традиции продолжают и развивают советские литераторы под руководством Коммунистической партии. «Мы за внимательное отношение к творческим поискам, за полное раскрытие инди-

---

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 88.

[2] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 24. М., 1953, с. 66.

видуальности дарований и талантов, за разнообразие и богатство форм и стилей, вырабатываемых на основе метода социалистического реализма»[1], — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде.

Отсюда и то особое внимание, которое необходимо уделять своеобразию авторской манеры при редактировании художественного текста.

Следует подчеркнуть, что индивидуальная манера — даже при наличии большого таланта — формируется далеко не сразу; подчас она вырабатывается упорным, длительным трудом. Это подсказывает возможность ее совершенствования и в процессе совместной работы редактора с автором. Но подходить к этому надо очень тактично.

Всякая попытка нивелировать авторский почерк, «подравнять» его под что-то привычное не может не вызвать справедливого протеста писателя.

В. Вересаев говорил о правке одного из его «Невыдуманных рассказов» в журнале «30 дней»:

«Со строгостью учителя, твердо усвоившего все правила школьной грамоты, редактор следит за тем, чтобы все было написано, «как принято»... Редактора неудержимо тянет к банальнейшим газетным оборотам. У меня: «При таких настроениях Туза удалось его немножко обработать». Редактор переделывает: «Эти настроения Туза *были учтены*»... В результате я совершенно не могу признать рассказа своим, — такой пошло-банальный стиль придан ему редакторскою обработкою»[2].

Критерий индивидуальности творческой манеры выдвигает перед редактором художественного произведения ряд проблем.

Некоторые авторы видят свою главную и единственную цель в том, чтобы «выразиться необычно». Оригинальность в их рукописях превращается в оригинальничанье, манера — в манерничанье. Поэтому бережное отношение редактора к творческой индивидуальности неразрывно связано с борьбой против мнимого «новаторства», формалистических трюков и экспериментов.

Содержание понятия «индивидуальная творческая манера писателя» не сводимо к изобразительно-выразительным средствам, стилистическим приемам письма. Оно включает мироощущение литератора, его неповторимо личную способность «видеть, слышать, отбирать» явления действительности[3], обобщать связи и отношения, воплощать это самобытное видение окружающего в художественных образах. «...Оригинальность автора сидит не только в стиле, но и в способе мышления, в убеждениях и проч.»[4].

Недопустимо нарушение в процессе редактирования именно такого, подлинно творческого своеобразия авторской манеры.

Свойства художественного образа выдвигают в ряд наиболее

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 89.
[2] Вересаев В. О художественных редакторах. — В сб.: Редактор и книга, вып. 3. М., 1962, с. 11—12.
[3] См.: Паустовский К. Собр. соч., т. 6. М., 1958, с. 628.
[4] Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем, т. 13. М., 1948, с. 285—286.

существенных оценочных критериев также **эмоциональную емкость, ассоциативное богатство текста.**

Создание образа — не сопоставление одного факта с другим по законам логического рассуждения. Непосредственное представление о предмете обогащается здесь жизненным опытом, поэтическим ви́дением художника. Рассчитанный на сопереживание и сотворчество, образ вызывает целый ряд представлений, в зависимости от творческой фантазии и богатства эмоций читателя. Это порождает глубину и неисчерпаемость эстетического восприятия образа. Поэтому оценка художественного текста лишь с точки зрения логической определенности, количества непосредственно заключенной в нем информации — всегда будет односторонней, а часто и неверной.

Так, в шутливом лирическом стихотворении была строка: *Самолет, стальные крылушки,* ***серебряный*** *полет.* Редактор исправил выделенное слово на «стремительный», полагая, что такое определение сообщит читателям более конкретные сведения. При этом сочетание слов стало однозначным, оно не вызывает ассоциаций, не будит фантазию читателя, не действует на его чувства.

Но «если произведение не в состоянии душевно взволновать читателя, ⟨...⟩ то, что бы там ни говорилось, какие бы архиполезные и архиважные вещи ни высказывались, какие бы темы и проблемы ни ставились, — это не настоящее искусство. Нельзя пренебрегать этим законом искусства, так же как нельзя пренебрегать законом всемирного тяготения»[1].

Однако эмоции и ассоциации читателя должны вызываться самим изображением, а не навязываться авторскими декларациями.

Короленко писал А. Б. Дерману о присланной ему рукописи: «Второй недостаток — преувеличенная чувствительность. «Я чуть не крикнул от ужаса», «я зарыдал». Между тем, читатель и не вздрагивает и не особенно тронут»[2].

Опытный редактор подскажет автору путь устранения такого противоречия между ассоциациями, которые должен был вызвать текст, и восприятием его читателем — путь внутреннего эмоционального насыщения образности повествования.

«Сухо, не четко, **мало красочно написано** богослужение лам, **не показана** театральность праздника, **не изображены** уродливые маски и **не чувствуется** дисгармоничность музыки (выделено нами. — *Авт.*). Все это нужно написать и — Вы можете написать»[3] — такое замечание М. Горького побудило С. Бондарина переработать ряд эпизодов «Монгольского детства», направило на верный путь творческие усилия молодого тогда автора.

---

[1] Айтматов Ч. Выступление на V съезде писателей СССР. — «Литературная газета», 1971, 7 июля, с. 8.

[2] Редакторские письма В. Г. Короленко. — «Книга. Исследования и материалы», вып. 14, с. 85.

[3] Бондарин С. Красный карандаш Горького. — В сб.: Редактор и книга, вып. 4. М., 1963, с. 189.

Но бывает и так, что автор, стремясь всячески усилить эмоциональное воздействие изображаемого, нагнетает «образные детали», которые могут вызвать у читателя чувства и ассоциации, отнюдь не нужные писателю. Долг редактора и здесь указать автору на его ошибку.

Следующим существенным оценочным критерием художественности является **целостность** восприятия образов, всего повествования. В сознании человека — и писателя и читателя — образ возникает не как сумма отдельных элементов, а как единая поэтическая картина. И эту особенность очень важно учитывать редактору.

Свидетельство тому — замечания редакторов-классиков в письмах к начинающим литераторам, в пометках на полях рукописей.

«Надо, чтобы читатель воспринимал образы автора сразу, как удар, а не задумывался над ними, не соображал: «как это?» — пояснял М. Горький [1].

«...Беллетристика должна укладываться сразу, в секунду», — писал А. П. Чехов [2]. И описания, при восприятии которых у читателя возникает не целостный образ, а конгломерат не сливающихся воедино подробностей, он считал несостоятельными, нехудожественными. «...Набор же таких моментов, как сумерки, цвет свинца, лужа, сырость, серебристость тополей, горизонт с тучей, воробьи, далекие луга — это не картина, ибо при всем моем желании я никак не могу вообразить в стройном целом всего этого» [3].

Отметим, что критерий художественной целостности относится не только к образу, рассчитанному на одномоментное восприятие, — сравнению, метафоре, — но и к так называемому нелокализованному образу, составляющие которого могут находиться в тексте книги на значительном расстоянии друг от друга (например, портретные штрихи). И в этом случае редактору необходимо определить, сливаются ли они воедино в сознании, воображении читателя, синтезируются ли в художественное целое.

Этот аспект существен при рассмотрении характеров героев — образных компонентов, занимающих важнейшее место в эстетике реалистического произведения, а следовательно, и в оценке его редактором.

В. Г. Короленко, например, в своих редакционных книгах и письмах авторам нередко отмечал, что обильные описания поступков, раздумий того или иного персонажа не создают в воображении читателя внутренне целостной картины его духовного мира. «Психология мозаична, не складывается в образ», — писал он о главном герое рассказа Н. П. Бударина «Орна № 1». «Это... не одна большая картина, а множество психологических фотографий, отдельных моментов, наклеенных рядом на огромное полотно,

---

[1] Шкапа И. Горький и журнал «Наши достижения». — «Москва», 1957, № 12, с. 185.

[2] Чехов А. П. Собр. соч. в 12 т., т. 12. М., 1957, с. 341.

[3] Там же, с. 82.

утомляющих и пестрящих в глазах...», — так оценил Короленко многочисленные описания мыслей и чувств героини в рукописи романа В. В. Тимофеевой-Починковской «История одной жизни». И здесь он счел важным напомнить: читателю нужно «психологическое и жизненное **целое**» (выделено нами. — *Авт.*) [1].

Показательно, что о целостности читательского восприятия образа героя В. Г. Короленко заботился и в тех случаях, когда автор стремился дать его характер в развитии, в становлении. «Читатель должен **видеть** прежнего человека и в новом **узнать** прежнего» [2], — писал он.

Нередко эстетическая цельность образного повествования нарушается из-за неумения автора строить сюжет. Именно такой просчет отмечал А. А. Фадеев в романе И. Мележа «Минское направление». Он советовал «на более долгие сроки жизни задерживать в поле внимания читателя главных героев романа... Когда Вы одну линию развития слишком часто перемежаете с другими, перебиваете ее посторонними эпизодами, получается та мельтешня, суета, при которой никого хорошенько не удается рассмотреть, никого не успеваешь полюбить, — читатель ненавидит это, ему становится скучно» [3].

Наконец, существенным показателем художественности произведения служит критерий **точности.** Не следует лишь забывать, что в данном случае речь идет о точности особого рода — художественной. Специфичность этого критерия состоит в том, что он включает в себя в процессе редакторского анализа следующие аспекты: во-первых, точности жизненной, изобразительной (образ как отражение действительности); во-вторых, точности эмоциональной соотнесенности с замыслом произведения (образ как выражение мыслей и чувств писателя); в-третьих, точности воздействия на воображение, чувства, ассоциации читателя (образ как средство эстетического сопереживания и сотворчества).

Приведем пример редакторской работы, учитывающей все эти критерии оценки образа.

В рукописи было: *По черному, снегом притрушенному суходолу Харитонин брел в одном исподнем белье.* Редактор предложил заменить всего одно слово: *По* ***выжженному,*** *снегом притрушенному суходолу Харитонин брел в одном исподнем белье.* Что дала эта поправка? Устранена изобразительная неточность (если суходол *притрушенный снегом,* то он уже не черный), «теснее» стала связь образа с авторским замыслом (война выжигает, губит все живое). Усилилось и его воздействие на воображение читателя.

М. Горький вспоминал, что Л. Н. Толстой и А. П. Чехов показывали ему изобразительные неточности в ранних его произведениях. «А. П. Чехов сказал мне о Медынской в «Фоме Горде-

---

[1] См.: Летов Б. Д. Из опыта редакторской работы В. Г. Короленко. — В сб.: Лекции по теории и практике редактирования, вып. 4. М., 1961, с. 99—100.
[2] См. там же, с. 104.
[3] Фадеев А. А. Собр. соч. в 7-и т., т. 7. М., 1971, с. 471, 472.

еве»: «У нее, батенька, три уха, одно — на подбородке, смотрите!». Это было верно, — так неудачно я посадил женщину к свету»[1].

Горький часто обращал внимание авторов на неточности в изображении предметов. Он напоминал, что подобный просчет может быть не только зрительного, но и слухового плана. Встретив у И. П. Шухова определение «искрящийся свист», он отметил: «свист — не смех, он не «искрится», это звук непрерывный, режущий ухо»...[2].

Нередко серьезные возражения может вызвать и описание, в котором изобразительная достоверность полностью соблюдается, но возникает неточность другого плана — нет внутренней эмоциональной соотнесенности изображения с общим замыслом произведения, отношением литератора к данному персонажу. В таких случаях читательский отклик будет эмоционально негативным, на что автор отнюдь не рассчитывал.

Все перечисленные выше оценочные критерии важны при работе редактора над разными жанрами художественной литературы, а также над различными компонентами одного и того же произведения.

В то же время в процессе анализа текста редактор оперирует и более частными критериями, в зависимости от жанровой специфики произведения и от того, какие «образные единицы» он в данный момент рассматривает (сюжетную ситуацию, портрет, деталь и т. д.). И здесь его оценки основываются на установленных наукой закономерностях использования этих компонентов в реалистическом произведении, применять которые также следует творчески.

2. МЕТОДИКА РЕДАКТОРСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Образная природа художественной литературы обусловливает не только критерии оценки, но и методику редакторского анализа: его приемы, ход, последовательность отдельных этапов, способы членения текста.

При этом особая позиция редактора побуждает его совмещать три аспекта исследования произведения, рассматривая его с точки зрения процесса художественного творчества автора, процесса эстетического восприятия читателя и в то же время — как объективно существующую систему.

Необходимо, следовательно, выработать такие способы и приемы характеристики текста, которые учитывали бы специфику данных процессов.

Задача соответствия, адекватности методики анализа предмету исследования здесь предполагает прежде всего **особое соотношение объективно-логических и субъективно-эмоциональных моментов.**

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 24, с. 490.
[2] Там же, т. 30, с. 223.

Чувственно-конкретный характер образа, его субъективно-оценочное «наполнение», ассоциативность и многозначность, его ориентированность на сопереживание читателя — все это, как уже говорилось, определяет важную роль эмоций как в ходе создания, так и в ходе восприятия произведения. Поэтому и в процессе его редактирования **эмоциональные моменты занимают особое место.**

По самому существу своему художественное произведение предназначено для непосредственного субъективного эстетического восприятия. Редактору необходимо строить свой анализ с учетом этого восприятия, опираясь на него, исходя в известной мере из него.

Эмоциональная отзывчивость, впечатлительность, богатство воображения — обязательные требования к тому, кто берется помочь писателю совершенствовать художественное произведение.

Разумеется, редакторский анализ текста, как и всякий другой, переводит творение искусства с языка образов на язык понятий, но важно при этом, как говорил известный критик и талантливый редактор Н. И. Замошкин, — «чтобы редактор ни на одно мгновение не утрачивал живого ощущения... эстетической природы произведения»[1].

В то же время редактор должен не только чувствовать, но и знать, не только живо воспринимать, но и объективно судить, анализировать. И это отнюдь не противоречит сущности, природе искусства. Самому вдохновенному творчеству непременно сопутствует логический контроль. Вместе с тем, и полноценное восприятие образа требует значительной активизации не только эмоций и воображения, но и мышления читателя.

Все это позволяет сделать вывод, что **методика** редакторской работы над рукописью должна соединять в себе **поэтическое восприятие художественного текста и его научное исследование.**

Начинать работу над рукописью необходимо с предварительного прочтения произведения, закрепив в памяти первое впечатление о нем. Лишь после этого можно приступить к изучению и обстоятельному анализу.

Однако следует методически верно представлять себе соотношение, взаимосвязь этих двух этапов редакторской деятельности. «Закрепить в памяти первое впечатление» — отнюдь не значит считать его несомненным, безошибочным.

Наоборот, нередко в процессе анализа приходится признать, что первое представление о рукописи было односторонним, неточным. Не случайно В. Г. Короленко подчеркивал: «трудно отрешиться от первоначальных впечатлений», но нужно уметь «от них несколько отодвинуться»[2]. И в своей редакторской практике он не раз демонстрировал такое умение. При знакомстве, например, с рукописью С. П. Подъячева «По этапу» ему показалось, что

[1] Замошкин Н. И. Заметки о редактировании. — В кн.: Спутники нашей жизни. М., 1964, с. 194.

[2] См.: Летов Б. Д. Из опыта редакторской деятельности В. Г. Короленко.— «Книга. Исследования и материалы», вып. 6. М., 1962, с. 204—205.

произведение это слабое, повторяющее ранние очерки автора, и публиковать его нецелесообразно. Но затем Короленко убедился, что вещь не столь уж неудачна, и в его редакторской книге появилась запись: «Неверное впечатление: я написал автору, чтобы прислал опять, устранив повторения»[1].

Результаты редакторского анализа произведения фиксируются, как известно, в рабочей рецензии, заключении, замечаниях на полях. Рассматривая их с точки зрения методической, необходимо обратить внимание прежде всего на доказательность, внутреннюю обоснованность характеристик и выводов.

И здесь нельзя не заметить следующее. Нередко при ознакомлении с издательской документацией такого рода трудно отделаться от мысли, что редактор (и рецензент) в своей работе над текстом так и не пошел дальше первого этапа — непосредственного читательского восприятия и изложения своих личных эмоциональных впечатлений.

Нельзя сводить разбор произведения к характеристикам типа: «бледно», «не впечатляет эта сцена», «очень волнующе», «не нравится мне разговор героев».

В основе творческого процесса писателя, как и восприятия его произведений читателем, лежат объективные закономерности, которые литературоведческая наука фиксирует в специальных категориях, понятиях. И редакторская работа предполагает использование (разумеется, не догматическое!) системы этих понятий в качестве инструмента исследования. Именно профессионально умелое их применение дает возможность достичь доказательности, мотивированности суждений, т. е. в известной мере определяет научный уровень методики разбора текста, аналитическое мастерство редактора.

В то же время необходимо учитывать, что литературоведческий и редакторский анализ — это два относительно самостоятельных аспекта изучения художественного текста.

Особая цель (помочь автору в совершенствовании данного произведения), особый объект (еще не увидевшая свет рукопись), и, наконец, сугубо практическая направленность (подготовка к изданию) — все это обусловливает специфичность методики редакторского анализа, отличает его от литературоведческого (ставящего своей целью, как правило, всестороннее научное исследование) и критического (который раскрывает читателю смысл и особенности вышедшей в свет новинки, демонстрирует ее достоинства и недостатки).

Редактору нет необходимости повторять строгую «многоступенчатую» схему (идея — тема — сюжет — характеры героев — язык). Отбор тех компонентов, которым он уделяет основное внимание в процессе анализа, всякий раз сугубо индивидуален, диктуется особенностями конкретного произведения, направлением дальнейшей работы автора над текстом (если она необходима).

---

[1] Короленко В. Г. Избранные письма, т. 3. М., 1936, с. 162.

Неприемлем в редакторской практике и весьма распространенный в критических статьях способ характеристики с помощью так называемого «пересказа с комментариями», хотя и можно позаимствовать отдельные методически ценные его моменты: постоянное возвращение к авторскому тексту, применение наиболее близкой и убедительной для автора аргументации.

Как же строить редакторский анализ?

Поскольку творение художника в его чувственной конкретности, цельности, синтетичности воздействия по существу своему враждебно всякому расчленению, то методика редакторского анализа предусматривает специфическое проявление связей общего, целого и частного, отдельного. Причем не только в начальной и конечной стадии разбора, но и на всем его протяжении.

Те или иные компоненты характеризуются и оцениваются в их постоянной соотнесенности с художественным целым. Изучая структуру произведения на уровне частных звеньев — а это необходимый этап редактирования, — следует все время помнить об их взаимозависимости, их роли в общем звучании.

Характерный пример — ход рассуждений С. Маршака при редактировании рукописи Яна Ларри. Речь шла об одном из элементов повести — лирических отступлениях, которые самому автору «казались очень удачными».

— Это же плохо! — грустно улыбнулся он. — Плохо не потому, что плохо написано, а потому только, что эти отступления не в стиле произведения... Ну, подумайте сами: работают ваши лирические отступления на идею повести? Нет! На развитие сюжета? Нет! Может быть, усиливают настроение?.. В сущности, это украшение так же уместно здесь, как красивая перламутровая пуговица на лабораторной колбе».

И убежденный автор сказал: «Вычеркиваем!»[1].

Только глубоко проникая в общую образную структуру, поэтическую интонацию данного произведения и выверяя целым каждую частность, каждую деталь повествования, редактор может по-настоящему помочь автору.

Интересный пример такого плана приводит Р. Райт-Ковалева. Переводчики романа У. Фолкнера «Деревушка», в котором впервые появляется героиня всей трилогии Юла Уорнер — пока еще ребенок, — не подумали о том, что в этой девочке уже дремлет будущая «Елена Прекрасная», что для автора она — неотразимое воплощение «вечной женственности». Поэтому в обрисовке внешности и поведения Юлы они переводили многие английские выражения лексикой сниженной, упрощавшей и огрублявшей образ.

Редактор не стал сам править текст, он помог переводчикам воссоздать всю «линию» героини, постичь замысел писателя — и сразу появился иной образный ряд: губы стали не «толстые», а «пухлые», походка не «ленивая», а «с ленцой», кожа не «бесцвет-

---

[1] См.: Ларри Ян. Поиски прозрачного слова. — В сб.: Редактор и книга, вып. 4, с. 281.

ная», а «матовая». «И оттого, что талантливые переводчики, прислушавшись к советам редактора, увидели эту неулыбчивую, медлительную и спокойную красавицу именно так, как ее видел Фолкнер, отбор слов пошел по другому руслу — и Юла посмотрела на мир «волооким» взором, а не «коровьими» глазами» [1].

В ходе анализа можно охарактеризовать тематику, фабулу произведения, можно сказать о частных элементах языка, даже прибегая к цифровым выкладкам (например, редактор «статистическими показателями» демонстрирует автору неоправданное нагромождение однокорневых слов, однотипных конструкций и проч.). Но главная задача редактора — уловить своеобразие образной структуры в конкретном творении искусства и подсказать писателю отвечающие его творческой манере способы совершенствования рукописи в целом и отдельных ее элементов.

Готовых рецептов решения данной задачи не существует. Каждый раз приходится искать особый путь к неповторимой индивидуальной целостности произведения.

При этом напомним, что редактор рассматривает произведение не только как завершенную, замкнутую в себе систему. Он стремится как бы заново пройти «дорогу созидания», которой шел автор, и в то же время предвосхитить воздействие рукописи на читателя. Функциональный подход требует динамического, а не статистического построения анализа.

В методическом плане этому способствует прежде всего правильный выбор «отправной точки» исследования. Такой «отправной точкой» для редактора является авторский замысел.

Конечно, более глубокому пониманию произведения помогает знакомство с историей его создания, черновыми набросками, различными вариантами текста.

Но в практике издательской работы над сочинениями современных авторов редактор, как правило, не располагает подобными материалами. Динамику творческого процесса он прослеживает в лежащей перед ним рукописи.

Изучая ее, он стремится постичь авторский замысел, поэтическую идею, как говорил В. Г. Белинский, пафос произведения.

Как можно более полно определить авторский замысел — к решению этой исходной задачи редакторского анализа нельзя подходить упрощенно. Такая упрощенность неминуемо проявляется, если мы пытаемся выразить его в виде краткой, однозначной формулы, логического тезиса, общего рассуждения «на тему», игнорируя образную природу искусства, индивидуальность писательского ви́дения.

Иногда редактор пишет в своем заключении: «Замысел автора несложен». Но далее переходит к изложению всего лишь фабулы рассказа или повести. Замысел истинно художественного произведения всегда сложен. Чаще всего он возникает как живой образ. «В основе его всегда лежит что-нибудь очень конкретное, зримое,

---

[1] Редактор и перевод. М., 1965, с. 9.

что можно ощутить — человеческое лицо, город, родные улицы, чем-то поразивший предмет. Не представляю, что работа писателя может начаться с голого тезиса»[1], — замечает В. Панова.

Из соотнесения первоначально возникшего конкретно-чувственного образа со всем жизненным и нравственным опытом художника, его мировоззрением и мироощущением рождается нередко и проблема, и тема, и жанр, и сюжет, — то, что можно назвать «координатами художественного мышления».

Взаимодействие этих основных категорий — идейной направленности, глубины, правдивости поэтического замысла и совершенства его воплощения — определяет дальнейший ход редакторской работы над текстом.

Здесь нередко возникают две противоположные по своему характеру методические ошибки. Первая из них: определив замысел, намерения писателя, редактор в дальнейшем характеризует и оценивает только этот замысел, не рассматривая по существу реальную ткань произведения. Вторая ошибка: он видит лишь то, «что получилось» и не задумывается, а что же хотел выразить автор, какие задачи перед собой ставил?

Должен ли редактор влиять на творческий замысел писателя? Опыт лучших редакторов позволяет ответить на этот вопрос положительно.

«Редактор замыслов» — не случайно так назвал свои воспоминания о С. Маршаке писатель И. Рахтанов[2].

Если замысел литератора не отвечает критерию партийности, является идейно-чуждым, нежизненным, шаблонным, то задача редактора прямо и определенно сказать об этом, отказавшись от дальнейшей работы над рукописью.

Но если сам замысел интересен, а неудачи возникают в процессе его воплощения, то цель редактора — помочь автору в создании книги.

В динамическом взаимодействии любого отдельного образа и всей поэтической структуры создаваемого произведения идет координация: целое обусловливает детали изображения, а детали в свою очередь вносят изменения в звучание целого.

Анализируя лежащую перед ним рукопись, редактор видит, где «координация» была полной и совершенной, а где — недостаточной, либо вовсе нарушенной.

Потому-то, в частности, так мало плодотворен прием разбора художественного произведения «по образам героев» — изолированных характеристик одного действующего лица за другим с проставлением «оценочных баллов» («ярко обрисован такой-то», «недостаточно полно выведена такая-то»). Или столь же изолированное рассматривание отдельных сюжетных ситуаций в их чисто внешней последовательности.

Ведь при создании писателем образов героев решающую роль играет внутренняя взаимообусловленность событий, обстоятельств,

[1] См.: Ковалев А. Г. Психология литературного творчества. Л., 1960.
[2] См.: Редактор и книга, вып. 4.

характеров. А. Фадеев рассказывал, например, что Метелица был намечен им как «десятистепенная фигура», и только в процессе работы над третьей частью «Разгрома» он почувствовал, что этот образ особенно важен, так как оттеняет свойства личности Левинсона. Именно это заставило А. Фадеева более полно разработать образ Метелицы и отвести ему существенную роль в развитии действия, включив в роман ряд новых эпизодов[1].

Только определив роль персонажей в образной структуре произведения, рассмотрев их во всей сложности взаимоотношений, связей с авторским замыслом, редактор сможет уяснить себе, достаточно ли полно и многосторонне изображен каждый, и дать обоснованные рекомендации.

Один и тот же образный элемент одновременно включается в разные системы отношений, в несколько контекстов. Он органически взаимодействует с другими, влияет на них и в свою очередь испытывает их влияние.

Следовательно, редактору особенно важно суметь разобраться «в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства»[2]. И эта задача оказывает самое непосредственное влияние на методику его работы над текстом.

Сложное соотношение в процессе создания и восприятия произведения отдельных его «составляющих» обусловливает **своеобразный «возвратно-поступательный» ход редакторского анализа текста.** Это путь бесконечных возвращений от рассмотрения и оценки частных элементов — сюжетных, композиционных, стилевых — к замыслу, поэтической структуре, общему звучанию целого.

Это путь единственно возможный, так как он полностью отвечает особенностям художественного мышления писателя и эстетического восприятия читателя. «Методика» же характеристики произведения как простого набора легко разъединяемых и в любой последовательности изолированно рассматриваемых отдельных элементов не проясняет внутренних причин тех или иных художественных просчетов, а толкает лишь к механическому «исправлению», «дописыванию» эпизодов, «сочинению» изобразительных подробностей, нередко чуждых общему звучанию, творческой манере автора.

Редактор же должен быть уверен, что его замечания вызовут подлинно творческую реакцию и он увидит, как возникнет более точный и удачный вариант. Вот как рисует результат такого плодотворного содружества редактора и автора Н. И. Замошкин: автор «блаженно отдыхает после только что поставленной им в своем произведении точки, он наслаждается сознанием исполненного долга, — и вот в этот момент появляется редактор, со своими замечаниями, поправками и предложениями... Это все равно, что усталому путнику, только что достигшему крутой вершины, цели его путешествия, сразу же указать на новый подъем, который

---

[1] О писательском труде. М., 1955, с. 311.
[2] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 269.

он должен тут же преодолеть... И автор снова идет, и постепенно, не сразу входит во вкус нового путешествия. Перед ним встает новая точка подъема... И понемногу работа захватывает автора»[1].

Такой путь совершенствования рукописи совместными усилиями писателя и редактора и является подлинным редактированием художественного произведения.

3. РАБОТА РЕДАКТОРА НАД ЯЗЫКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Язык художественной литературы и литературный язык

Редактор, работая над произведением художественной литературы, практически решает многие вопросы, связанные с проблемой языка. Он делает это, руководствуясь состоянием литературного языка, его требованиями, перспективой его развития. Вместе с тем редактор литературно-художественного произведения исходит из специфических требований языка художественной литературы.

Язык художественной литературы и литературный язык не тождественны друг другу. Их общественное назначение, область применения, внутренние требования неодинаковы.

Литературный язык обслуживает всю культурную деятельность общества, все более усиливает свою роль и значение, отличается образцовостью и нормативностью. Устойчивые нормы, закрепляемые в грамматических учебниках, справочниках, словарях, всесторонне упорядочивают литературный язык, управляя произношением, написанием, грамматикой, словарем.

Язык художественной литературы обслуживает только одну сторону деятельности общества, границы которой указывает сам термин. Поэтому, а также потому, что он требует не одной грамотности, но и особого дарования, язык художественной литературы не претендует и не может претендовать на общеобязательность. Однако он доступен теперь самому широкому восприятию, все возрастающему кругу людей, имеет огромное воспитательное значение, оказывает непосредственное влияние на развитие литературного и общенародного языка.

Казалось бы, самое простое и радикальное решение вопроса — поставить язык художественной литературы в прямую и полную зависимость от литературного языка. К такому решению склоняются в своей практике некоторые редакторы. Последствия очевидны и печальны — нивелировка и шаблон.

Печально, когда догматически усвоив общие правила практической стилистики, начинают черкать рукопись; когда, например, рекомендация избегать повторений однородных слов становится непреложным правилом и устраняется всякий повтор.

---

[1] Замошкин Н. И. Заметки о редактировании. — В кн.: Спутники нашей жизни, с. 199.

Прекрасный, чистый, учтивый извозчик повез его мимо прекрасных, учтивых чистых городовых, по прекрасной, чисто политой мостовой, мимо прекрасных, чистых домов к тому дому на канаве, в котором жила Mariétte[1].

Возразить против настойчивых повторений в этом отрывке значило бы не согласиться с замыслом автора и не заметить четкой ритмической организации фразы. Посредством многократного употребления эпитетов «прекрасный», «чистый», «учтивый» Л. Толстой выражает резкий контраст между благопристойной лощеной внешностью и нравственной нетребовательностью представителей эксплуататорского класса. В контексте эпизода обличительный замысел автора становится вполне очевидным.

Когда в рукописях художественных произведений редактор встречает погрешности против языка и стиля, он должен, опираясь в некоторых случаях только на грамматику и практическую стилистику, помочь автору устранить очевидные лексические и стилистические ляпсусы.

...Каждый стремился войти в глубь сознания любимого как можно прочнее, утвердиться там на долгое время. Это не делалось сознательно.

Повторение однокоренных «сознания» и «сознательно» в этом отрывке является стилистической небрежностью. Едва ли удачно также выражение *войти в глубь сознания любимого.*

Подобные погрешности языка и стиля встречаются не только в рукописях, но и в опубликованных художественных произведениях, потому так широко применима практическая стилистика. Но надо чувствовать грань, где практическая стилистика литературного языка должна уступить место стилистике художественной речи.

К числу аксиоматических относится положение: «Хорошего произведения с плохим языком быть не может»[2].

Язык в художественном произведении — главный элемент его формы и «вместе с нею служит средством к цели. В этом и должна состоять основа нашего отношения к вопросу о языке в художественной литературе»[3].

Обычно к основным функциям языка относят номинативную, коммуникативную и экспрессивную (выразительную).

В художественной литературе слово служит средством создания художественного образа. Эта функция, специфическая для языка художественной литературы, влияет на все другие функции языка: они оказываются от нее в определенной зависимости, степень этой зависимости не распространяется равномерно по всей словесной ткани произведения. Однако чем последовательнее осуществлен принцип образного отражения действительности, тем очевиднее значение слова как средства создания художественного образа и его влияние на другие функции языка. Тем отчетливее

---

[1] Толстой Л. Н. Воскресение. — Полн. собр. соч., т. 32, М., 1936, с. 254.
[2] Федин К. Мастерство писателя. — «Литературная газета», 1961, 25 марта.
[3] Федин К. Писатель, искусство, время. М., 1957, с. 338.

выступает смысл и значение образных определений: художественная литература — искусство слова, писатель — художник слова.

Слово в художественном произведении называет, сообщает и выражает что-либо соотносительно с художественным образом и в зависимости от него. Нередки случаи, когда сущность последнего и логика его развития нарушают обычное действие основных функций литературного языка. Предмет может быть назван неточно, сообщение лишено всякого смысла, экспрессия может возникнуть на основе, чуждой литературному языку, тому, что принято считать выразительным. Вспомним, к примеру, косноязычного Акима из драмы Льва Толстого «Власть тьмы»:

Да ведь, это, значит, тае, мужики кривье как-то, тае, делают, коли кто, тае, Бога забыл, значит. Это, значит, не к тому [1].

Косноязычие толстовского Акима вызвано задачей речевой характеристики. Но задача эта не самоцель. Убогая и неправильная речь Акима выражает его сознание и бытие, есть существенная черта его образа, представленного в системе словесно-художественных образов, раскрывающих «власть тьмы».

Слово в художественном произведении сохраняет свою форму и значение, укрепившиеся за ним в литературном или общенародном языке, и в то же время обретает новые краски и значения или оттенки значений, потому что выполняет специальную функцию. «Слово в художественном произведении, совпадая по своей внешней форме со словом соответствующей национально-языковой системы и опираясь на его значение, обращено не только к общенародному языку и отражающему в нем опыту познавательной деятельности народа, но и к тому миру действительности, который творчески создается или воссоздается в художественном произведении.» [2] Это высказывание академика В. В. Виноградова о положении слова в художественном произведении перекликается с высказыванием проф. Г. О. Винокура: «Язык с своими прямыми значениями в поэтическом употреблении как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла, и вот почему художнику не все равно, как назвать то, что он видит и показывает другим. Когда поэт говорит:

На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней,

то для него дождь, разумеется, не перестает быть тем, чем он является для каждого человека, но в то же время это не дождь, а слезы, которые он видит своим художественным зрением... Поэтическое слово, — делает вывод проф. Г. О. Винокур, — в принципе есть рефлектирующее слово» [3].

Рефлективность поэтического слова и целенаправленное использование этого свойства для исполнения художественного замысла

[1] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 26. М., 1936, с. 182.
[2] Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 125.
[3] Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 390.

служит основой и условием искусства слова. Отметка «в принципе» должна быть учтена редактором, чтобы не возникало ни преувеличенных представлений о словесной рефлексии, ни придирчивых требований к ней.

Образность художественной речи

Язык художественной литературы отличается интенсивной образностью и повышенной выразительностью (экспрессивностью). Художественные произведения обогащают язык крылатыми словами и выражениями.

«Дым отечества», «Все флаги в гости будут к нам» — эмоциональные, содержательные, насыщенные ассоциациями и долговечные образы. Это очевидно и без контекста. Все же содержащийся в них комплекс представлений первоначально раскрыл и обозначил контекст.

Океан — дело воображения. Какая нелепость и канцелярщина! — может сказать иной читатель. Но он, вероятно, изменит свое суждение, когда прочитает:

> Океан — дело воображения. И на море не видно берегов, и на море волны больше, чем нужно в домашнем обиходе, и на море не знаешь, что под тобой.
>
> Но только воображение, что справа нет земли до полюса и что слева нет земли до полюса, впереди совсем новый, второй свет, а под тобой, быть может, Атлантида, — только это воображение есть Атлантический океан [1].

Если о достоинстве словесного образа все же можно судить непосредственно, то сказать, уместен ли он в данном контексте возможно, только уяснив его назначение.

С интенсивной образностью и повышенной выразительностью языка художественной литературы связаны частые случаи нарушений нормы и постоянная атмосфера непривычного.

> Дорога довольно хорошая,
> Приятная хладная звень.
> Луна золотою порошею
> Осыпала даль деревень [2].

Вслед за самым обычным идет насыщенное экспрессивно-образное описание. Слово «звень» не попало в академический «Словарь современного русского литературного языка», но оно с поэтической непосредственностью передает впечатление от вечерней дороги, охваченной апрельским морозцем.

Где, как не в художественном произведении, может блеснуть язык своим лексическим богатством и чистотой и вместе с тем показать свою энергию и живость. Робость при виде смелого экспрессивного оборота или необычного словесного образа, вызванная слабым знанием языка или инертностью вкуса, поощряет равнение на стандарт и рутину.

---

[1] Маяковский В. В. Мое открытие Америки. — Соч., т. 7. М., 1958, с. 265.
[2] Есенин С. Избранное. М., 1952, с. 182.

Однако обоснованную смелость надо отличать от неразборчивого поощрения экспрессии и образности, лишенных смысла, вкуса и чувства меры.

Всякое отступление требует отчетливого и оправданного к нему отношения. Соотносительность и зависимость слова от литературного образа сказывается, разумеется, не в одних отклонениях от нормы.

Проблема образности художественной речи — сложная проблема. Ее решают упрощенно и ошибочно, когда речевую образность ставят в прямую зависимость от интенсивного употребления тропов. Степень метафоричности языка оказывается тогда и мерой его художественности.

«Во всяком случае, — писал академик В. В. Виноградов, — нельзя считать основой словесно-художественного или поэтического изображения «образное» употребление или переносное значение **слова** в лексикологическом или лексикографическом смысле этого термина. В русском языкознании это положение было уже доказано и всесторонне показано А. Потебней»[1].

Метафоричность речи может быть выражением и силы и слабости мысли художника. Она может свидетельствовать о богатой фантазии, энергичной мысли, живой игре ума, но также о холодной натренированности пера, о нарочитости выражения, об автоматизме красноречия.

В известной мере прав был Б. Пастернак, заметив: «Метафоризм — стенография большой личности, скоропись ее духа»[2]. В известной мере — потому, что даже «сквозной метафоризм» шекспировской речи нельзя назвать просто «скорописью духа» великой личности; причины и мотивы этого метафоризма сложнее.

В иные времена, на иной исторической и литературной почве другая великая личность — Пушкин являет пример крайне сдержанного отношения к метафоризму речи. «...Он не любит образов и сравнений. От этого он как-то особенно прост, и от этого особенно загадочна покоряющая его сила»[3].

Когда писателю нечего сказать или он не способен высказаться толково, он пытается «блеснуть» словом, «кидается в метафоры»[4].

«Мне иногда кажется, — писал В. Вересаев, — что образ — только суррогат настоящей поэзии, что там, где у поэта не хватает сил просто выразить свою мысль, он прибегает к образу. Такой взгляд, конечно, есть ересь, и оспорить его нетрудно. Тогда, между прочим, похеривается вся восточная поэзия. Но не-

[1] Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, с. 120.

[2] Пастернак Б. Заметки к переводам шекспировских трагедий.— В сб.: Литературная Москва М., 1956, с. 795.

[3] Вересаев В. Записки для себя. — «Новый мир», 1950, № 1, с. 156.

[4] «Многие писатели, желая расцветить, оживить свое произведение, кидаются в метафоры; от сего происходит только «бомбаст». (Одоевский В. Ф. Психологические заметки. — «Современник», 1843, т. 32, с. 310. Эта цитата приведена в цитируемой здесь книге В. В. Виноградова «Стилистика».)

сомненно, что образ дает особенный простор всякого рода вычурностям и кривляньям»[1].

А. Блок неоднократно писал об опасности «общей порчи литературного языка» в связи с «забвением прямого содержания понятий», «наполнением этих понятий вторичным, метафорическим содержанием». «Метафоричность мышления — плохое, отвлеченное слово, но за ним, — предостерегал А. Блок, — стоит сама смерть»[2].

Семантически нейтральное слово также обладает потенцией образности. «Функции «общеупотребительных», обыденных слов резко изменяются в языке художественной литературы, когда они переносятся в непривычную, новую стилистическую среду. Их экспрессивно-изобразительный вес неизмеримо возрастает. Достаточно сослаться на стих пушкинского «Графа Нулина»:

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)...[3]

Современники Пушкина находили в этом обращении поэта к «презренной прозе» «величайшую поэтическую дерзость»[4]. Еще пример:

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?
Ужель загадку разрешила?
Ужели **слово** найдено?

В мучительных попытках Татьяны Лариной «разрешить загадку», ответить на вопрос «что ж он?» (Евгений Онегин) обыденное существительное «**слово**» обретает дополнительное значение, становится образным.

Вместе с тем язык художественной речи может побудить изобразительное слово в соответствующем контексте утратить на время образную функцию.

«...То, что, с точки зрения языковой семантики, является метафорой, переносным выражением, то в плане словесной композиции произведения, в сфере «языка художественной литературы» может быть совсем лишено образной функции и выполнять лишь экспрессивно-характерологическую или характеристическую роль»[5].

---

[1] Вересаев В. Записки для себя. — Там же, с. 156.
[2] Блок А. Собр. соч. в 8-ми т., т. 6. М., 1962, с. 142.
[3] Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, с. 122.
[4] См. там же высказывание одного из современников Пушкина.
[5] Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, с. 123.

Нарушение норм литературной речи. Отклонение языка художественной литературы к просторечию, к диалектным и профессиональным речениям

Язык художественной литературы воспроизводит многообразие явлений общенародного языка, дает образцы живой индивидуальной речи.

Отклоняясь к просторечию, к диалектным, профессиональным речениям, язык художественной литературы не копирует их. Они «вводятся в ткань литературных произведений, конечно, не полностью, а лишь в очень немногих элементах, являющихся как бы условными намеками...» [1]. Происходит отбор типического, колоритного и жизнеспособного. Рецептурной дозы установить невозможно. На отбор влияет материал, замысел и поэтическая идея произведения, художественный метод, индивидуальная манера, языковой опыт, культура, вкус и мастерство автора.

Отклонения допускаются в пределах норм общенародного языка и в зависимости от создаваемого художественного образа, так как отклонения — средство, а не цель. Оценивать отклоняющиеся от нормы слова и обороты следует соотносительно с их подчиненной ролью, учитывая их конкретное назначение, непосредственное словесное окружение и стиль всего произведения.

Отклонения неоднородны: одно дело, например, употребление профессионализмов, другое — грубых слов и выражений.

Подавляющее большинство вульгаризмов и прежде всего бранные слова и ругательства совершенно неуместны в художественном произведении. В принципе *вульгаризмы* вовсе не должны быть употребляемы писателем. Таково дополнение к основному правилу. Однако и здесь не следует впадать в крайность. Достаточно вспомнить знаменитую сцену охоты из романа «Война и мир». Один из участников этой сцены, Данила, доезжачий и ловчий графа Ростова, употребляет грубые слова.

> Вслед за гончими расступились кусты орешника и показалась бурая, почерневшая от поту лошадь Данилы На длинной спине ее комочком, валясь вперед, сидел Данила без шапки с седыми встрепанными волосами над красным, потным лицом.
>
> — Улюлюлю, улюлю!.. — кричал он. Когда он увидел графа, в глазах его сверкнула молния.
>
> — Ж... — крикнул он, грозясь поднятым арапником на графа.
>
> — Про...ли волка-то!.. охотники! — И как бы не удостаивая сконфуженного, испуганного графа дальнейшим разговором, он со всей злобой, приготовленной на графа, ударил по ввалившимся мокрым бокам бурого мерина и понесся за гончими [2].

Л. Н. Толстой легко мог бранные слова заменить другими, не столь резкими. Он этого не сделал, и только безнадежный ханжа может посетовать на него. Грубые слова Данилы мгновенно

---

[1] Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. — «Русский язык в школе», 1939, № 4, с. 25.

[2] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1936, с. 250.

и многое раскрыли в нем: его самозабвение и чувство профессионального достоинства в азарте охоты; его дерзкий дух. При иных обстоятельствах то, что по несправедливости досталось бедной даниловой лошади, могло коснуться самого оплошавшего графа. И граф был не только сконфужен грубым сравнением и бранью Данилы, но и напуган грозным видом своего холопа.

В отношении грубых слов и оборотов действует правило строжайшего отбора, и даже единичные случаи требуют самой придирчивой оценки.

Профессионализмы включаются в литературный обиход довольно широко и свободно. Даже узкопрофессиональные речения бывают в художественном тексте вполне уместны. Все же проблема употребления их в художественной литературе — одна из сложных.

Профессионализмы, особенно жаргонные, как и диалектные слова и обороты, малопонятны для большинства читателей.

Вот Н. В. Гоголь описывает в «Мертвых душах» визит Чичикова к Ноздреву, любителю всякого рода развлечений и, в том числе, псовой охоты. Ноздрев предлагает Чичикову:

> Ну, так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает! брудастая с усами, шерсть стоит вверх, как щетина. Бочковатость ребр уму непостижимая, лапа вся в комке, земли не зацепит [1].

Это знаменитая сцена и очень известные слова. Всякий, вероятно, читая это место, смеется. Едва ли, однако, всякий читатель, не охотник, до конца и в деталях понимает смысл той хвалебной характеристики, которой Ноздрев аттестует своих собак. Неискушенный читатель улавливает общий комизм положения, ему ясна неуместная громогласность восторгов Ноздрева. В то же время он, пожалуй, вместе с Чичиковым понятия не имеет о том, что значит *брудастая* или *лапа в комке,* как это она *земли не зацепит,* хорошо ли, наконец, что *бочковатость ребр уму непостижимая,* а *шерсть стоит вверх, как щетина,* т. е. читатель, что-то понимает, о чем-то лишь догадывается, чего-то не понимает вовсе — и все же смеется.

В «Мертвых душах» попадаются термины канцелярского делопроизводства, карточной игры и т. д. Случаи их использования носят, как правило, характер частных «вкраплений» в контекст. С их помощью либо создается особый колорит, атмосфера (например, сцена в присутствии у Ивана Антоновича), либо они приобретают символический смысл, которым держится, скажем, и заглавие самой поэмы. В случаях такого частного и расчетливо скупого употребления профессионализмов редактору разобраться сравнительно нетрудно.

Выступая с определенной рекомендацией автору, важно уяснить, на что он рассчитывал, и проследить, оправдался ли

---

[1] Гоголь Н. В. Собр. худ. произв., т. 5. М, 1959, с. 114.

его расчет, соответствует ли авторское намерение реакции читателя.

Гоголь, насыщая речь Ноздрева «словечками» из охотничьего жаргона, и не добивался того, чтобы они всякому были понятны. Чисто охотничьи выражения в устах Ноздрева еще более смешны своей непонятностью.

А. П. Чехов едва ли думал о доступном смысле профессионально-игровой реплики Гаева в «Вишневом саду» — *Дуплет в угол... Круазе в середину.* Невразумительные для неискушенного в правилах биллиарда термины скорее всего должны были оставаться непонятными. Эта затемненность смысла способна подчеркнуть бессодержательность внутренней жизни такого человека, как Гаев.

Иногда профессионализмы, оставаясь для большинства непонятными, выполняют и другую роль: читатель, встретившись с ними и не поняв их, быть может, как следует, все же точнее ощутит с их помощью место и обстоятельства действия. Примером этого могут служить «морские» романы Жюля Верна, Станюковича, Новикова-Прибоя. Услышав со страниц книги — *Бом-Брам стеньги натянуть! Ставить стакселя,* не многие поймут реальный смысл команды, но именно с этими непонятными специальными терминами до читателя донесется аромат морской стихии.

Задачей автора оказывается возбуждение у читателя дотошного интереса к определенной профессиональной области, но отнюдь не скрупулезное объяснение деталей. Вспомните манеру Э. Хемингуэя. Его новеллы и романы насыщены описаниями охоты, рыбной ловли, боя быков. Хемингуэй имел обыкновение (и основание) рассуждать, как рыболов или торреро, вовсе будто бы не заботясь о том, поймет ли его неискушенный читатель. Трудно вместе с тем, читая его рассказы, остаться безразличным к процессу рыбной ловли или охоты. Они невольно возбуждают ощущение профессиональной причастности. Читателю кажется, будто он ловил рыбу вместе со Стариком или Ником Адамсом, что он выступал в корриде вместе с Маноло. Следя, например, за подробнейшим описанием рыбной ловли в рассказе «На Биг-Ривер» и за действиями героя рассказа Ника Адамса, читатель просто ни о чем более, как о ловле, не думает, и в результате испытывает то же ощущение, которое стремился вызвать у себя бывший солдат Ник Адамс: отвлечься от терзающих воспоминаний, забыться, сидя с удочкой.

Степень доступности широкому пониманию — одна из граней проблемы. Другая — правильность, точность наименований и описаний профессиональных деталей и процессов.

Неточность профессионального описания может и резко ослабить впечатление и дать повод к ошибочным поступкам. Поэтому требование безошибочного описания обстоятельств, процесса, деталей профессиональной деятельности является необходимым и важным.

К числу основных вопросов, выясняющих место профессионализмов в художественной литературе, относится вопрос о возможной обстоятельности описаний подобного материала.

Что, если «быть или не быть» героя сосредоточено в профессиональной задаче — производственной, научной и т. п., укладывается, так сказать, в профессиональную формулу? Для нашей литературы такое направление сюжета и конфликта характерно и закономерно.

Чтобы ответить на этот вопрос, его надо сделать более общим: что значит для писателя обращение к той или иной профессиональной отрасли, каков смысл его стремления подробнее познакомить с нею читателя?

«Педагогическая поэма» Макаренко явилась для воспитателей трудовых колоний и самих воспитанников замечательным теоретическим и практическим пособием, весьма наглядным, вдохновляющим, действенным. Однако основное значение «Педагогической поэмы» в том, что Макаренко удалось правдиво и убедительно раскрыть процесс перестройки человеческого характера. Этим значением «Поэма» обладает вне зависимости от материала, хотя конкретный материал отнюдь не нейтрален, он может усилить или ослабить степень и масштабы воздействия книги, продлить или сократить сроки ее наибольшего влияния. Не то важно в конце концов, что Алексей Мересьев — летчик, он мог быть танкистом; важно, что герой Бориса Полевого — «настоящий человек». Пользуясь словами французского писателя А. Сент-Экзюпери, в прошлом летчика, можно сказать, что Борис Полевой писал свой роман «не о самолете, а с помощью самолета».

Нельзя вместе с тем не заметить, что конкретная профессиональная связанность названных писателей и их книг с определенной отраслью придает этим произведениям особую содержательность. Более того, на конкретных примерах можно проследить, что убедительность общих идей автора находится в непосредственной зависимости от точности и выразительности профессиональных описаний. Меру их обстоятельности установить трудно. Бесспорно только, что в художественном произведении они не могут быть самоцелью и занимают соподчиненное место, подтягиваясь к общепринятому. Особой тонкости и непосредственности слияния профессионального и общепринятого достигает писатель, хорошо осведомленный в специфически профессиональном благодаря личному опыту. Конечно, и здесь возможны исключения. Стивен Крейн, например, написал свой «Алый знак доблести» — одну из лучших американских книг о войне, хотя не был на фронте и не видел военных действий. Однако исключения, как известно, подтверждают правила.

Характер взаимоотношений профессионального и общедоступного в художественной литературе не остается неизменным. Роль и значение труда в жизни каждого советского человека неизмеримо возросли, последовательно расширяется политехнический кругозор, и профессиональное все смелее и решительнее

заявляет и будет заявлять о себе в художественной литературе и, стало быть, в ее языке. Будет привлекать внимание даже в тех случаях, когда профессиональная отрасль обособлена, когда это, допустим, лаборатория физика.

«Психологические неприятности, — заметил академик Л. Ландау, — связанные с теорией относительности, показались физикам совершенно детскими огорчениями, когда им пришлось осваивать квантовую механику с ее «дикими» идеями...»[1]. Вот эти «психологические неприятности» и «огорчения» будут, в частности, непосредственным предметом рассмотрения романиста, а «дикие» идеи квантовой механики послужат фоном, хотя романист сделает все возможное, чтобы приблизить их к читателю. Таким же образом специфика художественной литературы определяет роль профессионализмов, точность и обстоятельность профессиональных описаний.

По-разному следует относиться к отклонениям от нормы, встречая их в речи автора и персонажей.

Речь автора непосредственно выражает его отношение к родному языку, содержит оценку языковых явлений, служит ее критерием. Поэтому так требовательны, так взыскательны писатели-классики к речи автора.

В произведениях Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Чехова, Горького авторская речь — образец письменной литературной речи, щедрой и чистой, точной и красочной, энергичной и живой. Тысячи страниц — и редко-редко встретится слово или оборот, выпадающие из литературной нормы. И это слово или оборот не ломают стиля, не нарушают тона, и ясен их смысл и эстетическое качество. Превосходное знание и живое чувство народного языка, мастерское владение его богатствами позволяли истинным художникам слова следовать принципу «соразмерности и сообразности». О необычном чувстве ответственности за сказанное слово, свойственном великим писателям, говорит, в частности, известное высказывание Достоевского «по поводу происхождения и употребления новых слов», рассказанная им история глагола «стушеваться», введенного им в литературный оборот. Примечательно признание: «...Мне в продолжение всей моей литературной деятельности *всего более* нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь» [2].

«Литератор, — писал М. Горький, — не обязан считать пошлость и глупость героев своей собственностью, точно так же не обязан он пользоваться искаженным языком героев для своих описаний, он пользуется этим языком только для характеристики людей» [3].

---

[1] Эти слова академика Л. Ландау приведены в рецензии В. Ревича на книгу Д. Данина «Неизбежность странного мира». («Литературная газета», 1961, 12 декабря, с. 3).

[2] Русские писатели о литературном труде, т. 3. М., 1955, с. 182.

[3] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 293.

Нередко начинающие редакторы, хорошо усваивая это общее требование, доводят его до крайности — возражают против малейшего нарушения литературной нормы в авторской речи. Речь автора не изолирована от речи персонажей. И в авторских описаниях возможны и наблюдаются отклонения. Они могут быть вызваны влиянием речи персонажа, идейно-стилистическими задачами, и прежде чем определить свое отношение к «инородному» для авторского описания слову, надо понять и оценить замысел автора.

«Когда Толстой писал повести и рассказы из народной жизни, он употреблял народные выражения не только в языке действующих лиц, но и в авторской речи, — отмечает Н. Н. Гусев. — В рассказе «Три смерти» о молодом ямщике Сереге говорится: «Серега живо скинул свои прорванные сапоги». Если бы Толстой писал про барина, он бы не употребил выражение «живо скинул», а написал бы — «быстро снял». Толстой таким образом сам оправдывает замечание, сделанное им в дневнике 1853 г.: «У писателей, описывающих известный класс народа, невольно к слогу прививается характер выражения этого класса»[1].

Бесчисленны примеры того, как к слогу писателя прививается характер выражения описываемой среды. У мастеров слова это влияние всегда оправдано.

В речи персонажей отклонения бывают более значительны и многообразны, чем в авторском повествовании. Ее основа — живой разговор. Речь персонажей непосредственно передает индивидуальные и характерологические признаки, психологические состояния, служит средством национальной, социальной и профессиональной типизации.

Речь персонажей выявляет характеры, их отношение друг к другу и событиям, способствует развитию сюжета.

«...В «Ревизоре» каждое действующее лицо высказывает себя каждым своим словом, но совсем не с целью высказываться, а принимая необходимое участие в ходе пьесы. Каждое слово, сказанное каждым лицом, там относится или к ожиданию ревизора, или к его присутствию в городе»[2].

Можно считать правилом: зрелый мастер сдерживает ранние свои увлечения диалектизмами, сокращает число отклонений. Об этом свидетельствует опыт многих писателей.

В первом издании «Радуницы» Есенина было, он пишет об этом сам, «много местных рязанских слов. Слушатели часто недоумевали, а мне это сначала нравилось. «Что это такое значит, — спрашивали меня, —

Я странник улогий
В кубетке сырой?»

---

[1] Гусев Н. Н. Из наблюдений над языком и стилем Толстого. — В сб.: Толстой — художник. М., 1961, с. 430—431.
[2] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 3, с. 476.

Потом я решил, что это ни к чему. Надо писать так, чтобы тебя понимали. Вот и Гоголь: в «Вечерах» у него много украинских слов, целый словарь понадобилось приложить, а в дальнейших своих малороссийских повестях он от этого отказался. Весь этот местный рязанский колорит я из второго издания своей «Радуницы» выбросил...»[1].

Иногда и в поздних редакциях произведений встречаются авторские поправки, нарушающие норму литературного языка, однако, строго обоснованные и, как правило, при сокращении общего числа отклонений.

Так, Чехов в последней редакции водевиля «Свадьба» в реплике Дашеньки — *Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном* заменил *хотят* на *хочут*. «Это очень редкий случай в писательской практике зрелого Чехова, когда он для более пластического изображения персонажа пользуется языковыми неправильностями, — пишет автор статьи «Работа А. П. Чехова над последней редакцией водевиля «Свадьба» С. Г. Брагина. — Обычно, редактируя свои произведения для собрания сочинений, Чехов заменял просторечные слова словами литературными.

Но в данном случае благодаря замене только одного слова рельефнее стал облик персонажа?»[2].

Подвести итог рассуждениям на эту тему можно замечанием Горького: «Само собой ясно, что речевой язык остается в речах изображаемых литератором людей, но остается в количестве незначительном, потребном только для более пластической, выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его. Например, в «Плодах просвещения» у Толстого мужик говорит: «Двистительно». Пользуясь этим словом, Толстой как бы показывает нам, что мужику едва ли ясен смысл слова...»[3].

Различие между речью автора и речью персонажей, обусловленное различием их функций, отчетливо выражается в степени их литературного уровня, в различии культуры слова. Это существенная сторона языка художественной литературы и важная проблема его анализа и оценки. Но многообразие форм взаимоотношений речи автора и речи персонажей обнаруживает и другие его аспекты и проблемы.

Писатель создает речевые образы — автора, рассказчика, персонажей, их живые голоса. Особое значение имеет голос автора, выражающий свое отношение ко всем другим голосам, звучащим в художественном произведении. Если слаб, лишен самостоятельности, не отчетливо выражен и сбивчив голос автора, то не будут звучать на свой лад и другие голоса и слаженного хора не выйдет.

«В писателе, — замечал Лесков, — чрезвычайно ценен его собственный голос, которым он говорит в своих произведениях от

---

[1] Есенин С. Собр. соч., т. 1. М., 1961, с. 355.

[2] См. в сб.: Очерки по стилистике русского языка и литературному редактированию. М., 1961, с. 129.

[3] Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 213.

себя. Если его нет, то и разрабатывать, значит, нечего». Существенно вместе с тем, чтобы этот свой голос был «поставлен правильно»[1].

Речь в художественной литературе выступает «не только как средство изображения, но и как предмет изображения»[2]. Изобразить свою и чужие речи в их взаимоотношениях и взаимопроникновениях — задача необычайно сложная, требующая таланта, искусства и мастерства. «В сложнейших взаимодействиях речи автора, рассказчика, персонажей заключен самый нерв прозы»[3].

Выводы и оценки редактора (рецензента) могут быть более глубокими, его советы и рекомендации более основательными и убедительными, если язык произведения он рассмотрит сравнительно с языком других произведений того же автора и других авторов, его современников, а также на широком фоне языка художественной литературы. Даже на примере отдельных явлений, взятых в развитии, можно представить смысл и значение такого предварительного анализа.

Внутренняя речь

Со второй половины, в особенности с конца прошлого века стали очевидны новые способы и приемы словесного изображения, затронувшие все жанры художественной литературы и получившие затем самое широкое распространение. Среди других новых явлений определился прием «внутреннего монолога». Его появление и развитие связаны в нашей литературе с именем Льва Николаевича Толстого. Он впервые начал изображать духовную жизнь человека как сложный противоречивый процесс в его подробностях и в соответствии с реальными формами психических и нравственных переживаний.

Изображая «внутренние сцены» (Чернышевский), Л. Н. Толстой особое внимание уделяет внутренней речи. Он воспроизводит различные ее формы и состояние, в том числе и такие, для нее характерные и обычные, которые отмечены синтаксической неполнотой и бессвязностью и в которых резко выражена случайная ассоциативность.

Вот один из хорошо известных, классических для Толстого примеров подобного рода речи — внутренний монолог Анны Карениной:

Сидя в углу покойной коляски, чуть покачивавшейся своими упругими рессорами на быстром ходу серых, Анна, при несмолкаемом грохоте колес и быстро сменяющихся впечатлениях на чистом воздухе, вновь перебирая события последних дней, увидела свое положение совсем иным, чем каким оно казалось ей дома. Теперь и мысль о смерти не казалась ей более так страшна и ясна, и самая смерть

---

[1] Русские писатели о языке. Л., 1954, с. 616.

[2] Кожинов В. В. Художественная речь как форма искусства слова. — В кн.: Теория литературы. М., 1965, с. 294.

[3] Там же, с. 296.

не представлялась более неизбежною. Теперь она упрекала себя за то унижение, до которого она спустилась.

«Я умоляю его простить меня. Я покорилась ему. Признала себя виноватою. Зачем? Разве я не могу жить без него?» И, не отвечая на вопрос, как она будет жить без него, она стала читать вывески. «Контора и склад. Зубной врач. Да, я скажу Долли все. Она не любит Вронского. Будет стыдно, больно, но я все скажу ей. Она любит меня, и я последую ее совету. *Я не покорюсь ему; я не позволю ему воспитывать себя. Филиппов, калачи. Говорят, что они возят тесто в Петербург. Вода московская так хороша. А Мытищинские колодцы и блины*». И она вспомнила, как давно, давно, когда ей было еще семнадцать лет, она ездила с теткой к Троице... [1]. (Курсив мой. — *М. У.*).

Мысль и речь в этом неслышном монологе беспорядочны, их отличает причудливая ассоциативность. Но психологическая их мотивированность превосходна. Этот внутренний монолог изображает психологическое состояние Анны Карениной в критический момент ее жизни — ее полную душевную растерянность, нервную возбужденность, взбудораженность ее чувств и мыслей. В этом эпизоде внутренний монолог со специфическими его особенностями представляет собой «необходимую принадлежность самого содержания».

По словам академика В. В. Виноградова, «Л. Толстой впервые в русской литературе подверг художественной переработке и перевел на язык художественной прозы формы внутренней речи, на их основе построив оригинальный стиль «внутреннего монолога» [2].

Освоение внутренней речи широко отразилось на языке художественной литературы, в особенности на его синтаксисе, оказало заметное влияние на речь персонажей и авторскую речь, на их связь и соотношения.

Внутренняя речь стала активно проникать в авторскую. У Толстого этот процесс не уничтожил четких «разделов между сферой повествования и сферами индивидуальной речи героев» [3]. Даже у Чехова смыкание повествовательной речи и высказываний действующих лиц еще не уничтожает различия между ними. В дальнейшем эта взаимосвязь все утончается, и авторская речь нередко так сливается с языком персонажа и его внутренней речью, что грань между ними исчезает, автор и персонаж начинают говорить в один голос, в котором пропадают даже оттенки авторского высказывания. И тут возникают новые проблемы. Одна из них связана с тем, что речь персонажа, тем более его внутренняя речь, могут отклоняться от нормы литературного языка. Как же быть с отбором и оценкой? Во многих случаях задача не вызывает затруднений.

В романе А. Фадеева «Молодая гвардия» неоднократно встречаются обращения к читателю, стилистическая особенность которых — их соединение с внутренним монологом героев.

---

[1] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 19, ч. 7, глава 28, с. 336—337.

[2] Виноградов В. В. О языке Толстого. — «Литературное наследство», 1939 №№ 35—36, Л. Н. Толстой, ч. 1, с. 181.

[3] Там же, с. 179.

...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете... [1]. Это — неслышный монолог Олега Кошевого и вместе с тем своеобразное обращение автора к читателю:

Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать — не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя седеют наши матери? А ведь придет час, когда мучительным упреком сердцу обернется все это у материнской могилы [2].

Голос автора и героя сливаются в патетическом моменте, и сила его воздействия находит живой отклик у читателя.

Ни в «Разгроме», ни в «Последнем из Удэге» не было такой формы «внутреннего монолога»; это появилось в «Молодой гвардии» в связи с новым материалом и новыми идейно-художественными задачами, появилось в целой системе средств, призванных в первую очередь раскрыть неповторимый облик «нового, самого юного поколения», с честью прошедшего испытания Великой Отечественной войны.

Фадеевские обращения к читателю, соединенные с «внутренними монологами», характеризуют героев в их индивидуальном отличии, помогают воссоздать коллективный образ молодогвардейцев, привлекают внимание ко всему, достойному сочувствия, поддержки, подражания.

Чуткое воспроизведение А. Фадеевым форм внутренней речи помогает читателю сблизиться с его положительными героями, живо ощутить и представить себе их внутренний мир, лучше понять и оценить высокий идейно-эмоциональный строй, отражающий новое положение человека в коллективе и новое его отношение к коллективу. А. Фадеев использует ту или иную форму умственно-речевого процесса в зависимости от положений, им изображаемых, в зависимости от характера действующего лица, его конкретного состояния, окружающей обстановки, преследуя задачу создания типического образа.

Для стиля А. Фадеева наиболее характерна логизированная форма внутреннего монолога. Он использует ее главным образом для раскрытия нравственной силы и красоты морального облика положительного героя, и отклонения от литературной нормы у него незначительны.

Поэтому слияние авторского повествования с речью персонажей не осложняет задачи.

А если персонаж отрицательный, однако, употреблен тот же прием? Как быть тогда? Прежде всего, внимательно посмотреть, что́ получилось. Ведь могут быть подходящие, «благоприятные» обстоятельства — момент прозрения, острой самокритики, резкого душевного перелома. Но как быть в тех случаях, когда и суть и форма высказываний персонажа неприемлемы, а автор, однако,

---

[1] Фадеев А. Собр. соч., т. 2. М., 1959, с. 48.
[2] Там же, с. 49.

сближает речевые сферы, даже сливает их? Скорее всего с этим нельзя согласиться, но все же и в этом случае надо вначале разобраться в замысле автора. От писателя требуется ясность и определенность позиции. Каким способом он дает правильную идейно-эстетическую оценку ошибочному или ложному явлению — зависит от его творческой индивидуальности. Важно, чтобы такая оценка была или чтобы ее мог сделать сам читатель. Художественная литература предоставляет писателю широкие возможности выявить свою точку зрения, дает в его распоряжение самые многообразные, гибкие и тонкие средства. Задача редактора проанализировать и оценить то, что автор хотел сказать и что он сумел сделать. При этом приходится иметь в виду, что переплетение и слияние авторского повествования с внутренней речью персонажа требует большого искусства, исключительного внимания к каждому стилистическому оттенку, иначе легко поступиться ролью ведущего и объективное изложение подменить объективистским и натуралистическим.

Борьба за чистоту и богатство языка

К числу «грандиозных задач создания новой, социалистической культуры» Горький относил задачу «организации языка, очищения его от паразитивного хлама» [1]. Особую роль он отводил советской литературе. Неоднократные в первой половине 30-х годов выступления Горького против порчи русского языка содержали убежденное и обоснованное требование беспощадной борьбы «за очищение литературы от словесного хлама» [2]. Он ссылался на пример классической русской литературы, пример Пушкина, Тургенева, Льва Толстого и «с величайшим огорчением» указывал, «что в стране, которая так успешно — в общем — восходит на высшую ступень культуры, язык речевой обогатился такими нелепыми словечками и поговорками, как, например: «мура», «буза», «волынить», «шамать», «дай пять», «на большой палец с присыпкой», «на ять» и т. д. и т. п. ⟨...⟩ Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры» [3] — обосновывал Горький свое требование.

В наше время, в период формирования нового человека и культуры коммунистического общества, это требование не только нельзя забывать, его следует подчеркнуть и видеть в нем повседневную потребность. Важность этого требования в наше время подчеркивается возросшей ролью русского языка, который, как это записано в Программе Коммунистической партии Советского Союза, «стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР» [4].

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 168.
[2] Там же, с. 152.
[3] Там же, с. 169—170.
[4] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 407.

Верно отмечено А. Твардовским в его «Слове о Пушкине»: «Наша проза и поэзия прошли период увлечений стилизаторством, перенасыщением языка местными, областническими речениями, формалистическим словотворчеством. Это, конечно, было не добро. Но не добро и нынешняя скудость, сглаженность и обезличение языка, которые приходят как бы в порядке «очищения» его и часто при чтении оригинального произведения рождают впечатление какого-то перевода» [1].

В требованиях Горького чистота языка не противопоставлялась его богатству, красоте, живости, правдивости. Простота не означала упрощения. Указание на порок было конкретным, веско аргументированным:

«Взбрыкнул, трушились, встопорщил, грякнул, и буруздил» и десятки таких плохо выдуманных словечек, все это — даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык» [2]. «Почему нужно писать «вечерняя серина»? «Скукожился»? Это у Панферова такое же любимое словечко, как у Гладкова — «сбычился...» [3].

Горький восставал не против местных речений вообще, но против злоупотребления ими. Горячность выступлений Горького в 30-х годах о языке была вызвана многочисленными фактами его порчи. «Можно привести еще десяток книг, — отмечал он в открытом письме А. С. Серафимовичу, написанном в 1934 г., — все «продукция» текущего года, — наполненных такою чепухой, таким явным, а иногда, кажется, злостным издевательством над языком и над читателем. Поражает глубочайшее невежество бойких писателей: у них «с треском лопаются сосновые почки», они не знают, что дерево не гниет в воде, у них «чугун звенит, как стекло», пила «выхаркивает стружку», ораторы «загораются от пороха собственных слов» и т. д. — без конца идет какое-то старушечье плетение словесной чепухи, возбуждая читателя до бешенства, до отвращения к людям, которые всё еще не могут или не хотят понять, как огромна должна быть роль писателя в нашей стране, как необходимо честное, строгое отношение к работе со словом и над словом» [4].

Упорные и многочисленные злоупотребления диалектизмами, жаргонизмами и выдуманными словечками обосновывались в то время вульгарно-социологическими посылками, сопровождались требованием обогатить русский язык. Горький с подчеркнутой резкостью выступил против этих посылок и претензий: «Разговорчики о необходимости обогащения русского языка подозрительны по своей искренности и безрезультатности, если не считать положительным результатом засорение языка хламом...» [5].

---

[1] Твардовский А. Слово о Пушкине. — «Правда», 1962, 11 февраля, с. 4.
[2] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 293.
[3] Там же, с. 403.
[4] Там же, т. 27, с. 151.
[5] Там же, с. 156.

И сейчас выходят книги, которые содержат языковые ошибки. Часто эти ошибки вовсе не признак языковой малограмотности, а следствие торопливой работы, недостаточного внимания к слову, а то и подчеркнутой небрежности выражения.

Глафира Устиновна переживала и из-за этого, и потому, что чувствовала: что-то неладно у Анны с замужеством, и из-за Севки, на котором оккупация оставила неизгладимый след.

Авторское высказывание здесь без нужды синтаксически усложнено, загромождено случайными словами, язык его неряшлив, неточен (*переживала из-за этого, и потому, что чувствовала...*), лишен благозвучия (*из-за этого... и из-за Севки... у Анны*). *Что-то неладно у Анны* выделяется рифмой и ритмической организацией, в данном контексте случайными и ненужными.

Когда языковые погрешности в рукописи немногочисленны и появились по недосмотру, редактор легко может помочь автору простым указанием на них. Когда язык рукописи скуден и безлик, бесполезно подправлять его. Но бывают случаи трудные и сложные. Язык приметен, но засорен, и нарушения нормы не только значительны, но, так сказать, принципиальны, исходят из авторской установки. В романе Василия Аксенова «Звездный билет» диалог перенасыщен жаргонизмами, вульгарными словечками и выражениями. Значительно засорена ими повествовательная речь, и они не получают необходимой эстетической оценки. *Шалава, засмурела, загнулся, побацаем, подкосил одну кадришку* — такими и подобными образцами расцвечен текст романа. Это не единственный, но один из крайних примеров натуралистического воспроизведения речи. Автор не выдумал эти и подобные словечки. Он слышал их среди молодежи, но воспроизвел без чувства меры и оценки, не отделив себя, свое слово и свой взгляд на русскую речь от примитивной, замусоренной речи своих героев, склонных «откалывать одну за другой разные штучки, чтобы что-то кому-то доказать».

Рассмотренные вопросы только часть из тех, какие возникают перед редактором и рецензентом. Но и они могут дать почувствовать сложность и важность проблемы, необходимость пристального и постоянного внимания к языку, глубокого его изучения, серьезного интереса к науке о языке художественной литературы.

Наука о языке художественной литературы, по выражению академика В. В. Виноградова, широкая, но мало исследованная область. Эта наука «еще не определила с необходимой точностью все объекты своего исследования и основные методы»[1].

Все же о языке художественной литературы высказано немало интересного и поучительного, теоретически и практически важного, высказано самими писателями, а также литературоведами, лингвистами и опытными редакторами.

---

[1] Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 637.

4. ОСОБЕННОСТИ РЕДАКТИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ

Редактирование художественной прозы

Традиционны три рода литературного изображения — эпический, лирический и драматический, — каждый из которых в свою очередь членится на жанры и их разновидности.

Эпический род основан, как известно, на образном воспроизведении жизненных фактов, явлений, событий внешнего мира. Жанры художественной прозы многообразны, хотя и трудно провести четкую границу между ними. Никто не давал — не может дать — с достаточной ясностью резких, определенных признаков отличия очерка от рассказа[1], — говорил Горький. Нет непроходимой пропасти и между романом и повестью, повестью и рассказом. Взаимодействие жанров обогащает советскую литературу. Под влиянием жизненного материала ныне развиваются новые жанровые разновидности. И в связи с этим в редакционных заключениях, в рецензиях на уже вышедшую из печати книгу подчас возникают споры — к какому жанру ее следует отнести (так было, например, с произведениями М. Жестева «Золотое кольцо», Ю. Смуула «Ледовая книга»). Поэтому редактор не может превращать законы жанра в прокрустово ложе и втискивать каждое произведение в канонические рамки.

Но в то же время есть определенные, ощутимые факторы, которые нельзя игнорировать. Пренебрежение законами жанра — одна из причин того, что в свет выходят объемистые «романы», идейное содержание которых можно легко уместить в малостраничный рассказ; появляются «производственные очерки» с условными фигурами, на два голоса разъясняющими сущность технологических процессов; печатаются рассказы, которые беглым, невыразительным перечислением многочисленных событий напоминают конспекты неосуществленных романов.

Избранная автором жанровая форма в какой-то мере предопределяет важнейшие особенности произведения — способы организации материала, построение действия, приемы обрисовки характеров, выбор изобразительных средств. И в каждом случае — при работе над рукописью романа, рассказа, очерка — перед редактором возникает ряд специфических вопросов, правильно решить которые можно, только ясно представляя себе особенности каждого жанра, его задачи и возможности.

Роман и его редактирование. Подход редактора к роману определяется ролью этого жанра литературы, воплотившего в себе все достижения реалистической прозы. В этом жанре осуществляется с наибольшей полнотой принцип показа типических характеров в типических обстоятельствах. «Роман всё убил, все поглотил», — писал В. Г. Белинский и объяснял причину популярности этого жанра: «Форма и условия романа удобнее для поэтического

[1] См.: Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 30, с. 151.

представления человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни, и вот, мне кажется, тайна его необыкновенного успеха, его безусловного владычества» [1].

Роман — повествовательное произведение, в котором отражен обширный круг жизненных явлений, прослежены судьбы многих людей во всей их сложности и многогранности. Эта эпическая форма дает широкие возможности всеобъемлющего образного воспроизведения действительности.

Роман в советской литературе отличается от современного западного романа. Если для последного характерен отказ от широких социальных обобщений (буржуазные теоретики говорят о «кризисе жанра», «распаде большой формы»), то в советской литературе развивается социальный роман, тяготеющий к эпическому осмыслению действительности, показывающий перспективы общественного развития.

Сама специфика жанра требует широты охвата событий. Многочисленные высказывания писателей-классиков, подчеркивающих именно эту особенность романа, подсказывают редактору исходный момент в оценке рукописи — необходимость масштабности изображаемого. «...Под словом роман разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании», — писал А. С. Пушкин [2].

Отсутствие масштабности, тематическую узость резко критиковал в своих отзывах К. Федин. «И тут особенно ясно проглядывает недостаток замысла: нет нужной широты масштаба, — отмечал он, — нет связей коллектива полка с большим миром борьбы, с совокупностью исторических событий» [3].

Такой подход позволяет редактору определить истинную объемность произведения. Если реально-бытовой и общественный материал не заполняет избранную писателем жанровую форму, размеры произведения вступают в противоречие с узостью темы, ее трактовкой, — возникает необходимость показать автору, что он не сумел правильно выбрать масштабы повествования.

Ошибки этого характера отмечал В. Г. Короленко-редактор при оценке рукописей прозаических произведений [4]. «Корреспонденция, разведенная в повесть», — отозвался он о длинной повести М. Я. Маркушевича «По букве закона». В рукописи И. Н. Ладыженского он отметил разрыв между выбранным автором жанром и материалом, достаточным в лучшем случае на рассказ «средней величины». Вообще, если одна и та же основная тема укладывается в очерк и в повесть, то очерк всегда будет лучше повести, а уж роман из того же материала наверное никуда не годится, — эти

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1, с. 261, 271.
[2] Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 7. М. — Л., 1949, с. 102.
[3] Федин К. Писатель. Искусство. Время, с. 418.
[4] Примеры приводятся по статье: Летов Б. Д. Вопросы жанра и текстовых сокращений в редакционной практике В. Г. Короленко. — В сб.: «Лекции по теории и практике редактирования», вып. 3, 1958, с. 68—70.

слова Короленко полезно напомнить автору, не умеющему правильно «определить размеры полотна для своей картины».

Так, начинающий автор-студент принес в одно из периферийных издательств рукопись романа, в которой было множество семейно-бытовых сцен, любопытных происшествий и подробностей; однако здесь не было социально значимых проблем и явлений действительности. Редактор пришел к справедливому выводу: «То, что лежит на столе, нельзя назвать романом. Это сбор случайностей, беспорядочная груда более или менее обработанных сцен... Нащупывается небольшая занимательная историйка, имеющая... как бы сюжетик, в котором проглядывает какая-то мысль. Вот на этой основе можно, пожалуй, сделать повесть или рассказ листа на полтора»[1].

Мелкотемье, «узость фронта изображения», локальная и тематическая замкнутость — все это не может не насторожить редактора, который видит, что будущая книга лишена дыхания современности.

Однако необходимо отличать подлинно широкий охват, широкое ви́дение жизни от мнимой «эпопейности» — стремления автора хотя и к многостороннему, но поверхностному изображению самых различных явлений действительности. Когда обо всем говорится бегло, когда сложные жизненные процессы рисуются упрощенно, схематично, то в такой «многопроблемности» и «масштабности» сказывается неумение эстетически освоить материал. А это неизбежно приводит к преобладанию описательности над изобразительностью, к фотографическому воспроизведению событий, к регистрированию всего, что попадет в поле зрения пишущего.

Многословие — бич художественной прозы — в романах получило некую «теоретическую основу». Подчас редактор рассуждает так: «Это роман, в нем оправданы подробные описания, обстоятельное изображение событий». Но необходимо отличать полноту художественного воспроизведения жизни от излишней детализации, перенасыщения ткани романа явно ненужными сценами. Пустые, отвлекающие от главного подробности искажают замысел, порождают «десятки страниц вязкой скуки» (А. Н. Толстой.). Насыщенность, сжатость изложения в романе, несмотря на его большой объем, так же важны, как и в рассказе.

Редактору, начинающему работать над объемистой рукописью, нужно прежде всего понять, обосновано ли особенностями творческого замысла, жизненного материала обращение автора к жанру романа. Чехов писал, размышляя над свойствами таланта Е. М. Шавровой: «По-моему, надо писать роман. Очевидно, сама судьба гнет к роману, если при всяком желании написать рассказ Вас начинает искушать целая масса образов и Вы никак не можете отказать себе в удовольствии втиснуть их всех в одну кучу»[2].

---

[1] Рождественская Кл. За круглым столом. Пермь, 1960, с. 32.
[2] Чехов А. П. Собр. соч., т. 12. М., 1957, с. 79—80.

Синтетичность романа — свойство жанра, открывающее неисчерпаемые возможности перед писателем, — особенно усложняет работу редактора. «Это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии, в нем талант чувствует себя безгранично свободным. В нем соединяются все другие роды поэзии — и лирика как излияние чувств автора по поводу описываемого им события, и драматизм как более яркий и рельефный способ заставлять высказываться данные характеры» [1]. В романе переплетаются разные явления, судьбы многих людей; сосуществуют различные элементы повествования — описания и характеристики, диалоги и лирические отступления; одновременно наличествуют, наконец, различные виды организации речи. Только верно найденное, тщательно продуманное сюжетно-композиционное решение дает возможность гармонически соединить все эти разнородные элементы повествования в одно целое, подчинить их общему замыслу.

Сложность этой задачи подчеркивалась даже крупнейшими писателями «Так же трудно, как выпить море», — говорил И. А. Гончаров о творческих муках, в которых рождается архитектоника романа [2].

Тем сложнее начинающим романистам построить многоплановое повествование. «Очень советую Вам: перестаньте писать большие вещи, — рекомендовал М. Горький Вс. Иванову в начале его творческого пути. — Они требуют организаторского таланта... и требуют большого спокойствия, точности, мастерства строить» [3].

Поэтому работа над сюжетом и композицией при редактировании романа очень ответственна. Редактор должен установить, справился ли автор (по выражению А. П. Чехова) с «архитектурой», нашел ли он такое сюжетное решение, которое позволило бы охватить весь большой жизненный материал, раскрыть смысл многочисленных эпизодов, суть характеров.

Прежде всего, важно «увидеть» произведение целиком. Здесь метод редакторского анализа можно сравнить со способом оценки большой, многофигурной картины. Чтобы получить верное представление о ее композиции, нужно, отойдя на некоторое расстояние, охватить взглядом все полотно. Только тогда можно определить, правильно ли расположены фигуры, уравновешены ли все элементы, образуют ли они гармоническое целое и насколько полно выражают замысел художника. Бесплодны и даже вредны были бы попытки редактора высказывать те или иные замечания о построении отдельной главы, оправданности включения эпизода или диалога по ходу первого чтения. Так, один из редакторов, работая над рукописью романа Н. Островского «Рожденные бурей», вычеркнул страницы, рассказывающие, как Раймонд остановил лошадь на полном скаку и спас Людвигу. Он не понял важной роли этого эпизода в общем звучании романа, в прояснении взаимоотношений героев, их характеров (здесь раскрывается смелость и

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 10, с. 315—316.
[2] «C'est une mer à boire» (Гончаров И. А. Собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 112).
[3] Русские писатели о литературном труде, т. 4. Л., 1956, с. 118.

бескорыстие Раймонда, трусость Владислава, хитрость Стефании, отзывчивость и простота Людвиги). И Островский, не согласившись с редакторской правкой, восстановил эту сцену [1].

Прочитав все произведение, нужно прежде всего постичь и оценить общее сюжетно-композиционное решение в его подчиненности основной идейно-художественной задаче писателя.

Только после этого редактор может внимательно проследить причинно-временную связь между событиями, выверить линию каждого персонажа, добиваясь, чтобы любая сцена, любой эпизод играли свою роль в осуществлении общего замысла. Как же это наиболее целесообразно сделать?

Несомненно, что на определенном этапе работы над большим прозаическим произведением редактор должен обратиться к своего рода плану, служебным записям, фиксирующим основные моменты развития сюжета. Такие записи помогут ему вскрыть просчеты в построении произведения подчас неясные самому автору.

При составлении этих планов неоценимую помощь может оказать изучение сохранившихся записей писателей-классиков и выдающихся советских писателей. Таковы, например, черновые наброски И. С. Тургенева, который, чтобы верно нащупать главные узлы и найти соразмерность частей, излагал содержание произведения «на двух-трех страницах коротко и просто» [2].

Показательно высказывание Л. Леонова: «Иногда я делаю графическое изображение повествования. Важно посмотреть, какие балки соединяют сооружение. Каждая балка должна упрочнять его конструкцию... Если вы сделаете чертеж и обозначите путь героя линией, то увидите, что она поднимается вверх, а дальше идет под гору. Вы можете прорисовать эту биографическую линию до конца. Важно видеть движение персонажа в перспективе» [3].

Такой «чертеж» объемистой рукописи, отмечающий вехи движения героев, узлы развития действия, необходим и редактору. Причем редактор идет путем, обратным авторскому, мысленно как бы восстанавливая процесс создания романа.

Если при первом чтении редактор воспринимает переплетение различных планов повествования, то в дальнейшем, уяснив себе ход событий, их связь и взаимообусловленность, он прослеживает каждую сюжетную линию, ее роль, выясняет значение отдельных сцен и эпизодов. Эта часть работы может быть как нельзя лучше охарактеризована словами К. Федина: «Здесь над каждой долей приходится работать как над рассказом, не имеющим, однако, самостоятельного тематического и сюжетного разрешения. Отдельные мотивы, различно служащие пониманию общей темы, перекликаются между собой в разных главах, то исчезая, то вновь появляясь. Закрепить их своеобразное движение — задача плана... Я отмечаю все существенное для тематического замысла;

---

[1] См.: Окунев Ил. Над рукописями Николая Островского. — «Вопросы литературы», 1960, № 2, с. 193.

[2] Русские писатели о литературном труде, т. 2, с. 754.

[3] Цит. по кн.: Рождественская Кл. За круглым столом, с. 54.

множество этапов развития действия — фабульные «узлы»; кривую сюжета»[1].

В то же время, выделяя, оценивая каждую сюжетную линию, нельзя забывать о роли ее в общей структуре романа, о подчиненности боковых линий центральной, о строгой соразмерности между главным и второстепенным мотивами.

Писатель-мастер нередко в процессе творчества сам исключает из своего произведения многое, нарушающее гармоническое единство его постройки. Л. Толстой, например, работая над огромным, многоплановым и многофигурным полотном, убрал из «Войны и мира» немало эпизодов и сцен, имевших несомненную художественную ценность, но не укладывавшихся в рамки замысла. И все-таки при подготовке переиздания романа он писал Н. Н. Страхову: «Делайте, что хотите, именно в смысле уничтожения всего, что вам покажется лишним, противуречивым, неясным»[2].

Неопытный же, начинающий автор далеко не всегда может сам почувствовать правильное соотношение основного сюжетного мотива и второстепенного материала. Так, в одном произведении о годах первой русской революции, в основу которого, вероятно, легли личные впечатления автора, было немало сцен и персонажей, не имеющих никакого отношения к замыслу, к основной теме, но просто дорогих писателю по воспоминаниям. Лишь после длительной совместной работы с редактором над планом рукописи автор ясно увидел недочеты своего труда и сумел устранить ненужные сцены.

В романе другого литератора — фронтовика — главным идейным стержнем был показ мужания характеров бойцов. Именно это было для автора самым важным, определяло пафос его произведения. Однако начинающий писатель не сумел правильно отобрать и организовать материал. Беседы с опытным редактором помогли автору более полно осознать идейно-художественную задачу, отсечь все лишнее, заслоняющее главную тему. Ему самому уже казалось странным, почему он отвел две страницы рукописи несущественному диалогу двух офицеров и только пять строк спасению товарища, попавшего на минное поле. В результате умелой и тактичной помощи редактора он самостоятельно, творчески переработал произведение[3].

В определенных случаях критический анализ романа заставляет редактора говорить о необходимости значительного расширения сюжета, включения новых линий развития действия для более полного, жизненно достоверного воплощения авторского замысла.

Когда редактор рассматривает, как построен роман, ключевой оценочной позицией является единство сюжета и характеров. Нагромождение действий, никак не связанных с развитием характеров героев и не обусловливающих в свою очередь это развитие, должно быть отмечено как существеннейший недостаток произведения.

---

[1] Цит. по кн.: Цейтлин А. Г. Труд писателя. М., 1962, с. 293—294.
[2] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 62, с. 46.
[3] См.: Рождественская Кл. За круглым столом, с. 22—24, 34—36.

«В романе («В разброд» А. Михайлова. — *Авт.*) около шестисот страниц, и нельзя даже утверждать, чтоб он не изобиловал внешними событиями, напротив того, их больше, чем нужно, но в том-то и дело, что все они кажутся совершенно излишними. Ни на одном автор не остановился, необходимости ни одного из них не доказал... Как мухи, мелькают герои романа, и, как мухи же, садятся в разброд на разные места без всяких видимых побуждений», — писал М. Е. Салтыков-Щедрин [1].

Работая над сюжетом романа, редактор оценивает его как цепь событий, закономерно отражающих логику взаимоотношений действующих лиц, их переживаний; он определяет, сумел ли автор найти те ситуации, в которых наиболее полно выражается характер героев [2]. Поэтому предметом его внимания прежде всего должен стать не каждый образ в отдельности, а система образов, расстановка героев, их взаимосвязь.

Разумеется, такой анализ труден, так как он предполагает способность редактора видеть одновременно множество фигур, следя в то же время за их индивидуальностью. Но он необходим на определенном этапе работы над рукописью.

«Действующие лица должны быть нужны по ходу действия; должны быть актуальны и все время находиться в психологическом движении, никогда не должны быть мертвы и очень редко эпизодичны... Действующих лиц следует свести между собою, и, может быть, неоднократно, для выявления разных черт характера в разной обстановке» [3]. Эти советы Д. Фурманова чрезвычайно полезно помнить редактору при анализе связи сюжета и образа в романе, при определении того, как многочисленные персонажи второго и третьего плана связаны с развитием основных сюжетных линий.

Жанр романа позволяет многогранно, всесторонне раскрыть характер человека, изобразить его в движении, подробно проследить его жизненный путь в наиболее сложных проявлениях, в переплетении с другими судьбами, в обусловленности общественно-исторической. При этом герой то появляется перед глазами читателя, то исчезает, отдельные черты его внешнего облика, психического склада, темперамента, рассуждения и переживания — все это «рассредоточено» на многих десятках страниц большого прозаического произведения.

Перед редактором поэтому с неизбежностью встает задача рассмотреть эти компоненты образа в их единстве, как бы воссоединить их. И здесь, как и при работе над композицией и сюжетом, он, можно сказать, прослеживает процесс создания произведения, причем «в обратном порядке» — от конечных результатов к истоку творческого замысла.

---

[1] Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. 8. М., 1937, с. 391—392.

[2] Т. е. он исходит из горьковского определения сюжета — «связи, противоречия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей — истории роста и организации того или иного характера, типа» (М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т., т. 27, с. 215).

[3] О писательском труде, с. 338.

Писатели-классики, стремясь всесторонне показать героев своих романов, нередко предварительно составляли подробные их «биографии», включающие портретные и психологические характеристики персонажей, их роль в развитии действия. Так поступали Золя, Флобер, Мопассан («биографии» к роману Золя «Деньги» составляют более ста рукописных страниц). Тургенев также на отдельных листках выписывал «формулярные списки всех действующих лиц». Вот, например, «формулярный список» героини романа «Новь»:

Синецкая Марьянна Викентьевна, 1846 [года] 22 [года]. Нигилистка, но из хороших, не самостоятельная от бездействия, самолюбия и пустоты, а натолкнутая на эту роль судьбой. — Племянница Сипягина. — Наружность в роде Луизы, только более женственная. — Светлые большие серые глаза, большой нос, маленькие сжатые губы, росту почти небольшого, руки и ноги крошечные, волосы красивые светлорусые стрижет. — А ходит она в каких-то широких перехваченных блузах. — Энергия, упорство, трудолюбие, сухость и резкость, бесповоротность и способность увлекаться страстно... [1].

Интересны высказывания советских писателей, в частности Б. Полевого, отмечавшего как бы два этапа в фиксировании таких биографических сведений о героях. «Личные дела» — вернее, реестры — составляю. В начале романа короткие: имена, фамилии, возраст. Взаимоотношения героев.

В конце романа — подробнее — с характеристиками, с особыми приметами, характерными чертами. Тут уж как в уголовном розыске, — шутливо замечает писатель, — глаза такие-то, рост такой-то, цвет волос такой-то, речь такая-то, и т. д. При дальнейшей обработке книги сверяю текст с этим реестром» [2].

Составление таких своеобразных «биографий» весьма полезно и при редактировании любого большого прозаического произведения. Они помогают уяснить главное в характере героя, его манеру действовать, чувствовать и мыслить; определить, насколько полно и последовательно обрисовал автор то или иное действующее лицо, не возникают ли в романе не замеченные писателем противоречия и смещения.

Разумеется, оценивая образы героев романа, меньше всего можно навязывать писателю какие-то определенные схемы и рецепты. И здесь прежде всего следует исходить из замысла автора, его творческой манеры. Неверно было бы, например, ссылаясь на специфику жанра, требовать, чтобы в каждом романе широко была показана предыстория героев, эволюция характеров. Однако, если прошлое дается в виде сухой анкетной справки даже тогда, когда именно в нем содержится ключ к поведению персонажа, к сущности его характера, — редактор вправе отметить этот серьезный просчет, сказывающийся на развитии и сюжета и образа.

Таким образом, успех редакторской работы над рукописью романа определяется как проникновением в индивидуальный творческий замысел писателя, так и правильным пониманием общих

---

[1] Цит. по кн.: Цейтлин А. Г. Труд писателя, с. 282.
[2] «Вопросы литературы», 1962, № 7, с. 174.

особенностей жанра (широта жизненного материала, многоплановость и многогеройность, показ характеров и событий в процессе их развития).

Работа редактора над рассказом. А. М. Горький говорил, обращаясь к начинающим авторам: «Конечно, начинают с маленького. Но и маленькое — гвоздь, например, — надобно делать хорошо» [1].

Чтобы помочь автору «хорошо сделать» рассказ, редактор должен верно представлять себе возможности этого жанра художественной прозы.

Подчеркивая отличительные особенности рассказа, чаще всего говорят о его оперативности. Способность быстро откликаться на вопросы современности действительно является важнейшим свойством рассматриваемого жанра. Но именно это иногда вызывает неверный подход к оценке отдельных произведений. Привлеченные видимостью злободневности, редакторы подчас мирятся с тем, что рассказ низводится до уровня корреспонденции.

Рассказ — это отнюдь не прощупывание темы, а овладение ею всеми средствами словесного искусства. Автор рассказа, так же как и романист, не имеет права на скольжение по поверхности, на отражение лишь того, что открывается с первого взгляда. «Малая форма не освобождает вас от большого содержания», — писал А. Толстой [2]. Именно об этом говорят нам произведения классической литературы, в частности непревзойденные рассказы А. П. Чехова. И лучшие советские рассказчики — С. Антонов, Ю. Яновский, О. Гончар, Е. Дорош и другие — ввели в литературу немало новых тем, показали значительные явления действительности.

«В малом — многое» — это существенное требование должен прежде всего предъявлять редактор к рукописи рассказа, помня, что скидка на мнимую ограниченность возможностей жанра приводит к появлению в печати серых произведений.

Если литератор считает, что рассказ, в отличие от повести, романа, просто изображает «случай из жизни», он приводит лишь любопытные подробности, не пытаясь их обобщить, не уяснив себе, во имя чего написано его произведение. Случайность и незначительность идейно-художественного замысла отражается прежде всего на сюжете рассказа. И редактор должен уметь видеть, когда в основу произведения неправомерно положена ситуация, годная лишь для анекдота, газетного фельетона, когда от неумения автора проникнуть в глубь явлений возникает схематизм и стандарт сюжетных положений.

Рассказ — произведение одноплановое, как правило, содержащее одну сюжетную линию. При работе над ним для редактора нет необходимости прибегать к таким приемам, как составление рабочего плана, «биографий» героев. Но малый объем произведения обязывает особенно внимательно подойти к структуре его,

---

[1] Макарьев И. Пометки Горького на книгах начинающих писателей. М., 1957, с. 70.

[2] «Литературная газета», 1955, 19 февраля.

тщательно выверить, все ли части служат осуществлению авторского замысла.

Нельзя требовать, чтобы рассказ обязательно заключал в себе только один случай из жизни героя; он может строиться и на сопоставлении ряда эпизодов, охватывающих более или менее продолжительный промежуток времени. Однако введение большого числа персонажей и многих сюжетных линий противоречит специфике жанра. Поэтому здесь требуется особенно активный и строгий отбор материала. Не случайно такие выдающиеся редакторы прошлого, как В. Г. Короленко и А. П. Чехов, имея дело с рукописями рассказов, чаще всего обращали внимание авторов именно на перегруженность произведений персонажами, сценами и диалогами.

«Есть лишние лица; например, брат героини, мать героини. Есть лишние эпизоды; например, события и разговоры перед свадьбой, да и все, что свадьбы касается», — писал Чехов Е. М. Шавровой [1].

Затянутая экспозиция, неоправданные подробности — на все эти недочеты указывает Б. Горбатов в своих пометках на сборнике рассказов А. Исбаха:

«Длинновато начало «Лорда Байрона». Трудно, долго ты подходишь к сюжетной основе, долго топчешься на месте». Или: «Затянута первая сцена. Много лишнего до записки Машеньки» [2].

В ряде случаев желание автора втиснуть весь запас жизненных наблюдений в малую форму приводит к возникновению противоречия между материалом и жанром. «Не увлекайтесь тем, чтобы сказать в одном рассказе все. Это всегдашний камень преткновения не имеющих привычки писать» [3], — предупреждал Л. Толстой одного из авторов. «Что-нибудь из двух: или меньше персонажей, или пишите роман», — решительно советовал в таких случаях Чехов [4].

Редактор последовательно и продуманно помогает автору освободить рассказ от побочных мотивов, от случайного бытового материала, от хотя и колоритных, но не имеющих отношения к основной линии повествования эпизодов и деталей.

Но стремясь подчинить компоненты рассказа одной задаче и очищая его от всего лишнего, надо следить за тем, чтобы не «выплеснуть вместе с водой и ребенка». Отсутствие психологической мотивировки поступков, неоправданные провалы в развитии действия, схематичность героев, лишенных индивидуальных, запоминающихся черт характера, — эти недостатки подчас вызваны неоправданной краткостью изложения. Поучителен редакторский опыт Горького. Изучая его пометки на рукописях рассказов начинающих авторов, видишь, что он, борясь с ненужными описаниями и рассуждениями («лишнее, затягивает рассказ»), в то же время решительно возражает против такой «краткости», когда читатель

---

[1] Чехов А. П. Собр. соч., т. 12, с. 73—74.
[2] Исбах А. Лицом к огню. М., 1958, с. 190, 193.
[3] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 63, с. 436.
[4] Чехов А. П. Собр. соч., т. 12, с. 79.

не может составить правильного представления о месте, времени, причинах действий героев.

Есть краткость рассчитанная и неоправданная; бывают пропуски, легко восстанавливаемые творческим воображением читателя, и незаполнимые пустоты. Автор рассказа имеет право не описывать подробно историю жизни своих героев, не рисовать обстоятельно их окружение. Но это право нельзя понимать как возможность нарушения основной специфики художественной литературы, подмены образного показа событий информационными сообщениями.

В. Г. Короленко, например, крайне отрицательно отозвался в редакционном заключении о рассказе «Вася Криницын» Н. П. Белова именно потому, что рукопись представляла собою «нечто вроде распространенной репортерской заметки». Он же отмечал в некоторых редактируемых им рассказах отсутствие необходимых описаний, без которых текст не воспринимается как художественное произведение [1].

Задача редактора — добиваться, чтобы рассказ был не просто короток, но обладал подлинно художественной лаконичностью. А это зависит не только от строго ограниченного объема жизненного материала, небольшого количества действующих лиц, одноплановости сюжета, но и от емкости художественных средств.

Отсюда, в частности, та особенно значительная роль, которую приобретает в рассказе художественная деталь, и то особое внимание, которое необходимо уделять этому изобразительному средству при редактировании произведений малого прозаического жанра.

Деталь здесь, как и в романе, связана с мировосприятием художника и служит раскрытию идеи; но в рассказе это более ощутимо.

«К сожалению, — писал К. Паустовский, — многие рукописи начинающих авторов, которые мне приходится читать в большом количестве, страдают одним общим недостатком: словесные обобщения вытесняют из них деталь... Можно долго и обстоятельно описывать характерные черты героя, но многословное описание никогда не дает того эффекта, какой дает безошибочная конкретная деталь» [2].

Но в произведениях начинающих писателей редактор нередко сталкивается с нагромождением деталей. Обычно молодой автор, увлеченный своей темой, боится упустить из виду какую-нибудь подробность; ему кажется, что чем больше штрихов внесет он в обрисовку предмета, тем зримее будет его рисунок. Иногда же избыток подробностей вызывается, наоборот, равнодушием автора к изображаемому: он отмечает и существенное и второстепенное.

[1] Летов Б. Д. В. Г. Короленко — редактор. — В сб.: Лекции по теории и практике редактирования, вып. 2. М., 1957, с. 168; Его же. Вопросы жанра и текстовых сокращений в редакционной практике Короленко. — В сб.: Лекции по теории и практике редактирования, вып. 3. М., 1958, с. 93.

[2] «Вопросы литературы», 1961, № 1, с. 168.

Редактор должен помочь автору устранить лишние детали, приводящие к поверхностному описательству, а также детали-штампы, кочующие из рассказа в рассказ.

Рассказ — малый жанр большой советской литературы. Об этом всегда должен помнить редактор, открывая путь к читателю подлинно художественным произведениям.

Редактирование драматических произведений

Драма — самый сложный из художественно-словесных жанров. На этом мнении сходятся и теоретики литературы, и сами драматурги. Так, Горький многократно указывал, что «драматическая форма — самая трудная форма литературы» [1].

Если отражение жизни в эпосе осуществляется преимущественно посредством художественного повествования автора (или «рассказчика»), а в лирике путем образного выражения личных переживаний поэта (или «лирического героя»), то в драматическом искусстве жизнь предстает только в непосредственном действии и речах персонажей. В противоположность прозаику и поэту драматург предельно самоустраняется не только от повествовательных, но даже от описательных компонентов, предоставив развитие пьесы всецело самовыявлению характеров ее героев.

Непосредственный «показ» событий (а не «рассказ» о них) подчеркивал как основную черту драматического жанра М. Горький. Суждения свои о конкретных рукописях он обобщил впоследствии в специальной статье «О пьесах». «...Пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась и словом и делом самосильно, без подсказываний со стороны автора». Развивая свой взгляд на специфику драматического жанра, Горький противопоставляет его художественной прозе: «В романе, в повести люди, изображаемые автором, действуют при его помощи, он все время с ними, он подсказывает читателю, как нужно их понимать, объясняет ему тайные мысли, скрытые мотивы действий изображаемых фигур, оттеняет их настроения описаниями природы, обстановки и вообще все время держит их на ниточках своих целей, свободно и часто — незаметно для читателя — очень ловко, но произвольно управляет их действиями, словами, делами, взаимоотношениями, всячески заботясь о том, чтобы сделать фигуры романа наиболее художественно ясными и убедительными». В противовес же этому «пьеса, — заключает Горький, — не допускает столь свободного вмешательства автора, в пьесе его подсказывания зрителю исключаются» [2].

Работы Горького, а также других драматургов-классиков служат важным источником, помогающим уяснить методику редактирования драматических рукописей. Горький дает редактору пьес надежное орудие против легкомысленного отношения не-

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 29, с. 400.
[2] Там же, т. 26, с. 411.

которых писателей к данному роду творчества, который представляется им более доступным, чем создание повествовательных произведений. «Начинающим писателям драма кажется легкой и удобной, — заметил он в рецензии на анонимную пьесу «Помешанный», — потому что ее можно писать с первой до последней строки диалогом, т. е. разговором, не изображая бытовой обстановки, не описывая пейзажа, не поясняя описаниями душевной жизни героев». Названная пьеса, по характеристике Горького, настолько внедраматургична по способу литературного изображения, что утратила жанровую специфику. И несмотря на внешне-сценическую форму (членение на акты, реплики, ремарки), она, по существу, ближе к другому — именно эпическому — роду. Вот почему Горький заключает свою рецензию словами: «Автор пьесы «Помешанный» не имеет представления о драме — это сразу видно по его характеристикам действующих лиц: характеры героев должны выясняться в действии, автору не нужно подсказывать их. ⟨...⟩ Но из этого материала можно бы сделать недурной рассказ»[1].

Итак, редактор должен не только глубоко понять и прочно усвоить основное теоретическое отличие драматического жанра от эпоса и лирики, но и практически руководствоваться этим при подготовке к изданию рукописей пьес.

От жанрового своеобразия драматических произведений зависит специфичность конфликта пьесы и ее языковой системы. Ибо, по меткому определению Горького, драма «самосильно» развивается именно посредством «дел» и «слов» ее персонажей, т. е. при помощи поступков и речей их. Выявление каждой из этих закономерностей также сугубо важно для процесса редактирования пьес.

Драматургия немыслима вне изображения *острых жизненных конфликтов*. В основе ее — напряженное действие. Недаром слово «драматургия» произошло от древнегреческого глагола ςραω — «действую», откуда и самое наименование ςραμα — «действие».

От рукописи даже идейно выдержанной пьесы, при отсутствии драматической напряженности и неспособности автора воссоздать ее, следует отказаться. Сам Горький так именно и поступал. В начале 1919 г. по его инициативе Отдел театра и зрелищ Наркомпроса объявил конкурс на создание мелодрамы. В состав жюри вошли А. В. Луначарский, артисты Н. Ф. Монахов, Ф. И. Шаляпин и Ю. М. Юрьев, секретарем был М. Горький. Он написал несколько десятков внутренних рецензий, по своему характеру представляющих редакторские заключения. Одним из наиболее частых упреков в адрес авторов было отсутствие в присланных пьесах драматической активности. «Пьеса сугубо коммунистическая, но литературно малограмотная ... Действия — нет», — мотивировал Горький, например, отклонение им пьесы «Да будет свет». Точно таким же аргументом «Действия — нет» сопроводил он и

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 29, с. 400—401; т. 30, с. 235.

историческую мелодраму, представленную под девизом «Жизнь для жизни». «Вещь совершенно безграмотная, бездейственная» [1], — отозвался он, отвергнув другую рукопись.

Проблема предельного динамизма пьесы, концентрируемого в ее конфликте, получила особенно прочное обоснование в работах Горького. «Без конфликта драма существовать не может», — твердо заявил он в предисловии к американскому изданию своей пьесы «Старик».

Подобные суждения о специфичности драматического конфликта высказывали и другие видные советские драматурги, например, А. Н. Афиногенов. «Драма — это поэзия действия. Нет драмы, нет пьесы там, где нет действия. Действие пьесы развивает человеческие мысли, чувства и страсти через конфликты и борьбу» [2], — говорил он в своем выступлении на I Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г.

Советская действительность — новый общественный уклад и морально-политическое единство братских народов — отнюдь не отменила жизненных конфликтов, а лишь сообщила им иной характер. Борьба советского народа за построение коммунизма не может совершаться вне трудностей и препятствий, не может не приводить подчас к острым столкновениям. Буржуазные пережитки в сознании людей и быте, проявления бюрократизма, нерадивости к служебным обязанностям, недобросовестного отношения к социалистической собственности; косность, отсталость, пошлость, — все это является неизбежным поводом к конфликтам.

Даже в тех пьесах, где зримые столкновения между персонажами совершаются в семейном кругу, в интимной сфере, они также в конечном счете обусловлены чаще всего теми или иными идейными и социальными мотивами.

Однако формальное наличие конфликта в пьесе не всегда еще обеспечивает действительное его осуществление. Необходимо логическое развитие и неизбежное решение противоборства столкнувшихся характеров. На это справедливо указал выдающийся советский драматург Н. Погодин. «Острота конфликта, — писал он, — это не значит только постановка острого конфликта в произведении. Острым он будет до конца только в том случае, если мы не остановимся на полпути, если драматург не побоится сделать все идейные, психологические и социальные выводы из той борьбы сил, которую он показал в пьесе» [3].

Редактору при оценке драматургической рукописи надлежит определить, является ли конфликт ее подлинным или мнимым, т. е. развивается ли он на основе жизненно существенных столкновений, порождая контрдействие, или ограничен лишь внешней напряженностью. Во втором случае рукопись должна быть безоговорочно отклонена. В первом же случае — в зависимости от художествен-

---

[1] Горький М. Материалы и исследования, т. 1. Л., 1934, с. 103, 104, 106.
[2] «Театр и драматургия», 1934, № 9, с. 22.
[3] О труде драматурга. М., 1957, с. 70.

ного уровня произведения — редактор может оказать автору содействие в совершенствовании пьесы.

Другая важнейшая закономерность данного жанра — исключительная значимость *диалого-монологической речи.*

«Драматург пользуется только диалогом. Он, так сказать, работает голым словом» [1]. «... Драма требует движения, активности героев, сильных чувств, быстроты переживаний ... Если этого нет в ней — нет и драмы. А выразить все это чистым разговором — диалогом — чрезвычайно трудно и редко удается даже опытным писателям» [2].

Поэтому редактор должен быть предельно внимательным к репликам действующих лиц, следить за тем, чтобы в подготовляемой им к печати пьесе каждый словесный отклик того или иного персонажа не просто нес определенную смысловую нагрузку, но и служил очередным толчком в развитии действия.

Для того чтобы в словесном «споре» драматических персонажей «характеры выказывались» наиболее рельефно, реплики должны быть резко индивидуализированы. А. П. Чехов, критикуя рукопись пьесы «Обыкновенная женщина», присланную ему на отзыв довольно известным в свое время драматургом и беллетристом А. М. Федоровым, упрекал автора в томительном однообразии реплик почти всех персонажей: «Все действующие лица говорят одним языком (кроме Ольги), даже «забавно» Романа мало помогает делу» [3].

На многообразие реплик как средство выражения в драме психологических особенностей противоборствующих персонажей указывал Горький. «Действующие лица пьесы создаются исключительно и только их речами», — писал он, — поэтому «необходимо, чтоб речь каждой фигуры была строго своеобразна».

«Общим и печальным пороком нашей молодой драматургии является прежде всего бедность языка авторов, его сухость, бескровность, безличность, — пенял он. — Все фигуры пьес говорят одним и тем же строем фраз и неприятно удивляют однообразной стертостью, заношенностью слов, что совершенно не совпадает с нашей бурной действительностью». Горький с сокрушением отмечал: «Подлое и вредоносное или честное, социально ценное дело превращается на сцене театра в скучный шум бесцветных, небрежно связанных слов» [4].

Редактор драматических произведений должен добиваться не только смысловой ясности реплик, но и предельной их выразительности. Поучителен опыт творческой работы А. Н. Островского над языком пьес, поражающий щепетильной скрупулезностью, неутомимыми поисками необходимых слов и их сочетаний соответственно психологическим чертам того или иного действующего лица. Он прямо подчеркивал, что для индивидуальной речевой

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 30, с. 235.
[2] Там же, т. 29, с. 400.
[3] Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем, т. 19, с. 158.
[4] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 411, 412.

характеристики героя, помимо содержания его суждений, не менее важны также их структура и даже тональность.

Редактору нужно твердо усвоить, что для достижения индивидуальности драматических реплик не только недостаточна, но нередко даже противопоказана элементарная морфологическая и особенно синтаксическая нормативность, так как язык персонажей пьесы подвержен законам живой речи. Тонкий ценитель всех родов искусства В. В. Стасов восторженно писал Л. Н. Толстому, что его драмам органически свойственны «настоящие монологи, именно со всей неправильностью, случайностью, недоговоренностью и прыжками» устной речи [1].

Редактирование языка пьесы должно сводиться, таким образом, не к грамматическому «сглаживанию» реплик, а, наоборот, к освобождению их от избитых, шаблонных выражений и словесных конструкций, из-за которых стирается речевое своеобразие каждого из действующих лиц. «Как много и осторожно надо работать над фразой, чтобы избавиться от привычных оборотов, придающих фразе легкость и гладкость. А за этой гладкостью — ничего не видно, фраза катится и пропадает» [2], — напоминал в своем дневнике Афиногенов.

Помимо диалого-монологической речи, в тексте пьесы есть еще и непроизносимые на сцене словесные элементы — *ремарки.* Если в эпическом произведении полноправна любая фраза, — как в авторском рассказе, так и в речах персонажей, — то языковую основу драмы составляют реплики действующих лиц, ремаркам же отводится лишь незначительная часть текста. Притом они выполняют чисто служебную функцию, печатаются петитом, либо заключаются в скобки.

Однако роль ремарок в пьесе весьма существенна. Они как бы замещают здесь авторское повествование и описание. Утилитарное назначение ремарок проявляется при сценическом воплощении пьесы, где они служат немаловажными пояснениями драматурга для режиссеров и актеров. Ремарки довольно разнообразны. Одна категория ремарок представляет собою перечень «действующих лиц» пьесы с указанием имен, возраста, общественного положения, взаимосвязи их и т. п. Другие ремарки — декорационные — обозначают место, а подчас и время действия, рисуют его обстановку, интерьеры, пейзажи. Наконец, ремарки игровые отмечают поступки героев, поясняют перемены в их психологическом состоянии, их жесты и т. д.

Ошибочно поэтому сосредоточивать все внимание только на репликах, совершенно не уделяя внимания ремаркам. В результате последние во многих пьесах бывают ни соразмерны по объему, ни достаточно четки по содержанию. Ремарки нередко получаются либо разросшимися, что противоречит природе драматического

---

[1] Л. Н. Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., 1929, с. 265.

[2] Афиногенов А. Н. Статьи, дневники, письма, воспоминания. М., 1957, с. 129.

жанра, либо, они, наоборот, слишком кратки, т. е. практически бесполезны.

Для постановщиков и режиссеров требуются деловые, практические и точные указания. Непревзойденным образцом надлежащей заботы редактора о ремарках пьесы служит отзыв Горького о рукописи пьесы В. П. Ставского «Суховей»[1].

Важной особенностью драматических произведений является то, что они предназначены для театра. «Драматическое искусство, — пишет Н. Погодин, — отличается от других видов литературы тем, что оно теснейшим образом связано со сценическим воплощением»[2].

Двойственная природа пьесы (литературное и сценическое произведение одновременно) ставит процесс ее редактирования в особые условия, отличные от редакторской работы над литературой других жанров.

В процессе совместной работы автора с режиссером при сценической подготовке драматического произведения текст его нередко претерпевает изменения, и подчас весьма значительные.

Редактору драматических произведений, таким образом, надлежит прочно овладеть (по выражению Горького) «знанием сцены».

Редактирование очерка

Требования редактора к очерковому произведению определяются важнейшими особенностями жанра, его спецификой.

Публицистичность, документальность, художественность выступают как три важнейших аспекта редакторского анализа текста.

Очерк берет от публицистики ее функции, ее предмет. Поэтому ведущим оценочным критерием в редакторской работе становится именно публицистичность — качество, отличающее очерк от других жанров художественной прозы.

Характеристика и оценка публицистичности очерка включает следующие основные моменты.

Прежде всего — партийность. Этот критерий предполагает, во-первых, актуальность и значимость поднимаемых автором вопросов, их связь с политикой партии, их существенность для практики коммунистического строительства (заметим, что неправомерно было бы отождествлять это требование с «масштабностью»: очеркиста могут интересовать как общие, глобальные явления общественной жизни, так и частные). Во-вторых, соответствие авторской трактовки этих вопросов теоретическим положениям марксистско-ленинской науки.

Адресованность и целевая направленность очерка как жанра публицистического обусловливает преимущественную установку автора на овладение обыденным сознанием читателя, на обращение к его жизненному опыту, здравому смыслу.

---

[1] См.: Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 30, с. 396—397.

[2] Писатели и книги, сб. 1. М., 1960, с. 33.

Однако это отнюдь не предполагает, что и весь процесс изучения действительности и создания произведения также протекает на уровне обыденного сознания. Публицист должен быть способен осмысливать явления значительно глубже и объективировать познанное. Именно для достижения этой цели он использует инструментарий науки, помогающий ему преодолеть неизбежную ограниченность личного, индивидуального опыта, субъективно-эмоционального подхода к событиям.

Марксистско-ленинская наука о закономерностях развития общества и дает ему «ориентир познания и отношения», определяет идеологическую концепцию, четкость постановки проблемы [1].

Если в очерке затронуты не одна, а несколько проблем, то редактору необходимо определить, правомерно ли их объединение в рамках данного произведения, или такое соединение непродуманно, искусственно, случайно.

От автора очерка мы вправе ждать не готовых рецептов, а самостоятельности исследования, новизны, убедительности освещения поставленных проблем.

Это определяется в первую очередь правильностью идеологических позиций очеркиста, глубоким пониманием общественных процессов, тенденций развития. Немаловажное значение имеет также заинтересованность автора темой.

Мысль очеркиста выступает непосредственно, открыто, незашифрованно в собственно публицистических элементах текста. И выявление, характеристика, оценка этих элементов — существенный аспект работы редактора над публицистической стороной очерка.

Здесь нужно вспомнить, что когда-то основным способом публицистического воздействия было устное слово. Средства ораторского искусства широко используются и в наши дни для влияния на читательскую аудиторию.

Предметом редакторского анализа будут, в частности, такие ораторские приемы, как обращения к читателю, риторические вопросы, «размышления вслух», восклицания, полемические рассуждения, выводы.

Сюда же можно отнести и прием повествования от первого лица. Эта форма вполне правомерна: она подчеркивает достоверность рассказываемого, активность позиции автора и тем самым способствует «публицистическому насыщению очерка».

Однако и продуманные, интересные приемы публицистического письма останутся пустыми, декларативными вне связи с фактическим материалом.

Поэтому, применяя критерий публицистичности, редактору необходимо выявить, существует ли в данном произведении внут-

---

[1] См.: Ученова В. Гносеологические проблемы публицистики. М., 1970, с. 37—52.

ренняя мотивированная взаимосвязь между проблематикой и фактами.

Нередко здесь возникают весьма ощутимые расхождения.

Иногда несоответствие «мысли и факта» является следствием неумелого обращения автора с материалом, его профессиональной неопытности. И помощь редактора в дальнейшей литературной работе над текстом будет полезной и плодотворной.

Редактор может помочь автору во множестве собранных им сведений, наблюдений увидеть главную, объединяющую их тенденцию, политический смысл.

Л. Никулин рассказывал, например, как в начале своей литературной деятельности он написал очерк о Герберте Уэллсе, изложив немало любопытных фактов. Когда же это произведение попало на редакторский стол М. Горького, он заметил, что журналист не увидел основного: пессимизма известного английского писателя, его неверия в созидательные способности советских людей. Эта мысль и стала ведущей концепцией переделанного очерка, по-новому осветила, сцементировала собранный материал [1].

В другом случае — когда заранее сформулированный автором тезис не находит убедительного подтверждения в реальном жизненном материале — в очерке явно ощущается искусственность, «подтасовка» под схему, целевую конструкцию. Увидев подобный просчет, редактор опять же может подсказать выход: изменить первоначальный замысел применительно к содержанию наблюдаемых явлений. Разумеется, эта рекомендация полезна лишь при условии, что сами явления представляют собой нечто общественно значимое, интересное.

Работа редактора над фактическим материалом очерка — процесс сложный и многосторонний.

Первый, важнейший его аспект — установление достоверности всех приводимых автором сведений, тщательная их проверка и перепроверка.

В действенности реального, взятого из жизни материала — одно из основных преимуществ жанра, «секрет» его воздействия на читателя. И это обязывает редактора требовать безупречной точности изложенного. Однако нужно принимать во внимание, что материал различен по своему характеру, а следовательно, и проверка его включает некоторые специфические моменты.

Очеркист использует данные статистики, социологии, географии, истории и других областей знаний. Хотя они занимают в произведении чаще всего второстепенное место, даются как бы «мимоходом», необходимо скрупулезно проверять их, привлекая специальную литературу.

Однако в очерке далеко не все поддается проверке с помощью энциклопедий, монографий, учебников. Большинство фактов, с которыми имеет дело редактор при работе над таким

---

[1] Проблемы советского очерка. — В кн.: Год тридцать восьмой. Альманах девятнадцатый. М., 1955, с. 309.

произведением, — реальные события, непосредственно увиденные автором или описанные им со слов очевидца. Иначе говоря, это эмпирические факты, не прошедшие горнило науки, не включенные еще в общую систему теоретических знаний. Индивидуальный же акт наблюдения в известной мере стихиен. Поэтому иногда возникают просчеты.

Например, автор начал свое повествование с безобидной, казалось бы, фразы: *Когда раздался гудок, возвещающий конец смены...*

Но оказалось, что на этом предприятии ... не было гудка.

Нужно помнить, что и такие, на первый взгляд, мелочи вызывают у читателя недоверие к материалу в целом.

Возникает необходимость всемерно расширять круг источников проверки изложенного, используя периодическую печать, устные консультации, беседы с участниками событий и т. п.

Достоверность очеркового описания не следует, однако, отождествлять с протокольной фиксацией происходящего. Наоборот, необходимо помнить, что автора всегда подстерегает опасность «перенасыщения» текста фактическими реалиями. По признанию самих литераторов, в процессе создания произведения появляется соблазн включить в него как можно больше блокнотных записей. Идет своего рода борьба с материалом: что использовать, что отбросить?

Строгая продуманность отбора фактов является следующим существенным аспектом характеристики и оценки очерка в процессе редакторского анализа.

При этом основным критерием целесообразности использования того или иного факта служит его функция в освещении поставленной общественно-политической проблемы, т. е. подчиненность публицистическим задачам данного очерка.

Не следует думать, что роль редактора в этом плане сводится лишь к отбрасыванию лишнего, ненужного.

Показателен такой пример из редакторской практики С. Маршака. Он посоветовал Н. Григорьеву включить в описание строительства первой железной дороги в пустыне одну подробность: шпалы доставляли на стройку, навьючивая их на верблюдов. «Караван верблюдов — что еще может быть древнее на свете? И вдруг он на свою тысячелетнюю верблюжью тропу сбрасывает шпалы, чтобы в пустыне пошли поезда! Чувствуете, как это наглядно, выразительно? Вот она, новая жизнь!.. Кстати, у вас и эти слова есть: «Новая жизнь». Но они пустые, лишние. Эту мысль, но только не общими словами, а в ярком образе, передает читателю ваш верблюд со шпалами на горбе» [1].

Так редактор, постигший проблематику произведения и внутренний смысл явлений, помог автору использовать реальный факт, который показался тому настолько незначительным, что остался за рамками первоначального текста. Подобные примеры нередки в издательской практике.

---

[1] Редактор и книга, вып. 4. М., 1963, с. 261.

Нужно в связи с этим подчеркнуть, что при чтении очерка впечатление нагромождения событий и подробностей часто создается потому, что все они по-настоящему не осмыслены автором, не найдена их связь с основной концепцией произведения.

На такой просчет обращал внимание редакционных работников П. Павленко, рассматривая сборник «Трудная слава». «Очеркисты, — писал он, — скакали по темам и людям с поспешностью, уместной при спасении здания от пожара» [1].

Фактический материал и публицистическая проблематика взаимосвязаны в очерке. Факты подтверждают мысли, выводы автора, а рассуждения очеркиста, в свою очередь, обобщают факты, раскрывают их смысл.

Если фактический материал дан в произведении прежде всего в качестве аргумента публицистического рассуждения, то важнейшим критерием его редакторской оценки становятся законы логики (достаточного основания, непротиворечия и т. д.).

Но в очерке, как жанре художественной литературы, в то же время столь же существенны и законы психологического, эмоционального воздействия. Поэтому важно определить, обладает ли тот или иной факт подлинной убедительностью живого свидетельства, фиксации события, происходящего на глазах у читателей.

От очеркиста не требуется демонстрации всей системы фактов, которые в научном труде именно в силу своей множественности являются доказательством теоретического положения.

Очеркист, как всякий художник, «для своего обобщения не стремится к количеству опытов» [2], он вправе довольствоваться отображением немногих, иногда даже одного события.

Важно лишь, чтобы такие единичные факты давали правильное, а не одностороннее представление о явлении, общественной проблеме. Редактор должен видеть, когда извлечение единичного факта из общей системы связей деформирует его сущность, его внутренний смысл.

«Очерк нам не понравился. ⟨...⟩ Нарисованная журналистом картина была как дом перед приходом гостей, когда раздвигают стол и он стоит не на своем месте. Вы уйдете из этого дома, и он останется в вашей памяти навсегда таким ⟨...⟩. Но ведь он не такой, вернее, не совсем такой на самом деле». Это отзыв одного из членов коллектива института, о работе которого рассказывалось. Человек, хорошо знакомый с реальным положением вещей, сразу обнаружил, что, выхватывая единичные «праздничные» факты, автор создал «подрумяненное» изображение. У широкого же читателя может создаться неверное общее впечатление о жизни данного коллектива, «неправильное представление о предмете в целом» [3].

Следующий аспект редакторской оценки фактического материала очерка связан с выбором формы описания факта, способа его «литературного существования» в тексте.

---

[1] Редактор и книга, вып. 4, с. 232.

[2] Толстой А. Н. Собр. соч. в 13-ти т., т. 13. М., 1949, с. 409.

[3] Наука и журналист, 1970, с. 163—164.

. В очерковое произведение он может быть включен в трех видах — как документ, непосредственно вмонтированный в повествование, как информационное сообщение и, наконец, как художественное изображение. Абзацы и целые страницы, где бегло, подчеркнуто деловито пишется о событиях, сочетаются с образно воссозданными сценами, эпизодами.

Конечно, самая «сухая» информация эмоционально воздействует на читателя важностью заключенных в ней сведений. Но когда в рамках одного текста соседствуют развернутый красочный показ и краткое упоминание — по законам психологии восприятия в памяти и воображении читателя запечатлевается в основном первое.

Нередко бывает так: редактор читает рукопись, и сначала его привлекает живость описаний, яркость картин. Но постепенно он начинает замечать, что образно автор повествует о вещах несущественных, а главное сообщается бегло. «Автор неверно выбрал форму подачи фактов в своем произведении. Читателю дана не картина, а обрывочная информация, именно там, где следовало рассказать подробнее, автор обходится несколькими беглыми фразами («Мы снова сражались весь день»). Автор часто переходит на скороговорку, повествуя о важных делах, которые следовало бы показывать, изображать конкретно, зримо», — говорится во внутрииздательской рецензии на рукопись начинающего очеркиста.

В чем причины подобных просчетов? Иногда очеркисту недостает глубокого знания материала, и он пытается скрыть это, беллетризируя то, что кажется более занимательным, эффектным, легче «поддающимся» изображению, лежащим на поверхности.

Иногда же, наоборот, он делает предметом художественного описания то, что хорошо ему известно, отвечает его жизненному опыту, не замечая, что для данного очерка, с его темой и проблематикой, именно это не является существенным.

Каждая форма включения факта в очерк обусловливает необходимость применения особых оценочных критериев и вызывает некоторые специфические трудности в процессе редактирования.

Так, документальная форма требует прежде всего тщательной сверки текста с источником, а также строгого соблюдения всех правил цитирования.

Нельзя забывать, что и соблюдая скрупулезное соответствие оригиналу (вплоть до шрифтовых выделений), автор может исказить смысл документа, подчинив его ложной концепции.

Включение в очерковое повествование реального документа вместе с положительными (эффект его воздействия на читателя — авторитет печатного свидетельства, архивного источника) имеет и некоторые отрицательные моменты — нарушается цельность восприятия авторского повествования, его структурное и стилистическое единство.

Если же автор злоупотребляет такой формой подачи фактического материала, то эти отрицательные моменты в читательском

восприятии начинают превалировать. Кроме того, появляется и недоверие к автору, который все время «прячется за авторитет другого лица».

Редактор должен помочь автору сделать способы введения документации в текст более многообразными, целенаправленными.

Имея дело с фактом, поданным в виде информационного сообщения, важно учитывать, что в очерковом произведении происходит его психологическая и литературная трансформация. Событие действительности в какой-то мере преобразуется индивидуальным, субъективным ви́дением и чувствованием автора. При всей ее кажущейся объективности очерковая информация всегда оценочно-эмоциональна.

Поэтому здесь возможны и даже неизбежны отступления от строгой документальности. Но полностью сохраняется критерий достоверности.

Наконец, совсем особые задачи встают при редактировании беллетризированного факта.

Художественная форма подачи материала воздействует на читателя силой образного воспроизведения действительности. Но, рисуя развернутые картины, воссоздавая ситуации в динамических сценах, связывая события в сюжетные узлы, вводя монологи и диалоги героев, автор неминуемо прибегает к помощи фантазии, творческого домысла. Ведь никакие документальные записи не могут сохранить все подробности поведения человека, его живой речи, тем более — его раздумья, переживания.

Цель редактора отнюдь не в том, чтобы бороться с любым домыслом в очерковом произведении. Необходимо только ясно представлять себе его особенности и границы.

Прежде всего, сама роль домысла здесь качественно иная, чем в других жанрах. Если автор романа, повести, рассказа использует события действительности в качестве основы для художественного вымысла, то очеркист использует вымысел, чтобы раскрыть внутренний смысл, существо, общественно-политическое значение реального факта. Это обстоятельство и определяет подход редактора к данной проблеме.

Во-первых, его задача — заботиться, чтобы беллетризация не приводила к искажению взятого из жизни материала.

Во-вторых, важно добиваться того, чтобы домысел использовался для более глубокого постижения явления, человеческого характера, а не из желания развлечь читателя.

«В очерке имеется потрясающий эпизод. «Стройная девушка с изящных синтетических брючках» с «прекрасными золотыми волосами»... прилетает на вертолете в геологическую партию.⟨...⟩ В первый же вечер обладательница прекрасных золотых волос и стряпуха, только что сварившая «вкусный, полный обед», разрабатывает план радиометрических работ и поучает начальника партии, как его осуществить. Мимоходом замечено, что она —

студентка биофака МГУ. И пусть даже студент-биолог почему-то знаком с радиометрией, но ведь и самый талантливый геофизик, специалист своего дела не может в один вечер составить план радиометрических работ...»[1].

В этом отзыве хорошо показано, как псевдобеллетризация делает фальшивым все — от пестрящих литературными штампами и красивостями портретных описаний до целых эпизодов.

Поверхностное знакомство с людьми и событиями порождает искусственность изображения. Трудно, например, поверить, что рабочий так говорит о своем труде: «Мы металлурги. Мы воздаем славу огню. Чтобы варить сталь, нужно стать властителем огня».

Такой домысел не помогает впечатляюще раскрыть сущность явления, характера, а вызывает у читателя досаду.

В то же время это, конечно, отнюдь не означает, что «домысливание» рассуждений, реплик, монологов героев вообще противопоказано очерку. «Одни слова **были** сказаны, другие **могли** быть сказаны — не все ли равно? Только не должно быть ничего **искажающего** верность и подлинность событий и лиц»,[2] — писал Д. Фурманов, размышляя о творческом вымысле в документально-художественном произведении.

К факту беллетризированному также применим оценочный критерий точности. Однако можно сказать, что в данном случае он усложняется, включая, наряду с достоверностью, и художественную точность — убедительность, правдивость образного воссоздания действительности.

Когда в очерке используются различные компоненты образного повествования, то восприятие их строится по законам эстетическим. А если автор не обладает даром художника, он не в состоянии (и здесь не поможет редактор) создать полноценное очерковое произведение. Немало поступивших к М. Горькому рукописей было им отвергнуто именно по этой причине. Всесторонняя характеристика и оценка всех образных элементов текста является, следовательно, непременной составной частью редакторского анализа очерка.

Однако при этом нельзя забывать, что «документальная природа» жанра накладывает здесь свой отпечаток, заставляя применять особые оценочные критерии, учитывать различные обстоятельства.

Стремление к красочности, оригинальным, необычным образам в сочетании с поверхностным знанием материала приводит к описаниям может быть и ярким, запоминающимся, но неточно передающим, а подчас даже искажающим смысл происходящего.

М. Горький говорил, что в представляемых в редакцию руко-

---

[1] Смирнов В. Неуважение к профессии. — «Литературная газета», 1971, 1 января, с. 12.

[2] Цит. по кн.: Цейтлин А. Г. Труд писателя, с. 245.

писях «ошибок из пристрастия к слову «красивому» — сотни»[1]. И задача редактора — видеть эти ошибки.

Против любого вымысла, искажающего верность и подлинность описания места действия, поведения человека, хода событий, редактор должен решительно возражать. При этом важно понять, что именно породило такой вымысел: недостаточное художественное мастерство автора или незнание материала, поверхностное знакомство с реальными людьми, ставшими персонажами его произведения. Только тогда можно дать правильный и конкретный совет: еще и еще раз обратиться к «литературной отделке» данного эпизода, поворота сюжета или вновь вернуться к изучению людей и фактов.

Особо пристального внимания редактора требуют портретные описания, воссоздающие характерные штрихи лица, фигуры, одежды, манеры поведения реального человека.

Иногда авторы совсем отказываются от портретной характеристики и нередко бывает трудно уследить за населяющими произведение безликими персонажами, у которых нет ни одной индивидуальной черты, ни одного запоминающегося жеста. О совершенно различных людях говорится: *А Клава стоит спокойная, строгая... Мария Леонтьевна стоит у конвейера бледная, но спокойная... Коля стоял спокойный, уверенный... Спокойное, уверенное лицо директора.* Мудрено ли, что герои этого произведения, лишенные каких-либо других впечатляющих внешних примет, кажутся читателю до удивления одинаковыми?

Безликими остаются и персонажи, снабженные двумя-тремя общими, приблизительными определениями, никак не передающими их индивидуальность: *высокий, седой мужчина лет сорока* или *высокий, светловолосый юноша.* Некий очеркист, описывая неоднократно появляющегося председателя цехкома, снабдил героя такой единственной «портретной деталью»: *Лицо его закрывал козырек кепки...*

Редактор вправе требовать, чтобы автор сумел разглядеть своих героев и показать их читателю.

Те же принципиальные моменты проявляются и при редактировании других элементов текста. В частности, в работе над цифровым материалом также необходимо добиваться сочетания безупречной точности приведенных данных и образного их раскрытия, превращающего «сухие показатели» в эмоционально действующую силу.

Следует учитывать, что соотношение и значимость отдельных компонентов текста, их функции в каждом конкретном очерке изменяются в зависимости от авторского замысла, индивидуальных особенностей его творческой манеры, темы произведения. В общем же плане здесь сказываются факторы, обусловленные жанровыми разновидностями. Так, в путевом очерке особого внимания при редактировании требует пейзаж, познавательные и сюжетные

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 25, с. 58.

функции которого выступают на первый план; в очерке, приближающемся к публицистической статье, — научные данные и логические приемы построения текста и т. д.

В заключение необходимо подчеркнуть, что три способа исследования и воссоздания действительности — публицистичность, документальность, художественность — в полноценном очерке не существуют изолированно друг от друга: они образуют единый сплав. И, расчленяя их в процессе анализа рукописи, редактор должен помнить о целостности их восприятия читателем.

Глава восьмая

РАБОТА РЕДАКТОРА ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ИЗДАНИЮ ТЕКСТОВ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ

1. ТЕКСТОЛОГИЯ И ЕЕ МЕСТО В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ РЕДАКТИРОВАНИЯ. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Одним из общеизвестных и общепризнанных показателей высокого уровня советской книжной культуры справедливо считается непрерывно совершенствующееся издание классических произведений художественной литературы, составляющих важную часть духовного достояния советского народа. Многотысячными тиражами выходят в свет собрания сочинений, в миллионах экземпляров выпускаются отдельные издания виднейших писателей мира. Систематически осуществляются издания классиков русской литературы, подготовку которых ведут научные коллективы исследователей и высококвалифицированных редакторов крупнейших издательств.

Во всей этой громадной по своему объему и разносторонней работе, имеющей первостепенное значение для обогащения духовной культуры народа, для развития многих наук и отраслей знаний, ощутим вклад нескольких поколений советских литературоведов и редакторов-текстологов. Изучение богатого опыта в этой области имеет значение не только для развития книговедения, а также других гуманитарных наук, но и может служить непосредственно повышению редакторского мастерства, совершенствованию издательского дела в одном из его самых важных направлений.

Можно сказать без преувеличения, что знание основ текстологии стало сейчас необходимым для каждого редактора.

Конечно, далеко не каждому редактору приходится готовить к публикации вновь найденный текст или принимать участие в выпуске научного издания произведений писателя-классика, т. е. заниматься делом, где непосредственно требуются навыки и приемы текстологической работы. Подобной работой заняты лишь центральные издательства, осуществляющие совместно с литературоведческими институтами Академии наук СССР и архивными учреждениями подготовку классических текстов. Но переиздание классических русских и иностранных произведений, равно как и

произведений писателей союзных и автономных республик, — явление обычное в практике не только центральных, но и местных (республиканских, краевых, зональных и областных) книжных издательств. Материалы о жизни и творчестве писателей прошлого, а нередко и вновь найденные их произведения публикуются на страницах периодических и продолжающихся изданий, выходящих во многих городах страны. Естественно, что редакторы, осуществляющие вместе с исследователями подготовку таких материалов, должны знать, какими приемами оперирует текстолог в работе, связанной с изданием текстов классических произведений.

* *
*

В современных отечественных справочных изданиях текстология определяется как «вспомогательная историко-филологическая дисциплина, главная задача которой заключается в установлении точного текста литературных памятников и исторических документов для их научного издания» [1]. Такое определение подчеркивает связь текстологии с практическими задачами — подготовкой авторитетных в научном отношении изданий писателей-классиков. Число подобных собраний сочинений год от года растет, и работа над ними, являющаяся делом большого государственного значения, продолжается, благодаря чему текстология и впредь должна служить практическим задачам. Подготовка текста, его научное комментирование, расположение в составе собраний сочинений, наиболее рациональное решение проблем научного и вспомогательного аппарата, полиграфического исполнения книги — все это непосредственно связано с формированием современных типов и видов изданий художественной литературы. Тем самым текстология, уже сложившаяся как самостоятельная научная дисциплина, естественно и закономерно рассматривается в своей практической направленности как часть теории и практики редактирования, входящих в книговедение.

Вместе с тем более чем столетний опыт редакционно-текстологической работы уже сейчас дает обширный материал для его обобщения, для развития текстологии как самостоятельной научной дисциплины. Последнее не раз подчеркивалось крупными советскими литературоведами и текстологами. Такой подход к текстологии закономерно отражает стремление к теоретическим обобщениям, свойственное каждой науке на определенном этапе ее развития; он не только не противоречит ее практической направленности, но, как всегда, опирается на практику.

Текстология в современном ее значении сформировалась в середине прошлого века, т. е. в пору широкого распространения научных изданий художественной литературы, опирающихся на изучение подлинных авторских рукописей и других первоисточников текста. Приемы научной критики текстов произведений клас-

[1] Большая советская энциклопедия. Изд. 2, т. 42, с. 114.

сической древности, библейских текстов, а также древнерусской письменности были разработаны в европейской, в том числе и в русской, филологической науке еще в начале XIX в. Однако при подготовке произведений писателей более позднего времени они стали применяться далеко не сразу. К концу XVIII и началу XIX вв. относятся лишь отдельные попытки научного издания собраний сочинений русских писателей (например, А. Д. Кантемира, Д. И. Фонвизина, позже — Г. Р. Державина и А. Н. Радищева). Традиция же критически проверенных изданий складывается с середины прошлого столетия, причем первым серьезным опытом научного издания (в то время носившего название «критического») был выход в 1855—1857 гг. сочинений А. С. Пушкина в семи томах, подготовленных П. В. Анненковым. Достоинством этого издания было обращение к рукописям, в том числе к черновым, в результате чего тексты произведений Пушкина, известных к тому времени, пополнились неизвестными строфами «Евгения Онегина» и рядом прозаических сочинений (например, статья «Александр Радищев»).

Анненковское издание вызвало сочувственную оценку современников (в частности, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова) и послужило поводом к тому, что в ближайшие годы на страницах различных русских журналов стали широко публиковаться дополнения к текстам произведений Пушкина и многих других отечественных писателей. По существу это были уже элементы научной критики текста, хотя вопросы текстологии в ту пору обычно рассматривались в числе других проблем библиографии и филологической науки. Начиная со второй половины 50-х годов подобные материалы становятся обычным явлением в многочисленных рецензиях «Современника», «Отечественных записок» и особенно специального журнала «Библиографические записки», а также в исторических журналах более позднего времени («Русский архив», «Русская старина»).

Среди ряда «критических» изданий, появившихся после анненковского, следует выделить осуществленные П. А. Ефремовым издания собраний сочинений Пушкина, Лермонтова, Полежаева, а также ряд изданий под редакцией В. Е. Якушкина, Л. Н. Майкова и т. д.

Итак, дореволюционная русская текстология возникла на базе главным образом пушкинских текстов и работы по их изучению, чтению и публикации. Советская текстология также развивалась прежде всего пушкинистами, получившими возможность обращения к многочисленным источникам, почти или совсем недоступным дореволюционным исследователям.

Именно на основе большой всесторонней работы, наиболее полно выразившейся в подготовке советского академического издания Пушкина, складывались основные черты советской текстологической школы, определялись пути ее деятельности (издания произведений писателей-классиков, теоретические работы).

2. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Основная задача текстологии заключается в подготовке и публикации доброкачественного в научном отношении текста, который в наибольшей степени выражает подлинные идейно-художественные взгляды автора. При этом должны быть в первую очередь учтены все имеющиеся первоисточники; каждому из них должно быть найдено место, соответствующее его значению. Какие же это источники?

Во-первых, автографы, т. е. собственноручные рукописи писателя, как законченные (беловые), так и незаконченные, черновые (в виде всякого рода заметок и набросков), отражающие определенный этап в творческом процессе.

Во-вторых, авторизованные списки (копии), т. е. тексты, написанные рукою другого лица (переписчика, члена семьи и т. д.), но носящие следы авторской правки или имеющие прямое авторитетное свидетельство об идентичности этого текста автографу.

В-третьих, авторизованные печатные тексты (например, прижизненные публикации в периодических изданиях или отдельные издания; корректурные листы).

И, наконец, последней группой источников следует считать списки или копии, не являющиеся авторизованными. Такие списки были широко распространены в первой половине XIX в., когда книги, равно как и периодические издания, выходили небольшими тиражами и стоимость их была высокой. Поэтому в среде читающей публики распространялись рукописные тетрадки и альбомы, в которые переписывались из журналов, альманахов, газет произведения, чаще всего стихотворения. Кроме того, в пушкинские времена и позже непременной принадлежностью каждой культурной семьи были альбомы, куда вписывались всякого рода посвящения, обращенные к их владельцам. Во многих из таких альбомов, ставших общественным достоянием в советское время, были обнаружены первостепенные по своей значимости автографические тексты поэтов первой половины XIX в. В дореволюционных журналах, особенно в 50—60-е гг. XIX в. было опубликовано немало стихотворений Пушкина, извлеченных из таких альбомов, которые из рук владельцев и их наследников попадали в коллекции собирателей, в эпоху интенсивной ломки старых «дворянских гнезд».

В архивохранилищах нашей страны, объединяющих в своих фондах как подлинные рукописи писателей прошлого, так и другие рукописные материалы, имеются десятки и сотни написанных в разное время любителями поэзии тетрадок и альбомов стихотворений. Фонды все время пополняются новыми приобретениями; они изучаются и описываются в специальных изданиях, что делает их доступными широкому кругу исследователей. Особенно большую и планомерную работу по описанию рукописных материалов ведет Отдел рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве: издано свыше тридцати выпусков «Записок отдела рукописей», в которых описываются наиболее

значительные и крупные фонды рукописей и коллекций, сообщаются сведения о новых поступлениях и т. д.

К настоящему времени в СССР существует широко разветвленная сеть государственных архивов, надежно обеспечивающих хранение и использование документов различных эпох — с древнейших времен до наших дней. Во многих имеющих общесоюзное значение центральных архивах Москвы и Ленинграда хранятся рукописи русских писателей, а также документальные материалы, лежащие в основе изучения той или иной эпохи, деятельности отдельных исторических лиц и т. д. При изучении истории русской литературы и истории общественной мысли, без которого невозможна подлинная научная работа, исследователи часто и планомерно обращаются за разысканием материалов в архивы.

В наше время проводится в жизнь обширная программа развития всех сторон архивного дела, в том числе создания наиболее полных путеводителей и сводных указателей. Это должно способствовать повышению уровня текстологической работы.

Из числа справочных изданий подобного рода необходимо отметить такие, как «Государственные архивы Союза ССР. Краткий справочник» (М., 1956); «Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Путеводитель» (Л., 1956); «Государственный исторический архив Московской области. Путеводитель» (М., 1961), а также трехтомный «Путеводитель» по фондам Центрального государственного архива литературы и искусства» («Искусство» — М., 1959, «Литература» — М., 1963; вып. 3 — «Фонды, поступившие в ЦГАЛИ СССР в 1962—1966 г.». — М., 1968). Сравнительно недавно появился и «Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Государственного исторического музея» (М., 1967). Особенно ценным является сводный указатель в двух томах «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (М., 1962).

Как исследователь-литературовед и текстолог, так и квалифицированный редактор, принимающие участие в подготовке изданий сочинений писателей-классиков, должны знать основы архивного дела, уметь ориентироваться в специальных справочных изданиях, содержащих систематическое описание архивных фондов. При этом особенно важно знакомство с той обширной и пока еще, к сожалению, не имеющей полного систематического описания литературой, в которой учитываются публикации текстов произведений писателей прошлого, а также литературой об их жизни и творчестве. Здесь текстология сближается с библиографией, значение которой во всякой научной работе, в том числе и в редакционно-текстологической, исключительно велико.

3. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАБОТЫ НАД РУКОПИСЬЮ

Текстологическая работа — исключительно сложный творческий процесс, требующий едва ли не в каждом случае индивидуального подхода. Работа с рукописью начала XIX в. имеет свои

особенности, которых может не быть при обращении к рукописи писателя другой эпохи. Рукопись может быть черновой и беловой; степень ее сохранности и другие обстоятельства (например, наличие механических повреждений, результаты воздействия неблагоприятных условий хранения, качество бумаги и чернил и т. д.) могут создать ряд дополнительных трудностей. Почерк одного писателя читается без труда, тогда как для прочтения рукописи другого автора требуется специальное изучение особенностей его почерка. Наконец, порою решающее значение имеет опытность текстолога, опирающаяся не только на достаточное владение методикой текстологической работы, но и на эрудицию в самых разнообразных отраслях знаний.

Все это говорит о том, что в текстологической работе нельзя руководствоваться какими-то раз и навсегда выработанными канонами, не учитывая бесчисленного множества оттенков — порою тончайших. Но это не значит, что нельзя — пусть в известной степени условно — сделать попытку систематизировать весь процесс текстологической работы, разделить ее на основные этапы.

Чтение рукописи

Работа над рукописью начинается с ее чтения, в результате которого текст воспринимается как единое целое, состоящее из отдельных слов, каждое из которых правильно прочитано и осмыслено в контексте фразы, отрывка. При этом нужно иметь в виду, во-первых, что рукописи вплоть до середины прошлого столетия писались почерком, существенно отличающимся от современного. В скорописи даже пушкинского времени сохранялись некоторые начертания букв, восходящие к почеркам предшествующих эпох («устав» и «полуустав»). Без знания этих особенностей рукопись прочитать крайне трудно. Вплоть до последних десятилетий XIX в. тексты воспроизводились, в основном, рукописным способом, причем до конца 40-х годов «орудиями производства» пишущего были гусиное перо и карандаш. Большое значение имеют качество бумаги и чернил, а также индивидуальные особенности почерка.

Во-вторых, понятие «рукопись» означает и рукопись беловую, т. е. законченную и переписанную начисто, и черновики. Читать деловые бумаги, переписанные сто и более лет назад каллиграфическим почерком, и сейчас почти не составляет никакого труда, особенно если это документы всякого рода высших государственных учреждений, которые писались на плотной, хорошо проклеенной белой бумаге чернилами, выдерживающими длительное испытание временем.

Совершенно другое дело — чтение всякого рода черновиков, заметок, набросков и других рукописей, являющихся материалами

подготовительного характера, отражающими различные этапы творческого процесса писателя.

Достаточно познакомиться с факсимиле черновых рукописей Пушкина, Л. Толстого, Достоевского, чтобы понять, как трудно их читать. Нередко неразборчивость почерка черновых автографов составляет серьезное препятствие для изучения творчества писателя, как это было, например, с черновыми текстами многих басен И. А. Крылова: только многолетняя работа советского литературоведа А. П. Могилянского помогла «расшифровать» многие рукописи баснописца.

Для успешного совершенствования в чтении рукописей имело громадное значение использование методов фотографического воспроизведения текстов. Уже к последним десятилетиям прошлого века искусство передачи текстов в виде типографских факсимиле (т. е. точного воспроизведения письменного источника) достигло высокого уровня, а в наше время разнообразные методы фотографирования документов и других текстов осуществляются всеми крупными государственными библиотеками и архивами. В последние годы, отмеченные бурным ростом таких наук, как кибернетика, делаются успешные попытки применения электронно-счетных устройств для чтения древних рукописей.

Практика текстологической работы знает случаи, когда «расшифровывались» и «разгадывались» совершенно не поддающиеся, на первый взгляд, чтению черновики, или тексты, пострадавшие от всякого рода механических повреждений (разрывы, потертости, выцветание чернил или почти полное стирание карандашной записи и т. п.), а также от воздействия влаги или огня. В настоящее время большими достижениями отмечена работа реставраторов документально-исторических материалов, которые, используя новейшие научно-технические средства, возвращают жизнь документам и другим письменным источникам. В отдельных случаях для прочтения текстов применялись ультрафиолетовые и инфракрасные лучи.

Однако, сколь бы ни был трудным сам по себе процесс чтения, а также как бы ни были значительны достижения в прочтении отдельных слов, успех текстологической работы решает восприятие текста как законченного целого, когда каждое слово осмыслено как часть творческого процесса. Показательны в этом отношении неудачи дореволюционных текстологов, которыми отмечено чтение многих черновых пушкинских рукописей во время подготовки академического издания великого поэта (отдельные тома начали выходить к столетию со дня рождения Пушкина, в целом издание закончено не было).

Говоря о недостатках текстологической работы крупных исследователей старой школы, принимавших участие в подготовке этого издания, один из основоположников советской текстологии, выдающийся знаток текстов Пушкина С. М. Бонди, писал: «Еще не так давно текстолог при чтении пушкинского черновика ставил перед собой задачу — дать максимально точное, буква в букву

повторяющее подлинник воспроизведение этого черновика, без стремления отдать себе отчет в том, какое значение имеет каждое отдельное написание, отрывочное слово, буква, каков их смысл в процессе создания вещи» [1].

Результатом подобного подхода к чтению черновых рукописей в «старом» академическом издании Пушкина было множество так называемых транскрипций, т. е. точных воспроизведений черновых отрывков, состоящих из сводок отдельно прочитанных слов без попытки восприятия их в связном контексте.

Советская текстологическая школа исходит из того, что главным при чтении рукописи должно быть «стремление понять смысл, значение и место каждого написанного слова, отдельной буквы» [2]. Именно в результате такого подхода нашими текстологами, и в первую очередь пушкинистами, достигнуты выдающиеся результаты.

Поистине блестящи чтения пушкинских черновиков, осуществленные С. М. Бонди. Значительны и показательны новизною методики многолетние усилия тех текстологов, которые трудились над чтением десятой главы «Евгения Онегина». Как известно, Пушкин не рискнул хранить эту главу, содержавшую оценку важнейших политических событий 1820-х годов, резкую характеристику царя («властителя слабого и лукавого»). В 1830 г. поэт сжег десятую главу, оставив несколько строф, особым образом зашифрованных.

Сейчас трудно составить себе представление об идейных взглядах Пушкина без анализа этих строф, которые восстановлены и включены в состав научных изданий. Прочитать эти зашифрованные строки, сохранившиеся в черновых набросках Пушкина, стало возможно лишь после упорного труда нескольких поколений пушкинистов, начиная с П. О. Морозова, впервые с попыткой расшифровки этого текста выступившего в 1910 г.

После Морозова много и плодотворно работали над десятой главой поэмы такие дореволюционные и советские литературоведы и текстологи, как М. Л. Гофман, Н. О. Лернер, С. М. Бонди, Н. Л. Бродский, Б. В. Томашевский. Работа над чтением некоторых стихов десятой главы до настоящего времени еще не окончена, что дает простор для всякого рода гипотез, которые, однако, должны опираться на точные и доказательные суждения.

Не менее показательны также опыты восстановления по первоисточникам и прочтение ряда трудных мест в стихотворениях и поэмах Некрасова, осуществленные советскими текстологами-некрасоведами. Значительны успехи в работе над текстами произведений Гоголя, Л. Толстого, Достоевского. Трудно назвать такого русского писателя прошлого, тексты которого благодаря советским исследователям не обогатились бы за счет такого чтения рукописей, в котором критическое использование опыта прош-

---

[1] Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. М., 1971, с. 91.
[2] Там же.

лых издателей и редакторов приумножались достижениями советской текстологической школы.

В ходе чтения рукописи могут встречаться самые разнообразные затруднения, успешное преодоление которых зависит от степени мастерства редактора-текстолога, его умения подойти к каждой, казалось бы, «мелочи» во всеоружии подлинной науки, от его эрудиции, разумной осторожности и полного отсутствия поспешности и упрощенно-схематического подхода в оценке смысла прочитанного текста. Весьма любопытный — не только курьезный, но и поучительный — пример поспешного истолкования вновь прочитанного текста содержится в одной пушкиноведческой публикации предвоенного времени. Публикуя очень интересные материалы архива московской семьи Ушаковых, с которой был близок великий поэт, исследователь С. Д. Коцюбинский так прочитал одно из мест письма Екатерины Ушаковой из Москвы, от 28 апреля 1830 г.: ...«Здесь был концерт в пользу бедных, пели все и вся, мы были приглашены, но отказались. Сбоку было 55 м.». Публикатор полагал, что речь идет о так называемых «боковых», т. е. дополнительных, приставных креслах в зале Дворянского собрания, и поэтому снабдил это место следующим примечанием: «Эти цифры, по-видимому, шокировали Ушаковых, не пожелавших быть в числе последних даже на концерте «в пользу бедных». Между тем не подлежит никакому сомнению, что в данном случае оснований для упрека Ушаковых в светской чванливости нет никаких, ибо читать надо не «сбоку», но — «сбору (т. е. денежной выручки от благотворительного концерта. — *Ред.*) было 55 т [ысяч]» [1].

В текстологической практике широко применяется метод так называемой конъектуры, т. е. восстановления искаженного, испорченного временем или не поддающегося чтению места рукописи — иногда отдельного слова, иногда группы слов. Случаи конъектур разнообразны и поражают своей точностью, логичностью и умелым применением самых различных сведений, помогающих проникнуть в смысл восстанавливаемого текста, «домыслить» то, что кажется безвозвратно утраченным. Довольно часто конъектуры сводятся, по существу, к устранению механических ошибок, исправлениям мест текста, искаженных при переписывании (автором или посторонним лицом) и при появлении в печати так называемых «глазных» ошибок.

Весьма характерным является пример с рассказом И. С. Тургенева «Петушков» (1848), в тексте которого в последнем прижизненном издании была фраза:

...пришел в булочную и начал читать ей роман Загоскина.

В таком, явно обессмысленном, виде эта фраза помещалась в большом числе изданий, и лишь совсем недавно было обнару-

---

[1] Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. I. Под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цеховицера. М. — Л., 1938, с. 224.

жено, что фраза содержит типографский дефект (пропуск строки при наборе), не замеченный в свое время корректором и самим автором. Лишь в одном из наиболее ранних изданий этого рассказа был найден исправный текст:

...пришел в булочную, и, как только улучил свободное время, усадил Василису, и начал читать ей роман Загоскина.

Такое восстановление пропущенной строки относится к числу тех редакторских вмешательств в текст, правомерность которых совершенно очевидна, хотя эта ошибка и закреплена в прижизненном издании.

Часты подобные случаи в текстах произведений Л. Толстого, Достоевского, Герцена и других писателей, особенно когда речь идет о больших по объему сочинениях, переписанных другими лицами.

Известны случаи безошибочных конъектур, подтвердившихся позже вновь обнаруженными текстами. Так, например, в поэме Пушкина «Домик в Коломне» есть строка, изъятая Пушкиным из основного текста, но приведенная в одном из дореволюционных изданий сочинений поэта.

Строфа, где поэт рассуждал о том, какой ему предпочесть размер стиха («Четырехстопный ямб мне надоел: им пишет всякий...») в печати начиналась следующими словами, относящими к александрийскому стиху:

У нас его недавно стали знать...

В свое время пушкинист Ф. Е. Корш усомнился в правильности этого чтения, явно противоречащего практике русского стихосложения пушкинской эпохи и предшествующего времени (александрийский стих имел широкое распространение в русской поэзии конца XVIII — начала XIX в.) и предложил смелую конъектуру:

У нас его недавно стали гнать...

При этом Корш исходил из логического смысла текста, рассматриваемого им в конкретно-исторических условиях, и эта догадка блестяще подтвердилась при более внимательном изучении рукописи Пушкина.

Еще более показателен пример с названием известного пушкинского произведения «История села Горюхина» («Летопись села Горюхина»): название этого села, вплоть до предреволюционных лет, печаталось «Горохино» из-за неправильного чтения рукописи (именно о «Горохине» пишет, например, и Белинский, так как это чтение было опубликовано в первом издании произведения в 1836 г.).

Нетрудно догадаться, сколь велико значение подобного уточнения — одна только буква меняет весь идейный смысл названия: одно дело несколько смешное и безобидное название «Горохино», и совсем другое — «Горюхино». Последнее говорит о сатирической направленности произведения, невольно вызывает в памяти «дере-

вню Разореную» из опубликованного в новиковском «Трутне» очерка «Отрывок из путешествия» и как бы предваряет некрасовские названия деревень в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Одной из часто встречающихся в текстологической практике разновидностей конъектуры является дешифровка частей произведения (обычно отдельных строк в стихотворных текстах), зашифрованных автором в каких-либо целях. Так, прежде чем приступить к чтению сохранившихся записей десятой главы «Евгения Онегина», немало усилий было потрачено на разгадку шифра, с помощью которого Пушкин записал отрывки десятой главы. Но это единственный в своем роде случай, когда зашифрованным оказался большой по размеру текст. Обычно же частично или полностью зашифровываются отдельные слова (например, собственные имена).

Таковы лишь некоторые, более или менее характерные примеры конъектур и пути их осуществления, с которыми приходится сталкиваться историку литературы, текстологу и редактору, часто выступающим в одном лице.

В заключение сказанного о начальном этапе работы с рукописью — ее чтении — следует подчеркнуть, что успех дальнейшей работы в значительной степени подготовлен и обусловлен тем, насколько успешно и безошибочно прочитана рукопись.

Атрибуция

Очень важным этапом текстологической работы является группа проблем, связанных с атрибуцией, т. е. с установлением на основании бесспорных доказательств принадлежности рукописи (или анонимного печатного текста) определенному автору.

В истории развития литературы, ее изучения при подготовке к изданию собраний сочинений приходится часто сталкиваться со случаями, когда наследие того или иного автора пополняется новыми произведениями. Это обычно бывает, когда обнаруживаются тексты произведений, не являющиеся автографами данного писателя или не имеющие точных указаний на принадлежность рукописи определенному автору (документально-фактическое свидетельство, несомненная связь с ранее известными произведениями, подтверждение достоверными показаниями современников и т. д.). Не менее важной проблемой этого процесса является доказательство авторства, определение подлинности произведения, если оно подписано (в рукописи или публикации), но есть сомнения в достоверности подписи. Наконец, бывают случаи, когда становится необходимым разоблачение литературной мистификации, так как появляются произведения, приписываемые перу известного писателя, но на самом деле являющиеся плодом творений других лиц.

Так, сложной текстологической задачей явилось определение подлинного состава литературного наследства поэта-декабриста А. И. Одоевского. Открытым до настоящего времени остается

вопрос о принадлежности В. Г. Белинскому ряда статей, вошедших в последнее, 13-томное, собрание его сочинений. Такие же вопросы неизбежно встают при подготовке научных изданий Пушкина и Лермонтова, Чернышевского и Герцена — трудно назвать такого писателя или поэта XIX в., при издании произведений которого в большей или меньшей степени не возникал бы вопрос об атрибуции ряда текстов.

Несмотря на то, что каждый в отдельности случай атрибуции текста отражает самые различные по характеру обстоятельства, связанные с идейным обликом автора, судьбой его литературного наследства, степенью наличия документальных материалов о нем и изученности его биографии и творчества, все же можно сделать попытку разделить методику атрибуции на две группы.

Первая — это случаи решения вопроса на основании различных сведений, относящихся к внешней истории атрибутируемого текста, а не исходящие непосредственно из него.

Такими элементами могут быть прежде всего документально-фактические доказательства, например, сведения, содержащиеся в официальном делопроизводстве (цензурный архив, архив редакции журнала или издательства и т. д.). Сюда же следует отнести и авторитетные эпистолярно-мемуарные свидетельства, среди которых предпочтение должно отдаваться материалам, тесно связанным с личностью атрибутируемого автора (письма, дневники и прочие записи самого автора, где могут содержаться указания на атрибуцию того или иного текста). Здесь следует подчеркнуть особую важность разработки документально-фактической основы биографии автора. Так, установление и расширение круга лиц, близких автору, открывает возможности поисков среди материалов, относящихся к последним; определение изданий, в которых сотрудничал автор, места, где он жил, и т. д. также открывает порою неожиданные перспективы для исследователя. Вот почему так важно знание биобиблиографий, т. е. справочных изданий, в которых сочетаются биографические и библиографические сведения.

Особо следует сказать о том, сколь важно в подобных случаях по возможности более полное (в идеале — исчерпывающее) знание существующих библиографических пособий. Так, например, в недавнее время литературовед Г. Ф. Турчанинов на основании сложных исследований установил, что изданная анонимно в 1832 г. в Москве книга «Али-Кара-Мирза. Черкесская повесть в стихах» принадлежит военному деятелю, журналисту и поэту И. Т. Радожицкому. Однако если бы исследователь обратился к одному из опубликованных еще в 1852 г. каталогов, то, не затрачивая таких усилий нашел бы там указание на подлинного автора атрибутируемого сочинения [1].

---

[1] Турчанинов Г. Ф. «Али-Кара-Мирза. Черкесская повесть в стихах» и ее автор. — В кн.: Вопросы изучения русской литературы XI—XIX вв., М. — Л., 1958, с. 76—87; ср.: Третье прибавление к росписи российским книгам для чтения из библиотеки Петра Крашенинникова... Спб., 1852, № 1579, с. 188 (составитель этого каталога — И. П. Быстров).

Вторая группа — случаи определения атрибуции непосредственно из атрибутируемого текста, его идейно-художественного содержания и особенностей языка и стиля[1]. В данном случае атрибуция основывается на сопоставлении традиционных текстов, уверенно связываемых с именем определеного автора, с текстами, авторство которых или неизвестно совсем, или сомнительно. Многочисленные показательные примеры этого рода атрибуции можно найти в текстологической работе исследователей Белинского — С. А. Венгерова и В. С. Спиридонова, проводивших подготовку первого полного собрания сочинений критика, осуществленного в основном в предреволюционные годы. Немало подобных примеров и в работе многих современных советских исследователей, внимательно изучающих те журналы, в которых сотрудничал критик, выявляющих статьи и рецензии, которые по признакам своего содержания, характерности словоупотребления и другим особенностям языка и стиля могут с большей или меньшей долей вероятности быть связаны с именем Белинского.

Эта сторона процесса атрибуции требует особенно тщательного, тонкого и осторожного подхода, и в то же время именно атрибуция такого рода бывает часто ошибочной, субъективной. Пожалуй, история атрибуции многих статей Белинского, публиковавшихся в тех изданиях, где он сотрудничал, наиболее показательна для характеристики сильных и слабых сторон, а в равной степени и трудностей этого рода определения авторства.

В текстологической практике приходится пользоваться совокупностью приемов, связанных как с непосредственным содержанием текста, так и со всем, что отражает его внешнюю историю. Автограф является своеобразным единством признаков и первой и второй групп, и обычно в текстологической работе используется не какой-то один аргумент атрибуции, а целый комплекс, совокупность признаков, дополняемая тончайшими оттенками, — будь то какая-нибудь незначительная биографическая деталь, индивидуальность языка, особенность правописания и многое-многое другое. Трудно и даже совершенно невозможно предусмотреть те конкретные вопросы, с которыми сталкивается в своей работе текстолог.

Следует остановиться на тех случаях, когда писатель или поэт, критик, публицист выступают в печати не под собственным, а под вымышленным именем — псевдонимом. Причины для этого были различны: и политические — когда автор не мог печататься под собственным именем; и сословные предрассудки, в результате которых литературная деятельность считалась «неприличной» для лиц «благородного происхождения»; и, наконец, стремление к оригинальности. Так, например, писатель Г. Ф. Квитка (Основьяненко) подписывался в «Вестнике Европы» 20-х годов прошлого столетия так: «Аверьян Любопытный, состоящий не у дел коллежский

[1] Последняя проблема нашла всестороннее рассмотрение в капитальных трудах акад. В. В. Виноградова (О языке художественной литературы. М., 1959; Проблема авторства и теория стилей. М., 1961).

протоколист, имеющий хождение по тяжебным делам и по денежным взысканиям».

Распространенными являются нарицательные псевдонимы, происходящие от названия места жительства автора («Москвич», «Житель Бутырской слободы», «Лужницкий старец»), по национальному признаку («Украинец», «Белорус»), а также криптонимы, заменяющие полную подпись инициалами имени, отчества, фамилии и или их сокращениями («А. П.», «П. Б-ый», «В. К-ый» и т. д.), астронимы, представляющие собой условные значки (звездочки, тире, порою даже математические формулы, а также цифры, большей частью обозначающие порядковый номер по алфавиту начальных букв имени и фамилии автора). Нередко литературный псевдоним заслонял в памяти современников подлинную фамилию, как, например, было с писателем-декабристом А. Бестужевым, выступавшим под псевдонимом «А. Марлинский», таков же псевдоним М. Е. Салтыкова — «Н. Щедрин» и т. д. Известны случаи коллективных псевдонимов (наиболее популярным из прошлого является псевдоним «Козьма Прутков», в наше время — «Кукрыниксы»).

В русской литературе псевдонимы имели широчайшее распространение, поэтому попытки создания более или менее полного указателя псевдонимов предпринимались неоднократно и в разное время многими русскими библиографами. Наиболее полным сводом русских псевдонимов считается словарь, составленный И. Ф. Масановым [1].

До настоящего времени особенно трудной остается атрибуция анонимно изданных книг. Единственным справочным изданием подобного рода является вышедшая почти столетие назад работа известного русского библиографа Г. Н. Геннади «Список русских анонимных книг с именем их авторов и переводчиков». (Спб., 1874).

В современной практике редакционно-текстологической работы довольно широко распространены случаи, когда то или иное произведение связывается с именем определенного автора условно. В таких случаях в составе научного издания произведений писателя бывает специальный отдел под названием «Dubia» (от латинского dubium — сомнение).

Датировка

Существенным этапом работы над текстом является его датировка, т. е. определение точного времени написания произведения. Нетрудно понять, какое значение имеет проблема датировки при изучении творчества писателя или поэта, когда так важно восста-

[1] Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4-х т. М., 1956—1960; см. также: Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. Под ред. и со вступительной статьей П. Н. Беркова. М., 1963; Дмитриев В. Г. Скрывшие свое имя. Из истории псевдонимов и анонимов. М., 1970.

новить эволюцию идейно-художественных взглядов автора, развитие его художественного мастерства.

Методика и приемы датировки текстов различны в зависимости от того, является ли текст рукописным и не бывшим в печати, или опубликованным. В свою очередь, рукописный текст может быть автографом или списком; в последнем случае может стоять и дата переписки произведения. Далеко не всегда произведение имеет указания на место и время его создания: так, например, очень редки точные даты в автографах у Пушкина или Лермонтова. Вопрос о датировке произведения решается просто, если рукопись имеет авторскую помету, а также если дата содержится в названии произведения (обычно стихотворения, написанные «на случай», например «Послание Жуковскому из Москвы, в конце 1812 года» Н. А. Вяземского, «Сергею Васильевичу Васильеву. 11 января 1861 года» А. Н. Плещеева и т. д.).

В отношении датировки интересен пример творчества русской поэтессы первой половины XIX в. Е. П. Ростопчиной, абсолютное большинство стихотворений которой имеет пометы типа: «Москва, Апрель, 1832 г.», «Кисловодск, 11 Августа, 1839 г.», а иногда и более подробные, приобретающие характер ценного комментария: «Село Анна, 21-го Августа, 1841 (В тот день, что я узнала о смерти Лермонтова)».

Как и во всей текстологической работе, при определении даты важным является знание обстоятельств жизни автора, порою даже малозначительных биографических деталей, круга его личных и общественных связей, интересов и т. д. Это очень часто помогает найти в тексте произведения так называемые реалии (от латинского realis — вещественный), т. е. упоминания хронологически конкретных фактов и событий, что в сопоставлении с другими аргументами дает возможность датировать произведение иногда с большой точностью. Характерным примером такого определения даты написания произведения на основании косвенных доказательств может служить случай со стихотворением Тютчева «На камень жизни роковой...», впервые опубликованным в 1829 г. в московском журнале «Атеней». Стихотворение имеет в первой публикации название «К N. N.», причем под этим буквенным сокращением следует иметь в виду не начальные буквы имени и фамилии, а вообще традиционное условное обращение. Стихотворение содержит характеристику домашнего учителя молодого Тютчева С. Е. Раича, как это было уставлено одним из биографов поэта. В заключительном четверостишии Тютчев пишет:

Ум скор и сметлив — верен глаз,
  Воображенье быстро...
А спорил — в жизни только раз
  На диспуте магистра.

Из документальных источников известно, что С. Е. Раич получил ученую степень магистра словесных наук на диспуте, состоявшемся 24 октября 1822 г. Вероятнее всего, что стихотворение Тютчева было написано вскоре же после этого события и, таким

образом, уверенно может быть датировано концом 1822 — началом 1823 г., несмотря на то, что опубликовано оно было лишь через несколько лет после этого.

Очень часто помогает в определении даты написания текста изучение почерка, отражающего характерные признаки определенной эпохи, а также изменяющегося с течением времени у автора и поэтому позволяющего делать какие-то, хотя бы приблизительные, выводы о датировке текста. То же самое следует сказать и о сохранности бумаги, чернил, а также изучении филиграней, т. е. водяных знаков на бумаге, обозначавших фирму и дату производства бумаги.

Датировка дает возможность группировать произведения по так называемым циклам, которые объединяют тексты, отмеченные единством времени и места создания, а также общностью тематического и идейно-художественного содержания. Так, например, в творчестве Пушкина в настоящее время совершенно четко определился ряд циклов произведений, созданных в различные периоды жизни поэта (например, цикл лицейских стихотворений, стихотворений, созданных на юге, а также в Михайловском, знаменитый «болдинский цикл»). Такие циклы есть в творчестве каждого автора, и воссоздание их является важной исследовательской задачей.

Восстановлению циклизации творчества способствует углубленное изучение биографии автора, опирающееся на широкое обращение к документально-архивным источникам. При этом особенно следует отметить роль таких работ, объединяющих признаки справочного и научно-исследовательского характера, как «Летопись жизни и творчества» писателя. В русском и советском литературоведении создание подобных работ (именовавшихся иногда также «хронологической канвой» или «биографической канвой») стало хорошей традицией, восходящей к «Хронологической канве для биографии Пушкина» Я. К. Грота (вышедшей в первом варианте в 1887 г.) и имеющей достойное продолжение в наше время. Так, только за послевоенные годы появились такие замечательные образцы этого жанра, как «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского (т. 1, 1951), «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого» Н. Н. Гусева (т. 1, 1958, т. 2, 1960), «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского» Ю. Г. Оксмана (1958) и ряд аналогичных работ о Н. А. Добролюбове, А. Н. Островском, А. П. Чехове, М. Ю. Лермонтове и т. д.

Определение даты написания произведения по опубликованному тексту имеет ряд особенностей. Прежде всего, между написанием произведения и его публикацией может быть длительный перерыв, который порою не только трудно, но и невозможно установить точно.

Среди публикаций отдельных произведений (преимущественно в периодических изданиях — журналах и газетах, а также в непериодических — альманахах и сборниках) особое значение имеют те, которые осуществлялись при жизни автора. Если при этом

достоверно известно, что издание было подготовлено самим автором (т. е. является авторизованным), то это придает ему особую авторитетность. На этом этапе работы много дают материалы личного архива писателя или поэта, а также документы и другие источники, отражающие цензурную историю той или иной книги, журнала, альманаха и т. д.

Особое значение приобретают в подобных случаях экземпляры книг, имеющие исправления и добавления, сделанные самим автором; они, естественно, принадлежат к числу чрезвычайно редких.

Для выяснения вопроса о датировке текстов, опубликованных при жизни автора, большое значение имеет дата цензурного разрешения, которая обычно указывалась на оборотной стороне титульного листа книги, а также в определенном месте периодического издания (газеты, журнала). При отсутствии других сведений дата цензурного разрешения может служить исходным пунктом для хронологических разысканий, что широко используется в современной редакционно-текстологической работе.

Решение вопроса о датировке текста требует максимума осторожности, учета всех имеющихся доказательств той или иной даты и тщательной аргументации вносимых уточнений. Поэтому в практике изданий писателей-классиков применяются в некоторых случаях условные даты, что оговаривается в специальных примечаниях к тексту, или под датой, указываемой в конце текста, ставится знак вопроса.

Установление текста

Итогом текстологической работы является публикация текста, которую следует рассматривать как завершающий этап всего процесса, включающего чтение рукописи, ее атрибуцию и датировку, а также ее изучение в ряду других произведений автора. Именно на этой стадии работы решается вопрос об установлении наиболее достоверного текста.

Создание художественного произведения — сложный творческий процесс. Писатель не сразу приходит к завершению своего замысла, а в ходе его воплощения, которое иногда длится долгие годы, отбрасывает ранее написанные части произведения, вносит различные изменения и дополнения. Вся эта творческая работа отражается в виде черновых набросков и заметок, дополнений и поправок к рукописному тексту, а иногда и к печатному (авторская корректура, текст публикации в периодическом издании или в отдельной книге).

В результате этой работы варьируются и видоизменяются как отдельные части произведения, так и все сочинение в целом. Очень часто приходится сталкиваться со случаями, когда автор вынужден вносить изменения в текст своих произведений под влиянием цензуры или, заранее предполагая, что она не пропустит

произведение в том виде, как оно написано, прибегает к автоцензуре, т. е. вносит поправки и изменения, смягчающие политическую направленность произведения.

При изучении текстов писателя необходимо различать понятия вариантов и редакций. Под вариантами следует иметь в виду частные разночтения отдельных слов, строк, строф, глав и других частей текста художественного произведения, обычно не меняющие его характера в целом. Если же перед нами авторская переработка произведения в целом, складывающаяся из совокупности вариантов и существенно меняющая текст, то говорят о различных редакциях одного и того же произведения. Так, например, известны восемь редакций поэмы Лермонтова «Демон», несколько лишь основных редакций гоголевского «Ревизора». Результатом изучения всех редакций и вариантов должен явиться такой текст произведения, который мог бы считаться наиболее достоверным, т. е. проверенным по первоисточникам и освобожденным от цензурных и редакторских вмешательств, искажений переписчиков и наборщиков.

В работе по установлению наиболее достоверного текста должны строго учитываться индивидуальные особенности каждого отдельного случая, что чаще всего диктуется состоянием источников текста (произведение одного писателя сохранилось в нескольких автографах, отражающих различные стадии работы, и известно по публикациям в печати; другое произведение известно только по искаженному цензурой изданию и т. д.).

В литературе широко распространено понятие «авторская воля» или «последняя воля автора» как некий критерий достоверности текста писателя, им самим выраженный и регулирующий работу редактора-текстолога. Однако и здесь необходимо учитывать, что, во-первых, не существует достаточно обоснованного и убедительного определения этого понятия и, во-вторых, далеко не всегда возможно точное установление воли автора в отношении того или иного произведения. Здесь, как и везде в текстологической работе, необходим конкретно-исторический подход, исключающий всякую возможность как догматически-шаблонного, так и субъективистски-произвольного выбора текста.

Для обозначения текста, установлению которого подчинена вся текстологическая работа, не существует общепринятого тер- «стабильный», «критически проверенный текст» — таковы термины мина. «Канонический», «дефинитивный», или «окончательный», и понятия, встречающиеся в настоящее время. Необходимо отметить, что дело, конечно, не в термине, а в его содержании.

Установление так называемого «канонического» текста включает в себя следующие основные моменты. Прежде всего, если произведение представлено рядом текстов (опубликованных и неопубликованных, автографов и списков), выбирается такой, который считается основным. Основным текстом называют обычно текст последней прижизненной публикации, последнего прижиз-

ненного издания. Если известно, что он не содержит искажений (цензурных и иных), то его следует считать «каноническим».

Но к выбору основного и установлению «канонического» текста нужно подходить с той тщательностью, осторожностью и знанием индивидуальных особенностей материала, которые в текстологической работе должны быть непреложным законом. При этом целесообразно дифференцированно подойти к каждой из основных групп текстов, которыми может располагать редактор-текстолог.

Первой, наиболее многочисленной группой для подавляющего большинства писателей XIX в. являются тексты, публиковавшиеся при жизни автора и считающиеся авторизованными. Однако это совершенно не должно означать, что такой текст механически воспроизводится и признается «каноническим». Нетрудно представить себе, как бы в таком случае выглядели тексты подавляющего большинства произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, который писал: «Чего со мной ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я — вредный, вредный, вредный...» («Мелочи жизни»). Не менее красноречив пример со многими прижизненно опубликованными текстами Некрасова.

Таким образом, определение основного текста и признание его «каноническим» возможно лишь после тщательной проверки, всестороннего изучения вопроса о возможных искажениях этого текста и освобождения его от этих искажений. При этом должны быть подвергнуты тщательному текстологическому анализу все имеющиеся источники, а также такие материалы, как цензурные документы, авторитетные свидетельства современников и т. д., которые помогают избавить основной текст от тех или иных искажений авторской воли. Исправления должны обсуждаться текстологическими комиссиями, имеющимися в крупных издательствах и академических учреждениях, и оговариваться при публикации в специальных примечаниях.

Ко второй группе следует отнести произведения, не публиковавшиеся при жизни автора или публиковавшиеся без его участия (т. е. не являющиеся авторизованными), но сохранившиеся в законченном виде в авторских рукописях. В таком случае главным источником, основным текстом и должен служить текст автографа. Но практика знает случаи, когда текст произведения представлен не одним, а несколькими автографами, отражающими различные по времени стадии работы автора. Задачей текстолога является установление, какой из существующих автографов отражает наиболее позднюю ступень работы автора, последний этап ее, чтобы отдать предпочтение такому автографу перед другими и исходить из него в работе по определению «канонического» текста. Но не всегда надо ориентироваться на подлинную авторскую рукопись. Например, текст «Горя от ума» Грибоедова публикуется по так называемой «булгаринской» копии (авторизованного списка), хотя известен и автограф грибоедовской комедии. Предпочтение списку перед автографом в данном случае объясняется тем,

что авторская рукопись соответствует одному из ранних этапов работы над текстом произведения, тогда как «булгаринская» копия — более поздний этап, отразивший в наиболее полном виде эволюцию идейно-художественных взглядов драматурга, тесно связанную с декабристской идеологией.

Третья группа представляет собою случаи определения основного текста таких произведений, которые при жизни автора не были опубликованы, а были распространены в списках и автографов которых не сохранилось. В таком виде дошли до нас тексты вольнолюбивых стихотворений Пушкина 1817—1820 гг., революционных стихотворений поэтов-декабристов (К. Рылеева, А. Бестужева, А. Одоевского), некоторых стихотворений Лермонтова (например, знаменитое «Прощай, немытая Россия...») и подавляющего большинства произведений той «русской потаенной литературы», которую собирали и пропагандировали Герцен и Огарев, а вслед за ними и другие издатели вольной русской прессы за границей.

Степень достоверности таких текстов почти никогда не может быть абсолютной, поэтому при публикации подобных произведений приходится отказаться от попытки дать «канонический» текст. Работа над такими текстами опирается на изучение всех имеющихся материалов (списки и публикации, указания мемуаристов и т. д.), причем при подготовке их к публикации приходится прибегать к так называемой контаминации, т. е. установлению сводного условного текста, выработаного на основе нескольких источников, порою весьма неравноценных по своей авторитетности.

Прием контаминации, имевший широкое распространение в русской дореволюционной текстологической практике, в наше время решительно осуждается при работе с автографами и другими авторитетными источниками. Но к контаминации, как единственной более или менее успешной возможности донести важный по своему общественно-политическому содержанию текст декабристских агитационных песен, «Письма Белинского к Гоголю», вынуждены были прибегнуть и советские текстологи.

Особым случаем является подготовка к печати текстов произведений, не законченных автором и сохранившихся в виде черновиков более или менее завершенных отрывков, отражающих различные стадии работы. Именно в работе с этими текстами особенно важно владение искусством чтения рукописи и применения конъектур, знание почерка автора, особенностей литературного языка и т. д. Главной задачей для текстолога здесь должно быть определение места той или иной кажущейся случайной части рукописи, порою фразы или слова (иногда даже не полностью записанного), а также установление наиболее поздней стадии работы автора и отражение этой стадии в незавершенном тексте.

В работе над черновыми текстами особенно замечательны достижения текстологов, работающих над текстами Пушкина.

С. М. Бонди писал, что «чтение пушкинского черновика напоминает иногда решение шарады или ребуса, словно Пушкин нарочно писал так, чтобы поставить в тупик читателей его рукописей. Все отдельные слова могут быть вполне правильно прочитаны, — все-таки чего-либо цельного не получается. Чтобы найти это цельное, добраться до законченного чтения, приходится применять самые разнообразные приемы, пускать в ход всяческие догадки, правильность которых подтверждается или опровергается окончательными результатами» [1].

Таким образом, из рассмотрения этих групп источников при выборе основного текста явствует с совершенной очевидностью вся сложность этого процесса и необходимость строго индивидуализированного подхода к такому выбору в каждом отдельном случае.

Вместе с тем становится ясным и то, что лишь для первых двух случаев — при наличии текста прижизненного издания, дополняемого другими авторитетными источниками, и при наличии автографа текста (если он не был при жизни автора опубликован или публикация не является авторизованной) — возможно более или менее твердое определение того текста, который следует считать «каноническим». Причем определению такого текста должна предшествовать большая работа по изучению источников, квалифицированно решаться задача: определить, какой характер носят обнаруженные разночтения, являются ли они авторскими или навязаны извне (под давлением цензора, редактора, на основе автоцензуры), или принадлежат к числу довольно частых случаев механических искажений (ошибки переписчика и типографские дефекты). В основной текст, который принимается в качестве «канонического», могут быть внесены лишь те исправления, которые являются несомненным итогом критического изучения всех источников, воссоздающих путь от начальной рукописи до последнего прижизненного издания.

Конечно, очевидные случаи явного искажения логического смысла текста, орфографии и другие нарушения механического характера, обнаруженные в основном тексте, должны непременно исправляться: буквалистическое следование первоисточнику (текст прижизненного издания, автограф законченного, но не бывшего в печати произведения) может принести лишь вред работе. Все случаи того или иного отступления от основного текста должны быть результатом коллективного обсуждения специалистов; они закрепляются в специальных документах внутрииздательского характера (так называемые текстологические паспорта), а затем в специальных обобщенных примечаниях к публикуемому тексту.

Немало способствует правильному подходу к установлению текста изучение опыта научных публикаций как прежнего време-

---

[1] Бонди С. Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма. М., 1931, с. 92.

ни, так и продолжающихся в наше время. Редактору-текстологу, серьезно относящемуся к своему делу, знание таких изданий, их изучение может дать чрезвычайно много: именно здесь можно поучиться точной, порою филигранной работе по прочтению рукописи, проникновению в смысл казалось бы не поддающихся разгадке отдельных слов и сочетаний, в которых усилиями специалиста сначала угадывается, а затем убедительно воспроизводится новый текст, расширяющий прежние представления об авторе.

В настоящее время научная публикация текстов, уточняющих на основании авторитетных источников ранее известные тексты, осуществляется прежде всего в сборниках «Литературное наследство», выпускаемых с 1931 г. Вышло свыше восьмидесяти монументальных томов, содержащих публикации как новых текстов и документальных материалов, так и исследований о жизни и творчестве писателей и поэтов от Ломоносова и Державина до Блока и Маяковского. По своему типу сборники «Литературное наследство» бывают как персональными, посвященными отдельным авторам (например, «Пушкин», «Лермонтов», «Некрасов», «Белинский» и т. д.) или группам авторов («Пушкин, Лермонтов, Гоголь», «Декабристы-литераторы», «Герцен и Огарев»), так и тематическими («Русская культура и Франция», «Революционные демократы»). При этом нередко каждый такой сборник составляет две-три книги объемом по 40—50 и более печатных листов каждая и представляет своего рода энциклопедию по определенной историко-литературной теме. В сборниках «Литературного наследства» публиковались многие тексты произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Некрасова, Тургенева, Достоевского, поэтов и писателей-декабристов и т. д. Помимо всего прочего, знакомство с этим изданием полезно и потому, что дает представление о высоком уровне оформления научного аппарата, который отмечен здесь чертами подлинной академичности.

Особенно значительны успехи советской текстологической школы в области пушкиноведения. Вот почему может много дать изучение тех изданий, в которых на протяжении ряда лет велась разносторонняя публикаторская деятельность большой группы советских текстологов-пушкинистов: «большое академическое» издание Пушкина в 17 томах (21 книга), начатое в 1935 г. выходом тома, включающего драматические произведения, и полностью завершенное в 1959 г. изданием справочного тома.

4. ПУБЛИКАЦИЯ ТЕКСТОВ В СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ

Принципы расположения текстов

Этот вопрос следует рассматривать исторически, как он складывался в русской издательской практике. Для композиции собраний сочинений русских писателей и поэтов первой трети прошлого столетия характерным является сборник «Стихотворения

Александра Пушкина», изданный в Петербурге в 1826 г. и подготовленный самим автором, бывшим в то время в михайловской ссылке. В этом сборнике, объединившем 99 стихотворений, из которых 48 печатались впервые, порядок расположения текстов опирался на традиционное классическое деление по жанрам: «элегии», «послания», «подражания древним», «разные стихотворения» и т. д. При этом, как правило, никакого хронологического принципа внутри каждого из этих отделов книги не соблюдалось.

По такому принципу были построены издания произведений абсолютного большинства писателей и поэтов, выходившие в первой половине XIX в. При этом далеко не всегда такое деление выражало авторскую волю, поскольку довольно обычным было ведение издательских дел лицами, не обладавшими необходимыми редакторскими навыками. Между тем уже Белинский неоднократно обращал внимание на то, что такое расположение произведений не дает возможности отмечать развитие писателя и следить за отражением в его творчестве духа времени.

Так, говоря о недостатках первого посмертного собрания сочинений Пушкина (1838—1842), Белинский писал, что оно было издано «весьма небрежно во всех отношениях — и в типографском (плохая бумага, некрасивый шрифт, опечатки, а инде и искаженный смысл стихов), и редакционном (пьесы расположены не в хронологическом порядке, по времени их появления из-под пера автора, а по родам, изобретенным бог знает чьим досужеством)» [1]. В другом месте критик заметил, что «истинные поэты постепенно, с течением времени, становятся глубже и совершеннее в своих творениях; и вот почему творения истинных поэтов располагаются умными издателями не по родам, а в хронологическом порядке, сообразно с временем появления на свет каждого из них» [2].

Переломным моментом в издании русских писателей-классиков, положившим начало научно обоснованному принципу композиции, явилось упоминавшееся выше издание Пушкина под редакцией П. В. Анненкова, в котором тексты располагались по так называемым отделам (отдел первый — стихотворения лирические, отдел второй — поэмы, повести и рассказы и т. д.) с внутренней хронологизацией. В «Объяснении» к изданию Анненков писал: «Минуя произвольные и большей частью неудовлетворительные разделения стихотворений по родам, настоящее издание приняло в отношении их одну только систему хронологического порядка. Как способ указать постепенное развитие автора, границы и ход чужестранных влияний на него, а наконец, и видоизменение самостоятельной творческой его мысли, хронологический порядок заслуживал предпочтения перед другими. Со всем тем, по разнообразию поэтических форм, усвоенных Пушкиным, одинаковое зачисление всех его стихотворных произведений только по годам

---

[1] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 7, с. 99.
[2] Там же, т. 6, с. 124.

происхождения делалось невозможным... По этому соображению настоящее издание приведено было к необходимости, строго сохраняя везде основной хронологический порядок, принять еще три отдела для стихотворных произведений...»[1].

Тем самым убедительно обоснован и последовательно проведен тот жанрово-цикловой принцип с внутренней хронологизацией, который в своей основе выдержал длительное испытание временем и является до настоящего момента единственно правильным принципом композиции собрания сочинений писателя. Показательно, что после издания Пушкина под редакцией Анненкова именно по этому принципу были построены наиболее авторитетные научные издания, а отступления от него в пользу сплошной хронологизации терпели неудачу.

Так, в 1880—1881 гг. было осуществлено издание сочинений Пушкина под редакцией П. А. Ефремова, который расположил все тексты Пушкина в едином хронологическом ряду. П. В. Анненков выступил с обширной рецензией, в которой особенно осуждал этот «дурно понятый принцип хронологического порядка» и не без сарказма сравнивал издание Пушкина под редакцией Ефремова с «каким-то огромным складочным магазином, какие бывают у оптовых торговцев, где до предметов первостепенной ценности надо добираться через груду остатков, недоделанных или испорченных вещей мастера».

Столь же неудачным был и опыт распределения в едином хронологическом ряду всех текстов А. И. Герцена в 22-томном издании его сочинений под редакцией М. К. Лемке (1915—1925), причем в данном случае редактор не остановился даже перед таким кажущимся сейчас совершенно чудовищным шагом, как расчленение «Былого и дум» на ряд отрывков, хронологически приуроченных к различным периодам творческой биографии писателя. Известный историк русской общественной мысли М. К. Лемке осуществил первый опыт полного собрания сочинений и писем Герцена, значение которого для истории литературы и общественной мысли исключительно велико. Громадную и в известной степени сохранившуюся и сейчас ценность представляют обширные комментарии Лемке к сочинениям Герцена, где исследователь широко использовал документально-архивные материалы. Но принцип единой хронологизации, осуществленный Лемке, серьезно снизил значение этого издания Герцена, лишний раз подтвердив справедливость приведенного выше суждения Анненкова.

Таким образом, уже к концу прошлого века в практике изданий собраний сочинений русских писателей прочно занял место жанрово-цикловой принцип расположения текстов с внутренней хронологизацией. В советское время этот принцип занимает ведущее место, а при изданиях художественной литературы является единственным.

---

[1] П. В. Анненков и его друзья Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. Спб., 1892, с. 385—386.

В подавляющем большинстве современных изданий сочинений писателей-классиков произведения располагаются по крупным родовым или жанровым группам, имеющим точные хронологические рамки, с внутренней датировкой (например, в изданиях Пушкина: «Стихотворения лицейского периода», «Стихотворения петербургского периода», «Поэмы» и пр.; в изданиях Лермонтова: «Стихотворения 1828—1841», «Поэмы», «Драмы» и т. д.).

Следует особо оговорить случаи авторской циклизации произведений, соблюдение которой должно считаться абсолютным правилом, поскольку является несомненным выражением авторской воли. Таковы циклы произведений Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, Короленко и других прозаиков, а также творческие циклы, связанные единством идейно-художественного содержания, времени и места создания у поэтов (например, ряд циклов в поэзии Пушкина, Лермонтова, А. Блока, С. Есенина и т. д.). Если есть возможность на основании авторитетных источников объединить группу произведений в цикл, несомненно определившийся в творческой биографии автора, но затем нарушившийся по неизвестным причинам в последующих изданиях, то восстановление такой циклизации зачастую позволяет внести существенные уточнения в идейно-творческий облик автора. Особенно показательна в этом смысле циклизация стихотворных произведений.

Научный аппарат

При подготовке собраний сочинений писателей-классиков приобретает важнейшее значение проблема научного аппарата книги, т. е. совокупности систематизированных сведений, относящихся как к каждому тексту в отдельности, так и к их собранию в целом и способствующих наиболее полному пониманию и изучению текста. Кроме того, научный аппарат облегчает пользование книгой посредством системы справочных элементов (оглавление, свод указателей, библиография).

В современных изданиях сочинений русских писателей XVIII—XX вв. научный аппарат представлен в основном следующими элементами: вступительной статьей, комментарием, примечаниями и указателями.

Вместо принятой сейчас единой вступительной статьи, рассматривающей биографию писателя и его творчество, еще в 30-е годы бывали случаи, когда в издании сочинений одного авторы было две вступительные статьи (биографический очерк и статья о творчестве). Следует сказать, что целесообразнее, конечно, давать одну статью, дополняя ее «Летописью жизни и творчества», как это сделано, например, в Собрании сочинений Лермонтова, изданном Академией наук СССР в 1954—1957 гг., в ряде однотомных изданий Гослитиздата и книг большой серии «Библиотека поэта». Типы вступительных статей, как и объем их, довольно разнообразны, порою даже в изданиях одного и того же издательства, даже серийных.

При издании собраний сочинений писателей-классиков должно быть четкое разграничение комментариев и примечаний (последние являются лишь элементом комментария). Единства в этом отношении нет даже в книгах издательства Академии наук СССР. Так, если в 30-томном собрании сочинений Герцена фигурирует «Комментарий», то Полное собрание сочинений Белинского в 13 томах тот же самый раздел называет «Примечания». Последовательна в этом отношении лишь серия «Литературные памятники», книги которой могут быть поставлены в пример с точки зрения научного аппарата. Издание «Басен» Крылова в этой серии не только дает исчерпывающий свод вариантов и редакций в разделе, имеющем название «Комментарий», но и содержит специальный раздел «Принципы и задачи настоящего издания». Здесь четко, последовательно и с исчерпывающей полнотой излагается история крыловских текстов (прижизненные издания и рукописи), обосновывается выбор редакций и вариантов и рассматриваются другие вопросы (датировка, орфография и т. д.). В изданиях серии «Литературные памятники» можно встретить и непосредственно текстологический комментарий: так, в издании «Харитон, Повесть о любви Харея и Каллирои» (1959) дается «Краткий текстологический комментарий».

Кроме текстологического комментария, важной частью научного аппарата в современном издании являются сведения о публикациях текста (т. е. библиографический комментарий), а также пояснения упоминаемых в тексте исторических, мифологических, библейских и иных имен, географических названий, отголосков исторических событий, раскрытие цитат и т. д. Все объяснения указанных мест текста можно условно объединить под названием «реально-исторический комментарий».

Тип научного аппарата зависит от типа издания книги, в которой он помещен. В частности, комментарий и его состав также связан с типом издания, поскольку в каждом отдельном случае научный аппарат должен в максимальной степени соответствовать общим задачам издания (академического, научного, массового).

В изданиях настоящего времени считается общепринятым давать комментарий к отдельному тексту в виде единой справки, содержащей все необходимые элементы толкования текста (вплоть до идеологической оценки).

Пример такого комментирования стихотворного текста можно найти в первом томе недавно завершенного восьмитомного Собрания сочинений А. Блока: *«На небе зарево. Глухая ночь мертва...»*. Впервые — «Собр. стих.» I (1911). По разъяснению Блока в дневнике 1918 г., в этом стихотворении отразилось одно из его впечатлений: деревья Дубровской березовой рощи (в окрестностях Шахматова) и облака, освещенные лучами заходящего солнца, показались ему картиной средневекового города (ср. план продолжения второй главы поэмы «Возмездие» — т. III

наст. издания). Схожий мотив есть в стихах А. А. Фета «Воздушный город»[1].

Комментарии носят здесь справочный характер. При таком комментировании, с одной стороны, не приводятся текстологические и библиографические подробности (их место — в академическом издании), и, с другой, — не даются объяснения общеизвестных мифологических имен или исторических фактов. Предполагается, что читатель, на которого рассчитано это издание, в необходимых случаях может навести справку в словарях и справочных изданиях.

По этому же принципу даны примечания в собраниях сочинений Лермонтова, Белинского, Герцена, изданных Академией наук. В однотомных же изданиях Гослитиздата, рассчитанных на более широкий круг читателей, такого рода обобщенная справка-комментарий носит другой характер. Вот, например, комментарий к стихотворению Языкова «К халату».

Впервые — «Полярная звезда» на 1859 г., кн. V. *Пускай служителям Арея...* — Подразумеваются военные (*Арей* — бог войны в древней Греции). *Современным Геростратом.* — Можно предположить, что Языков имел в виду Аракчеева, отличавшегося не только жестокостью, но и необычайным самодурством; *Герострат* — грек из Малой Азии; желая прославиться, сжег в 356 г. до н. э. знаменитый храм Артемиды в Эфесе; «слава Герострата» — позорная слава. *Кинжалы Занда иль Лувеля* — Карл *Занд,* немецкий студент, в 1819 г. заколовший кинжалом писателя Августа Коцебу — мракобеса и реакционера; Луи-Пьер *Лувель* — французский рабочий-седельник, убивший в 1820 г. герцога Беррийского, племянника короля Людовика XVIII[2].

И, наконец, очень существенным элементом издания, облегчающим пользование им, являются указатели. Наиболее полное представление о видах указателей к высшему типу современного научного издания дает справочный том к Полному собранию сочинений Пушкина. В нем содержатся алфавитные указатели имен, произведений (в том числе отдельно — указатель писем Пушкина и писем к нему), указатель распределения произведений по томам, указатели репродукций рукописей и портретов, приложенных к изданию и т. д.

В достаточной степени широкой системой указателей снабжено 13-томное полное собрание сочинений Белинского (1953—1959), где вспомогательный аппарат составляет большую часть последнего тома. Здесь имеются указатели произведений Белинского, имен и названий, литературных персонажей.

Распространенными в изданиях произведений художественной литературы являются указатели всех текстов (если это стихотворения, то по названию и по первому стиху), а также именные указатели.

Примечания к текстам произведений, порою довольно разнообразные и являющиеся в известной мере прообразом нынешнего

---

[1] Блок А. Собр. соч., т. 1. М. — Л., 1960, с. 581.

[2] Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма. М. — Л., 1959, с. 454.

реально-исторического комментария, можно встретить уже в значительном числе изданий конца XVIII — начала XIX вв. Однако это были, как правило, примечания самого автора, которые в настоящее время рассматриваются как авторский текст. Примером такого рода могут служить примечания Пушкина к поэме «Кавказский пленник», вышедшей отдельным изданием в 1822 г. Они носят характер толкования встречающихся в тексте слов, которые могли быть малопонятны тогдашнему русскому читателю: Пушкин объясняет значение элементов лексики народностей Кавказа («аул», «уздень», «шашка», «байрам» и т. д.), кавказской топонимики («Бешту, или правильнее, Бештау, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска...»), сообщает исторические справки. Так, в «Эпилоге» поэмы, говоря о «преданьях грозного Кавказа», Пушкин упоминает «Мстислава древний поединок» и поясняет: «Мстислава, сына св. Владимира, прозванного Удалым», затем дается ссылка на «Историю государства Российского» Карамзина. Интересны и замечания этнографического характера, и своеобразный элемент историко-литературного комментирования, когда Пушкин приводит отрывки из стихотворений Державина и Жуковского, посвященных Кавказу.

Такие авторские примечания характерны и для других изданий того времени, в частности, для произведений поэзии русского романтизма, в том числе декабристской: заслуживают особого внимания «Думы» Рылеева с их исторической тематикой, которую поэт-декабрист использовал как материал для пропаганды «гражданской свободы и святой ненависти противу всякого насилия» (Н. П. Огарев). Первое издание рылеевских «Дум» (Москва, 1825), включавшее 21 произведение этого жанра, интересно тем, что, как сообщил в предисловии сам автор, «примечания, припечатанные при Думах, кроме некоторых, сделаны П. М. Строевым». Правда, установить степень участия выдающегося русского историка и археолога П. М. Строева (1796—1876) в составлении примечаний к произведениям Рылеева трудно, но самый факт привлечения к комментированию художественного произведения специалиста-историка знаменателен: он уже представляет шаг вперед к той практике научного комментирования, которая прочно вошла в жизнь с середины прошлого века.

Выпуск сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова открывает традицию так называемых «критических изданий», где научный аппарат уже представлен в тех формах, которые, совершенствуясь и обретая устойчивые жанровые признаки, стали обычными в лучших изданиях конца XIX — начала XX вв.

В неоднократно уже цитировавшемся «Объяснении» П. В. Анненков писал, что «первою заботой нового издания должно было сделаться исправление текста издания предшествующего, но это, по важности задач, не иначе могло произойти, как с представлением доказательств на право поправки или изменения. Отсюда вся система примечаний, допущенная в настоящее издание. Каж-

дое из произведений поэта без исключения снабжено указанием, где впервые оно появилось, какие варианты получило в других редакциях при жизни поэта, и в каком отношении с текстом этих редакций находится текст посмертного издания».

В первом томе Анненков поместил свои «Материалы для биографии Пушкина», по существу являющиеся первым опытом биографии поэта и вызвавшие громадное число откликов, дополнений и замечаний.

Существенно дополняет представление о научном аппарате этого издания последний, седьмой, том, изданный в 1857 г., когда были смягчены цензурные условия, крайне затруднявшие всю предыдущую работу редактора.

В этом томе наряду с текстами Пушкина, расширяющими состав всего издания и вновь вводимыми в полном виде, были помещены многочисленные «выпущенные места из стихотворений и поэм» (т. е. не пропущенные цензурой в 1855 г.), а также алфавитные указатели ко всем произведениям Пушкина и к «Материалам для биографии».

Следующее, после Анненкова, поколение пушкинистов (Г. Н. Геннади, особенно П. А. Ефремов, В. Е. Якушкин, позже Я. К. Грот, Л. Н. Майков, С. А. Венгеров и другие) подвергло основательной ревизии первое научное издание Пушкина 1855—1857 гг., но в то же время допускало в своей работе те «библиографические излишества» в мелочном комментировании, занимавшем десятки страниц, которые высмеял еще в 1860 г. на страницах «Искры» М. Е. Салтыков-Щедрин (заметка «Характеры»).

Среди изданий русских писателей-классиков, отличающихся обширными и становящимися нередко самоцельными комментариями, особенно показательны два издания сочинений Г. Р. Державина, подготовленные Я. К. Гротом (первое, в девяти томах, вышло в 1864—1883 гг., второе, семитомное, в 1868—1878 гг.). Здесь (по крайней мере в ряде томов) комментарии занимают по объему не меньше, а иногда даже и больше места, чем основной текст, а, сверх того, девятый том издания 1864—1883 гг., посвященный «дополнениям и примечаниям ко всему изданию, с портретами и указателем ко всем томам издания», содержит обширнейшую «Библиографию литературы о Державине», составленную редактором при участии видных библиографов. Восьмой том был полностью посвящен биографии Державина, написанной Я. К. Гротом.

Несмотря на то, что крупный филолог академик Я. К. Грот опубликовал в этом издании основной фонд державинских рукописей (собранный им в виде сорока объемистых томов), а в комментариях использовал громадное количество материалов не только о личности и творчестве Державина, его служебной деятельности и т. д., но и подробнейшим образом характеризующих эпоху, быт и пр., это издание далеко не свободно от существенных недостатков даже в своей фактографической части. Не безупречным оказался редактор этого издания и в датировке текстов, и в самом

воспроизведении их в смысле полноты, не говоря уже о значительном числе пропусков и ошибок, вполне понятных и в какой-то степени неизбежных в работе такого объема и характера. Гротовское издание сохраняет и в наше время ценность как свод справочных материалов, относящихся к Державину и его эпохе, но уже в 60-е годы XIX в. раздавалась резкая критика показной академичности этого монументального труда, в котором нашли достаточно определенное выражение и консервативные взгляды редактора.

Однако ни гротовское издание Державина, ни выходившее с 1899 г. издание произведений Пушкина, из двенадцати намечавшихся томов которого вышли до 1929 г. первые четыре, а также одиннадцатый и девятый (два полутома), не смогли стать по-настоящему академическими, т. е. высшим типом научных изданий. Показателен пример последнего из указанных изданий Пушкина, подготовку которого осуществляла Академия наук. Главные недостатки этого издания объяснялись прежде всего нечеткостью, хаотичностью редакционно-текстологических принципов.

Гораздо более успешным, с точки зрения выработки типа научного издания, не страдающего «академическими» излишествами, был опыт так называемой «Академической библиотеки русских писателей», предпринятый комиссией разряда изящной словесности дореволюционной Академии наук. Особая комиссия, включающая известных историков литературы, разработала программу издания. «Согласно этой программе, важнейшей задачей издания признано было установление текста издаваемого писателя; необходимой частью издания признаны биография и характеристика литературной деятельности издаваемого писателя, в форме сжатой и законченной, в изложении вполне общедоступном и объективном. Кроме того, решено вводить в издание ряд статей и заметок, в которых был бы исчерпан существующий в литературе материал, необходимый для всестороннего изучения издаваемого писателя» [1].

Первым в «Академической библиотеке» был издан А. В. Кольцов, столетний юбилей со дня рождения которого (1909) совпал с завершением предварительных разработок программы издания и его принципов. В соответствии с разработанными установками в основу текстов было положено первое посмертное издание «Стихотворений Алексея Кольцова» (1846), редактором которого был В. Г. Белинский. Произведения, не вошедшие в издание 1846 г., но известные по публикациям, давались по последним. Текст автографов публиковался лишь в случае отсутствия печатных авторизованных публикаций или если он не был помещен в первом посмертном сборнике. Редактор издания 1909 г. А. И. Лященко знал о том, что имеются тексты автографов, свободные от редакторских вмешательств, но, по-видимому, связанный разра-

---

[1] Полн. собр. соч. А. В. Кольцова. «Академическая библиотека русских писателей», вып. 1 (изд. 3). Спб., 1911, с. 11—12.

ботанными комиссией разряда изящной словесности принципами, предпочел им издание 1846 г. Это наиболее очевидный недостаток издания 1909 г., который был преодолен лишь в последующих изданиях Кольцова, осуществленных в советское время. В целом первая книга «Академической библиотеки русских писателей» была для своего времени значительным шагом вперед в разработке научного издания и заслуживает того, чтобы сказать о ней более подробно.

В издание входило 158 стихотворений Кольцова и 70 писем — все стихотворное и эпистолярное наследие поэта, известное к тому времени. В «Приложениях» были представлены юношеские стихотворные опыты 1826—1827 гг., а также «Русские пословицы, поговорки, приречья и присловья, собираемые Алексеем Кольцовым», две народные песни, записанные поэтом, и стихотворения, приписываемые ему. Этими отделами исчерпывается основной корпус издания, после чего следует научный аппарат, представленный очень подробными и квалифицированно составленными обзорами рукописей и изданий поэта, а также примечаниями к стихотворениям и письмам. Примечания содержат указания на первую публикацию, а также на варианты и редакции (наиболее важные из них приводятся). В примечаниях к письмам раскрываются адресаты, упоминаемые лица и реалии. В состав научного аппарата входит также аннотированный обзор литературы о Кольцове, библиография библиографии, иконографические сведения и данные о переводе стихотворений Кольцова на иностранные языки, о переложении их на музыку. Завершается этот обстоятельный отдел издания «Хронологической канвой для биографии Кольцова» и целой системой указателей. Если к этому прибавить, что издание напечатано на прекрасной бумаге выразительным академическим шрифтом разнообразных кеглей, снабжено отлично подобранными иллюстративными материалами (в том числе великолепно исполненными вклейками-факсимиле, имитирующими подлинные рукописи) и добротно оформлено типографски, — можно понять, почему, появившись в конце сентября 1909 г. в немалом по тем временам тираже (15 тыс. экз.), оно разошлось в течение короткого времени, так что вслед за этим последовало второе издание (20 тыс. экз.), а в 1911 г. — и третье.

Вторым, после Кольцова, в «Академической библиотеке русских писателей» был издан Лермонтов (Полное собрание сочинений в пяти томах, 1910—1913; в 1916 г. вышло повторное издание, с незначительными дополнениями и изменениями против первого).

В текстологическом отношении издание весьма уязвимо, так как его редактор Д. И. Абрамович допустил ряд ошибок в чтении рукописей, а также весьма субъективно подошел к пунктуации лермонтовских текстов, дробя на части фразы и произвольно заменяя одни знаки другими. Научный же аппарат в этом издании был широким и обстоятельным (пятый том полностью посвящен биографическим и библиографическим материалам).

По такому же принципу были построены и собрания сочинений еще двух авторов, осуществленные в этой серии, — Е. А. Боратынского (1914—1915 гг. двухтомное, редактор М. Л. Гофман) и А. С. Грибоедова (том первый — 1911 г., том второй — 1913 г., том третий — 1917 г.). Редакторами первого тома были Н. К. Пиксанов и И. А. Шляпкин. Сохраняя основные признаки серии (в частности, широкий и разнообразный аппарат), издание это может считаться образцом научного решения сложных проблем, связанных с текстом «Горя от ума». Н. К. Пиксанов опубликовал комедию по тексту так называемой «жандровской рукописи», совпадающей, за исключением трех-четырех слов, с известной «булгаринской копией». Привлекая к работе многочисленные первоисточники, Н. К. Пиксанов пришел к выводу, что данный текст комедии «определяется с такою же достоверностью, как если бы пьеса вся и без цензурных вторжений была напечатана при жизни автора» [1].

Опыт «Академической библиотеки» был использован при издании сочинений русских поэтов, публиковавшихся в 30-е годы издательством «Academia». В конце 20-х и в 30-е годы это издательство, специализировавшееся на издании классиков русской и мировой художественной литературы, выпустило ряд мемуаров в серии «Памятники литературного быта», а с 1930 г. приступило к выпуску серии «Русские писатели. XIX век» (А. И. Полежаев, К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский, Д. В. Веневитинов, М. И. Михайлов, П. А. Вяземский, Н. М. Языков, Ф. И. Тютчев и др.). Наиболее удачные из книг этой серии, по своему типу сочетая признаки академического и популярного издания, непосредственно продолжали традиции «Академической библиотеки». Одним из лучших было пятитомное полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, выходившее под редакцией Б. М. Эйхенбаума (1936—1937). Это издание отличает высокий уровень текстологической работы и научного аппарата.

С 1933 г. начали выходить книги основанной М. Горьким серии «Библиотека поэта», которая за свою более чем тридцатилетнюю историю стала поистине «энциклопедией отечественной поэзии», а среди трехсот с лишним книг двух изданий большой и трех изданий малой серий есть высокие образцы текстологической работы (как, например, Полное собрание стихотворений А. А. Дельвига, подготовленное Б. В. Томашевским; Полное собрание стихотворений К. Ф. Рылеева — Ю. Г. Оксманом). К настоящему времени книги «Библиотеки поэта», завоевавшей заслуженный авторитет и у специалистов, и у широких кругов читателей, вполне сложились как тип издания, сочетающего черты научного (большая серия) и научно-популярного (малая серия). Книги большой серии, в которых осуществлен ряд полных собраний стихотворений авторов, с полным основанием могут быть названы научными изданиями, поскольку по своим редакционно-текстологическим принципам они ставят перед собою научные задачи. Это, между про-

---

[1] Грибоедов А. С. Полн. собр. соч., т. 2, Спб., 1913, с. 11.

чим, отразилось в специальной инструкции, разработанной на основе изучения длительного опыта редакционно-текстологической работы и определяющей тип издания, структуру сборников, композицию и особенности научного аппарата и т. д. О выборе источника текста в инструкции говорится следующее: «Выбор текста должен быть основан на изучении прижизненных публикаций, посмертных научных изданий и всех рукописей поэта. Как правило, воспроизводится последняя авторская редакция. Отступления возможны лишь в отдельных случаях, когда, например, последняя авторская редакция испорчена цензурой, автоцензурой, посторонней редактурой и т. п. Эти отступления каждый раз должны быть мотивированы и согласованы с редакцией. На основе изучения имеющихся источников текста исправляются явные опечатки и восстанавливаются цензурные изъятия. Для стихотворений, иногда не печатавшихся при жизни автора, в качестве основного источника текста избирается автограф, являющийся последней редакцией стихотворения, а если отсутствует он — наиболее авторитетное посмертное издание»[1]. Эти принципы осуществляются в подготовке изданий большой серии «Библиотеки поэта», являющейся изданием научным и служащим источником для текстов, составляющих стихотворения того же автора в малой серии.

5. СОВРЕМЕННЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПИСАТЕЛЕЙ-КЛАССИКОВ

Остановимся на основных вопросах, связанных с типами современных изданий писателей-классиков. Этому вопросу уделялось большое внимание в дискуссии, развернувшейся в нашей печати в 1952—1954 гг.; одним из центральных был он и на Всесоюзном текстологическом совещании 1954 г. И это понятно, потому что вся текстологическая работа, все усилия литературоведов и редакторов-текстологов должны иметь своим результатом добротные в научном отношении издания собраний сочинений и отдельных произведений русских и зарубежных писателей.

В современной практике советских издательств сложились два основных типа таких изданий. Первый — научные; причем высшим типом научного издания является академическое. Такие издания ставят перед собою задачи установления критически проверенного («канонического») текста и его научного комментирования. Следует учитывать, что академическим, т. е. высшим типом научного издания, может быть и полное собрание сочинений, и отдельное произведение или группа произведений.

Издания второго типа — их можно условно назвать массовыми или популярными — самостоятельных научных задач не преследуют и служат главным образом популяризации лучших произведений отечественной и зарубежной литературы, а также удовлетворяют нужды школы, широкого читателя вообще. Издания

[1] Инструкция по подготовке изданий большой и малой серий «Библиотеки поэта». Л., 1957, с. 5—6.

второго типа должны воспроизводить текст академического издания, а при его отсутствии — текст другого научного издания, которое осуществлено с учетом всех необходимых требований в области подготовки текста и его комментирования.

Образцом законченного академического советского издания может служить Полное собрание сочинений Пушкина, начатое в 1935 г. и полностью завершенное в 1959 г. Тип этого издания в самом начале претерпел некоторые изменения: первым по времени выхода был том седьмой, включающий драматические произведения. Работа над томом проходила в самый разгар подготовки к пушкинскому юбилею 1937 г., когда многие спорные вопросы, как связанные с текстами Пушкина, так и с программой академического издания, еще не были до конца решены. В частности, в этом томе помещены обширные статьи — исследования, выросшие из литературного комментария. Позже редакция академического издания Пушкина отказалась от такого рода комментирования, и вышедший к столетию гибели великого русского поэта том первый, включавший тексты лицейских стихотворений, был построен уже по новому плану. Том второй, состоящий из двух книг, включал стихотворения 1818—1825 гг., третий (также из двух книг) — стихотворения 1826—1836 гг., четвертый — поэмы 1817—1825 гг., пятый — поэмы 1825—1833 гг., шестой том полностью посвящен «Евгению Онегину» и т. д.

Издание публикует все дошедшие до нас рукописи Пушкина (материалы, обнаруженные после выхода соответствующих томов, содержатся в заключительном, справочном томе). Однако до настоящего времени оказалась вне этого издания такая значительная часть рукописного наследия поэта, как рисунки, которые предполагалось выпустить в качестве специального приложения.

Главная задача этого издания, в целом проведенная последовательно и осуществленная на высоком научном уровне, — дать единый пушкинский текст, который затем может быть перепечатан в любом научном или массовом издании. В отличие от неудачного дореволюционного опыта академического издания, редакция отказалась от помещения транскрипций, отдавая предпочтение публикации связного текста. В разделах «Другие редакции и варианты», составляющих большую часть многих томов, показана напряженная работа Пушкина над черновыми материалами, раскрыта творческая лаборатория поэта, процесс его работы, нашедший выражение в многочисленных незаконченных черновых набросках, заметках и поправках к текстам, опубликованным в основном корпусе издания.

В полном соответствии с главной задачей, стоящей перед изданием, построен и научный аппарат, в частности комментарий: здесь есть библиографические примечания (указания на первую публикацию, а также на другие публикации, источники мемуарного характера и т. д.), но реально-исторического комментария нет, как нет и вступительной статьи, поскольку издание предназначено для подготовленных читателей.

Создание изданий такого типа, как видно из всего предыдущего изложения, требует большой напряженной работы и длительного времени. Например, так называемое «юбилейное» издание сочинений Л. Толстого в девяноста томах, которое приближается по своему типу к академическому (публикуются не все, и лишь главнейшие варианты и редакции, поэтому оно может быть названо академическим лишь условно), издавалось в течение 31 года. Первый том вышел к столетию со дня рождения писателя (1828), а последний в 1959 г. Лишь недавно завершено тридцатитомное собрание сочинений А. И. Герцена, начатое в 1954 г.

Из новейших академических изданий особый интерес представляет Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах (30 книгах), осуществленное Издательством Академии наук СССР (и его преемником — издательством «Наука») в 1960—1968 гг. Издание это выходило в двух сериях — 15 томов «Сочинений» и 13 томов (15 кн.) «Писем» и представляет собою самое полное собрание всех произведений великого русского писателя, включая и громадный эпистолярный материал.

Это издание требует специального книговедческого исследования, так как во время подготовки и осуществления его в сравнительно небольшой срок были успешно решены сложные редакционно-текстологические проблемы (выбор основных текстов и их вариантов, соотношение прижизненных и посмертных публикаций, принципы расположения и т. д.). Удачно построен научный аппарат издания, включая и разветвленную сеть указателей. «Указатель имен» к каждому тому писем представляет, в своей совокупности, своеобразный биографический словарь русских и зарубежных деятелей целой исторической эпохи.

Редакционно-текстологическую и комментаторскую работу в этом академическом издании проводил большой коллектив научных сотрудников под руководством крупнейших текстологов, членов редакционной коллегии — М. П. Алексеева, А. С. Бушмина, Н. В. Измайлова, Ю. Г. Оксмана, Б. М. Эйхенбаума. Это издание обобщает накопленный нашей текстологией опыт и может служить примером высшего типа научного издания. Несомненно, что этот опыт будет широко использован в работе по осуществлению подобных изданий других писателей-классиков.

Наряду с академическими получили распространение также издания собраний сочинений, которые могут быть названы научными, и при отсутствии академического издания данного писателя являются авторитетным источником для историко-литературного изучения. Такие издания, как правило, содержат тексты всех законченных произведений писателя, но не включают всех вариантов и редакций, место которых — в академическом издании.

Примером может служить Полное собрание сочинений и писем Н. А. Некрасова в двенадцати томах, осуществленное в 1948—1953 гг. под общей редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского и являющееся до настоящего

времени первым и единственным пока что опытом полного собрания всего литературного наследства великого писателя. Из написанного Некрасовым многое на долгие годы оставалось доступным только сравнительно небольшому кругу специалистов, как, например, его критические статьи, публиковавшиеся в журналах и с тех пор не переиздававшиеся. С выходом девятого тома этого издания, объединяющего критику и публицистику Некрасова (в том числе и театральную критику), представление о развитии русской революционно-демократической критической мысли уже не могли оставаться прежними: широкие массы читателей узнали в Некрасове яркого и своеобразного критика революционно-демократического лагеря.

В подготовке текстов этого издания были широко использованы достижения советских текстологов-некрасоведов, а в разделе «Варианты и комментарии» — приведены наиболее существенные из вариантов и редакций. Особенно значительны в этом отношении первые три тома, объединяющие стихотворные произведения. Правда, следует оговориться, что редакция не избежала значительных ошибок в атрибуции Некрасову ряда критических статей, в соотношении основного текста и вариантов таких стихотворных текстов, как поэма «Дедушка». Но в целом это издание остается наиболее авторитетным источником текстов Некрасова.

Научный аппарат этого издания представлен, кроме свода основных вариантов текста, также и комментариями: вводной заметкой к каждому тому и обобщенными справками к каждому тексту, где даются не только сведения библиографического характера, но также и реально-исторические толкования (разъяснения имен, названий и т. д.). В последнем, двенадцатом, томе, основное содержание которого составляют материалы для биографии (тексты автобиографических заметок и писем Некрасова, материалы по участию его в издательских делах), включены поправки и дополнения к предыдущим томам, а также указатели по всему изданию — именной и названий произведений Некрасова. В издании нет вступительной статьи, а также летописи жизни и творчества, причем отсутствие последнего элемента особенно ощутимо. Нет в этом издании (как, впрочем, и в абсолютном большинстве других) такого важного элемента научного аппарата, как сведения об основных изданиях и наиболее значительной литературе о жизни и творчестве писателя.

Издания научного характера разнообразны в своих типологических признаках (полнота объема, наличие или отсутствие текстологического комментария, а также характер других элементов научного аппарата). В последние годы в практике Гослитиздата стал устойчивым новый тип собрания сочинений, называемый подписными изданиями, примерами которого могут быть девятитомник Г. Успенского (1955—1957) и одиннадцатитомник Н. С. Лескова (1956—1958).

Собрание сочинений Г. И. Успенского включает, как об этом сказано в заметке «От редакции», «все основные художественные

и публицистические циклы произведений Успенского, а также большинство отдельных очерков и рассказов писателя; в последнем, девятом, томе печатаются его статьи и избранные письма»[1]. Эти принципы являются более или менее устойчивыми для изданий подобного рода вообще.

По общепринятому в таких изданиях характеру построен и научный аппарат: вступительная статья (критико-биографический очерк), вводные заметки к каждому тому (помещаемые в разделе «Примечания»), обобщенные комментарии-справки к тексту каждого произведения, а также летопись жизни и творчества. Указатель имен и названий в этом собрании сочинений есть только к одному тому — девятому, включающему статьи и письма, а ко всему изданию дан лишь алфавитный указатель произведений Успенского. Если вспомнить, сколь многочисленны в очерках Успенского упоминания имен и географических названий, нетрудно представить, как затруднительно навести справки по этому изданию.

Издание сочинений Н. С. Лескова, осуществленное впервые в советское время в столь значительном составе, представляет особый интерес, поскольку является сейчас наиболее доступным собранием сочинений этого выдающегося мастера русского слова[2]. Оно дает представление об основной, наиболее значительной части его громадного литературного наследства, в котором далеко не все равноценно. Построенное по тому же принципу, что и собрание сочинений Успенского, оно имеет такие элементы научного аппарата, как вступительную статью и летопись жизни и творчества, вводные заметки к примечаниям, содержащие справки реально-исторического и историко-литературного характера. Но никаких указателей, кроме алфавитного указателя произведений, здесь нет; даже нет указателя имен и названий к письмам, хотя самый большой по объему том собрания (одиннадцатый) включает автобиографические материалы и часть обширного эпистолярного наследия писателя (многие письма публикуются впервые). В этих письмах упоминаются десятки и сотни имен, названий литературных произведений, и все это крайне затруднительно разыскать из-за отсутствия указателей. Недооценка этого важного элемента научного аппарата значительно снижает достоинства издания.

Из всего сказанного сделаем некоторые выводы. Создание академических изданий — задача чрезвычайно важная и сложная, требующая систематического выполнения в возможно более широких масштабах. Только тогда, когда авторитетно установленные тексты будут закреплены академическим изданием, будут исключены или сведены до минимума случаи произвольного выбора текстов в массовых изданиях. Вместе с тем, должна все более и более совершенствоваться и редакционно-текстологическая работа

---

[1] Успенский Г. И. Собр. соч. в 9-ти т., т. 1. М., 1955, с. 5.

[2] Лесков Н. С. Собр. соч. в 11-ти т. М., 1956—1958.

над собраниями сочинений типа широко распространенных подписных, а также однотомных изданий.

Во всей этой работе, имеющей значение для дальнейшего подъема духовной культуры советского народа, немалая роль принадлежит редакторам-текстологам.

Изучение опыта издания сочинений писателей-классиков в нашей стране — огромная, разносторонняя работа, связанная с историей развития, современным состоянием и перспективами дальнейшего движения комплекса научных знаний (истории литературы и филологии в целом, редакционно-издательского дела и текстологии, рассматриваемых в рамках книговедения). Но если в изучении проблем издания русских писателей XVIII—XX вв. уже сделано немало, то лишь в самое последнее время предметом текстологических исследований стали издания классиков советской литературы. Первые шаги, сделанные в этом направлении, убедительно говорят о необходимости такого изучения, которое должно служить и целям научного обобщения, и практическим задачам по подготовке современных изданий советских писателей.

В этой работе, которая с каждым годом принимает все более и более широкий характер, предстоит сделать много и ученым-книговедам, и практическим работникам издательств, в первую очередь редакторам.

Глава девятая

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Редакторский анализ рукописи, о котором шла речь в предыдущих главах, соединяется в работе редактора с рецензированием. На основе разбора поступившей в издательство рукописи редактор дает о ней письменное заключение (пишет рецензию) и обращается за письменной консультацией к внешнему рецензенту. Рецензирование составляет важную часть работы издательства и имеет особое значение.

1. ПОНЯТИЕ «РЕЦЕНЗИЯ»

Рецензия (от латинского recensio — разбор, оценка) — вид критики; по определению Белинского, малая критика. Рецензия — малая критика ввиду своего практического значения; она не претендует на широкие обобщения и по объему обычно меньше критической статьи или обзора. Из этого не следует, что рецензия не может содержать новых положений или обобщающих выводов. Содержание и пафос рецензии зависит от возможностей рецензента и конкретного назначения рецензии.

Существенная особенность малой критики — ее оперативность. В. Г. Короленко назвал рецензию «легкой критической кавалерией».

Рецензия обращена к отдельному произведению. Она направлена на то, чтобы рассмотреть отдельное произведение всесторонне — в его подробностях, в совокупных частях и в целом. Никакой другой вид критики не ставит перед собой подобной задачи.

Основу рецензии составляет разбор, анализ конкретного произведения. Анализ не самоцель, а средство решения задачи — дать правильную оценку. Анализ предполагает систему аргументов. Обоснованный разбор с наглядной системой доказательств ведет не только к правильной, но и убедительной оценке, исключая произвол в суждениях рецензента, устраняя в отношениях между автором и рецензентом недоразумения, обиды и т. п.

Важнейшие составные части рецензии — характеристика и оценка. Они оформляются на основе разбора и должны сочетаться с ним. Характеристика — это описание произведения, прежде всего

раскрытие содержания и особенностей формы. Характеристика может включать в себя различные сведения о произведении (например, об его публикации), а также об авторе, о других его произведениях и т. п. Оценка — определение достоинств и недостатков произведения и общий вывод. Между характеристикой и оценкой нет резкой грани: характеристика содержит элемент оценки, оценка — элемент характеристики.

Следовательно, рецензия — это отзыв о каком-либо произведении, содержащий его разбор, характеристику и оценку.

Рецензия на книгу включает в себя также библиографическое ее описание, обнаруживая прямую связь с библиографией.

2. ЗНАЧЕНИЕ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Рецензирование — большая, разносторонняя и не только подсобная область литературной работы.

Широко практическое применение рецензии. Рецензии публикуют в газетах и журналах, передают по радио, пишут в издательствах, в общественных, учебных, научных и руководящих организациях. Появилась рецензия на экране кино и телевидения.

Рецензии (речь идет о литературных рецензиях) помогают найти нужную книгу и лучше понять ее, способствуют изданию хороших книг. Рецензии содержат ценные сведения по различным отраслям знания и общественной практики, поднимают насущные вопросы и подсказывают правильные ответы, содействуют распространению научных и политических знаний, передового опыта, воспитывают художественный вкус. Рецензии — действенное средство пропаганды книги и ее распространения.

«...Рецензия — дело не мелкое, а великое, — справедливо подчеркнул Л. Соболев. — Партия признает исключительно важную роль литературы в деле коммунистического воспитания трудящихся. А это возможно лишь тогда, когда наши книги, во-первых, читаются, а во-вторых, понимаются. Тому и другому чрезвычайно способствует рецензия»[1].

Все же многие книги остаются без отзыва, многие отзывы не оперативны и написаны по шаблону. Не так часто встречается на газетных страницах профессионально написанная рецензия, содержащая многосторонний разбор произведения с наглядной и убедительной аргументацией.

Постановления ЦК КПСС по вопросам издательского дела ставят в связь успешную работу по выпуску книг с качеством рецензирования, умелой его организацией, обязывают журналы и газеты широко и систематически рецензировать советские издания.

---

[1] Соболев Л. Литература и наша современность. Доклад на Первом съезде писателей РСФСР. — В кн.: «Первый учредительный съезд писателей Российской Федерации». Стенографический отчет. М., 1959, с. 49.

В 1972 г. ЦК КПСС принял специальное постановление «О литературно-художественной критике», в котором охарактеризовано состояние критики, ее роль в развитии коммунистической культуры, определены ее основные задачи.

3. ПРИНЦИПЫ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ТРЕБОВАНИЯ К РЕЦЕНЗЕНТУ

Роль рецензента значительна, влияние многосторонне. Рецензент участвует в работе издательства по выпуску книг и воздействует на формирование общественного мнения о книге. У него имеются широкие возможности оказывать воспитательное воздействие на автора, редактора и читателя. Деятельность рецензента, активного работника идеологического фронта, определяется высокими принципами советской критики — партийностью, народностью, коммунистической идейностью.

Действительный смысл высоких идейных требований для издательского рецензента состоит в том, чтобы он, будучи специалистом, глубоко понимая политику партии, с подлинным знанием дела помогал издательству и автору выпускать книги, способные служить народу в его борьбе за построение коммунистического общества. Руководствуясь высокими принципами, рецензент помогает совершенствовать рукописи, пропагандирующие идеи партии, передовой опыт, достижения науки, техники, сельского хозяйства, рукописи, отражающие жизнь в ее революционном развитии; рецензент борется за чистоту и творческий дух марксистско-ленинского учения, против ревизии и догматизма, за творческий метод советского искусства — социалистический реализм, против искажений жизненной правды.

Литературная критика — не только отражение отраженного. Критик и рецензент сверяют свои выводы и оценки с жизнью, с изменяющейся и преобразуемой действительностью.

Идейные принципы марксистско-ленинской критики предполагают известные моральные нормы. Требование принципиальности, предъявляемое советской критике, обусловлено ее высоким призванием. Это требование обязывает критика и рецензента руководствоваться общественной ценностью литературного произведения.

Принципиальность предполагает взыскательность, высокий критерий оценки, непримиримость к недостаткам. Принципиальность исключает всякое попустительство недобросовестности, легкомыслию, приспособленчеству, невежеству, бездарности. Вместе с тем принципиальность означает для критика и рецензента доброжелательное отношение к талантливому и добросовестному автору, проявление заботы о развитии литературы, горячую и умелую поддержку всего ценного в ней.

«Несомненно, успехи советской литературы и искусства были бы еще значительнее, а недостатки изживались бы быстрее, если бы наша литературно-художественная критика более активно проводила линию партии, выступала с большей принципиальностью,

соединяя взыскательность с тактом, с бережным отношением к творцам художественных ценностей» [1].

Обращение к современности, постановка и освещение актуальных вопросов времени — важная и вместе с тем ответственная и трудная задача. Внимание к серьезной работе над современной темой и непременная поддержка этой работы — прямая обязанность критика и рецензента.

Идейные и моральные принципы советской критики дополняются деловыми требованиями. Чтобы быть на высоте этих идейных и моральных принципов и действенно проводить их в жизнь, критик овладевает марксистско-ленинской наукой, неустанно изучает жизнь, совершенствует свое профессиональное знание и мастерство.

4. ТИПЫ И ВИДЫ РЕЦЕНЗИЙ

Рецензии по их назначению можно разделить на два типа — внешние и внутренние.

Внешние рецензии рассчитаны на массового или многочисленного читателя. Это рецензии, публикуемые в печати или передаваемые по радио. Они выполняют более разнообразные и общие задачи, чем внутренние рецензии. Важнейшая цель рецензий, рассчитанных на массового читателя, — воспитание в широком смысле слова.

Внутренние рецензии рассчитаны на немногочисленных читателей, иногда всего на одного человека. Такие рецензии пишутся обычно в конкретно-практических целях в издательствах, научных учреждениях, учебных заведениях, в общественных и руководящих организациях.

В связи с тем, что у внешних и внутренних рецензий свои специфические задачи и свой круг читателей, они отличаются друг от друга характером материала и формой.

Издательская рецензия

Издательская рецензия — вид внутренней рецензии. Она предназначена только для нужд издательства. Размах издательской деятельности в нашей стране и возросшие требования к книге вызвали необходимость тщательного отбора рукописей для издания и улучшения их качества при подготовке к печати.

Оценка рукописи приобрела особое значение и не случайно привлекает к себе внимание общественности. От оценки рукописи зависит ее судьба, последующая работа над ней автора и редактора, идейно-политические и материальные успехи или срывы в работе издательства. Оценка рукописи сказывается на затратах труда, средств и времени, на сроках выпуска книги в свет, на ее качестве и т. д.

[1] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 88.

К рецензии прибегают на всех этапах издательского процесса, и она оказывает влияние на все стороны редакционной работы. Рецензия используется в издательстве при составлении планов, при отборе рукописей для издания, при оформлении договорных отношений с автором, в процессе редакционной работы по улучшению качества рукописи, при контроле за выпускаемой продукцией и в целях ее распространения.

Основное назначение издательской рецензии — способствовать отбору ценных произведений и качественному улучшению рукописей в процессе их подготовки к изданию. Она призвана также быть средством воспитания и повышения квалификации издательских работников и авторского коллектива.

Важную задачу оценки рукописи в издательстве решают главным образом редактор и внештатный рецензент. Именно они, хотя и с разной мерой ответственности, призваны рецензировать рукописи.

В зависимости от того, кто выступает рецензентом, — работник издательства или его внештатный сотрудник, консультант, — различают внутрииздательскую и внешнеиздательскую рецензии. Внешнеиздательская рецензия рассчитана прежде всего на редактора и автора. Внутрииздательская рецензия, написанная редактором, предназначена для его собственной практической работы и работы с автором, а также для заведующего редакцией и руководства издательства.

Особенности издательской рецензии лучше всего можно уяснить, сравнив ее с рецензией печатной, знакомой любому читателю.

Печатная рецензия

Печатная рецензия посвящена выпущенной книге и обращена, как уже было сказано, к массовому или многочисленному читателю.

Широтой задачи и кругом читателей определяются многообразие и специфичность жанров и форм печатной рецензии. Помимо собственно рецензии, в печати распространены рецензия-статья, рецензия-обзор, статья в форме рецензии, рецензия-фельетон и другие.

Собственно рецензия вся посвящена отдельной книге и рассматривает ее всесторонне. Это, однако, не означает, что в ней не может быть сопоставлений, ссылок на другие произведения, обобщений. Этот жанр позволяет с наибольшей полнотой рассмотреть достоинства и недостатки того или иного произведения, досконально выяснить его смысл, значение, особенности (разумеется, в зависимости от того, является ли рецензия развернутой, полуразвернутой или маленькой, короткой).

Рецензия-статья — развернутый (отнюдь не всесторонний) разбор книги, подчиненный единой теме и идее. Оценка произведения сочетается здесь с глубоким рассмотрением отдельных вопросов, с публицистическими отступлениями, с относительно широкими обобщениями.

Статья в форме рецензии — выступление в печати в связи с выходом какой-либо книги в свет. Это — рецензия, поскольку она содержит оценку книги и библиографическое ее описание. Но это прежде всего статья: разбираемая книга служит поводом для выступления. Пафос статьи в форме рецензии — в отклике на волнующий вопрос, в постановке актуальной проблемы, в рассмотрении ее с помощью конкретного произведения.

Рецензия-фельетон — краткий разбор произведения в юмористическом или сатирическом освещении.

Рецензия-обзор — совокупность небольших рецензий, содержащая обобщения или позволяющая их сделать.

Публицистичность — важная черта всех жанров печатной рецензии.

Публицистическая заостренность, как известно, была примечательной чертой рецензий Белинского — от маленькой критико-библиографической заметки до статьи в форме рецензии. «Разбираемая книга служила ему по большей части материальной точкой отправления, на полдороге он бросал ее и впивался в какой-нибудь вопрос» [1].

«Мысли à propos», по признанию Белинского, «почти всегда составляют главную и самую большую часть» его рецензий [2]. Они сочетались с разбором, с аргументированной оценкой произведения, служившего отправным пунктом для рассмотрения актуального вопроса, они захватывали и волновали читателя.

Особенности рецензий Белинского были обусловлены не только его индивидуальностью, не только задачами, поставленными жизнью перед революционно-демократической критикой, но и условиями ее развития. Несомненно, на характере и материале рецензий Белинского сказывалась особая роль русской литературы: «...Все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша, — писал он, — сосредоточивалась до сих пор и еще долго будет сосредоточиваться исключительно в литературе: она живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия...» [3].

Советский критик пишет в иных условиях. Социальная основа для литературного барышничества уничтожена. Но советский рецензент тоже и даже в большей степени должен уделять внимание профессиональному разбору книги и не может ограничиться простым выражением мнения, тем более резкой оценкой, не подтвердив ее фактами. Когда он видит, что книга заслуживает резкого осуждения, он обычно обращается к жанру рецензии-фельетона или рецензии-памфлета.

Если профессиональный разбор книги вытесняется из рецензии, она перестает выполнять прямую свою обязанность. От недостатка его страдает литература, страдают автор, редактор и самый широкий круг читателей, культура и требования которых неизмеримо выросли.

Рецензия-статья, рецензия-обзор, рецензия-памфлет, особенно статья в форме рецензии — вот те жанры печатной рецензии, которые требуют «мыслей à propos», предназначены для того, чтобы содержательные, актуальные «мысли по поводу» были высказаны.

Однако опыт революционно-демократической, дореволюционной марксистской и советской критики показывает, что публицистическая заостренность рецензии не всегда выражает себя в «мыслях à propos», она свободно может проявить себя и в процессе анализа.

Печатная рецензия на произведение художественной литературы сама должна быть своего рода произведением искусства. Она требует не только точного, но и меткого, не только выразительного, но и объемного слова, богатого смысловыми и эмоциональными оттенками. Она нуждается в оригинальной и завершенной композиции. Рецензент, пишущий для печати, в особенности для массового органа, обязан проявлять большую заботу о живости и занимательности изложения.

В издательской рецензии не столь отчетливо и постоянно сказывается связь малой критики с критикой большой, в особенности с той ее стороной, которая вызывается потребностью разговора с широкой читательской аудиторией.

---

[1] Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 9. М., 1956, с. 29.

[2] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 1, с. 359.

[3] Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х т., т. 3. М., 1948, с. 39.

Издательская рецензия не отличается многообразием жанров; некоторые жанры печатной рецензии вовсе не используются в издательском рецензировании (например, статья в форме рецензии, рецензия-фельетон, рецензия-памфлет, рецензия-пародия).

Однако при оценке рукописи в издательстве жанровые особенности рецензии могут быть выражены с наибольшей определенностью, и, поскольку объем издательской рецензии не зависит от внешних ограничений, рецензент располагает возможностью рассмотреть произведение всесторонне и обстоятельно.

Издательская рецензия по сути своей деловая, практическая, можно сказать «утилитарная». Издательская рецензия обычно не выходит за рамки рассматриваемого произведения и не требует рассуждений на тему или «по поводу». Тем более не нуждается она в изложении того, что для редактора и автора является «общим местом». Квалифицированный разбор, точная характеристика, аргументированная оценка, обоснованные рекомендации — вот что определяет качество издательской рецензии.

В значительной своей части издательская рецензия может состоять из чисто деловых, практических замечаний, предложений, советов, пожеланий. И общий тон ее чаще всего бывает деловой.

Здесь потому так подчеркивается эта особенность издательской рецензии, что в издательства поступают — и в большом количестве — отзывы, написанные без учета их конкретного назначения. Слишком много в них пространных и риторических рассуждений.

Отсюда вовсе не следует, что внутренней рецензии заказано выходить за рамки разбираемой рукописи. Вспомним оценку отдельных произведений в письмах Маркса, Энгельса, Ленина или в письмах М. Горького, адресованных писателям. Например, в известном письме Энгельса английской писательнице Маргарет Гаркнесс содержится не только оценка ее романа «Городская девушка», но и классическая формула реализма и блестящая характеристика творчества Бальзака[1].

Иногда авторы справедливо жалуются на бесстрастие издательских критиков, на отсутствие в их рецензиях пафоса. Бесстрастие, отражающее аморфность суждения, несовместимо с идейной и принципиальной критикой. Да и трудно представить себе живое дело без столкновения страстей.

Но пафос пафосу рознь. Необоснованный в требованиях и оценках, но страстный отзыв, да еще исходящий от авторитетного критика, может смутить редактора и поколебать автора, неуверенного в своих силах.

В издательской рецензии нужна не занимательность, а деловитость, и живость хороша в ней только в той мере, в какой она не отвлекает автора «от дела».

Разумеется, издательская рецензия, хотя она и «утилитарна» и рассчитана всего на несколько человек, предназначена для твор-

[1] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 37, с. 35—37.

ческих работников. Слово воспитывает, а слово критики и совета, предполагающее действенную помощь в ответственной творческой работе, воспитывает тем более. Издательская рецензия должна не только действовать на ум, но и возбуждать воображение, зажигать его.

Заключение по рукописи в издательстве представляет собой ответственную задачу. Оценка, данная рукописи в издательской рецензии, отражается в работе редактора и автора, которая определяет облик будущей книги.

Одна из характерных черт рецензии — оперативность. Издательская рецензия оперативна не только «по призванию», в силу своей принадлежности к роду критики. Ее «подвижность» поддерживается и зависимостью от сроков, нарушение которых может повлечь за собой тяжкие для издательства юридические последствия.

В типовом издательском договоре точно указано, в какой срок и при каких условиях должна быть оценена рукопись. Если издательство нарушит этот договорный срок, не известит своевременно автора о своем мнении и требованиях, то рукопись, независимо от ее качества, автоматически получает положительную оценку, и автор вправе требовать гонорар.

Издательская рецензия, в отличие от печатной, учитывает некоторые специальные требования, предъявляемые к рукописи, например соответствие ее проспекту в отношении объема, тематики или иных заранее обусловленных требований.

Рецензенты, только начинающие писать для издательства, часто не представляют себе своеобразия издательской рецензии, ее отличия от печатной. Они порываются писать так, как в газетах, и, забывая о назначении издательской рецензии, пишут в расчете на массового читателя, не думая о тех практических задачах, которые стоят перед автором рукописи и ее редактором. Они забывают о необходимости обстоятельно разобрать рукопись, сделать вывод о пригодности ее к изданию, дать конкретные советы, как ее улучшить.

Рецензент, пишущий для издательства, должен руководствоваться общими требованиями, предъявляемыми к советской критике, и вместе с тем учитывать специфику издательской рецензии, обусловленную ее назначением.

Виды издательской рецензии

В настоящее время нет разработанной классификации и установившихся наименований издательских рецензий. Если заглянуть в папки, хранящие издательские рецензии, там можно найти «рецензии» и «отзывы», «редакционные заключения», просто «заключения» и т. п. Классифицируя все эти и подобные рецензии, можно сказать, что существует два основных вида издательской рецензии — оценочная и рабочая.

Назначение оценочной рецензии — определить пригодность рукописи для издания. Назначение рабочей рецензии — определить характер и основные моменты доработки рукописи.

Оценочная рецензия может содержать положительный или отрицательный отзыв, одобрить или отклонить рукопись. В случае отрицательного отзыва рецензент ограничивается рассмотрением и оценкой рукописи. Если отзыв положительный, рецензент дополняет характеристику и оценку рукописи рекомендациями.

В практике издательств распространены: рецензия-заключение (или просто заключение), рецензия-письмо, рецензия-обзор, научная или специальная рецензия и некоторые другие. Они содержат оценочную и рабочую части — в отдельности или в определенном сочетании. Многообразие этих форм вызывается разносторонним характером издательского процесса и выпускаемой издательствами литературы.

Рецензия-заключение пишется при начальной оценке рукописи и в итоге ее рассмотрения в издательстве. Когда поступает рукопись, ведущий редактор знакомится с нею и дает заключение заведующему редакцией, старшему или главному редактору. Это заключение (в некоторых издательствах его называют редакторской рецензией) служит основанием для решения о возможности (или невозможности) подготовки рукописи к изданию и о целесообразности ее внешнего рецензирования.

Убедившись в правильности заключения редактора, заведующий редакцией (главный редактор или директор издательства) принимает соответствующее решение.

Учитывая важность первоначальной оценки рукописи в издательстве, ведущий редактор должен давать заключение в письменной форме.

В итоге тщательного изучения рукописи, учитывая мнение внешних рецензентов (если обращались к их помощи) и широкое обсуждение рукописи (если таковое имело место), ведущий редактор пишет итоговое заключение. Это заключение, рассмотренное заведующим редакцией или старшим редактором и утвержденное главным редактором (или директором издательства), служит основанием для одобрения или отклонения рукописи.

Рецензия-заключение — наиболее ответственный вид оценки рукописи в издательстве.

Рецензия-письмо как форма издательской рецензии представляет собой деловое письмо ответственного работника издательства автору, посвященное его рукописи. Оно может содержать оценку рукописи, критические замечания о ней, предложения о доработке и т. д.

Согласно типовому договору, «рукопись считается одобренной издательством, если в течение сроков, указанных в примечаниях, не последует от издательства:

а) мотивированного письменного отказа в принятии рукописи по соображениям ее непригодности, относящимся к достоинствам самого произведения;

б) письменного предложения автору о необходимости доработки произведения или внесения в произведение поправок, с точным указанием существа этой доработки или поправок в пределах условий договора».

В обоих этих случаях издательство, основываясь на итоговой рецензии-заключении или полностью используя ее, пишет автору письмо (по существу письмо-рецензию), имеющее юридическую силу.

Рецензия на рукопись, поступившую самотеком, служит основанием для рецензии-письма ее автору. Такое письмо пишет редактор на основе отзыва внешнего рецензента или самостоятельно. Иногда письмо-рецензию по поручению редакции подготавливает внешний рецензент.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ. ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

До 1 января 1968 г. порядок рецензирования определяла инструкция «Подготовка рукописи к изданию», утвержденная Министерством культуры СССР 13 мая 1955 г.

С 1 января 1968 г. эта инструкция утратила силу. Взамен инструкции «Подготовка рукописи к изданию» приказом Комитета по печати при Совете Министров СССР № 495 от 31 мая 1967 г. утверждено «Типовое положение о подготовке рукописи к изданию». В четвертом разделе «Типового положения», озаглавленном «Оценка рукописи издательством. Рецензирование», определен порядок рецензирования как договорных, так и бездоговорных рукописей, поступающих в издательство.

Уже на первом этапе издательской работы, при составлении плана редакционной подготовки, рецензирование используется широко и в различных формах, отзывы о рукописях дают издательские работники, внештатные рецензенты, члены редакционных советов, различные организации и консультанты. Рецензии помогают выявлять свежие таланты, освобождаться от случайных авторов, воспитывать авторов и работников издательства в духе высокой требовательности.

«Типовое положение» определяет порядок рецензирования в издательстве в общей форме.

У каждого издательства имеются свои особенности, которые вносят в общий порядок рецензирования рукописей те или иные изменения.

В издательствах с отраслевыми редакциями, подготавливающими рукописи по однородному и небольшому кругу вопросов, редакторы обычно хорошо осведомлены в своей области и обращаются к помощи рецензентов сравнительно редко, посылают на отзыв далеко не каждую рукопись. Так, например, обстоит дело в Издательстве политической литературы, где многие рукописи получают квалифицированную оценку без участия рецензентов. В этом издательстве ведущий редактор пишет развернутую рецен-

зию-заключение на каждую поступившую к нему рукопись, после чего решается вопрос о дальнейшей ее судьбе. Сложные рукописи обсуждаются в кругу опытных работников в главной редакции и на секциях. Рукописи, обобщающие опыт партийной работы, обязательно обсуждаются в организациях, явившихся предметом описания. Внеплановые рукописи в Политиздате (в это издательство их поступает сравнительно немного), как правило, просматриваются редактором по поручению заведующего редакцией, ими же решается вопрос об отклонении рукописи или дальнейшей работе над нею. Если рукопись непригодна, редактор пишет обоснованный отзыв. Если она представляет интерес, заведующий редакцией передает ее ведущему редактору для дальнейшей работы над нею.

В советских издательствах по выпуску учебной и научной литературы (в Издательстве Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, например) установилась следующая традиция оценки рукописи. Рукопись учебника поступает в издательство с двумя рецензиями. Рукопись и рецензии присылает соответствующий факультет. Рецензии принадлежат членам той кафедры, на которой учебник был написан. Рецензентами выступают профессора или преподаватели, не участвовавшие в составлении учебника. Издательство после просмотра рукописи главным редактором и заведующим редакцией посылает ее на дополнительное рецензирование — коллективному рецензенту (соответствующей кафедре другого высшего учебного заведения) и еще одному специалисту.

С четырьмя рецензиями рукопись передается ведущему редактору, и тот дает на нее заключение. После этого автор, при участии редактора, исправляет рукопись в соответствии с рекомендациями рецензентов и редакторского заключения и в письменной форме сообщает издательству о дополнительно проделанной работе, указывая, какие замечания им приняты, а какие отвергнуты. Рукопись, перед тем как она поступает на доработку, снова может быть послана на рецензию в двух случаях: 1) если из двух заказанных издательством рецензий одна содержит отрицательную оценку; 2) если автор не согласен с принципиальными замечаниями рецензентов. В том случае, когда дополнительная рецензия подкрепляет ранее высказанные мнения, издательство, как правило, предлагает автору доработать рукопись или расторгает с ним договор, если он отказывается сделать это.

Как можно видеть, оценка рукописи в издательствах учебной литературы сопровождается громоздкой процедурой. Сложность и ответственность учебной литературы требует и особого внимания, апробации ее крупными авторитетами, в том числе коллективами ученых.

Иная специфика рецензирования в издательстве «Наука». Здесь рукописи принимаются от научных учреждений в сопровождении двух рецензий. Одна из них составляется специалистами научного учреждения, приславшего рукопись, другая — специали-

стом, не работающим в данном учреждении (том или ином институте Академии наук). Поступившая в издательство рукопись, после ее просмотра и оценки заведующим редакцией, передается на редактирование. Если ведущий редактор находит, что рукопись к редакционной подготовке не пригодна, требует коренной переделки, он пишет соответствующую рецензию-заключение и, по согласованию с руководством издательства, возвращает ее на доработку. Если мнение редактора нуждается в подкреплении, работа передается на дополнительную рецензию специалисту по выбору издательства.

Суть не в том, чтобы свести к минимуму внешнеиздательское рецензирование, а в том, чтобы, учитывая его важность, использовать не механически и по стандарту, а с учетом обстоятельств, с пользой для дела в тех случаях, когда это действительно необходимо.

Редактор и рецензент

Оценкой рукописи занимаются редактор и рецензент. Редактор должен быть способен самостоятельно оценить рукопись. Невозможно редактировать будущую книгу, не имея суждения о ней, не дав ей оценки. Словом, важнейшую задачу оценки рукописи издательство решает прежде всего и в первую очередь с помощью редактора. Это предъявляет к нему повышенные требования.

Но редактор не универсальный специалист, и помощь консультанта ему необходима. Редактор прибегает к помощи специалиста, не складывая с себя ответственности, не отстраняясь от трудностей, не прячась за спину рецензента. Он не может слепо полагаться на внешний отзыв и пускать все на самотек. В § 39 «Типового положения о подготовке рукописи к изданию» сказано: «Привлечение к оценке рукописи внешнего «рецензента» не освобождает издательство от необходимости дать собственную оценку рукописи. Внешняя рецензия — лишь подсобный материал для такой оценки. Издательство может согласиться с рецензентом полностью, принять только часть его замечаний или вообще не согласиться с ним».

От отношения редактора к внешнему рецензированию зависит, сколь оно будет полезным и действенным. Недостатки появляются в этом деле, как только пренебрегают условиями нормального его ведения, в том числе необходимостью:

1) предварительно ознакомиться с рукописью, прежде чем послать ее консультанту на отзыв;

2) направить рукопись именно тому консультанту, который способен выполнить конкретную задачу наилучшим образом;

3) проявить к внешнему рецензенту должную требовательность и учесть его обоснованные оценки и рекомендации.

Нередко издательства направляют рукопись внешнему рецензенту, предварительно не ознакомившись с нею. Особенно это

касается внеплановых, «самотечных» рукописей. Во многих случаях достаточно редактору прочесть рукопись, чтобы оперативно, без затяжек и дополнительных расходов решить вопрос, как поступить с нею. Без знакомства редактора с рукописью трудно обеспечить «индивидуальный подход» к ней. Выбрать рецензента — серьезное дело. Даже располагая проверенным активом консультантов, выбрать из их числа самого подходящего можно только в том случае, когда знаешь, что́ представляет собой рукопись. Тогда же возможно поставить перед рецензентом конкретную задачу, разумеется, не навязывая ему своего мнения, для того чтобы его работа была более целенаправленной.

Предварительная оценка рукописи редактором, тщательный выбор рецензента, точное определение задачи, требовательность редактора к себе и к рецензенту — вот необходимые условия оперативного и высокого качества рецензирования и севершенствования работы редактора, повышения его квалификации, без чего редактор перестает быть той фигурой в издательстве, которой он призван быть.

Умелая организация предполагает также помощь редактору со стороны заведующего редакцией, главного редактора и директора издательства, выражающуюся в совете и контроле, в принципиальных и деловых указаниях, в обобщении опыта работы по оценке рукописей.

Внешний рецензент, в свою очередь, — отнюдь не нейтральная фигура, пассивно выполняющая задание издательства. Рецензент заботится о том, чтобы полезная рукопись увидела свет, чтобы ее ошибки и недостатки были своевременно устранены, а достоинства раскрыты глубже и полнее.

Его моральная обязанность представителя общественности не только высказывать полезные рекомендации, но и отстаивать их.

Коллективный рецензент. В работе издательств по отбору рукописей и улучшению их качества, а также по оценке изданной литературы все более заметную роль начинает играть коллективная рецензия — оценка рукописи коллективом ученых, практиков или читателей. Во многих случаях коллективная рецензия — необходимое условие подготовки полноценного издания и является обязательной. В Политиздате, издательстве «Наука», в «Высшей школе», в Издательстве МГУ и некоторых других она предусмотрена инструкцией или сложившейся практикой. Коллективная рецензия может принести большую пользу и тогда, когда она не рассматривается как обязательная, — не стоит недооценивать ее, тем более пренебрегать ею. Коллективная рецензия — выражение в отзыве, развернутом или кратком, единого мнения группы лиц или многостороннее суждение, записанное в стенограмме, нередко сопровождаемой обобщающим заключением, или просто стенограмма обсуждения без формулированного вывода — полезная помощь издательству со стороны практиков, научной или широкой общественности.

6. МЕТОДИКА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Рецензия — итог разносторонней работы, которая охватывает два этапа — подготовительный и основной. Эти этапы тесно связаны между собой. Основной не обязательно начинается только тогда, когда подготовительный уже пройден. При оформлении рецензии нередко возникает необходимость вернуться к подготовительной работе: еще и еще раз просмотреть рукопись, предварительные записи и пометки, что-то уточнить, дополнить или углубить. Все же, однако, это два самостоятельных этапа: нельзя браться за перо и писать отзыв без серьезных подготовительных усилий.

Подготовительная работа

Прежде чем писать отзыв о книге, надо изучить ее и сделать предварительный разбор. Не зная предмета, нельзя судить о нем. Казалось бы, это так очевидно, в особенности, когда речь идет об оценке литературного труда, что об этом не стоит и говорить. Однако в практике рецензирования бывают печальные случаи, когда отзыв оформляется на основе беглого ознакомления с рукописью. «...Рецензенты читают книги невнимательно, неумело и часто не понимают прочитанного», — отмечал М. Горький [1]. Не только беглого, но и простого ознакомления с рукописью недостаточно, когда требуется дать ей оценку и рекомендации автору и редактору.

Чтобы разбирать критически писателя, должно изучить его, говорил Белинский. Именно изучить — этого требует разбор любой рукописи. Изучить всесторонне, тщательно и глубоко, так, чтобы суждения и выводы рецензента опирались на точные и правильно понятые данные, характеризующие рукопись в ее деталях, совокупных частях и в ее целом. Самое первое условие — сосредоточенное, вдумчивое и неоднократное чтение. Правда, прочесть объемистую рукопись несколько раз от первой до последней страницы бывает затруднительно, а порой, по недостатку времени и иным причинам, просто невозможно. В таком случае приходится ограничиваться повторным чтением наиболее важных частей и мест рукописи. «Усиленное и повторяемое чтение», говоря словами Белинского, — вот что является первой и необходимой частью подготовительной работы и «обнимается» требованием «изучить рукопись».

Исключение могут составлять явно непригодные рукописи. Однако, читая рукопись, о которой сразу начинает складываться отрицательное мнение, не следует ослаблять внимания: необходимо проверить первое впечатление, чтобы не оказаться в плену у преходящего настроения и предвзятого суждения.

Усиленное и повторяемое чтение, возникшие в процессе его мысли и впечатления, частично закрепленные в записях и поме-

---

[1] Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 26, с. 225.

тах, дают основания для обстоятельного предварительного разбора. Преждевременно писать отзыв, пока у рецензента не сложился четкий образ критикуемого произведения и не определилось мнение о нем. В том чтобы оформить впечатления и составить мнение, и заключается задача предварительного разбора, который в записи фиксируется только отчасти и не обязательно в той манере и последовательности изложения, какая будет в рецензии. Первое впечатление и начальные суждения продумываются на основе знаний и опыта, которыми располагает рецензент, в соответствии с требованиями науки и практики. В процессе предварительного разбора (и в дальнейшем) возникает необходимость обратиться к соответствующим источникам — к произведениям классиков марксизма-ленинизма, к специальной литературе по основной или побочной теме рецензируемого произведения, к справочным изданиям (общим и специальным энциклопедиям, библиографическим указателям, словарям-справочникам и др.), — к источникам различного рода и значения, в зависимости от характера вопроса, возникшего у рецензента. Всегда может появиться необходимость обратиться за справкой или разъяснением в научные, учебные, производственные или творческие организации и к отдельным лицам, могущим дать авторитетную информацию или совет. Рецензент нуждается в оперативной, точной и вместе с тем весьма разнообразной информации, и он должен уметь быстро найти необходимую справку или источник.

Умение рецензировать предполагает библиографическую осведомленность: знание библиографических источников (книжных и журнальных летописей, указателей, справочников, каталогов и т. д.), умение ими пользоваться, систематическое ознакомление с ними. Рецензенту надо владеть техникой составления библиографии и методикой библиографических разысканий. Сколько и какие подготовительные усилия потребуются от рецензента, зависит от его квалификации, мастерства и степени сложности рецензируемой работы.

Для того чтобы подготовительный разбор не был отвлеченным, «академическим», важно ясно представить себе конкретную задачу рецензии. Задача может быть общей (обстоятельный разбор произведения) или частной (оценка отдельных его сторон) в зависимости от нужд издательства, и это важно учитывать, чтобы вся подготовительная работа была целеустремленной.

Написание рецензии

Когда рукопись изучена и предварительный разбор сделан, можно писать рецензию. Начинать следует с составления плана. План организует работу. Он нужен не сам по себе, а для того, чтобы работа по написанию рецензии не шла ощупью, чтобы заранее — пусть не окончательно — было решено, что́ именно и в каком порядке изложить в отзыве, используя материал предварительного разбора. План можно составить и держать в голове или

записать на листе бумаги — это дело индивидуального навыка. Но план нужен, как бы он ни изменялся в процессе работы. Хотя бы самый общий, но такой, чтобы он определял:

1) круг вопросов, освещая которые возможно с необходимой полнотой и убедительностью обрисовать рукопись, дать ей оценку, сделать рекомендации;

2) соотношение материала (что основное и что дополнительное);

3) последовательность его изложения.

При составлении плана продумывается содержание и построение рецензии. В процессе написания рецензии производятся поправки, дополнения, замысел уточняется, углубляется.

Требования к содержанию рецензии

Качество рецензии определяется прежде всего ее содержанием, тем более качество внутренней рецензии, практической по своему характеру. К содержанию рецензии предъявляется ряд требований. К числу основных требований относятся:

1) правильная научная, методологическая и политическая трактовка вопросов, обсуждаемых рецензентом;
2) принципиальность и объективность суждений;
3) взыскательность и определенность оценки;
4) обоснованность вывода и рекомендаций;
5) точность характеристик;
6) достоверность исходных данных, каждого примера и ссылки.

Требования к форме рецензии

Верная оценка и дельные замечания не всегда оказывают должное воздействие — многое зависит от того, ка́к рецензент выразил свое мнение. Хаотичное изложение, небрежные формулировки могут затемнить, даже исказить его мысль, туманность, чрезмерная усложненность или манерность слога — оставить его непонятым, погрешности в языке и стиле — пусть незначительные — вызвать сомнение в авторитетности отзыва, дать повод для иронических замечаний и препирательств.

Недостаток требовательности к форме критической оценки, невнимание к ней отрицательно сказываются на ее действенности, порождают заслуженные нарекания, умаляют значение рецензирования.

Работа над формой издательской рецензии не предполагает тех усилий, какие необходимы при написании рецензии для печати. Это не означает, что требования к форме издательской рецензии могут быть пониженными. Просто они иные, иного характера. Не столь обязательно добиваться от издательского рецензента, чтобы его отзыв отличался оригинальным построением или живостью изложения. Но надо требовать, чтобы замысел был выражен доходчиво и убедительно. Доходчивость и убедительность

отзыва зависят от его композиции, языка, аргументации и тона.

Каким бы своеобразием ни отличалось распределение материала по частям, связь этих частей и соотношение между ними — структура рецензии — должны быть четкими. Так, не следует разбрасывать однотипный материал, нарушать без надобности последовательность изложения, мельчить или раздувать части. Четкость важно сочетать с целенаправленностью. Например, в оценочной и рабочей рецензиях один и тот же материал обычно распределяется по-разному и соотношение частей бывает иным. Важнейшую часть рабочей рецензии составляют рекомендации. Четкость и целенаправленность построения предполагает выявление главного — случайное и второстепенное не должно занимать его место как в отзыве в целом, так и в его разделах.

Ясность и точность — неизменное требование к языку всякой литературной работы. Язык рецензента, разбирающего достоинства и недостатки рукописи, тем более рукописи художественного произведения, должен свидетельствовать не только о грамотности и умении выразить свою мысль, но и о большой культуре и эстетическом вкусе. Языковые погрешности, стилистические недостатки отзыва могут подорвать доверие к рецензенту и его выводам.

Аргументированный разбор, обоснованный вывод — необходимое условие хорошей рецензии. Но сделать отзыв доказательным — дело не простое. Недостатки в аргументации нередко связаны с общей трудностью доказательства в литературной критике. При оценке достоинств и недостатков литературного произведения не приходится прибегать к показаниям приборов. Их заменяет сила логического рассуждения, предполагающего известные истины, опирающаяся на факты.

Превосходные образцы аргументации дают рецензии В. И. Ленина. В рецензии на книгу Н. А. Рубакина «Среди книг», том II, вслед за характеристикой достоинств В. И. Ленин указывает на недостатки, прежде всего на «эклектизм автора». Он пишет:

«Первый недостаток стоит, пожалуй, в связи с курьезным предубеждением автора против «полемики». В предисловии г. Рубакин заявляет, что он «на своем веку никогда не участвовал ни в каких полемиках, полагая, что в огромнейшем числе случаев полемика — один из лучших способов затемнения истины посредством всякого рода человеческих эмоций». Автор не догадывается, во-1-х, что без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины. Автор забывает, во-2-х, что он хочет дать обзор «истории идей», а история идей есть история смены и, *следовательно, борьбы* идей» [1].

Аргументы В. И. Ленина лаконичны, выразительны и неопровержимы.

В письме к Инессе Арманд от 17 января 1915 г. (представляющем собой замечательный образец письма-рецензии), критикуя ее план брошюры для работниц, В. И. Ленин в четкой, наглядной форме раскрывает суть поднимаемой проблемы и таким образом обосновывает свое мнение:

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 112.

«План брошюры очень советую написать поподробнее. Иначе слишком многое неясно.

Одно мнение должен высказать уже сейчас:

§ 3 — «требование (женское) свободы любви» советую вовсе выкинуть.

Это выходит действительно не пролетарское, а буржуазное требование.

В самом деле, что̀ Вы под ним понимаете? Что *можно* понимать под этим?

1. Свободу *от* материальных (финансовых) расчетов в деле любви?
2. Тоже *от* материальных забот?
3. от предрассудков религиозных?
4. от запрета папаши etc.?
5. от предрассудков «общества»?
6. от узкой обстановки (крестьянской или мещанской или интеллигентски-буржуазной) среды?
7. от уз закона, суда и полиции?
8. от серьезного в любви?
9. от деторождения?
10. свободу адюльтера? и т. д.

Я перечислил много (не все, конечно) оттенков. Вы понимаете, конечно, не №№ 8—10, а или №№ 1—7 или *вроде* №№ 1—7.

Но для №№ 1—7 надо выбрать иное обозначение, ибо свобода любви не выражает точно этой мысли» [1].

Доводы, приводимые В. И. Лениным в доказательство своего мнения, отличаются еще одним примечательным свойством: они проникнуты живым чувством и выражают убежденность автора.

Далеко не всегда возникает необходимость для обоснования мнения обстоятельно разъяснять сущность обсуждаемого вопроса. Нередко бывает достаточно отметить достоинство или ошибку и сослаться при этом на авторитетный источник или неопровержимый факт.

В рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки», отмечая те места книги, которые требовали «исправления или дополнения», В. И. Ленин, в частности, указывает:

«Утверждение автора, что «за последние полвека» «прибыль возрастает гораздо быстрее ренты» (179), слишком смело. Не только Рикардо (против которого делает это замечание г. Богданов), но и Маркс констатирует общую тенденцию ренты к особенно быстрому росту при всех и всяких условиях (возможен даже рост ренты при понижении цены хлеба). То понижение хлебных цен (и ренты при известных условиях), которое вызвано в последнее время конкуренцией девственных полей Америки, Австралии и т. п., наступило резко лишь с 70-х годов, и примечание Энгельса в отделе о ренте («Das Kapital», III, 2, 259—260), посвященное современному земледельческому кризису, формулировано гораздо осторожнее. Энгельс констатирует здесь «закон» роста ренты в цивилизованных странах, объясняющий «удивительную живучесть класса крупных землевладельцев», и далее указывает лишь на то, что эта живучесть «постепенно исчерпывается ⟨...⟩» [2].

Способы и приемы аргументации многообразны. Степень самостоятельности суждения отчетливо сказывается в «стиле» аргументации.

Изучение критических работ и рецензий В. И. Ленина, выдающихся представителей науки, искусства, критики очень важно для совершенствования собственного опыта доказательной оценки рукописи.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 49, с. 51—52.

[2] Там же, т. 4, с. 41—42.

Рецензии В. И. Ленина поучительны во многих отношениях. Весьма полезно повнимательнее приглядеться к их построению, языку, аргументации, тону, к этим важным компонентам отзыва, от которых зависит его доходчивость и убедительность.

В тоне отзыва проявляется позиция рецензента и его отношение к разбираемому произведению и к автору. Автор критикуемой рукописи обычно остро чувствует тон отзыва и нередко тон задевает его сильнее, чем сама оценка его работы.

Подлинное искание и утверждение истины сопровождается живыми, искренними, сильными эмоциями. Тон равнодушия при оценке хорошего или плохого произведения — самый скверный тон. «Без «гнева» писать о вредном — значит, скучно писать», — говорил В. И. Ленин [1]. Можно сказать, что без «восторга» писать о полезном — также, значит, скучно писать. Не годны здесь благодушие и умиление, хорошо сильное и чистое чувство.

Тон отзыва непосредственно влияет на доказательность оценки. Приемы аргументации порой оказываются в прямой зависимости от взятого рецензентом тона. Безразличие сопровождается поверхностным суждением, заносчивость, высокомерие, безответственность — крикливостью, разносной хлесткостью.

Тон рецензии должен соответствовать оценке и соотноситься с конкретной общественной задачей, решаемой рецензентом.

Полнота характеристики и определенность суждения

По-разному отвечают на вопрос, следует ли в издательской рецензии, отрицательно оценивающей рукопись, не рекомендующей ее к изданию, останавливаться на ее достоинствах. Объективность и необходимость правильной оценки рукописи этого требует. Чернышевский справедливо говорил о «широком, беспредельном поле», которое «открывается тому, кто захочет доказывать слабость всех вообще произведений искусства» [2].

Полнота характеристики, разумеется, не гарантирует от односторонней оценки, но может предостеречь от нее. Чтобы не увлечься при обосновании отрицательного отзыва, надо иметь ясное представление о рукописи в целом. Кстати сказать, увидеть недостатки даже в хорошей рукописи и рассказать о них порой бывает значительно легче, чем убедительно раскрыть ее достоинства. Всесторонняя характеристика способствует объективности, помогает и самому рецензенту и читателю сделать правильный вывод и наиболее безболезненно решить вопросы, возникающие во взаимоотношениях издательства с автором. Требование полноты характеристики вовсе не означает, что надо действовать по принципу «с одной стороны и с другой стороны», а в общем «всем сестрам по серьгам». Определенность суждения — обязательное условие хорошей рецензии.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 48, с. 78.

[2] Чернышевский Н. Г. Эстетика. М. — Л., 1939, с. 54.

В 20—30-х годах в крупных советских издательствах распространенным видом отзыва о рукописи была небольшая по объему рецензия, обычно оценочная. Такие рецензии писали, например, Д. Фурманов — для Госиздата, П. Павленко, Э. Багрицкий — для издательства «Федерация».

Краткость отзывов была нормой. Так, Павленко писал иногда рецензии на бланке редсовета издательства, содержавшем три рубрики: «идеологическая оценка», «литературная характеристика», «общий вывод». Бланк был небольшого формата.

Столь же кратки многие издательские отзывы Эдуарда Багрицкого. Среди них рецензия на поэму Александра Твардовского «Путь к социализму».

«Мне кажется, что поэма Твардовского «Путь к социализму» единственное в настоящее время художественное произведение, в котором актуальная тема дана в настоящем поэтическом освещении. Абсолютная простота ее, разговорный язык, которым она написана, ритмическое разнообразие ее — все это делает поэму вещью (нужной необходимой) понятной [даже] массовому читателю. [Я очень хотел бы видеть ее напечатанной], и «Путь к социализму» должна быть напечатана, ибо это первый опыт настоящего серьезного подхода поэта к теме сегодняшнего дня» [1].

Рецензия Багрицкого — решительное «за», в этом ее пафос. В ней нет критических замечаний, нет рекомендаций.

Отсутствие в рецензии рабочей части характерно для кратких отзывов Багрицкого. Подавляющее их большинство написано на бланках издательства «Федерация», которые не содержали требования к рецензенту давать рекомендации о том, как исправить рукопись.

Рецензентские бланки Госиздата предусматривали такие требования. Формулируя замечания рецензентам, Фурманов писал: «Заключения делать определеннее, твердо указывая, что где править (если принимается)» [2].

Оценочная рецензия, дающая положительный отзыв о рукописи, обычно содержит так называемую рабочую часть. Однако нередко встречаются рецензии, в которых одобрение рукописи не сопровождается деловыми советами и рекомендациями или эти советы и рекомендации даны как необязательные. Бывают случаи, когда издательство может и не требовать от рецензента, одобряющего рукопись, предложений об улучшении ее качества. Но, как правило, оценочная рецензия с положительным выводом должна содержать необходимые предложения.

Существует мнение, что в рабочей рецензии не следует давать характеристики достоинств и недостатков рукописи. Это мнение подкрепляется распространенной практикой. Однако рекомендации рецензента, если они не опираются на целостное представление

---

[1] Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького, ф. 33, № 11-89-2. В квадратные скобки заключены слова, зачеркнутые автором.

[2] Там же, ф. 30, № 11-62-1549.

о рукописи, легко могут оказаться односторонними и неправильно ориентировать автора и редактора. Для того чтобы не отклониться в сторону, не увлечься частностью, что бывает нередко, важно точно знать, в чем истинные достоинства произведения и каковы его слабые стороны. И важно оценочную часть не только держать в голове, но сформулировать на бумаге. Тогда, опираясь на целостное представление о рукописи, исходя из него, можно лучше наметить и направление доработки и основные ее моменты.

Характеристика достоинств и недостатков в рабочей рецензии может быть обобщающей и краткой. Нет нужды развертывать эту характеристику, достаточно сформулировать самую суть.

Главное в рабочей рецензии — определить направление доработки. Как бы ни были метки и полезны замечания по исправлению отдельных мест рукописи или стилистических ее погрешностей, эти замечания не составят целостной рабочей рецензии сами по себе и смогут быть должным образом поняты и учтены автором и редактором при условии, когда ясен общий характер доработки.

Однако общие указания относительно доработки рукописи, убедительно аргументированные, определяющие направление этой доработки, должны сопровождаться конкретными предложениями. В рецензию следует включать наиболее существенные замечания, учитывающие типичные недостатки рукописи. Не надо загружать рецензию частностями, «мельчить» ее и дробить впечатление от нее. Рецензент может дать в виде приложения список постраничных замечаний. Наконец, рецензент использует для своих замечаний поля и текст рукописи.

Стремление рецензента к обстоятельности, положительное само по себе, должно сопровождаться другими еще более важными достоинствами — дельностью и убедительностью суждения. Нередко рецензии разбухают от общих мест и частных замечаний. Обычный объем рецензии — 6—8 машинописных страниц. Объем рецензии зависит от сложности рукописи, практической задачи и индивидуальных особенностей рецензента.

Рецензирование — дело творческое, его нельзя подчинить схеме. Достаточно бывает обстоятельно рассмотреть наиболее важную сторону рукописи, чтобы дать ей убедительную оценку и решить вопрос об ее издании. И было бы дурным академизмом требовать от рецензента, чтобы он рассматривал произведение точно в соответствии с учебником по теории литературы, охватывая все стороны содержания и формы. Важно, чтобы рецензент, руководствуясь требованиями, предъявляемыми к советской критике, дал объективное, правильное представление о рукописи, имея в виду решение практической задачи. Какой бы развернутой ни была рецензия, она не сможет досконально разобрать, охарактеризовать и оценить все стороны произведения. Отбор неизбежен. Задача сводится к тому, чтобы этот отбор позволил правильно оценить рукопись.

В зависимости от вида литературы перед рецензентом возникает свой, особый круг вопросов.

Тот, кто рецензирует рукопись научной книги, выясняет ее научную содержательность и ценность, то новое, что вносит она в науку, верно ли методологически разрабатывается тема, творчески ли применяется марксистско-ленинское учение, какое место намечаемая к изданию рукопись может занять в ряду книг на ту же тему и другие существенные вопросы. Принципиальным является требование в печатной рецензии на научную книгу сочетать критический разбор с творческой разработкой проблем, освещаемых в рецензируемом труде. К издательской рецензии этого требования обычно не предъявляют. Однако издательская рецензия глубоким разбором рукописи научной книги, интересной постановкой вопросов, полемикой, рекомендациями может помочь и нередко прямо или косвенно способствует творческой разработке научных проблем.

Методические рекомендации и советы следует воспринимать в связи с опытом рецензирования в издательствах и стоящими перед ними задачами, имея в виду, что критический разбор и оценка литературно-художественного или научного произведения — дело творческое.

Рецензированию отводится видная роль в осуществлении ответственных задач, поставленных перед издательствами партией и Советским государством.

ЛИТЕРАТУРА

Ко всем главам

Маркс К. и Энгельс Ф. О печати. Сб. М., Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963.

Ленин о печати. М., Госполитиздат, 1959.

Ленин — журналист и редактор. М., Госполитиздат, 1960.

Ленин и книга. М., Политиздат, 1964.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1968.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971.

О литературно-художественной критике. Постановление ЦК КПСС. — «Правда», 1972, 25 янв.

К главе первой

Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 1, с. 188.

Об издательской работе. Постановление ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. — В кн.: Советская печать в документах. М., Госполитиздат, 1961, с. 329—331.

Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы информатики. М., «Наука», 1968.

Проблемы информации в печати. Очерки теории и практики. Гл. 7 — Информационные жанры. Основа их дифференциации. М., «Мысль», 1971, с. 155—167.

Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества. М., «Изд-во МГУ», 1968, с. 3—8, 19—42.

К главе второй

Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 2, с. 435—470.

Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 4, с. 240—273.

Ленин В. И. Письмо «Северному союзу РСДРП». — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 6, с. 360—370.

Ленин В. И. Что делать? — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 6, с. 54—78, 147—151.

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 18, с. 379—380.

Ленин о пропаганде и агитации. М., Госполитиздат, 1956.

О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС. — «Правда», 1972, 22 февраля.

Боровиков В. И., Попович И. В. Современные проблемы политической информации и агитации. М., «Мысль», 1969, 119 с.

Ефимов А. Г., Поздняков П. В. Научные основы партийной пропаганды. М., «Мысль», 1966.

Калинин М. И. О некоторых вопросах агитации и пропаганды. — В кн.: Калинин М. И. О корреспондентах и корреспонденциях. М., Госполитиздат, 1958, с. 142—154.

Менделеев А. Г. Социально-психологические проблемы печатной агитации. — В кн.: Вопросы теории и практики массовых средств пропаганды. Вып. 3. М., «Мысль», 1970, с. 257—290.
Опыт подготовки и выпуска общественно-политической литературы в свете требований XXIV съезда КПСС. — «Издательское дело. Книговедение», 1971, № 12.
Проблемы социальной психологии и пропаганда. М., Политиздат, 1971.
Прошунин Н. Ф. Сила Ленинского слова. М., Политиздат, 1969.
Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества. М., Изд-во МГУ, 1968.
Цейтлин А. Г. Стиль Ленина-публициста. М., «Наука», 1969.
Черепахов М. С. Проблемы теории публицистики. М., «Мысль», 1971.

К главе третьей

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 36, с. 147.
Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 36, с. 192.
Ленин В. И. О характере наших газет. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 37, с. 89—91.
Ленин В. И. Тезисы о производственной пропаганде. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 42, с. 14—16.
Былинский К. И. и Зарва М. В. О языке массовой литературы. Главиздат Мин. культуры СССР, 1957.
Громов В. А. и Гудков Г. А. Иллюстрации в технической книге. М. — Л., Машгиз, 1960.
Каплан Г. Д. Редактирование отраслевой литературы. М., «Искусство», 1961.
Кобрин Б. Успех сельскохозяйственной книги. Из практики редактора. — В кн.: Редакторы книги об опыте своей работы. Вып. 2. М., «Искусство», 1960, с. 45—116.
Кобрин Б. Редактор отраслевой книги. — В кн.: Редактор и книга. Вып. 4. М., «Искусство», 1963, с. 111—154.
Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., Изд-во АН СССР, 1961.
Мильчин А. Э. и Штейнгардт М. Д. Редактирование таблиц. М., «Искусство», 1958.
Почечуев А. Н. Техника редактирования. М., «Искусство», 1962.
Юдин Н. Е. Вопросы редактирования производственно-технической литературы. — В кн.: Вопросы организации и методики научно-технической информации и пропаганды. М., Изд-во ГНТК Совета Министров СССР, 1960, с. 365—378.

К главе четвертой

Ленин В. И. О журнале «Свобода». — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 5, с. 358—359.
Ленин В. И. Г. М. Кржижановскому. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 40, с. 62—63.
Ленин В. И. Тезисы о производственной пропаганде. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 42, с. 14—16.
Ленин В. И. Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». — Полн. собр. соч., Изд. 5, т. 45, с. 51—52.
Волков Г. Социализм, человек и научно-техническая революция. — «Коммунист», 1971, № 14, с. 37—48.
Горький М. О том, как надобно писать для журнала «Наши достижения». — Собр. соч. в 30-ти т., т. 25. М., Гослитиздат, 1953, с. 53—62.
Лазаревич Э. А. Искусство популяризации. М., Изд-во АН СССР, 1960.

Лазаревич Э. А. В. И. Ленин и проблемы популяризации науки. — В кн.: Журналистика и литература. М., Изд-во МГУ, 1971, с. 23—29.
Лазаревич Э. А. Научно-техническая революция и журналистика. — «Вестник Московского университета», серии «Журналистика», 1971, № 2, с. 12—24.
Лихтенштейн Е. С. Редактирование научной книги. М., «Искусство», 1967, с. 227—254.
Наука и журналист. М., Изд-во МГУ, 1970.
Ученова В. В. Популяризация науки в периодической печати. М., Изд-во МГУ, 1968.

К главе пятой

Ленин В. И. — А. В. Луначарскому. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 51, с. 121—122.
Ленин В. И. — М. Н. Покровскому. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 51, с. 192.
Ленин В. И. — Е. А. Литкенсу — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 52, с. 178.
Ленин В. И. — Е. А. Литкенсу. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 52, с. 198—199.
Методические указания для редактора БСЭ. М., 1969.
Дробинский А. И. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и энциклопедическая литература. М., 1958.
Кауфман И. М. Словари и энциклопедии. Библиографический указатель. М., 1937.
Кауфман И. М. Русская энциклопедия. Вып. 1. М., 1960.
Мещеряков Н. Энциклопедии советские. БСЭ, изд. 1, т. 64, ст. «Энциклопедия».
Петров Ф. Н. Первые советские энциклопедии. — В сб.: Книга. Исследования и материалы, т. 3. М., 1960.
Шмушкис Ю. Е. В. И. Ленин и социал-демократическая справочная литература в России. — В сб.: Книга. Исследования и матерaлы, т. 20. М., 1970.
Шмушкис Ю. Е. Особенности подготовки энциклопедических изданий. — В сб.: О редактировании книги. М., 1959.

К главе шестой

Об учебниках для начальной и средней школы. Из Постановления ЦК ВКП(б) от 12 февр. 1933 г. — В кн.: О партийной и советской печати. М., Изд-во «Правда», 1954, с. 435—436.
Высшая школа. Сб. осн. постановлений, приказов и инструкций, ч 1. М., «Высшая школа», 1965.
Беспалько Ж. А. Научные основы редакторского анализа технического учебника. — «Издательское дело. Книговедение», 1968, № 1, с. 29—31.
Гончарова Н. А. Иллюстрации в учебной книге. — «Книга. Исследования и материалы», 1969, сб. 18, с. 109—116.
Гриф Л. Л. Примеры в техническом учебнике. — «Вестник высшей школы», 1952, № 5, с. 81—84.
Гриф Л. Л. Учебник и развитие самостоятельного мышления. — «Вестник высшей школы», 1953, № 5, с. 91—93.
Малибог А. Г. Программированное обучение. М., «Высшая школа», 1967.
Менчинская Н. А. Психологические требования к учебнику. — «Известия АПН РСФСР», 1955, вып. 63, с. 141—168.
Кузин Ф. А. Основные критерии редакторской оценки учебных книг для профессионально-технического образования. — «Издательское дело. Книговедение», 1970, № 4, с. 20—22.
Общие рекомендации по составлению новых учебников. М., 1968 (АПН РСФСР. Ин-т общего и политехн. образования).
Перовский Е. И. Методическое построение и язык учебника для средней школы. — «Известия АПН РСФСР», 1955, вып. 63, с. 119—141.

К главе седьмой

Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве, т. 1—2. М., «Искусство», 1967.

Ленин В. И. О литературе и искусстве. Изд. 4. М., «Художественная литература», 1969.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971.

О литературно-художественной критике. Постановление ЦК КПСС. — «Правда», 1972, 25 янв.

Горький А. М. О прозе. — Собр. соч. в 30-ти т., т. 26. М., Гослитиздат, 1953, с. 387—408.

Горький А. М. О том, как я учился писать. — Там же, т. 24, с 466—499.

Горький А. М. По поводу одной дискуссии. — Там же, т. 27, с. 138—141.

Иванов В. Коммунистическая партийность — важнейший принцип художественной критики. — «Коммунист», 1968, № 9.

Костелянец Б. О. Творческая индивидуальность писателя. Л., «Советский писатель», 1960.

Летов Б. Д. В. Г. Короленко — редактор. Л., Изд-во ЛГУ, 1961.

Максимова В. А. Горький — редактор (1918—1936). М., «Наука», 1965.

Померанцева Г. Е. О работе с автором. — В сб.: Редакторы книги об опыте своей работы. Вып. 2. М., «Искусство», 1960.

Рождественская К. За круглым столом. Записки редактора. Пермь, Пермское книжное изд-во, 1960.

Столович Л. Ленин и проблема художественной ценности. — «Вопросы литературы», 1969, № 10.

Твардовский А. Т. Статьи и заметки о литературе. Изд. 3. М., «Советский писатель», 1972.

Фадеев А. А. За тридцать лет. Избранные речи и письма о литературе и искусстве. Изд. 2. М., «Советский писатель», 1959.

Федин К. А. Писатель, искусство, время. М., «Советский писатель», 1961.

Фортунатов Н. Творческий процесс и читательское восприятие. — В сб.: Содружество наук и тайны творчества. М., «Искусство», 1968.

Черепахов М. С. Работа над очерком. Изд. 2. М., Изд-во МГУ, 1966.

Шлюпер Е. В. Постраничные примечания редактора. — В сб.: О редактировании книги. М., «Искусство», 1959.

Шумский А. М. М. Горький и советский очерк. М., «Советский писатель», 1962.

К главе восьмой

Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. М., «Просвещение», 1971.

Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М. — Л., «Наука», 1964.

Основы текстологии. Под ред. В. С. Нечаевой. М., Изд-во АН СССР, 1961.

Прохоров Е. И. Текстология (принципы издания классической литературы). М., «Высшая школа», 1966.

Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., «Просвещение», 1970.

Текстология произведений советской литературы. Вопросы текстологии. Вып. 4. М., «Наука», 1967.

Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2. М., «Искусство», 1959.

К главе девятой

Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 12, с. 99—105.

Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 17, с. 206—213.

Ленин В. И. Толстой и пролетарская борьба. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 70—71.

Ленин В. И. Л. Н. Толстой. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 19—24.
Ленин В. И. Памяти Герцена. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 255—262.
Ленин В. И. Рецензия. Н. А. Рубакин. Среди книг. — Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 111—114.
Белинский В. Г. Стихотворения Владимира Бенедиктова. — Полн. собр. соч., М., 1959; т. 1, с. 354, 355—371; т. 2, с. 208—209, 420—423; т. 6, с. 493—496.
Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. — Там же, т. 10, с. 279—359.
Горький А. М. О начинающих писателях. — Собр. соч. в 30-ти т., т. 24, с. 412—422.
Горький А. М. О литературной технике. — Там же, т. 26, с. 329—336.
Пушкин А. С. О критике. — В сб.: «Пушкин — критик». М., Гослитиздат, 1950, с. 242.
Салтыков-Щедрин М. Е. Стихотворения К. Павловой. — В сб.: «М. Е. Салтыков-Щедрин. О литературе и искусстве». М., «Искусство», 1953, с. 74—79.
Чернышевский Н. Г. Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого. — Полн. собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1947, с. 421—431.
Типовое положение о подготовке рукописи к изданию. М., «Книга», 1967 (Комитет по печати при Совете Министров СССР), с. 12—15.

УКАЗАТЕЛЬ*

* Настоящий указатель объединяет два указателя — предметный и именной и отражает весь текст книги, кроме предисловия и списка литературы.

Слова «Редактор», «Редактирование» в качестве ведущих слов рубрик не употребляются, поскольку книга целиком посвящена вопросам редактирования. Ссылки к тексту даны на страницы учебника, где приводятся имена отдельных лиц и вводятся те или иные термины, а также раскрываются существенные стороны смысла этих терминов. Алфавитное расположение материала в указателе — «слово за словом».

Указатель составил Э. Л. Призмент.

И

К

Л

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава шестая. **Редактирование учебной литературы**

Глава седьмая. **Редактирование художественных произведений современных авторов**

Глава восьмая. **Работа редактора при подготовке к изданию текстов писателей-классиков**

Глава девятая. **Рецензирование в издательстве**

Под ред. проф. Н. М. Сикорского

РЕДАКТИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Редактор Т. А. Кондратьева. Переплет художника Б. А. Школьника. Художественный редактор Н. Е. Ильенко. Технический редактор Г. Г. Киселева. Корректор Е. К. Штурм.

А-01248. Сдано в набор 21/V-73 г. Подп. к печати 19/IX-73 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 2. Объем 21 печ. л. Уч.-изд. л. 24,78
Изд. № РЛ-136. Тираж 20 000 экз. Цена 1 р. 08 к. Зак. 838
БЗ-14-29 от 20/II-73 г.

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

1р.08к.